

КНИГА УЖАСОВ

С. Кинг
Б. Ходж
Д. Этчисон
Й. Линдквист

Л. Татл
Р. Шерман
Д. Саттон
Р. Кэмпбелл
и другие...

18+

КНИГА УЖАСОВ

Составитель **Стивен Джонс**

КНИГА УЖАСОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)-44+84(4Вел)-44
К53

A BOOK OF HORRORS

Edited by Stephen Jones

*Печатается с разрешения издательства
Quercus Editions Ltd (UK)*

К53 Книга ужасов : [антология] / авт.-сост. Стивен Джонс ; [пер. с англ. Е. Кононенко] — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 512 с. — (Серия: Темная башня)

ISBN 978-5-17-090642-0

Стивен Джонс, известный составитель хоррор-антологий, предлагает вашему вниманию великолепную коллекцию жутких историй. Необъяснимое, странное, леденящее кровь и пугающее до дрожи — все виды ужаса собраны под одной обложкой. Бессонные ночи и мечущееся в панике воображение — вот что ожидает тебя, отважный читатель.

Плеяда классиков ужаса — Стивен Кинг, Деннис Этчисон, Юн Айвиде Линдквист и многие другие выступают на этих страницах как авторы короткой прозы. Четырнадцать новелл — четырнадцать историй о том, чего стоит бояться.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Сое)-44+84(4Вел)-44

Selection and Editorial material Copyright

© Stephen Jones, 2011

© Е. Кононенко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-090642-0

Посвящается

*Рэмси Кэмпбеллу, Деннису Этчисону,
Чарльзу Л. Гранту, Дэвиду А. Саттону
и Карлу Эдварду Вагнеру
с благодарностью за то, что научили меня,
как делать лучшую работу в мире.*

Предисловие

Что случилось с жанром ужасов?

Что случилось с жанром хоррор?

Что произошло с грозными монстрами, злобными вампирами, несущими смерть оборотнями, ужасными привидениями и ожившими мумиями?

Сегодня те, кто раньше внушал только страх, демонстрируют романтические стороны своей природы: оборотни работают под прикрытием правительственных организаций, призраки занялись частными расследованиями, а ходячие мертвецы попивают чай в великосветском обществе из романов Джейн Остин.

Они уже не те канонические, внушающие страх персонажи из нашего детства. Это совсем не те Порождения Тьмы, которые в течение веков пугали многие поколения читателей, бесчисленное количество раз загоня малышей под одеяло и заставляя их читать книги и комиксы при свете фонарика.

В современном мире ужасы стали «не очень ужасными». Издатели называют этот тип художественной литературы, пользующийся успехом у читателей, по-разному: «паранормальный любовный роман», «городское фэнтези», «чтиво» и даже «стимпанк».

Было бы странно отрицать, что есть любители подобной литературы, но большая ее часть не предназначена для читателей традиционных книг ужасов. Эта аудитория не заинтересована в том, чтобы ее изысканно пугали во время чтения или заставили думать над особо волнующими моментами какой-нибудь истории после того, как книга закончится. И в этом не было бы ничего страшного, если бы издатели и книготорговцы не узурпировали рынок традиционного хоррора, наводняя его доступной литературой, ориентированной на среднего читателя.

Итак, настало время возродить жанр хоррор для тех, кто понимает и ценит страшные истории.

Мы надеемся, что «Книга ужасов» послужит этой цели.

Как известно всем, кто прочел хотя бы одну мою книгу, мои критерии оценки того, что делает книгу ужасов выдающейся, весьма широки. Это не значит, что абсолютно все истории понравятся каждому читателю. Я просто попытался донести до вас наиболее широкую палитру рассказов наиболее интересных современных писателей, приверженных этому жанру и исследующих разные грани того, что нам так нравится называть «хоррором».

Значит ли это, что здесь нет места юмору? Конечно, нет. Это можно легко проверить, прочитав беспощадно ужасное «Недопонимание» Рэмси Кэмпбелла, пугающий, но веселый рассказ «Алиса в занавесье» Роберта Ширмена, истории о более традиционных монстрах («Маленький зеленый бог страданий» Стивена Кинга и «Привидения с зубами» Питера Краутера), классические рассказы о привидениях («Музыка Бенгта Карлссона, убийцы» Юна Айвиде Линдквиста и «Детская задачка» Реджи Оливера), и, наконец, современный

супернатуралистический триллер («Человек в придорожной канаве» Лизы Татл и «Что-то печальное и темное» Майкла Маршалла Смита), а также пару жутких мифологических историй («Трут, огниво и кремь» Кэтлин Р. Кирнан и «Припасть к корням» Брайана Ходжа), а еще лиричные, талантливо написанные сказки: «Дочь гробовщика» Энджелы Слэттер, «Скажи мне, что я снова тебя увижу» Денниса Этчисона и прекрасную новеллу Элизабет Хэнд «Рядом с Зеннором». А заканчиваем мы мрачной волнующей историей с подходящим случаю названием «Последние слова» Ричарда Кристиана Мэтисона.

Большинство тех, чьи рассказы включены в этот сборник, экспериментировали с формой, объемом и композицией, чтобы сделать свои произведения более соответствующими настоящему моменту, но были и те, кто продолжает работать в старой манере и представляет на суд читателей ужасы прямолинейно, добиваясь наибольшего эффекта.

Каковы бы ни были ваши страхи, мы уверены, что вы встретитесь с ними на страницах этой книги. И если вам понравятся собранные здесь истории, тогда и вы сможете сказать, что внесли свой вклад в дело возрождения современной литературы ужасов.

Добро пожаловать в «Книгу ужасов» — время ночных кошмаров пришло...

*Стивен Джонс
Лондон, Англия
Июнь 2011 г.*

Стивен Кинг

Маленький зеленый бог страданий

— Это была авиакатастрофа, — сказал Ньюсом.

Сидевшая у кровати Кэтрин Макдональд в этот момент закрепляла аппарат ЧЭНС¹ на его тощей ноге чуть ниже баскетбольных шорт, которые он теперь всегда носил, и даже не подняла головы.

Она очень старалась, чтобы ее лицо ничего не выражало. Она лишь предмет обстановки в этом огромном доме, в просторной спальне, где проходит большая часть рабочего дня, и это ее устраивает. Как известно всем служащим мистера Ньюсома, привлекать к себе его внимание обычно себе дороже. Но думать-то ей никто не запрещает. *Сейчас ты им скажешь, что катастрофа произошла по твоей вине. Ведь ты считаешь, что будешь выглядеть героем, взяв на себя ответственность.*

— Вообще-то, — продолжил Ньюсом, — катастрофа случилась из-за меня. Не так туго, Кэт, пожалуйста.

Можно было ему напомнить, что она так и делала в самом начале своей работы и что воздействие

¹ ЧЭНС — чрескожная электронейростимуляция нервов. *Здесь и далее прим. переводчика.*

ЧЭНС при неплотном соприкосновении с поврежденными нервами, для лечения которых он предназначен, ослабевает. Но Кэтрин быстро училась. Она слегка ослабила липучку, произнося про себя: *«Пилот предупредил, что над Омахой гроза»*.

— Пилот предупредил меня, что в этом районе гроза, — проговорил Ньюсом. Оба мужчины внимательно слушали. Дженсен уже не в первый раз, но как не быть внимательным слушателем, если рассказчик — один из шести самых богатых людей не только в Америке, но и во всем мире. Трое из пяти других мегабогачей — черные парни в балахонах, разъезжающие в бронированных «Мерседесах».

Она снова мысленно произнесла: *«Но я сказал ему, что эта встреча категорически необходима»*.

— Но я сказал ему, что эта встреча категорически необходима, — продолжил Ньюсом.

Человек, сидевший рядом с персональным помощником Ньюсома, ее заинтересовал. В антропологическом смысле. Его звали Райдаут. Это был высокий и очень худой мужчина лет шестидесяти в простых серых брюках и белой рубашке, застегнутой на все пуговицы до самой шеи, костлявой и выбритой до красноты. Кэт предположила, что он переусердствовал, готовясь к встрече с номером шесть в списке самых богатых людей в мире. Под стулом лежал единственный предмет, который он захватил с собой на встречу, длинная черная коробка для завтраков с выступом на крышке, видимо для термоса. Обычная коробка обычного служащего, хотя вообще-то выглядел он как священник. Райдаут не произнес еще ни слова, но Кэт и не требовались уши, чтобы понять, кто он такой. Уж очень он был похож на обыкновенного шарлатана. За пятнадцать лет работы

с пациентами, страдающими от болевого синдрома, она на таких насмотрелась. Этот хоть хрустальных шаров с собой не прихватил.

А теперь расскажи им, что на тебя снизошло откровение, подумала она, переставляя свой стул к другой стороне кровати. Ножки были на колесиках, но Ньюсому не нравился звук, с которым они катятся по полу. Будь на его месте другой пациент, она бы сказала, что перетаскивание стульев не значит в ее контракте, но когда тебе платят пять тысяч долларов в неделю за несложные процедуры, благоразумнее держать рот на замке. Кстати, что нужно выносить и мыть за ним судно, в контракте тоже прописано не было. В последнее время она чувствовала, что ее терпение истончается, как ткань рубашки, которую без конца носят и стирают.

Ньюсом продолжал рассказывать, обращаясь главным образом к тому, кто был одет как деревенщина, приехавший в город.

— Я лежал под дождем на взлетной полосе, среди горящих обломков самолета стоимостью сорок миллионов долларов, в одежде, превратившейся в лохмотья — такое случается после того, как вас протаскает метров двадцать-тридцать по асфальту, — и вдруг на меня снизошло озарение.

Даже не одно, а целых два, продолжала про себя Кэт, затягивая второй ЧЭНС на тощей, дряблой, обезображенной шрамами ноге.

— Даже не одно, а целых два. Первое — что очень хорошо быть живым. Хотя уже тогда, до того, как боль, ставшая за последние два года моим постоянным спутником, стала прорываться сквозь шок, я понимал, что очень серьезно ранен. И второе: слово «необходимость» потрепано многими людьми,

включая меня самого. Есть лишь две необходимости. Первая — сама жизнь, вторая — свобода от боли. Вы согласны, отец Райдаут?

И прежде, чем Райдаут успел согласиться (а что еще ему оставалось?), Ньюсом хриплым раздраженным старческим голосом закричал:

— Черт бы тебя побрал, Кэт, не так туго! Сколько раз повторять?

— Простите, — пробормотала она и ослабила ремень. *И зачем я вообще пытаюсь это делать?*

В спальню с кофейным подносом вошла Мелисса, она выглядела очень опрятно в белой блузке и белых же брюках с высоким поясом. Дженсен взял чашку кофе и пару пакетиков сахарозаменителя. Гость, этот так называемый задрипанный «священник», лишь покачал головой. Не иначе как у него в термосе плещется кофе, сваренный на святой воде. Кэт ничего не предложили. Если ей хотелось кофе, она пила его на кухне вместе с прислугой. Или в летнем домике... только сейчас было совсем не лето. Стоял ноябрь, и ветер гнал по окнам струйки промозглого дождя.

— Вас перевернуть, мистер Ньюсом, или вы предпочитаете, чтобы я удалилась?

Уходить ей не хотелось. Она много раз слышала эту историю про необходимость, авиакатастрофу, про то, как Эндрю Ньюсома выбросило из горящего самолета, про многочисленные переломы, поврежденный позвоночник и вывернутую шею, и — самое главное — про невыносимые страдания последних двух лет, к описанию которых он очень скоро приступит. Ей было скучно, но вот Райдаут ее заинтересовал. Раз уж все проверенные способы облегчения боли испробованы, пришла очередь шарлатанов.

Райдаут — первый из них, и Кэт было интересно, как парень, похожий на деревенщину, поможет Эндрю Ньюсому избавиться от изрядной кучи наличных. Или попытается. Ньюсом явно не дурак, если сумел заработать такую уйму денег, хотя он уже не тот, что был раньше; и неважно, насколько реальна та боль, которую он испытывает. По этому поводу Кэт имела собственные соображения, но держала их при себе, ведь это была лучшая работа в ее жизни. По крайней мере, с точки зрения зарплаты. Если Ньюсому хочется и дальше страдать — это его выбор.

— Давай, милая, заведи меня, — говоря это, он слегка поиграл бровями. Когда-то этот жест можно было принять за флирт (Кэт считала, что Мелисса больше подкована в этом вопросе). Сейчас его брови выглядели неопрятными кустиками седых волос, приводимыми в движение мышечной памятью.

Кэт воткнула провода в пульт управления и щелкнула выключателем. При правильном подключении ЧЭНС воздействовал на мышцы Ньюсома слабым электрическим током. Возможно, эта терапия и давала небольшую положительную динамику, но почему, и не было ли это эффектом плацебо, сказать никто не мог. Сегодня вечером это точно никакой пользы Ньюсому не принесет. С такой слабой натяжкой ЧЭНС — не более чем вибратор. Хотя и очень дорогой.

— Можно мне...?

— Останься! — прикрикнул он. — Занимайся лечением!

Раненный в битве лорд приказывает, подумала Кэт, *я подчиняюсь.*

Она нагнулась и достала из-под кровати шкатулку с мелочами, которые некоторые ее прошлые пациенты называли «орудиями пыток». Дженсен и Райдаут

не обращали на нее никакого внимания, продолжая смотреть на Ньюсома. А тот, невзирая на сошедшие или не сошедшие на него откровения, продолжал наслаждаться тем, что находится в центре внимания.

Он рассказал, как очнулся в подобии металлического кокона. Обе ноги и одну руку зажимали специальные стальные рамки — фиксаторы — для обездвиживания суставов, скрепленных сотней стальных спиц (на самом деле их было всего семнадцать; Кэт видела рентгеновские снимки). Фиксаторы были установлены на раздробленные бедренные, большие и малые берцовые, плечевую, лучевую и локтевую кости. Спину от верхней части бедер до самого затылка покрывал похожий на кольчугу корсет. Ньюсом вспоминал о бессонных ночах, которые тянулись для него не часами, а годами. О невыносимых головных болях. О том, что простое шевеление пальцами ног вызывало мучительную судорогу всего тела до самой челюсти. И когда доктора просили его подвигать ногами в фиксаторах и остальных железяках для восстановления двигательных функций, боль была настолько невыносимой, что напоминала пытку. Рассказал о пролежнях и о муках, которые испытывал, когда медсестры переворачивали его на бок, чтобы их обработать.

— За последние два года я перенес дюжину операций, — сообщил он мрачно с плохо скрываемой гордостью. На самом деле Кэт знала, что их было всего пять, причем во время двух ему просто сняли фиксаторы со сросшихся костей. Разве что считать за операцию процедуру по выправлению пальцев. Тогда их было шесть, но она не считала хирургической операцией то, что требует лишь местного наркоза. В таком случае она сама перенесла добрую дюжину хирурги-

ческих вмешательств, сидя в кресле у дантиста рядом с воющей бормашиной.

Теперь переходим к лживым обещаниям, подумала она, подкладывая гелевую подушку под его правое колено и прижимая обеими руками бутылки с горячей водой к внутренней части правого бедра. *Идем дальше...*

— Доктора обещали мне, что боль будет ослабевать, — продолжил Ньюсом, — что через шесть недель наркотики мне будут требоваться лишь до и после сеансов физиотерапии с моей Королевой Боли. Что к лету 2010 года я снова начну ходить. *К прошлому лету.* — Он сделал выразительную паузу. — Отец Райдаут, эти обещания оказались ложью. Мои колени почти не сгибаются, боль в ногах и спине не поддается описанию. Доктора... А-а! О-о! Кэт, прекрати!

Она согнула его ногу под углом от силы десять градусов, ну, может, чуть больше. Недостаточно, чтобы подложить подушку.

— Опусти сейчас же! Опусти, черт бы тебя побрал!

Кэт отпустила колено, и нога вернулась на больничную кровать. Всего десять градусов, от силы двенадцать, а шуму-то! Иногда у нее получалось добиться пятнадцати градусов, а с левой ногой, которая вела себя чуть лучше, целых двадцати — до того, как он начинал орать, словно маленький ребенок при виде шприца в руках школьной медсестры. Доктора, которых он обвинял в лживых обещаниях, и не утверждали, что боли не будет. Кэт безмолвной свидетельницей лично присутствовала на многих консультациях. Доктора говорили, что он будет корчиться от боли, пока сухожилия, ушитые после травмы и надолго обездвиженные фиксаторами, не растянутся и не станут гибкими. Ему придется пережить много боли, пока ко-

лено не начнет сгибаться на положенные девяносто градусов. Если хочешь сидеть на стуле или за рулем автомобиля, без этого никак не обойтись. То же самое говорили о его спине и шее. Дорога к выздоровлению пройдет сквозь Страну Страданий, и никак иначе.

Эти правдивые обещания Эндрю Ньюсом предпочитал вообще не слышать. Он свято верил, — никогда не произнося вслух, но это звучало практически в каждом слове, — что шестой в списке богатейших людей планеты ни при каких обстоятельствах не может оказаться в Стране Страданий, только на Солнечном Берегу полного выздоровления. Ну и как после этого не ругать врачей? С такими парнями, как он, ничего плохого по определению не случается.

В комнату с тарелкой печенья вошла Мелисса. Ньюсом раздраженно замахал на нее скрюченной и обезображенной после катастрофы рукой.

— Ни у кого нет настроения есть дурацкое печенье, Лиз.

Кэт Макдональд обнаружила еще одну особенность мегабогатых людей, этих больших детей, которые умудрились скопить состояние, размер которого не укладывается в голове: они считают себя вправе говорить от имени всех, кто находится с ними в одной комнате.

Мелисса изобразила на лице улыбку Моны Лизы, повернулась (чем не пируэт?) и покинула комнату. Выплыла из комнаты. Ей было около сорока пяти лет, но выглядела она гораздо моложе. Ее нельзя было назвать сексуальной: в ней не было ни капли вульгарности. Она скорее была похожа на гламурную Снежную королеву, такую Ингрид Бергман. Но какой бы холодной она ни выглядела, Кэт все равно казалось, что мужчины представляют себе, как красиво выгля-

дят ее свободные от шпилек и заколок каштановые волосы, разметавшиеся по подушке. Или как ее коралловая помада оставит след на жемчужно-белых зубах, отпечатается на чьей-то щеке. Кэт, считавшая себя дурнушкой, по крайней мере раз в день говорила себе, что не завидует изящному холодному личику. Или заду в форме сердечка.

Кэт вернулась к другой стороне кровати и приготовилась поднимать левую ногу Ньюсома, пока тот не завопит свое обычное: «Прекрати, черт бы тебя побрал! Или ты хочешь меня убить?» *Если бы на твоём месте был другой пациент, я бы рассказала о том, как бывает в жизни. Хватит искать легких путей, их не существует. Даже если ты шестой в списке самых богатых людей мира. У тебя есть я, и я помогу тебе, если ты позволишь. А куда будешь думать, что за деньги можно выбраться из любого дерьма, ты так в нем и останешься.*

Подложив под его колено подушку, она обхватила руками дряблые складки плоти, которые уже давно должны были превратиться в мышцы, и начала сгибать ногу. Сейчас он снова заорет на нее, требуя остановиться. И она остановится. Потому что пять тысяч долларов в неделю к концу года складываются в кругленькую сумму в четверть миллиона. Интересно, понимает ли он, что часть этих денег платит за мое молчание? Наверняка понимает.

А теперь расскажи им про докторов — из Женевы, Лондона, Мадрида, Мехико, и так далее, и тому подобное.

— Я консультировался с докторами по всему миру, — продолжал Ньюсом, обращаясь исключительно к Райдауту. Тот до сих пор не произнес ни слова, просто сидел, вытянув покрасневшую от бритья шею

из застегнутой на все пуговицы пасторской рубашки. Он был в тяжелых желтых ботинках, каблук одного из которых почти касался черной коробки для завтраков.

— Учитывая мое состояние, было бы гораздо проще консультироваться с врачами в режиме телеконференции, но только не в моем случае. Несмотря на боль, я ездил ко всем врачам лично, да, Кэт?

— Да, это так, — ответила Кэт, продолжая сгибать ногу. Он мог бы уже ходить, не относиться к боли, как ребенок. Избалованный ребенок. На костылях, да, но ходил бы! А на будущий год ему и костыли бы не потребовались. Но он и в следующем году будет лежать на этом произведении искусства за двести тысяч долларов, на этой больничной кровати. И она будет рядом. Будет получать свою плату за молчание. Сколько оно может стоить? Два миллиона? Почему-то сейчас она подумала именно об этой цифре, хотя еще недавно оценивала его в пятьсот тысяч. Аппетиты росли. С деньгами всегда так.

— Мы встречались со специалистами в Мехико, Женеве, Лондоне, Риме, Париже... где еще, Кэт?

— В Вене, — подсказала она. — И в Сан-Франциско, конечно.

Ньюсом фыркнул.

— Тот врач заявил, что я сам придумываю себе эту боль, чтобы не трудиться над восстановлением. Так он сказал. Пакистанский чурка, педик. Как вам такое сочетание? — он скрипуче рассмеялся и уставился на Райдаута. — Надеюсь, я не оскорбил ваши чувства, святой отец?

Райдаут очень медленно повернул голову сначала в одну, потом в другую сторону.

— Ну и хорошо. Кэт, хватит.

— Может, еще чуть-чуть? — попробовала она уговорить его.

— Хватит, я сказал. Достаточно.

Она опустила его ногу на кровать и занялась левой рукой. Против этого он не возражал. Он часто говорил, что обе его руки тоже сломались, но это не было правдой. На левой руке вывих, не более того. Он всем и каждому сообщал, как счастлив, что не пользуется инвалидной коляской. Впрочем, наличие больничной кровати со всеми возможными и невозможными прибамбасами вызывало сильное подозрение, что в ближайшем будущем его счастье ничем не будет омрачено. Навороченная больничная кровать и была его инвалидным креслом. Она ездила на колесах. На ней он катался по всему миру.

Невротические боли, думала Кэт, тайна за семью печатями. Возможно, ее так и не удастся разгадать. В какой-то момент наркотики перестают помогать.

— Все доктора пришли к выводу, что я страдаю от невротических болей.

И просто трушу.

— Это тайна за семью печатями.

И прекрасный предлог.

— Возможно, ее так и не удастся разгадать.

Особенно если ты не пытаешься.

— Наркотики больше не действуют, и доктора не могут мне помочь. Вот почему я пригласил вас сюда, отец Райдаут. Я наводил справки, и мне сказали, что вы очень сильны в... лечении таких, как я.

Райдаут встал. Кэт и представить себе не могла, насколько он высокий. Тень, которую его фигура отбрасывала на стену, была еще длиннее — почти до самого потолка. Его глубоко посаженные глаза торжественно смотрели на Ньюсома. Без всякого со-

мнения, у Райдаута была харизма. Это не удивляло Кэт, шарлатанам всех видов и мастей без нее не обойтись. Тем не менее, Кэт была поражена ее масштабом, о котором и не подозревала, пока он не поднялся со стула. Дженсен вывернул шею, глядя на него. Боковым зрением Кэт заметила какое-то движение; она оглянулась и увидела в дверях Мелиссу. В комнате теперь собрались все, кто был в доме, кроме кухарки Тони.

Ветер за окном усилился и зловеще завывал. Оконные стекла дрожали.

— Я не лечу, — произнес Райдаут. Кэт знала, что он из Арканзаса — новый реактивный «Гольфстрим IV» последней модели, принадлежащий Ньюсому, летал за ним именно туда, — но говорил ровно и без акцента.

— Нет? — Ньюсом выглядел расстроенным, разозленным и немного испуганным. — Я же послал целую команду сыщиков, и они мне сказали, что во многих случаях вы...

— Я изгоняю.

Кустики бровей взлетели вверх:

— Простите, что?

Райдаут подошел к кровати и встал рядом, держа перед собой руки с длинными сплетенными пальцами. Глубокие глаза мрачно смотрели на человека, лежащего в кровати.

— Я изгоняю из искалеченных людей паразитов, которые питаются их болью, точно так же, как дезинсектор уничтожает насекомых-вредителей, например термитов, пожирающих изнутри дом.

Вот теперь, подумала Кэт, я знаю все. Но Ньюсом пришел в восторг. Как ребенок, впервые увидевший на улице наперсточника, подумала она.

— Вы одержимы, сэр.

— Да, — сказал Ньюсом, — именно так я себя и чувствую. Особенно ночью. А ночи у меня... очень длинные.

— Все мужчины и женщины, страдающие от боли, одержимы. Но есть несчастные, к которым, к сожалению, можно причислить и вас, чья проблема гораздо глубже. Одержимость — это не временный процесс, а постоянное состояние. И оно имеет тенденцию к ухудшению. Доктора в это не верят, они занимаются наукой. Но вы же верите, не так ли? Ведь страдаете именно вы.

— Да, — прошептал Ньюсом. Кэт, сидящая на стуле у кровати, едва сдержалась, чтобы не закатить глаза.

— У этих несчастных боль открывает путь богу-демону. Он мал, но очень опасен. Он питается особым видом боли, которая возникает у особенных людей.

Гениально! — подумала Кэт. *Это не может ему не понравиться.*

— Как только этот бог проникает в человека, боль становится мучительной. Он точит человека, как термит дерево. Высасывает его до капельки. Потом бросает, сэр, и уходит.

Кэт сама удивилась, когда у нее вырвался вопрос:

— Интересно, и что это за бог? Наверняка не тот, которому вы молитесь? Не бог любви? Во всяком случае, этому меня с детства учили.

Дженсен нахмурил брови и покачал головой. Он явно ждал взрыва негодования от своего босса... Но Ньюсом лишь слабо улыбнулся:

— Что вы на это скажете, святой отец?

— Я скажу, что существует великое множество богов. И тот факт, что Господь наш Вседержитель вла-

ствуует над ними и в Судный день уничтожит их всех, ничего не меняет. Этих маленьких божков создавали и создают люди. В них достаточно могущества, и Господь наш иногда позволяет им его применить.

Как испытание, подумала Кэт.

— Чтобы испытать наши силы и веру. — Райдаут повернулся к Ньюсому и сказал то, что удивило ее. Да и Дженсена тоже, у того вообще отвисла челюсть. — Вы человек большой силы и малой веры.

Ньюсом, хотя и не привык к критике в свой адрес, тем не менее улыбнулся:

— Я не слишком большой приверженец христианства, это правда, но я верю в себя. И еще в деньги. Сколько вы хотите?

Райдаут улыбнулся в ответ, обнажив зубы, похожие на выщербленные могильные камни. Если он когда-то и посещал дантиста, это было много месяцев назад. Кроме того, парень явно любил жевательный табак. У отца Кэт, умершего от рака рта, были точно такие же желтые зубы.

— Сколько вы готовы заплатить, чтобы избавиться от боли, сэр?

— Десять миллионов долларов, — не задумываясь, ответил Ньюсом. Кэт услышала, как ахнула Мелисса. — Только не надо считать меня лохом. Если у вас получится изгнать, заговорить, уничтожить, или как вы там это называете, вы получите эти деньги. Наличными, если останетесь здесь на ночь. В случае неудачи вы ничего не получаете, кроме бесплатного путешествия туда и обратно на частном самолете. Это же я вас сюда пригласил.

— Нет, — мягко ответил Райдаут, стоя так близко к кровати, что Кэт чувствовала запах нафталина от его брюк (наверняка единственных, если у него нет

запасных, в которых он ведет службы). Еще от него несло каким-то дешевым мылом.

— Нет? — Ньюсом был потрясен. — Вы говорите мне «нет»? — и на его лице снова появилась улыбка, одна из тех, какие невольно возникали, когда он пользовался телефоном по делу. — Я понял. Как неожиданно. Я в недоумении, отец Райдаут. Я так надеялся, что вы окажетесь на уровне, — он повернулся к Кэт, и та непроизвольно отшатнулась. — Ты наверняка решила, что я спятил. Я ведь не показывал тебе, что именно нарыли мои ищейки?

— Нет, — ответила она.

— Ничего неожиданного, — сказал Райдаут. — Я не занимался этим последние пять лет. Ваши сыщики об этом вам сообщили?

Ньюсом не ответил. Он смотрел на высокого и тощего человека с некоторым беспокойством.

— Вы утратили силу? — спросил Дженсен. — Тогда почему же согласились приехать?

— По воле Господа, не по своей. И я ничего не утратил. Изгнание демона требует большой силы и огромной энергии. Пять лет назад я перенес сильнейший сердечный приступ после работы с девушкой, пострадавшей в страшной автокатастрофе. У нас все получилось, и у нее, и у меня. Но кардиолог из Джонсборо, у которого я консультировался, сказал: если я еще раз подвергну себя такой нагрузке, меня ждет новый сердечный приступ, на этот раз фатальный.

Ньюсом не без усилия поднял шишковатую руку, поднес ее к углу рта и, обращаясь к Кэт и Мелиссе, театральным шепотом проговорил:

— Мне кажется, он хочет двадцать миллионов.

— Мне будет достаточно семисот пятидесяти долларов, сэр.

Ньюсом уставился на него.

— Почему? — спросила Мелисса.

— Я служу в церкви в Тайтусвилле. Церковь Святой Веры. Только там нет больше церкви. Прошрое лето в наших краях было очень сухим. Наверняка по вине туристов, скорее всего пьяных, случился пожар. Так обычно и происходит. От моей церкви остались лишь бетонный фундамент и кучка обгоревших досок. Мы с прихожанами собирались на заброшенной бензоколонке в Джонсборо-Пайк. Но наступила зима, и мы вынуждены были оттуда уйти. В округе нет достаточно просторных домов, чтобы нас приютить. Нас очень много, но мы бедны.

Кэт с интересом слушала. Обычная история, которые рассказывают аферисты. Даже хорошая. Он явно знает, что может вызвать сочувствие.

Дженсен, обладатель атлетического торса (он был одновременно и телохранителем Ньюсома), а также мозгов гарвардского выпускника, задал вопрос:

— А гарантии?

Райдаут снова неторопливо закачал головой: вправо-влево, вправо-влево. Он по-прежнему с видом деревенского увальня возвышался над похожей на произведение искусства кроватью.

— Будем надеяться на Господа нашего.

— Уж лучше на страховую компанию «Олстейт», — прокомментировала Мелисса.

Ньюсом улыбался. По тому, каким напряженным было его тело, Кэт поняла, что боль вернулась. Время приема лекарств прошло еще полчаса назад, но он был настолько заинтересован происходящим, что забыл об этом. Оказывается, он может забыть. Он в состоянии сопротивляться боли, если захочет. У него

есть силы. Кэт всегда это раздражало, но сейчас, с появлением этого шарлатана из Арканзаса, она была в бешенстве. Сколько сил она на него потратила!

— Я консультировался с одним строителем. Он не член нашей общины, но человек с хорошей репутацией, и в прошлом делал для меня кое-какую работу по вполне справедливым ценам. Так вот, он сказал, что здание можно восстановить примерно за шесть-сот пятьдесят долларов. Я взял на себя смелость попросить лишние сто долларов для подстраховки.

Хо-хо, подумала Кэт.

— Мы, разумеется, такой суммой не располагали. Но всего через неделю после того, как мы поговорили с мистером Кирнаном, пришло ваше письмо с видеодиском. Который я, кстати, посмотрел с большим интересом.

Ну еще бы! — подумала Кэт. Особенно ту часть, где доктор из Сан-Франциско говорит, что боль, которую он испытывает из-за травм, можно в значительной степени облегчить с помощью физиотерапии. Обязательной физиотерапии.

И хотя с десятков врачей на диске расписались в собственном бессилии, Кэт верила, что лишь у доктора Дилавара хватило смелости сказать правду. Ее сильно удивило, что Ньюсом разрешил показать кому-либо диск с этим заявлением. Не иначе как шестой в списке самых богатых людей мира после катастрофы успел порастерять хватку.

— Вы заплатите мне столько, чтобы я смог восстановить мою церковь, сэр?

Ньюсом внимательно разглядывал его; под кромкой волос на его лбу выступили капельки пота. Хочет он этого или нет, но Кэт сейчас даст ему лекарства. Боль была настоящей, он не притворялся.

— Вы обещаете больше ничего не просить? Не будем ничего подписывать, просто заключим джентльменское соглашение.

— Да, — не задумываясь, ответил Райдаут.

— Итак, если вы обладаете достаточной силой, чтобы избавить меня от боли — изгнать боль, — то я могу подарить вам некую сумму. Значительную сумму. У вас, по-моему, это называется пожертвованием.

— На ваше усмотрение, сэр. Мы можем начинать?

— Как говорится, куй железо, пока горячо. Вы хотите, чтобы все вышли?

Райдаут снова покачал головой: слева направо, справа налево:

— Нет, мне потребуется помощь.

Фокусники без этого не обходятся, подумала Кэт, *это часть шоу.*

Ветер за окном взвыл, смолк, а потом снова завыл. Свет в доме замигал. Генератор, тоже произведение искусства, на заднем дворе дома рявкнул и замолчал.

Райдаут присел на край кровати:

— Мистер Дженсен справится. Мне кажется, он сильный, и у него хорошая реакция.

— Вы правы, — сказал Ньюсом. — В колледже он играл в футбол. В защите. С тех самых пор не потерял формы.

— Разве что чуть-чуть, — скромно потупился Дженсен.

Райдаут наклонился к Ньюсому. Его темные, глубоко посаженные глаза внимательно изучали испуганное лицо миллиардера:

— Ответьте мне на один вопрос, сэр. Какого цвета ваша боль?

— Зеленая, — ответил Ньюсом, с восхищением глядя на священника. — Моя боль зеленого цвета.

Райдаут кивнул: вверх-вниз, вверх-вниз. Он не отводил глаз от лица Ньюсома. Кэт была уверена, скажи последний, что его боль синяя, или фиолетовая, как легендарный Пурпурный Людоед¹, кивок Райдаута был бы исполнен такой же торжественности и значения. Со страхом и изумлением она вдруг подумала: *А ведь я могу и не сдержаться. Вполне могу. Это будет самая дорогая истерика в моей жизни, и все-таки я на нее способна.*

— Где она находится?

— Везде, — это был почти стон. Мелисса сделала шаг вперед и с тревогой посмотрела на Дженсена. Кэт заметила, как тот едва заметно махнул головой, отсылая Мелиссу обратно к двери.

— Да, ему нравится, когда людям так кажется, — сказал Райдаут, — но это неправда. Закройте глаза и сосредоточьтесь. Вглядитесь в вашу боль. Сквозь ее притворные крики, не поддаваясь ее дешевому чревовещанию, найдите ее. Вы можете это сделать. Вы должны, если хотите, чтобы от этого был толк.

Ньюсом закрыл глаза. Минуты полторы в комнате царила тишина, только ветер выл за окном, яростно бросая в стекла капли дождя. На руке у Кэт были старомодные механические часы, много лет назад подаренные отцом на окончание школы медсестер; когда ветер на мгновение умолк, в комнате стало так тихо, что она услышала, как они тикают. Где-то в дальнем конце дома, как всегда по вечерам, прибираясь в кухне, Тоня Марсден тихонько напевала: *«Жених причесан, придет. Он саблю взял и пистолет. И лихо шпорами звеня, вскочил на резвого коня».*

¹ Персонаж одноименного фильма, 1988 г.

Наконец Ньюсом сказал:

— Она у меня в груди. Наверху, почти у горла, в самой трахее.

— Вы можете ее увидеть? Сосредоточьтесь!

На лбу Ньюсома появились вертикальные складки. Шрамы, оставшиеся после катастрофы, вздулись от напряжения.

— Я вижу ее. Она пульсирует в такт с моим сердцем, — губы Ньюсома скривились от отвращения. — Какая мерзость!

Райдаут придвинулся почти вплотную к Ньюсому:

— Это шар, да? Зеленый шар.

— Да, да! Маленький зеленый шар, который дышит!

*И он похож на теннисный мячик, который ты спрята-
л в рукаве или коробке для завтраков, святой отец,*
подумала Кэт.

Вдруг, как будто она действительно управляла им силой своей мысли (а не просто предугадывала действия этого нелепого актеришки), Райдаут сказал:

— Мистер Дженсен. По стулом, на котором я сидел, стоит коробка. Поднимите ее, откройте и встаньте рядом. Больше от вас в данный момент ничего не требуется. Просто...

И тут Кэт Макдональд щелкнула пальцами. На самом деле щелчок прозвучал у нее в голове. С таким звуком Роджер Миллер щелкал пальцами во вступлении к песне «Король дорог».

Она встала рядом с Райдаутом и оттолкнула его плечом в сторону. Хотя он и был выше ростом, но она, полжизни поднимавшая и ворочавшая пациентов, оказалась гораздо сильнее священника.

— Откройте глаза, Энди. Сейчас же. Посмотрите на меня.

Ньюсома это потрясло, и он послушался. Дженсен с коробкой для завтраков в руках и Мелисса забес-

покоились. Непреложным законом их работы — так же, как и работы Кэт, во всяком случае до настоящего момента, — было то, что боссом не командуют. Босс командует вами. И уж конечно его нельзя так пугать.

Но с нее хватит. Пусть через двадцать минут она отправится под проливным дождем к единственному в округе мотелю, выглядящему так, будто все местные тараканы собираются именно там, это неважно. Она больше не может продолжать.

— Это бред собачий, Энди, — сказала она. — Вы меня слышите? Бред!

— По-моему, тебе лучше замолчать, — сказал Ньюсом, растягивая губы в улыбке. У него в арсенале их было много, и эта не обещала ничего хорошего. — Если хочешь сохранить работу, замолчи. В Вермонте полно медсестер, которые специализируются на физиотерапии.

Она совсем было собралась замолчать, но вдруг Райдаут произнес:

— Пусть говорит, сэр, — его голос был исполнен такой кротости, что Кэт взорвалась.

Она наклонилась к больному, и слова бурным потоком полились из ее рта:

— Вот уже полтора года, как состояние вашей дыхательной системы улучшилось настолько, что вы можете выносить сеансы физиотерапии, а я наблюдаю, как вы лежите на этой чертовой дорожной кровати и издеваетесь над своим телом. Меня от этого тошнит! Знаете, как вам повезло, что вы остались в живых, а все, кто летел с вами, погибли? Какое это чудо, что ваш позвоночник остался цел, кости черепа не повредили мозг, а тело не сгорело, нет, не испеклось как яблоко, от макушки до пяток? Дня че-

тыре, а может и целую неделю, вы корчились в страданиях. И вышли из них целехоньким. Вы — не овощ! Вы не паралитик, хотя и стараетесь вести себя именно так! Вы не хотите трудиться, все ищите легких путей. Думаете, что сможете все решить с помощью денег. Даже если вы умрете и отправитесь в ад, первое, что вы там увидите, будет платный шлагбаум!

Дженсен и Мелисса смотрели на нее с ужасом. У Ньюсома отвисла челюсть. Если кто-то и говорил с ним в таком тоне, это было очень и очень давно. Один Райдаут выглядел спокойным. И даже улыбался. Как отец улыбается, глядя на капризного четырехлетнего ребенка. Это еще больше взбесило ее.

— Вы уже могли бы ходить самостоятельно. Бог знает, как я старалась, чтобы вы это поняли, сколько раз я объясняла, что именно вам следует делать, чтобы встать с кровати и ходить на собственных ногах. Доктор Дилавар из Сан-Франциско единственный, кто осмелился сказать вам это в лицо, а вы обозвали его педиком.

— Он педик и есть, — раздраженно буркнул Ньюсом. Покрытые шрамами руки сжались в кулаки.

— Вам действительно больно. Еще бы. Но с этим можно справиться. Я не раз видела, как это бывает. Но не у ленивых богатых бездельников, которые считают, что все им должны, и не хотят в поте лица работать над своим выздоровлением. Вы отказываетесь. Такое я тоже видела и знаю, чем дело кончается. Приходят знахари и шарлатаны, присасываются к вам, как пиявки к человеку, упавшему в болото. Иногда они предлагают вам волшебную мазь, иногда — чудодейственные таблетки. Иногда эти целители врут, что им якобы дана божественная сила.

Обычно наступает временное облегчение. Это естественно, ведь половина боли, которую вы испытываете, находится у вас в голове, в ваших ленивых мозгах, которые не хотят понять, что только испытывая боль, можно поправиться.

Она наклонилась над ним, и ее голос стал тонким, дрожащим, почти детским:

— Папочка! Бо-бо! Но облегчение никогда не бывает долгим — потому что мышцы потеряли тонус, связки провисли, кости не окрепли, чтобы выдерживать собственный вес. И когда вы позвоните этому парню сказать, что боль вернулась — если, конечно, будете в состоянии это сделать, — знаете, что он вам ответит? Что ваша вера недостаточно крепка. Если вы включите мозги так же, как и тогда, когда строили ваши заводы или делали инвестиции, вы поймете, что у вас в глотке нет никакого живого теннисного мячика. Энди, вы слишком, черт побери, стары, чтобы верить в Санта-Клауса!

Дверь открылась, в комнату вошла Тоня и встала рядом с Мелиссой, держа в руках кухонное полотенце, с широко раскрытыми глазами.

— Ты уволена, — почти добродушно проговорил Ньюсом.

— Да, разумеется! И это лучшее, что случилось со мной за последний год.

— Не увольняйте ее, — вдруг встрял Райдаут. — Если вы это сделаете, то и я буду вынужден уйти.

Ньюсом выпучил на Райдаута глаза, в недоумении подняв бровь. Его руки стали шарить по бедрам и бокам, как и всегда, когда заканчивалось действие обезболивающих.

— Она нуждается в уроке во славу Господа нашего. — Райдаут наклонился к Ньюсому, заложив руки

за спину, прямо как на картине, которую Кэт видела в кабинете учителя Ихабода Крейна в школе Вашингтона Ирвинга. — Она сказала свое слово. Теперь позвольте мне сказать свое.

Ньюсом потел все больше, и тем не менее продолжал улыбаться:

— Начинайте. Я верю, что хочу это услышать.

Кэт уставилась в глубоко посаженные, вызывающие тревогу глаза Райдаута:

— Я тоже в это верю.

Райдаут, сквозь редкие волосы которого проглядывал розовый череп, все так же заложив руки за спину и сохраняя торжественное выражение на длинном лошадином лице, внимательно изучал медсестру:

— Наверное, вы никогда не страдали от боли, мисс?

Кэт едва сдержалась, чтобы не вздрогнуть и не отвернуться:

— Когда мне было одиннадцать, я упала с дерева и сломала руку.

Райдаут округлил губы и чуть слышно присвистнул:

— Сломали руку, когда вам было одиннадцать. Вот уж действительно настрадались.

Она покраснела и, почувствовав это, возненавидела себя, но сделать ничего не могла:

— Можете сколько угодно меня унижать, но на моей стороне многолетний опыт работы с пациентами, испытывающими боль. Это сугубо медицинская точка зрения.

Теперь он мне расскажет, что начал изгонять демонов, маленьких зеленых богов или как там их еще называют, когда я под стол пешком ходила.

Но он не стал.

— Я вам верю, — примирительно проговорил он, — более того, я уверен, что вы хорошо выполняете вашу работу. Наверняка вы сталкивались и с симулянтами, и притворщиками, и отлично знаете этот тип людей. А я повидал медсестер, которые думают как вы, мисс. Обычно они не такие красавицы, — наконец-то в его речи промелькнул характерный акцент: вместо «красавицы» он произнес «кросавицы». — Но всех вас объединяет то, что вы недооцениваете боль, которую испытывают ваши подопечные, боль, которую вы и представить себе не можете. Вы работаете у больничных кроватей, с пациентами разной степени тяжести. У некоторых боль вполне терпима, а другие испытывают настоящие страдания. И очень скоро вам всем начинает казаться, что большинство преувеличивает свои страдания и притворяется, правда?

— Конечно, нет, — ответила Кэт. Что случилось с ее голосом? Почему он вдруг стал таким тихим?

— Нет? Когда вы сгибаете им ноги на пятнадцать или даже на десять градусов и они начинают кричать, разве где-то в глубине души вы не считаете ваших больных обыкновенными лодырями, которые ленятся выполнять тяжелую работу и всеми силами пытаются вызвать у вас жалость? Когда вы входите в комнату и видите, как бледнеет лицо больного, разве вы не думаете: «Опять приходится иметь дело с очередным притворой»? Разве не испытываете вы, раз в жизни сломавшая руку, все большую и большую неприязнь к тем, кто умоляет вас оставить его в покое или дать еще одну дозу морфина?

— Это несправедливо, — проговорила Кэт. Почему-то ее голос теперь опустился почти до шепота.

— Когда вы были еще новичком, вы умели распознавать настоящие страдания с первого взгляда, — сказал Райдаут. — Когда-то вы наверняка поверили бы в то, что увидите через несколько минут, потому что в глубине души и сами верили, что в теле больного живет зловредный маленький бог. Я хочу, чтобы вы остались здесь и освежили память... а еще чувство сострадания, которое вы подрастеряли за долгую трудовую жизнь.

— Некоторые из моих пациентов побеждали болезнь, — возразила Кэт, с неприязнью глядя на Райдаута. — Наверное, это звучит жестоко, но правда всегда жестока. Некоторые оказались настоящими симулянтами. Если вы не желаете признавать этого, то вы слепы. Или глупы. Не думаю, что всё сразу.

Он кивнул, словно услышал комплимент — в каком-то смысле так оно и было.

— Конечно, признаю. Только теперь в глубине души вы считаете, что *все* они притворщики. Вы стали бесчувственной, как солдат, который слишком много времени провел в боях. Мистер Ньюсом одержим. Демон, вселившийся в него, стал таким сильным, что превратился в бога, и я хочу, чтобы вы увидели его, когда он выйдет. Это сильно изменит ваше мировоззрение. И уж точно заставит по-другому относиться к боли. — Он обратился к Ньюсому: — Можно ей остаться, сэр?

Ньюсом задумался:

— Раз вы этого хотите...

— А если я предпочту уйти? — с вызовом спросила Кэт.

Райдаут улыбнулся:

— Вас никто не держит, мисс сиделка. Как и любое дитя божье, вы наделены свободой выбора. Ни

я, ни кто-либо из присутствующих не будет вас задерживать. Но мне не кажется, что вы робкого десятка и совсем лишены души. Она лишь немного загубела.

— Вы просто аферист! — Кэт была в ярости и чуть не плакала.

— Нет, — сказал Райдаут мягко. — Когда мы выйдем из этой комнаты, с вами или без вас, мистер Ньюсом будет освобожден от страданий, которые пожирают его изнутри. Он будет испытывать боль, но, избавившись от бога страданий, сможет справляться с ней. Возможно, с вашей помощью, ведь вы получите урок и смирите вашу гордыню. Вы по-прежнему хотите уйти?

— Я остаюсь, — сказала она. — Только дайте мне вашу коробку для завтраков.

— Но... — начал было Дженсен.

— Отдайте, — приказал Райдаут. — Пусть осмотрит ее, раз уж так хочет. Но больше никаких разговоров. Раз уж я взялся за это дело, самое время начинать.

Дженсен протянул Кэт продолговатую черную коробку, и она открыла ее. Там, куда заботливая жена положила бы мужу сэндвичи и контейнер с фруктами, лежала бутылка с широким горлышком. В емкости под крышкой, предназначавшейся, как ей казалось, для термоса, лежал закрепленный хомутом зеленый баллончик с каким-то спреем. И ничего больше. Кэт повернулась к Райдауту. Он кивнул. Она достала баллончик, поднесла к глазам и с изумлением прочла этикетку:

— Перцовый газ?

— Перцовый газ, — кивнул Райдаут. — Не знал, разрешен ли он в Вермонте. Возможно, я ошибся. Там, откуда я родом, их полно в любом оружейном магазине. — Он повернулся к Тоне. — Вас зовут...?

— Тоня Марсден. Я готовлю для мистера Ньюсома.

— Очень рад с вами познакомиться, мэм. Прежде чем мы начнем, мне потребуется еще кое-что. У вас есть бейсбольная бита? Или какая-нибудь дубинка?

Тоня покачала головой. Ветер за окном снова взвыл, свет замигал, за домом снова завелся генератор.

— А метла у вас есть?

— Конечно, сэр.

— Принесите ее, пожалуйста.

Тоня вышла. В комнате воцарилась тишина, лишь ветер ревел за окном. Кэт пыталась придумать тему для разговора, но не могла. Струйки прозрачного пота катились по впалым щекам Ньюсома, также обезображенным шрамами. После крушения самолета его протащило по земле, а сзади под дождем догорал остов разбившегося «Гольфстрима». *Я никогда и не говорила, что ему не больно*, сказала Кэт про себя. *Он бы наверняка справился, приложи к своему выздоровлению хотя бы половину тех сил, которые тратил на строительство своей империи.*

А вдруг она ошибается?

Но это не означает, что внутри у него действительно находится теннисный мячик, питающийся его болью, как вампир.

Нет никаких вампиров, и бога страданий тоже нет.. но когда ветер снаружи завывает так сильно, и огромный дом дрожит, это не кажется таким уж невероятным.

Тоня вернулась с метлой, выглядевшей так, словно ею почти не пользовались; девственно-чистая ярко-голубая щетка и ручка из крашеного дерева длиной около полутора метров. Тоня смотрела на нее с некоторым сомнением.

— Это именно то, что вам нужно?

— Думаю, сгодится, — сказал Райдаут, как показалось Кэт, без особой уверенности. Ей вдруг пришло в голову, что Ньюсом не единственный человек в этой комнате, который допускает ошибки. — Только лучше передайте ее нашей скептически настроенной сиделке. Не в обиду, миссис Марсен, просто у молодых реакция получше.

Тоня безо всяких обид и с явным облегчением передала метлу Мелиссе, а та протянула ее Кэт.

— И что мне с ней сделать? — спросила Кэт. — Полетать?

Райдаут улыбнулся, продемонстрировав пеньки зубов:

— Сами поймете, когда настанет время ею воспользоваться. Вам же приходилось выгонять из комнаты енота или крысу? Только помните: сначала действуйте щетиной и только потом черенком.

— Смею предположить, что я должна укокошить *это*. А потом вы поместите его в свою специальную бутылку.

— Верно.

— И поставите на полку в ряд с остальными богами, которых вы уничтожили.

Он улыбнулся одними губами:

— Передайте, пожалуйста, баллончик мистеру Дженсену.

Кэт послушалась.

— А что буду делать я? — поинтересовалась Мелисса.

— Смотреть. И молиться, если умеете. За меня и мистера Ньюсома. Чтобы мое сердце выдержало.

Кэт, не раз видевшая, как изображают сердечные приступы, промолчала. Она просто отошла от кровати, держа метлу обеими руками. Райдаут, скривив-

шись, присел на кровать к Ньюсому; его колени закрипели, как несмазанная телега.

— Мистер Дженсен.

— Да?

— Времени у вас будет достаточно. Его на некоторое время парализует. Но действуйте быстро. Так, как вы действовали на футбольном поле, хорошо?

— Вы хотите, чтобы я прыснул в него мейсом¹, сэр?

Райдаут снова коротко улыбнулся, только теперь у него на лбу так же, как и у его клиента, выступили капельки пота.

— Это не мейс. У нас он запрещен, но все равно мысль хорошая. А теперь я попрошу тишины.

— Погодите минутку, — Кэт прислонила метлу к кровати и ощупала сначала левую, потом правую руку Райдаута. Под хлопковой тканью ничего, кроме костлявой плоти, не было.

— В рукаве я ничего не прятал, мисс Кэт, клянусь.

— Быстрей, — сказал Ньюсом. — Мне плохо. Мне всегда плохо, но сегодня из-за грозы особенно.

— Замолчите, — скомандовал Райдаут. — Замолчите все.

Наступила тишина. Райдаут закрыл глаза. Его губы беззвучно шевелились. Секундная стрелка на часах Кэт протикала двадцать раз, потом еще тридцать. У нее вспотели руки. Она вытерла их о кофту и снова сжала метлу. *Мы выглядим так, будто собрались у смертного одра*, подумала она.

На улице ветер завывал в водосточных трубах.

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа, — Райдаут открыл глаза и наклонился к самому лицу Нью-

¹ Мейс — газ нервного и слезоточивого действия.

сома. — Господи, в этого человека вселилось зло. Демон, который питается его плотью и костями. Помоги мне изгнать его, как изгнал сын твой демонов из бесноватых в стране Гадаринской. Помоги мне заговорить с маленьким зеленым богом страданий, живущим в Эндрю Ньюсоне, твоим повелевающим голосом.

Он наклонился еще ниже и сомкнул опухшие от артрита пальцы на горле Ньюсома, как будто собрался его задушить. Потом он сунул два пальца другой руки миллиардеру в рот. Согнув их, он заставил Ньюсома раскрыть рот шире.

— Выходи, — сказал Райдаут. Хотя голос и стал повелевающим, тон остался мягким, почти шелковым. И даже льстивым. Руки и спина Кэт покрылись мурашками. — Именем Иисуса, выходи. Именем всех святых и мучеников, выходи. Именем Господа нашего, который позволил тебе войти, а теперь повелевает выйти. Выходи на свет. Оставь свою добычу и выйди.

Ничего не произошло. И тогда он начал снова:

— Именем Иисуса, выходи. Именем всех святых и мучеников, выходи.

Его пальцы еще немного сжались, и дыхание Ньюсома стало прерывистым.

— Не залезай глубже. Ты не сможешь спрятаться, порождение тьмы. Выходи на свет. Иисус повелевает тебе. Святые и мученики повелевают тебе. Господь велит тебе оставить жертву и выйти.

Чья-то холодная ладонь схватила Кэт за запястье, и та чуть не закричала. Это была Мелисса, стоявшая рядом, с круглыми от страха глазами и широко раскрытым ртом.

— Смотри! — прошептала она Кэт в ухо.

На шее Ньюсома, прямо над рукой священника, вздулась опухоль, напоминающая зоб. Она медленно поползла вверх, ко рту. Кэт в жизни не видела ничего подобного.

— Правильно, — чуть ли не пропел Райдаут. Его лицо истекло потом, мокрый воротничок рубашки потемнел. — Выходи. Выходи на свет. Оставь свою жертву, порождение тьмы.

Ветер за окном уже не завывал, он визжал. Капли дождя бились в окна, как шрапнель. Свет мигал, и весь дом скрипел.

— Господь, позволивший тебе войти, повелевает выйти. Иисус повелевает тебе выйти. Все святые и мученики...

Он выдернул руку изо рта Ньюсома, как человек, дотронувшийся до чего-то очень горячего. Рот Ньюсома так и остался открытым. Более того, он стал открываться еще шире, как при зевании, а потом еще, как будто Ньюсом беззвучно вопил. Глаза его закатились, ноги задрожали. Он обмочился, и простыня под ним потемнела.

— Прекратите, — проговорила Кэт, делая шаг вперед. — У него припадок. Вы должны...

Дженсен дернул ее назад. Она оглянулась и увидела, что его обычно красноватое лицо стало белым, как мел.

Челюсть Ньюсома уперлась в грудину. Огромная опухоль почти закрыла нижнюю часть его лица. Кэт слышала, что связки челюсти затрещали — совсем так же, как коленные, когда их занятия физиотерапией были особенно интенсивными. Они скрипели, как несмазанные дверные петли. Свет в комнате погас, включился, снова погас и снова включился.

— Выходи! — закричал Райдаут. — Выходи!

Из темного провала рта Ньюсома, подобно жидкости из засорившегося стока канализации, стал подниматься пузырь. Он пульсировал. Раздался оглушительный грохот, все окна в комнате одновременно взорвались осколками стекла. Кофейные чашки упали со стола и разбились. В комнату влетел огромный сломанный сук. Свет снова погас. На улице в который раз взревел генератор, теперь звук был не захлебывающийся, а устойчивый и низкий. Когда свет зажегся, Райдаут лежал на кровати рядом с Ньюсомом, раскинув руки и уткнувшись лицом в мокрое пятно на простыне. Что-то медленно выползало из рта Ньюсома, и его зубы оставляли борозды на этом бесформенном комке, покрытом маленькими зелеными отростками.

Не теннисный мячик, подумала Кэт, больше похоже на шарик из тонких резиновых нитей.

Тоня увидела это и ринулась, закрыв уши ладонями, из комнаты.

Зеленое нечто шлепнулось Ньюсому на грудь.

— Опрыскай его! — закричала Кэт Дженсену. — Опрыскай, пока не сбежал!

Да. Они засунут его в бутылку и плотно, очень плотно закрутят крышку.

Глаза Дженсена были круглыми и остекленевшими. Он выглядел, как лунатик. Его волосы развевались на ветру. Дженсен вскинул руку с баллончиком и нажал на пластмассовый колпачок. Раздалось шипение, затем Дженсен подпрыгнул и закричал. Он попытался повернуться, наверное, хотел убежать из комнаты вслед за Тоней, но замер и упал на колени. И хотя Кэт была слишком потрясена, чтобы двигаться — она и рукой-то пошевелить не могла, — какая-то

часть ее мозга все равно продолжала работать, и она поняла, что произошло. Дженсен повернул баллончик не той стороной. Вместо того чтобы прыснуть на существо, копошившееся теперь в волосах лежащего без сознания священника, он опрыскал самого себя.

— Не давайте ему залезть в меня! — кричал Дженсен, отползая от кровати. — Я ничего не вижу! Не дайте ему залезть в меня!

Ньюсом сел на кровати, вид у него был растерянный:

— Что происходит? Что тут случилось?

Он оттолкнул от себя голову Райдаута. Безвольное тело священника соскользнуло на пол.

Мелисса наклонилась над ним.

— Не делай этого! — закричала Кэт, но было слишком поздно.

Она не знала, было ли *это* на самом деле богом или просто необычным видом слизняка, но оно оказалось очень проворным. Вынырнув из-под кровати, зеленый шар перекатился по плечу Райдаута на руку Мелиссы и стал по ней подниматься. Мелисса попыталась стряхнуть его, но ничего не получилось.

На его крошечных отростках какая-то липкая гадость, сказала меньшая часть мозга Кэт, которая до сих пор не утратила способность соображать, большей, по-прежнему находящейся в ступоре. *Как у мух на лапках.*

Мелисса видела, откуда выползла эта мерзость, и хотя и была в панике, но сообразила закрыть рот обеими руками. Существо доползло до ее шеи, скользнуло по щеке и залепило левый глаз. В комнате взвыл ветер, Мелисса взвыла вместе с ним. Это был крик женщины, испытывающей невыносимую боль, которую невозможно оценить по шкале от нуля до десяти.

Страдания Мелиссы перевалили за отметку «сто», словно ее заживо варили в кипятке. Она отшатнулась, влившись ногтями в существо, прилипшее к глазу. Мерзкий слизняк начал пульсировать, и Кэт услышала низкий булькающий звук. Эта дрянь питалась; она чавкала.

Неважно, кого оно ест, подумала Кэт, будто это имело какое-то значение. Вдруг она осознала, что приблизилась к кричащей, крутящейся на месте женщине, и с интересом рассматривает ее.

— Стой спокойно! Мелисса, **СТОЙ СПОКОЙНО!**

Мелисса не обращала на нее внимания; она продолжала пятиться назад, пока не споткнулась о влетевшую в окно толстую ветку и не упала на пол. Кэт опустилась перед ней на одно колено и изо всех сил ударила черенком швабры Мелиссу по лицу, прямо по твари, которая поедала ее глаз.

Раздался чмокающий звук, и тварь внезапно стекла по щеке служанки, оставив за собой скользкий след. Она поползла по усыпанному листьями полу, собираясь спрятаться под веткой так же, как раньше под кроватью. Кэт вскочила на ноги и наступила на нее. Она почувствовала, как существо расплющилось под добротной подошвой кроссовки «Нью Бэланс» и взорвалось, забрызгав все вокруг чем-то зеленым. Словно раздавили воздушный шарик, наполненный соплями.

Кэт опустилась на оба колена и обхватила Мелиссу руками. Сначала Мелисса сопротивлялась и даже заехала ей кулаком в ухо; потом тяжело задышала и сдалась.

— Оно ушло? Кэт, его больше нет?

— Мне гораздо лучше, — донесся откуда-то сзади, будто из другого мира, изумленный голос Ньюсома.

— Да, оно ушло, — ответила Кэт. Она вгляделась в лицо Мелиссы. Глаз, к которому присосалась тварь, наливался синевой, но выглядел нормальным. — Ты что-нибудь видишь?

— Да. Сначала как в тумане, но сейчас уже лучше. Кэт... эта боль... Она была так ужасна. Как будто настал конец света.

— Кто-нибудь, промойте мне глаза! — завопил Дженсен возмущенно.

— Сам промоешь, — добродушно заметил Ньюсом. — У тебя ведь две здоровые ноги? Вот и у меня будут, когда Кэт с ними немного поработает. Кто-нибудь, проверьте Райдаута. Этот сукин сын, возможно, мертв.

Мелисса уставилась на Кэт. Один глаз был голубым, а второй красным, залитым слезами.

— Боль... Кэт, ты и представить себе не можешь, что это была за боль!

— Могу, — сказала Кэт, — теперь могу.

Она отошла от сидящей рядом с веткой Мелиссы и приблизилась к Райдауту. Взяв его за руку, она попыталась нащупать пульс. Ничего. Ни одного удара сердца. Похоже, Райдаут больше никогда не испытает боли.

Генератор снова отключился.

— Черт, — выругался Ньюсом по-прежнему добродушно. — И я заплатил семьдесят тысяч долларов за это японское дерьмо.

— Кто-нибудь, промойте мне глаза! — снова закричал Дженсен. — Кэт!

Кэт уже открыла рот, чтобы ответить, но вдруг почувствовала, как в наступившей темноте что-то липкое поползло по тыльной стороне ее ладони.

Стивен Кинг — самый известный и успешный писатель, работающий в жанре хоррор.

Первый роман, «Кэрри», он написал в 1974 году и с тех пор опубликовал огромное количество бестселлеров: «Жребий», «Сияние», «Противостояние», «Мертвая зона», «Воспламеняющая взглядом», «Куджо», «Кладбище домашних животных», «Кристина», «Оно», «Мизери», «Темная половина», «Необходимые вещи», «Мареновая роза», «Зеленая миля», «Мешок с костями», «Парень из Колорадо», «История Лиззи», «Дьюма-ки», «Под куполом» и многие другие.

Короткие рассказы и новеллы Стивена Кинга объединены в сборники: «Ночная смена», «Четыре сезона», «Команда скелетов», «Четыре после полуночи», «Ночные кошмары и фантастические видения», «Сердца в Атлантиде», «Секретер снов» (комиксы, два сборника), «Все предельно», «Сразу после заката», «Стивен Кинг идет в кино». «Тьма и больше ничего» — последний сборник из четырех новелл.

Стивен Кинг — обладатель многочисленных наград, в том числе — Всемирной премии фэнтези и медали «За выдающийся вклад в американскую литературу». Живет в Бангоре, штат Мэн.

«Маленький зеленый бог страданий» — классическая история о монстрах. Публикуется впервые.

«Монстры реальны, — говорит Стивен Кинг, — и привидения тоже. Они живут внутри нас и иногда побеждают».

Кэтлин Р. Кирнан

Трут, огниво и кремьнь

Она не знает, как, где или почему это началось. И даже не может точно сказать когда. Эти воспоминания потеряны для нее так же, как и собственное имя. Иногда во время безогневого затишья она сочиняла сценарии, одновременно причудливые и безыскусные, невероятные и абсолютно потусторонние, пытаясь объяснить, как женщина может стать повитухой ада. Она придумала несколько десятков тысяч подобных утешительных историй, и большинство из них сразу же забыла. Они извергались из нее, как обгоревшие клочки бумаги, ярко мерцающие по краям, поднимаясь все выше и выше, влекомые восходящими потоками ее причудливых желаний. Их уносило прочь, и они оседали на ничего не подозревающих крышах, в сухой ломкой траве, тлели в кустарниковых зарослях предгорий. И были похожи на тоску всех одиноких людей.

«Я дочь Гефеста и смертной женщины», — шепчет она в темноте. Или: «Я дочь Геенны и рождена в долине Еннома. Труп моей беременной матери был брошен среди развалин и мертвых тел, но я выжила». Она уверяет себя, что была изнасилована каталон-

ским драконом, или что она саламандра, освобожденная неосторожным арабским алхимиком и принявшая человеческий облик, чтобы ее не смогли найти.

«В ярком горниле расплавленной колыбели Земли, — говорит она, — я была зачата, разумная искра, выброшенная аккрецией на протопланетный диск. Я плавала в океанах магмы и тонула, а потом на многие эоны уснула под остужающейся стратосферой, дожидаясь стратовулканического извержения, чтобы, наконец, родиться».

Конечно же, она не верит ни в одну из своих историй. Они забавляют ее, не более. Но без них она была бы потеряна. А будь она потеряна, кто увидел бы ее пламя?

На пустынном отрезке магистрали Мид-Уэстерн, в тридцать минут пополудни жаркой летней ночью молодой мужчина замечает ее в свете фар. Она не голосует. Она даже не идет, а просто стоит на аварийной площадке, уставившись в огромное, усыпанное звездами небо. Когда он останавливается, она опускает глаза, и, улыбаясь, встречается с ним взглядом сквозь лобовое стекло. Это дружеская, обезоруживающая улыбка. Он спрашивает, не подвезти ли ее, и говорит, что едет по А-29 до самого Су-Сити, если ей по дороге.

— Вы очень добры, — отвечает она с акцентом, которого он никогда раньше не слышал, но подозревает, что тот может быть европейским. Она открывает дверь пассажирского сиденья и садится рядом. Ему кажется, что он никогда не видел и вполтину таких черных волос, а кожа ее бела как молоко. Она смеется и пожимает ему руку, в свете приборной панели ее глаза становятся золотисто-коричневыми с янтарными крапинками. Позже,

в комнате мотеля на окраине Оनावы, он увидит, что они всего лишь орехово-зеленые.

Когда он спрашивает ее имя, она выбирает Айден; им она уже давно не пользовалась (хотя Маккензи, Тэнди и Блейз также приходят ей на ум). Она не называет ему фамилии, а молодой мужчина, представившийся Билли, и не спрашивает. Когда она захлопывает дверь, он замечает, что ее неухоженные ногти сгрызены почти до мяса. Он нажимает на педаль газа и чувствует легкий запах древесного дыма. Он не спрашивает, откуда она и куда направляется, так как это не его дело; он не отводит взгляда от дороги, белая полоса с разрывами несется по левую руку, пока она говорит.

— Мой отец пожарный, — лжет она, эта старая ложь уже основательно истрепалась, — то есть не совсем пожарный, нет. Он сертифицированный пожарный следователь. Решает, был ли пожар поджогом или нет, и если да, то каким образом действовал поджигатель.

Она говорит, и Билли слушает, а едва осязаемый запах гари, который, кажется, проник в машину вместе с ней, то исчезает, то снова возвращается. Иногда пахнет древесным дымом, иногда — серой, будто кто-то зажег спичку. Иногда запах напоминает ему старую ржавую бочку, в которой отец сжигал мусор — так она пахла сразу после проливного дождя. Он все ждет, когда она зажжет сигарету, но она так этого и не делает.

— Знаешь, — спрашивает она, — до того, как бензин стали использовать для заправки двигателей внутреннего сгорания, его продавали в маленьких красивых бутылочках как средство от вшей. Люди опрыскивали им волосы.

— Нет, — отвечает он, — не знал.

Она снова улыбается, поднимая взгляд к небу, и ветер играет с ее волосами цвета черного дерева.

— Тогда его даже и бензином не называли, просто «горючим».

— Разве это было не опасно?

— Называть бензин горючим?

— Нет, — отвечает он с досадой, — обрабатывать им волосы.

Она смеется, и ему кажется, что запах гари становится немного резче.

— Почему ты думаешь, что этого больше никто не делает? — спрашивает она, но Билли не отвечает. Он продолжает вести машину по ночной восточной Айове, а она позволяет ветру играть со своими волосами, и говорит, помогая ему не заснуть. Он не говорил, что ему хочется спать, и что он за рулем с самого захода солнца, но она ясно видит это по его лицу и слышит по голосу. Он предлагает включить радио, но предупреждает, что там нечего слушать, кроме проповедей и нескольких музыкальных станций; она отвечает, что ночь и так хороша, без радио, без музыки или бесплотных голосов, угрожающих карой небесной и серными озерами. Ей невдомек, что ему может показаться странным, почему все ее разговоры (в основном монологи, так как он почти ничего не отвечает) крутятся вокруг огня. По правде говоря, он так благодарен этой странной девушке за компанию, что не придает особого значения ее заикливости.

Она вспоминает мифы алгонкинов, греков и оджибве, где кролик или заяц крадет огонь и дарит его человечеству. Она рассказывает о Прометее, Книге Еноха и относительных температурах в различных

сегментах и слоях Солнца. Он вынужден прервать ее и просит объяснить, что такое Кельвин, а когда она переводит цифры в градусы по Цельсию, ему приходится спрашивать, как они относятся к градусам по Фаренгейту.

— 5800 градусов по Кельвину, — говорит она, имея в виду поверхность Солнца, и в ее голосе нет ни намека на снисхождение или раздражение, — примерно равны 5526 градусам по Цельсию, что чуть больше, чем 9980 градусов по Фаренгейту. Но если проникнуть глубже, в самое сердце Солнца, температура подойдет очень близко к отметке в 13 600 000 градусов по Кельвину или почти 25 000 000 градусов по Фаренгейту, — затем она сообщает, что самая высокая температура, когда-либо зарегистрированная на поверхности Земли, равна всего 136 градусам по Фаренгейту и была отмечена в ливийской пустыне Эль-Азизия 13 сентября 1922 года.

— Это случилось ровно за шестьдесят лет до моего рождения, — произносит он. — Ливия? Это где-то в Африке, правильно?

— Да, — отвечает она, — и в 1922-м, и сейчас тоже.

Он смеется, хотя она и не думала шутить.

— Ну, а в Америке какое место самое горячее?

— В Северной Америке? Или ты имеешь в виду Соединенные Штаты?

— Только США.

Она пару секунд обдумывает ответ и говорит, что за шестьдесят девять лет до его рождения температура 134 градуса по Фаренгейту была зарегистрирована в калифорнийской Долине Смерти 10 июля 1913 года.

— На самом деле, самая горячая точка в США, да и во всем Западном полушарии, находится в Долине Смерти: летом температура там обычно поднимается до 98 градусов.

— 98 градусов... Это не так уж и жарко.

— Да, — соглашается она, — совсем не жарко.

— Тебе обо всем этом рассказывал отец? — спрашивает он. — Сертифицированному пожарному следователю разве необходимо знать индейские легенды и температуру поверхности Солнца?

— Мой отец занимается производством фейерверков, — говорит она, будто не сознавая или не заботясь о том, что эта ложь противоречит предыдущей, — он специализируется на продаже батарей и огненного дождя. У него есть фабрики в Китае и на Тайване.

Не успевает Билли возразить, как она начинает объяснять, как разные химические элементы дают огонь разного цвета.

— Галогениды меди горят голубым. Нитрат натрия дает прелестный желтый оттенок. Цезий — оттенок индиго.

Билли провалил экзамен по химии в одиннадцатом классе, и ее слова мало что для него значат. Но он все равно спрашивает, как добиваются красного цвета.

— Это зависит, — вздыхает она и откидывается на спинку сиденья, убирая пряди черных волос с лица.

— От чего?

— От того, какой оттенок красного тебя интересует. Карбонат лития дает очень милые бордовые оттенки. Но если требуется что-нибудь насыщенное, лучше всего подойдет карбонат стронция.

— А зеленый?

— Соединения меди или хлорид бария.

— А золотые? Что нужно жечь, чтобы получить золотой фейерверк? Золотые всегда были моими любимыми, особенно такие большие звезды, — он убирает руку с руля и изображает взрыв мортиры и следующий за ним водопад золотистых искр.

Она поворачивает голову и некоторое время молча рассматривает его:

— Для золотистых оттенков папа обычно использует ламповую копоть.

Справа проносится указатель съезда с магистрали к мотелям, ресторанам и остановке для грузовых автомобилей всего в пяти милях езды. Он проверяет датчик топлива и видит, что красная стрелка колеблется чуть выше нулевой отметки.

— Не хочу показаться необразованным, но я понятия не имею, что такое ламповая копоть, — обращается он к женщине, называющей себя Айден.

— Мало кто знает, — она прикрывает глаза, — а это просто старое слово для сажи, на самом деле. Знаешь, что такое сажа?

— Конечно, я знаю, что такое сажа.

— Ламповая копоть — это очень чистый вид сажи, ее иногда еще называют ваксой и собирают с частично сгоревших углеродных материалов. Ее использовали в качестве пигмента с доисторических времен, а еще это один из наименее светоотражающих материалов, известных человечеству.

— Мне придется поверить тебе на слово, — отвечает Билли; она снова улыбается обезоруживающей улыбкой, открывает глаза, и те опять горят золотисто-коричневым с вкраплениями янтаря. — А еще мне придется заправиться, и я бы не отказался от чашки кофе.

— Мне нужно пописать, — произносит она и на короткое мгновение жалеет, что у нее нет при себе дорожной карты; положение звезд и планет над полями кукурузы немного может ей сообщить.

— Ты пьешь кофе? — спрашивает Билли. Она кивает головой:

— Я пью кофе.

— Наверное, любишь с молоком, но без сахара?

— Я пью кофе, — повторяет она, как будто ей не удалось выразить свою мысль в первый раз. — Я пью его, хоть никогда особенно не задумывалась о вкусе. Он горький, а я не люблю горькое.

Билли кивает, ему и самому не особенно нравится вкус кофе. Они доезжают до поворота, он крутит руль вправо и съезжает с федеральной магистрали на освещенную броскими вывесками автозаправку с круглосуточным магазином. Заправка в Онаве ничем не отличается от других, еще один оазис электрического света, припаркованных автомобилей и рекламных щитов, расхваливающих все, от пива до местного стрип-клуба. Женщина, чье имя уже не Айден, а Маккензи, замечает «Макдоналдс», «Сабвей» и несколько чахлах деревьев. Вокруг на многие мили простираются фермерские угодья, и она подозревает, что дешевым забегаловкам здесь радуются больше, чем деревьям. Билли въезжает на парковку, неподалеку от мотеля, большинство мест на ней заняты грузовиками и фурами.

— Мы могли бы снять комнату, — говорит он как можно более обыденным тоном, думая о том, что встретил ее всего несколько часов назад. — Мы могли бы снять комнату и немного поспать перед дорогой в Су-Сити.

— Могли бы, — отвечает она безразлично, слова ее похожи на эхо. — Мне нужно пописать, — снова

сообщает она, меняя тему разговора, как будто они уже обо всем договорились. Он останавливает машину за бензоколонками, под алюминиевым козырьком заправочной станции, освещенным галогеновыми лампами. Как только он глушит двигатель, она выходит из машины и направляется внутрь. Туалеты находятся в одном углу рядом с холодильным автоматом, наполненным содовой и энергетическими напитками. Женская комната пахнет мочой, мылом и нестерпимо-сладким запахом туалетного ароматизатора. Но ей уже не раз приходилось чувствовать намного более неприятные запахи.

Закончив, она выходит обратно и видит, как он захлопывает багажник. Она ничего не спрашивает, но Билли все равно торопливо начинает объяснять:

— Что-то тряслось сзади, шумело. Оказывается, ослабло крепление запаски, — эта история не хуже других, и она не спорит. — Слышала этот грохот?

— Нет, — отвечает она и садится в машину.

Он выезжает с заправки и паркуется рядом с motelом 6, и она ждет в одиночестве, пока он заходит в лобби, чтобы зарегистрироваться. Билли предлагает заплатить за комнату, так как это изначально была его идея, и она не возражает. Сидя в машине, она внимательно рассматривает небо через лобовое стекло, пытаясь различить звезды сквозь оранжево-белую дымку световой какофонии. Но те почти не видны. Заметны только самые яркие, а ведь она знает небо как свои пять пальцев (ей много раз это говорили). Она запоздало вспоминает, что они так и не выпили кофе на заправке.

Когда Билли возвращается, у него в руках небольшой бумажный конверт с логотипом мотеля, через неплотную бумагу просвечивает пластиковая карта с магнитной полосой.

— Я скучаю по настоящим ключам, старым латунным ключам, прикрепленным к большим кускам пластика в форме брильянта. Эти ключи можно было оставить себе как сувенир. Но из этого, — она сделала паузу, указав на конверт, — сувенира не выйдет.

— Откуда ты? — спрашивает он, втискивая машину в пустое пространство около их комнаты. — Никкак не могу определить твой акцент.

— Разве это важно?

Она пожимает плечами, и это все, чем ему приходится довольствоваться в качестве ответа. Никто из них больше ничего не говорит. Возможно, они прошли тот момент, когда разговоры необходимы. Так бы она ответила, если бы ей задали этот вопрос. Ночь в самом разгаре, ее не нужно подгонять болтовней.

Внутри она подходит к раковине и брызгает ледяной водой на лицо и заднюю сторону шеи. Билли включает телевизор, выбирает канал, где круглосуточно крутят старые фильмы, и уменьшает громкость. Она не узнает фильм, но он черно-белый, и это ее полностью устраивает: помогает сгладить впечатление от вычурных несочетающихся обоев и покрывала, уродливого ковра и еще более уродливой картины, висящей над широкой кроватью.

— Мне было всего четырнадцать, когда я в первый раз... — начинает он, но она опускает влажный палец на его губы, заставляя замолчать.

— Это неважно. Ни для меня, ни для кого-либо еще. — И тогда он садится на край кровати и смотрит, как она раздевается. Она худенькая — но не настолько, как ему казалось, — с маленькой грудью и плоским животом. Волосы на лобке такие же черные, как и на голове, и образуют внизу живота букву V. Она

аккуратно складывает свою выцветшую, истрепанную дорогой одежду, что удивляет его больше, чем красный треугольник, вытатуированный между лопатками. Он спрашивает, что обозначает рисунок, и она говорит, что это старый алхимический символ огня, хотя он также может значить и многое другое. Он спрашивает, где она его сделала, и она честно отвечает, что не помнит.

— Но это было очень давно, — говорит она и начинает его раздевать. Стягивает через голову футболку, расстегивает пряжку ремня, и тогда Билли берет все в свои руки. Кровать мягка и прохладна, белые простыни пахнут тяжелым фруктовым запахом кондиционера для белья. Когда он целует ее, на его губах остается привкус пепла, но он ничего не говорит. Она забирается на него, и он легко в нее проникает. Он кончает почти сразу, но ее это не волнует, она шепчет успокаивающие слова в его левое ухо и с силой трется своими бедрами о его. Ему приходит в голову, что все это сон, потому что все вокруг слишком нереально. Многие годы единственным способом снять напряжение были собственные руки и тюбик увлажняющего геля. Слова, которые она шепчет ему, вспыхивают в сознании так ярко, что он не уверен, что не видит их сквозь сомкнутые веки. Она скачет на нем, ее зубы и язык, слюна и нёбо отдают пеплом, как и видения, которые льются с ее губ — ослепительные, изысканные призраки огненных катастроф. Он снова кончает. Он распахивает глаза и хватается ртом воздух; она улыбается и целует его.

— Закрой глаза, — говорит она тоном, в котором почти сквозит злоба. — Держи их закрытыми. Зажмурься так крепко, как только сможешь.

Билли слушается, и он понимает сейчас, что яркие видения — не столько то, что она хочет ему показать, но то, что ему нужно увидеть.

— Хороший мальчик, — шепчет она и кладет ладони на его голову. Они любили друг друга в таком темпе и с такой силой, что позже в своем блокнотике, служившем ему дневником, он напишет: *«Это был жесткий секс. Мне казалось, что она чуть ли не насилует меня. Но это не было изнасилованием»*. А еще он опишет, насколько тихой она была, как раздражающе тихи были ее оргазмы. Но в основном он будет писать об огнях.

Он напишет: *«Я думаю, она была уроженкой Гавайских островов. Она была гавайской женщиной, а ее прапрапрабабушка занималась любовью с богиней Пеле»*.

Она скачет на нем, и языки пламени пляшут у него в голове, лижут изнутри его веки и дешевые обои комнаты в мотеле.

— Это мой подарок, — шепчет она, — единственный подарок, который я могу сделать.

На мгновение перед его глазами мелькает другая летняя ночь, 18 июля, за тысячу девятьсот сорок пять лет до того дня, как он увидел ее на обочине федеральной магистрали в Айове. Он стоит на римской улице, рядом со скоплением лавок неподалеку от Большого Цирка. С полнолуния прошло две ночи, и огонь уже разгорелся. Он будет гореть шесть дней и семь ночей; Нерон обвинит христиан в поджоге.

Билли чувствует ее ладони, ее короткие ногти впиваются ему в голову, возможно оставляя кровавые царапины. Но он не открывает глаз и не просит остановиться.

Мгновения проходят, унося столетие за столетием, Рим исчезает, и он оказывается на берегу реки

Сумидо, перед разделенным на кастовые кварталы японским городом Эдо. 2 марта 1657 года, ураганной силы ветер с северо-запада раздувает пожирающее город пламя. Бамбук все еще сухой после прошлогодней засухи. Но Билли почти не чувствует ветра, тот едва касается его. Небо над головой заволочло дымом, подсвеченным пламенем, его серо-черные клубы будто бы сошли со страниц книг Данте или Мильтона. В следующие три дня погибнет больше ста тысяч человек.

Вот он сидит в окружении множества людей под куполом цирка братьев Ринглинг, Барнума и Бейли. Это влажный июльский день 1944 года, и высоко над его головой летающие акробаты Валленда только-только начали свое представление с трапецией. В течение нескольких секунд шатер загорится. Материя пропитана смесью парафина и неэтилированного бензина, чтобы сделать ее водоотталкивающей. Меньше чем за восемь минут весь шатер будет объят пламенем, и тающий парафин напалмом обрушится на головы семи тысяч человек, пытающихся спастись от огня. Под конец Билли кажется, что он слышит крики диких животных, но нет, говорит она, нет, это голоса людей. В тот день не погибла ни одна из хищных кошек, ни один слон или верблюд.

— Хватит, — говорит он и попадает в другой день. На этот раз не слишком далеко. Совсем недалеко. Всего один год. Это 6 августа 1945 года, Хиросима. Каким-то образом Билли не испаряется, когда атомная бомба «Малыш» разрывается в шестистах метрах над его головой. Следующая за взрывом волна огня превращает песок и стекло в пузырящиеся густые лужи, и все вспыхивает. От некоторых из ста тысяч погибших остались лишь

тени на мостах и стенах зданий. Но были и те, от кого осталось еще меньше.

И уже неважно, как много раз он отчаянно просит ее прекратить. Он умоляет, он кричит, всхлипывает, но катастрофы, которые он видит с закрытыми глазами, продолжают сменять одна другую.

— Я была там. Во время каждой из них. Я храню эти воспоминания, и это мой дар тебе.

18 апреля 1906 года более трех тысяч людей погибают в результате землетрясения и последовавшей за ним огненной бури в Сан-Франциско.

Дрезден, Германия, несколько минут пополуночи 14 февраля 1945 года, в день Святого Покаяния; сотни английских бомбардировщиков сбрасывают сотни тонн взрывчатки и зажигательных снарядов на седьмой по величине город гитлеровской Германии. Билли вместе с шестью тысячами человек прячется в одном из крупнейших бомбоубежищ под центральной железнодорожной станцией. Почти все вскоре будут мертвы. К восходу большая часть города окажется во власти огня, температура которого достигнет двух тысяч семисот градусов по Фаренгейту. Он смотрит, не в силах отвернуться, и знает, что женщина, называющая себя Айден, находится неподалеку. Он слышит, как она вслух читает слова, которые выживший в этом аду однажды напишет на бумаге:

— Мы видели ужасные вещи. Обугленные тела взрослых, куски рук и ног, мертвецы, целые семьи, сгоревшие заживо, обожженные люди, бегущие куда-то, переполненные беженцами вагоны, мертвые спасатели и солдаты. Многие ходили по городу и звали своих детей и родных; и огонь, везде огонь, и горячий ветер гнал людей обратно в горящие дома, из которых они пытались выбраться.

— Я не знаю, зачем ты мне это показываешь, — говорит он, пытаясь перекричать какофонию взрывов и крика.

— Нет, — шепчет она, и он отчетливо слышит ее, — ты прекрасно знаешь почему.

За этим следуют и другие картины: пожары, которым нет числа. Потом он попытается все записать. Поджог в Атланте, совершенный по приказу генерала Федерации Уильяма Текумсе Шермана. 8 октября 1871 года, когда одновременно с Чикаго сгорели Пештиго в Висконсине, Холланд, Манисти и Порт-Гурон в Мичигане. В Чикаго погибли сотни людей, а в Пештиго мужчины и женщины, пытавшиеся спастись в воде, сварились заживо. Огненная буря образовала торнадо, поднимавшее в воздух дома и грузовики как раскаленные игрушки.

— Открой глаза, — говорит она, и он открывает. Вокруг него только убогая комната мотеля, бормотание телевизора и голая девушка, обхватившая его бедрами. Он всхлипывает, и она разглядывает его, как какое-то потустороннее явление, которое никогда не получится по-настоящему понять. Она слезает с него, и Билли, плача, садится на край кровати. Проходит почти пятнадцать минут, прежде чем он что-либо говорит:

— Я больше не буду. Я обещаю. Я, черт меня побери, никогда не буду этого делать, никогда.

Она смеется, и ее смех звучит как пар, вырывающийся из прорванной трубы. Смех, как раскат грома, как удар молнии, нашедший свою цель.

— Я пришла не для того, чтобы остановить тебя, Билли. Я пришла удостовериться, что ты никогда не остановишься.

У него во рту привкус пепла, и когда он моргает и протирает глаза, в воздухе продолжают дрожать

триллионы огней, сверкающих на фоне задымленных небес.

— Я не думала, что мне придется объяснять эту часть, — произносит она, вспоминая всех, кто в самом конце падал перед ней на колени и умолял продолжить.

— Когда это случилось в первый раз, мне было всего четырнадцать, — говорит он.

— Я знаю. Думаю, ты неплохо справился. Тебе предстоит совершить множество великих дел перед тем, как ты умрешь.

Она одевается и, держа туфли в руке, босиком выходит из комнаты, оставляя его одного. Женщина, которая больше не называет себя Айден, женщина, которая не знает, как, где, почему или даже когда это началось, идет вдоль стоянки. Она минует его машину, и самодельная бомба в алюминиевом чехле надежно закреплена под запасным колесом. Она будет в Су-Сити, когда бомба сработает, конечно же. Но прямо сейчас ей необходимо пройтись. Восточный горизонт окрасился в оттенки розового и фиолетового, мир встречает новый день. Подойдя к выезду на федеральную трассу, она начинает рассказывать себе новую историю, историю о птице феникс, которая, возможно, была ее матерью. Как она помогла великой птице построить гнездо из ладана и веток мирры. И как она подожгла это гнездо...

Кэтлин Р. Кирнан — автор нескольких романов, в том числе «Низкая красная луна», «Дочь Псов», «Красное дерево», которые были номинированы на премию Ширли Джексона и Всемирную премию фэнтези. Ее роман «Утонувшая девушка: воспоминания» вышел в издательстве «Пингвин».

Начиная с 2000-х годов ее странные мрачные и причудливые рассказы выходили в нескольких сборниках: «Истории боли и удивления», «С далеких странных берегов», «Алебастр», «Чарльзу Форту с любовью», «Слово “пришелец” начинается с буквы “п”» и «Окаменевшая скрипка». Журнал «Субтеррениен пресс» недавно опубликовал ретроспективу ее ранних работ: «Два мира и то, что между ними: Лучшее от Кэтлин Кирнан» (том первый).

Кирнан живет в Провиденсе, на Род-Айленде.

«Мне всегда трудно назвать источник вдохновения для той или иной истории. Когда нужно написать рассказ, я сажусь и пишу. Я разглядываю пустую страницу, и что-то приходит ко мне. Или же во мне зарождается какая-то идея, и я развиваю ее дальше. Я сама нахожу свои истории.

В случае с «Трутом, огнивом и кремнем» — название отлично подошло бы какой-нибудь адской юридической фирме — у меня была всего пара намеков, на основании которых я написала историю.

Одно знаю наверняка — много лет я хотела написать историю про пожар в Пештиго, странное и ужасное событие, случившееся в одно время — но за много киломе-

тров от них, — с великим чикагским пожаром и пожаром в Порт-Гуроне. Это я и сделала в моем рассказе.

Как может не заворожить пламя, эта разрушительная сила, когда мы больше не в состоянии его контролировать или когда оно используется как оружие? Множество подобных идей сложились в моей голове в образ женщины, которую влечет к пожарам еще до того, как они произошли».

Питер Краутер

Привидения с зубами

О ужас! Вытащить из девочек кости
и оставить в живых!

Сибири Куинн, Дом ужаса

Бу!

Спуки, маленькое крутое привидение

ПРОЛОГ

Хью очнулся от воя сирен. Страшная боль в висках по сравнению с обычными приступами головной боли была как хиросимский «Малыш»¹ по сравнению с салютом в честь Дня независимости. Первая мысль, которая пришла ему в голову, — ничем не шевелить: ни головой, ни руками, ни ногами, ни задницей, ни пальцем...

...и почему, как только он подумал о движении пальцем, у него внезапно возник приступ паники?

...вообще ничем. Даже дышать было больно, поэтому каждый вдох он делал настолько редко, насколько мог выдержать. Он закрыл глаза. Это тоже было больно.

Сирены смолкли совсем близко. Они что, остановились рядом? Тогда вполне вероятно, что он лежит на улице. Он снова открыл глаза и медленно повернул голову. Нет. Это была комната. В ней горел свет. Он лежал на ковре. Это одна из комнат в его доме.

¹ Название атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Его дом?

Их с Энджи дом.

Итак, он лежал лицом вниз в гостиной своего собственного дома. Он слегка приподнял голову и увидел, что диван и кресло перевернуты на бок... а по полу растеклась кровь. Наверное, его. Если уж испытываешь такую невыносимую боль, значит, точно должна быть кровь. Он простонал имя жены. Ответа не было. Господи, что же случилось?

Кто-то начал колотить в дверь.

— Я не могу двигаться, — проговорил Хью слабым дрожащим голосом.

— Это полиция, — раздался суровый голос, — откройте.

Ему срочно нужно попить. Хоть что-нибудь...

Жадюге Нэн не снится, пора бы подкрепиться.

...чтобы не было этой сухости во рту и глотке.

— Мы входим, — предупредил тот же голос.

— Энджи, — простонал Хью.

И тут же стал вспоминать.

I

Тюбуаз, штат Мэн — читается как Тю-буаз, — это не совсем город. Скорее, изгиб дороги, запятая между словами, пук между стульями... средний фильм в трилогии. Развлечение между городами, где занимаются серьезным бизнесом, такими как Портленд или Бангор, например, в получасе езды отсюда.

Тюбуаз — поселок, состоящий из семнадцати домов и сорока одного жителя, своеобразная коммуна близких по духу людей между трассой 1 и задворка-

ми автострады А-95, расположенный так близко к Атлантике, что иногда можно даже разглядеть белые барашки волн и почувствовать соль в океанском ветерке.

Но здесь то и дело идет дождь.

Хью Риттер взглянул на свою жену Энджи и погладил ее по коленке, единственной части тела, кроме лба, которая не была прикрыта.

— Мы почти приехали, детка, — сказал он, — мы почти дома.

Энджи потянулась, зевнула, запахнула пальто и уставилась в окно.

— О! — воскликнул Хью. — Что это там такое?

Повернув направо, они сразу же увидели знакомую фигуру помощницы шерифа Мод Ангстрем. Та выставляла на асфальт деревянные козлы, к которым был прибит знак «ДОРОГА ЗАКРЫТА».

Хью подъехал ближе и остановился прямо перед знаком. Помощница шерифа в непромокаемом плаще сразу же подбежала к водительскому окну.

— Привет, Мод, — поздоровался Хью. — Что случилось?

— Привет, Хью, привет, Энджи.

— Эй, Мод, решила поиграть с нами в «Сласти или напасти»? — Энджи нагнулась, чтобы увидеть выражение лица Мод Ангстрем, чуть не уткнулась лицом в колени мужа и покраснела.

— Хотелось бы, — прокричала помощница сквозь ветер и дождь и ту же затянула непромокаемый плащ на шее. — Дорогу впереди основательно размыло, и несколько машин свалились в кювет. Фрэнк приказал, чтобы мы всех разворачивали. Меня сюда отправили наводить порядок. Единственное, что могу вам посоветовать, — двинуться обратно и повернуть

налево к Уиллерс-Пойнт. Можете оставить там машину и дойти до города пешком через поле Арчи Гудлоу.

— Черт побери! — буркнул Хью. — У нас полный багажник вещей, Мод, одежда и все такое...

— Ездили куда-то, Хью?

Хью кивнул:

— Навещали сестру Энжди, Нэн, и ее сына в Бостоне. Мне не очень нравится идея идти под дождем, навьюченным как осел. Может, сначала пропустишь нас, а уж потом поставишь знак?

— Ну, не знаю, Хью. Фрэнк мне строго-настрого наказал.

Мод пожала плечами, посмотрела на Хью, потом на Энджи и снова на Хью, и улыбнулась. Хью предположил бы, чтобы она этого не делала. Она не просто улыбалась губами; верхняя поднялась, обнажив коричневатые у корней зубы и темно-голубые десны.

— Мы будем тебе очень благодарны, Моды, — сочла нужным добавить Энджи.

— Черт знает, что такое, — сказала Мод Ангстрем, подтянула брюки прямо через плащ, а потом вытерла лицо рукой в перчатке. — Я-то думала, что распоряжение выполнено, ну да ничего, два человека погоды не сделают, — она оттащила козлы с дороги. — Проезжайте, вот только если туда заедете, обратно уже не вернетесь, — она хрипло закашлялась. — Только поосторожнее, — крикнула она Хью, пока тот закрывал окно.

— Если встретим Фрэнка, ничего ему не скажем, — прокричал Хью.

— Да он уже наверняка знает, — бросила Мод им вслед. — Но мне все равно нужно будет ему доложить.

Когда они проехали мимо внедорожника Мод, Хью сказал:

— Странно все это.

— Чего странного? Это правильно, на мой взгляд. Ты поаккуратнее с педалью газа, а то свалимся в канаву, и Фрэнк будет орать как сумасшедший на нас... и на Моды за то, что нас пропустила.

— Только не это, — ответил Хью, внимательно глядя в зеркало заднего вида. — А куда она подевалась?

Ничего не ответив, Энджи опустила свое зеркало. Хью был прав. Помощница шерифа исчезла.

— Наверное, понеслась докладывать Фрэнку, что нас пропустила, — она повернулась к Хью. — Да ладно тебе, дорогой, она хоть что-то делала без одобрения Фрэнка? — и буркнула скорее для себя, а не для Хью: — Не могла же она испариться?

Хью притормозил.

— Ясно как день, ее там нет. — Он съехал на обочину, перевел рукоятку коробки передач в положение «Паркинг», вышел из машины и посмотрел назад. Там поперек дороги стояли ровный, как строй солдат, барьер и внедорожник. Но Мод не было.

Позади него засигналила машина.

— Закрой дверь, милый, вся машина промокнет.

Хью закрыл дверь и пошел назад.

— Да брось ты! Может, она просто решила сходить в туалет.

— Пописать, что ли? Если ты именно это имеешь в виду, то так и говори!

Вполне возможно, так оно и есть. Он вспомнил, что Мод нервничала. Хорош же он будет, если появится перед ней, а она со спущенными штанами. Он повернулся и сел обратно в машину.

Через несколько секунд они уже ехали домой, но до самого поворота Хью все время смотрел в зеркало, высматривая, не сел ли им на хвост внедорожник Мод.

II

Когда они въехали на главную улицу, Энджи начала хихикать.

— Что? — Хью замедлил движение, объезжая брошенный кем-то у края дороги «Линкольн». Хью разглядел в зеркало, что одно из передних колес заехало на тротуар; более того, машина, видимо, продолжала движение и уткнулась в стену Морского музея.

— Что за люди! — сказал он.

— К старой миссис Слейтер наверняка приехала одна из дочерей.

— Ну и что тут смешного?

По радио женщина с сильным акцентом уроженки Мэна рассказывала о привидениях как неотъемлемой части Хэллоуина. Хью протянул руку и выключил приемник.

— В общем, она — дочь, а не миссис Слейтер — стояла как приклеенная у окна и орала. — Энджи, изменив голос, запричитала как сумасшедшая: — *Помогите, вытащите меня отсюда, ради бога!*

Хью улыбнулся. Справа, на противоположной стороне улицы, на автобусной остановке стоял школьный автобус без водителя.

— А потом я снова обернулась — я отвлеклась на секунду, — и ее уже не было. Наверное, просто спряталась, когда заметила, что я на нее смотрю.

Хью подумал, что на улице непривычно тихо для часа пик, хотя в Тьюбазе никто никогда не спешил

даже в час пик. Но сейчас на улице вообще никого не было. Ливень усилился и стал принимать какие-то библейские масштабы.

Проезжая мимо аптеки Максвелла, Хью взглянул на широкое окно и удивился, что там не было не только покупателей, но и самого папаши Максвелла, при любой погоде сидевшего в своем плетеном кресле у прилавка.

Хью наклонился вперед и сквозь лобовое стекло посмотрел на небо. Никаких ведьм не летало, да и до традиционной для Хэллоуина игры в «Сласти или напасти» оставался целый час. Зима уже притаилась за занавесом, готовая выйти на сцену.

Он снова посмотрел на дорогу:

— В окне дома, следующего за участком Джерри, стоит какая-то женщина.

— В том, что уже лет сто продается? — Энджи кивнула. — Хм, я думал, что там никто не живет.

«Что такое полтергейст?» — спросила радиоведущая приглашенного в студию гостя, писателя-фантаста.

Хью нахмурился и взглянул на приемник.

— По-моему, я его выключил, — пробормотал он.

Энджи снова уставилась в окно:

— Я тоже так думала. Я имею в виду, что дом... Что он пустой.

Она повернула голову и стала смотреть вперед, как раз когда они свернули на дорожку, ведущую к дому.

— Должен сказать, я очень рад, что все закончилось, — заявил он, выключил двигатель и вынул переднюю панель приемника из гнезда.

— Хью... — Энджи подалась вперед и положила руку на ладонь мужа.

Он поднял голову и встретился взглядом с Элеонорой Фергюссон, которая прижалась лицом к бо-

ковому стеклу в нескольких сантиметрах от его головы.

— Господи, Элли...

— Хью, Энджи, это вы?

Хью отстегнул ремень безопасности и открыл дверь. Элеонора, схватившись за воротник свитера обеими руками, пыталась плотнее закрыть шею.

— Элли, вы...

— Они здесь, Хью, — сказала она, чуть ли не рыдая, и повернула голову, посмотрев на противоположную сторону дороги. Джо МакХендрик в сдвинутой на затылок бейсболке с логотипом команды «Ред Сокс» и засученными до локтей рукавами стоял перед своим домом с мотыгой в руках. Он смотрел на них. Хью приветственно махнул рукой и снова повернулся к Элли, но та уже шла по заросшей травой обочине к пляжу, причем спиной вперед, продолжая стягивать воротник свитера на шее, качая головой и переводя взгляд с Хью и Энджи на неподвижно стоящего МакХендрика.

Вдруг она вытянула палец и ткнула им в сторону Хью, то ли указывая на что-то, то ли предупреждая, то ли угрожая.

Мистер МакХендрик медленными, но уверенными шагами, держа мотыгу наподобие копья, двинулся вслед за женщиной.

— Оставь ее в покое, милый, — прошептала Энджи.

— Все они, — закричала Элеонора, заглушая ветер, — все они здесь!

Это был Хэллоуин, субботний вечер самой дождливой с 1973 года зимы в Мэне, когда Атлантический океан, прорвав дамбу в Санни-Холлоу, затопил прибрежную трассу и остановился лишь у Григгс-Мола. Дождь теперь шел почти горизонтально, Хью и Эн-

джи промокли... промокли насквозь, но так и стояли под дождем. Небо над ними становилось все темнее, но мокрый и продрогший Хью не мог просто так пойти в дом и оставить пожилую женщину на улице.

— МакХендрик ее приведет, — прокричала Энджи, подходя к двери.

— Какого черта он там делал? — буркнул Хью. — Он что, сад обрабатывал под таким ливнем?

Посмотрев вслед движущейся по улице фигуре, Хью внутренне согласился с женой — Джо действительно ее догонит. Только эта мысль почему-то не внушала ему оптимизма.

— Пошли домой, — заныла Энджи и взглянула на небо.

Хью отступил в сторону, взглянул на улицу и снова увидел МакХендрика, махнувшего рукой и двинувшегося по дороге к старой лесопилке и пруду. Хью потряс головой и снова посмотрел на дом МакХендрика.

— Погоди-ка здесь...

— Что такое?

Хью показал пальцем на дом:

— Просто я... Он уже ушел.

— Кто? Хью, ну дай же мне поскорее ключ!

— Прости. — Он сунул руку в карман, достал ключ и открыл дверь. — Мне показалось, я только что видел МакХендрика, вот и все. Он был возле своего дома.

— Меня это не удивляет. Это же его дом.

Энджи распахнула дверь, отключив первую цепь сигнализации, и пошла к контрольной панели, чтобы набрать код отключения.

— Эй! — вдруг сказал Хью. — Смотри, там, в спальне.

— Черт! — Энджи прикрыла глаза рукой. — Неужели я снова оставила открытое окно? — Она вер-

нулась на улицу, увидела, что окно плотно закрыто, и оглянулась на Хью. — Это хэллоуинские штучки или что-то другое?

— Это что-то другое, — ответил он. — По-моему, я видел кого-то в окне.

Хью оглянулся на дом МакХендрика:

— И там тоже. Ведь дома никого нет.

— Это все игра света, — сказала Энджи.

— Хм... наверное.

— А где мистер Хендрик?

— Он пошел за Элли Фергюссон.

— Тогда он не может быть у себя дома?

— М-м-м... наверное.

— А другие слова ты знаешь?

Хью посмотрел на нее и вдруг улыбнулся:

— М-м-м, наверное.

Энджи шлепнула его по руке. Хью притворился, что ему больно, и снова посмотрел на дорогу, ведущую к лесопилке, а потом на их дом.

— Можешь объяснить, что здесь происходит?

Хью пожал плечами:

— Наверное, просто дождь и игра теней, вот и все.

Энджи посмотрела на окно спальни:

— Может, стоит кого-нибудь позвать?

Хью открыл багажник и достал оттуда две сумки.

— Позвать? — Он захлопнул дверцу и подошел к жене, которая продолжала смотреть на окна спальни второго этажа. — Кого?

— Их!

Хью вздохнул:

— Кого их?

— Может, шерифа? Что-то мне страшно входить.

Хью покачал головой:

— Ты только что выключила сигнализацию.

Энджи пожала плечами:

— Ты сам знаешь, что я имею в виду.

Он знал. Если охранная система не засекала постороннего присутствия...

— Она не отключится, если кто-то проник в дом, — сказал он, скорее для собственного спокойствия, чем для жены. — Наверное, это из-за дождя.

Энджи кивнула.

— Да, а ты устал, — она наклонила голову и окинула его взглядом. — Ты ведь устал, дорогой?

— Немного. Все из-за того, что вел машину через чертов Бостон...

— Сварить тебе кофе?

— А как же! Но для начала я схожу и переодену брюки. Я насквозь промок, когда вылезал из машины.

— Ага, и искал писающую Моды Ангстрем, а потом разговаривал под ливнем с Элли. Кстати, а что она имела в виду, когда сказала: «Они все здесь»?

Хью пожал плечами.

— Кого она имела в виду?

— Понятия не имею.

Энджи села на кухонный стул и стала вытирать полотенцем мокрые волосы:

— Она точно не выглядела счастливой.

В этот момент глухо звякнул дверной звонок. Энджи и сама не могла сказать, что именно так напугало ее, то ли сам звонок, то ли пустой дом, то ли мысль о том...

Он слушает ее, что-то шепчет, наблюдает за каждым движением...

...кто может стоять у их двери под дождем и звонить.

— Войдите!

— Что? — прокричал Хью сверху.

— У нашей двери кто-то стоит, — крикнула в ответ Энджи, приоткрывая дверь.

— Да, действительно, кто-то стоит, — пробурчал Фрэнк Гозински, снял шляпу и улыбнулся. — Хотели меня видеть?

— Разве?

— Мод сказала.

— Кто это, дорогая?!

Фрэнк посмотрел на лестницу и увидел Хью, застегивающего на ходу рубашку.

— Привет, Фрэнк!

Шериф кивнул.

— Хью... — моргнув, он скосил глаза на Энджи.

— Все в порядке?

— Фрэнк сказал, что мы его вызывали, дорогой. Наверное, Мод ему доложила.

— Разве? Разве мы его вызывали? А что именно сказала Мод?

— Наверное, я просто не так ее понял. Ничего страшного.

— Позвоните ей, — предложила Энджи, — может, она имела в виду кого-то еще?

Они думали, что Фрэнк достанет мобильный, но тот продолжал стоять.

— Никаких проблем, — Фрэнк стал вертеть в руках свою шляпу. — Просто я, наверное, ошибся, — он немного помолчал и вдруг погрозил им пальцем: — Вообще-то она сказала, что пропустила вас. Противная девчонка.

— Да, это я во всем виноват, — подтвердил Хью, — не ругайте ее.

— Я уже отчитал Мод, — Фрэнк прищелкнул языком.

— Мы только что приехали, — сообщил Хью, пытаясь сменить тему.

— Да? Откуда? — капли дождя стекали по лбу Фрэнка и падали на ступеньки.

— Из Бостона, — ответил Хью.

— Мы навещали мою сестру, — добавила Энджи.

— Нэн, — сказал Хью, — ее зовут Нэн.

— Ну да, я помню, Нэн, — подтвердил Фрэнк. — Я же тоже здешний, помните? — он взглянул на Хью и рассмеялся. — Говорите со мной так, будто я не знаю ее сестру.

Хью хмыкнул и пожал плечами, намекая, что шерифу пора уходить.

Фрэнк кивнул:

— В кровать, в кровать, Соня хочет спать. А ты не погоняй, отвечал Лентяй, Жадюге Нэн не спится, пора бы подкрепиться.

Некоторое время (показавшееся Энджи вечно-стью) все молчали, потом Хью поинтересовался:

— Это детские стишки?

Улыбка сползла с лица Фрэнка.

Энджи отступила назад.

— Нет, — ответил Фрэнк. — Есть такая присказка на Уолл-стрит.

Хью нахмурился и попытался что-то сказать, но Фрэнк вдруг захихикал и игриво стукнул Хью шляпой.

— Ну да, детский стишок. Так сказать, на дорожку.

И все они рассмеялись — Хью с Энджи немного искусственно, — и тут Энджи сказала:

— Да, совсем забыла...

— Что именно?

— Хью видел кого-то в доме.

— Когда мы вернулись, — уточнил Хью гораздо более непринужденно.

— Да? — спросил Фрэнк. — Вы можете сказать, кто это был?

Хью покачал головой и искоса взглянул на жену.

— Я не совсем уверен... я решил, что это просто дождь.

— В вашем доме идет дождь? — улыбка Фрэнка перестала быть веселой, и он сделал шаг вперед, оказавшись нос к носу с Энджи и вынуждая ее отступить. *Он уже в доме*, раздался шепот в ее голове. *Это не слишком хорошая идея.*

— Может, я...

— Это не слишком хорошая идея, — как завороченная повторила Энджи.

— Не слишком хорошая идея проверить ваш дом? Но ваш муж заявил, что сюда проник злоумышленник.

— Это был не злоумышленник, — сказал Хью.

— Значит, вы утверждаете, что кто-то проник в ваш дом по вашему разрешению? — шериф оглядел с ног до головы сначала Энджи, потом Хью. — Я не совсем уверен, что...

— Да у нас тут ерунда какая-то, — вырвалось у Энджи.

До нее тут же дошло, как по-дурацки прозвучали ее слова, но ничего другого она придумать не могла. Просто сделала маленький шагок вперед:

— Раз уж мы во всем разобрались, не будем вас больше задерживать...

— Если что, мы вам обязательно позвоним.

— Если не умрете, — с каменным выражением лица заметил шериф Гозински. Потом снова хихикнул и шутливо хлопнул Хью шляпой. — Я просто довожу до вашего сведения, чтобы вы были в курсе.

Шериф повернулся и надел шляпу, но в дверях снова заговорил:

— Вы наверняка слышали кое о чем. Почему женщину, как выяснилось, местную, держали под замком почти целый день, — он продолжал стоять к ним спиной. — Убийца, назвавшийся Живодером, вскрыл ее и вытащил внутренности, а потом разложил их по...

— Фрэнк! — почти закричал Хью.

— Боже, какой ужас, — прошептала Энджи.

— ...стоящим перед ней тарелкам. Зафиксировал ей голову и отрезал веки, чтобы она все видела.

— Фрэнк!

— Она была местной? — спросила Энджи.

— Ага, — проворчал Фрэнк.

— Этого не было ни в газетах, ни в новостях по телевизору.

— Пока не попало, но обязательно попадет.

— Мы непременно посмотрим, — заверил его Хью.

— Угу. Она умерла только спустя двенадцать часов, — шериф покачал головой и, прикрыв глаза ладонью, посмотрел на небо. — Мне кажется, он никогда не кончится, — обернувшись, он приложил руку к шляпе. — Еще увидимся. — И побежал под дождем к своей машине.

Энджи смотрела ему вслед и чувствовала что-то нехорошее, сама не понимая почему. Но это уже не имело никакого значения. Было слишком поздно.

III

Хью захлопнул дверь и снова поднялся наверх.

— Ты куда, милый?

— Пойду распакую вещи.

— Я могу это сделать чуть позже.

Хью покачал головой:

— Хотя бы начну.

Поднявшись по первому, самому длинному, пролету лестницы и зайдя на второй, более короткий, Хью почувствовал какую-то тревогу. Наверное, из-за Элли или из-за того, как Джо МакХендрик исчез с улицы. А может...

из-за всего сразу

...из-за какого-то странного ощущения...

как будто ты попал в незнакомое место

...что здесь что-то не так. Словно в доме кроме них есть еще кто-то. Может, лучше было разрешить шерифу все осмотреть? Хью был здесь один, лишь отдаленный звук включенного радио и хлопанье кухонных дверей подтверждало, что там, внизу, все в порядке. Мир здесь казался совсем другим, чужим и враждебным.

Он на мгновение остановился, наклонив голову в сторону, и пристально взгляделся в дверь спальни.

За его спиной по радио женский голос произнес:

— *Неправда, что полтергейст — просто озорство, это совсем не так.*

Раздалось громкое шипение, как будто кто-то перешел на новую волну, и послышалась знакомая музыка группы «Иглз», исполняющей «Отель “Калифорния”».

Он вошел в спальню, включил новостной канал и открыл настежь дверцы шкафа. Позади мужской голос сказал:

— *Представьте, что все члены вашей семьи вызывают полтергейст.*

— *Как будто дружелюбное привидение Каспер,* — перебил его женский голос, — *маленький крепыш Стра-*

шила, добрая маленькая ведьма Венди и Призрачное трио... все, кроме Венди и Каспера, конечно, дружно кричат «Бу!».

Слушатели в студии засмеялись.

Перебирая рубашки на вешалках, Хью услышал за спиной шум. Ошибиться было невозможно — кто-то ворочался в кровати.

— Эй? — негромко произнес он и повернулся. Ему не хотелось, чтобы Энджи услышала его.

Кто-то вздохнул?

— *Это миф*, — продолжил мужской голос, — *что полтергейсты при спектральном анализе похожи на безобидных котят, они...* — он замолчал, пытаясь подобрать правильное слово.

— Эй! — повторил Хью, вышел из спальни и перегнулся через перила. Энджи поблизости не было, но он слышал стук кастрюль в кухне.

— *...они — хищники.*

— *Хищники? Как в «Парке юрского периода»?*

— Да, — подтвердил мужчина, — *это привидения с зубами.*

— *Жуть какая*, — женский голос прозвучал чуть испуганно.

Уронив брюки на пол, Хью на цыпочках прошел вдоль перил, потом, прижавшись к противоположной стене, приблизился к двери в спальню. Вытянув шею, посмотрел сквозь открытую дверь. Ничего пугающего в спальне не было: шкаф, окно, в которое виднелась колокольня расположенной по соседству церкви, небольшая стопка книг и журналов на полу. Дальше видно не было из-за дверного косяка. Слегка толкнув дверь, он смог разглядеть чуть больше: застеленную кровать, стопку чистых простыней, которые пригото-

вила Энджи, и правый край окна, в котором, как ему показалось (боже, какая глупость!), он увидел злоумышленника, любовавшегося видом — будто имел на это право. (Хью не был уверен, что это *он*, а не *она*, хотя вообразил, что так оно и было. А может, и не было.)

Он медленно, но уже не так осторожно продвинулся вперед, пока не оказался в полуметре от дверного проема.

— Ты уверен, что хочешь кофе, а не чашку чая? — крикнула Энджи снизу.

Почти мгновенно повернувшись обратно к двери, Хью увидел, что та закрыта. Он приложил руку к груди и медленно выдохнул:

— И то, и другое — просто здорово.

— А поточнее нельзя?

— Ладно, тогда кофе.

— С молоком или со сливками?

Боже мой, Энджи!

— Со сливками, — сказал он. — Обожаю рисковать.

Энджи ушла (она стояла в холле как раз под ним), что-то напевая себе под нос.

Рядом с домом на улице послышался прерывистый звук автомобильного двигателя, как будто кто-то неторопливо кашлял, прочищая горло. На мгновение Хью пришла в голову мысль не оборачиваться, а просто отойти от комнаты и сбежать по лестнице в холл, прыгая через две, а то и через три ступеньки. Но вместо этого он, затаив дыхание, очень медленно повернулся, готовый, если заметит что-то неприятное, в любой момент убежать.

В комнате никого не было.

— Ну, разумеется, — пробормотал он про себя, будто сплевывал кусочки мяса, застрявшие в зубах.

— Ну и что ты по этому поводу думаешь, Хью? — поинтересовался женский голос из радиоприемника.

У Хью внутри словно что-то взорвалось. Женщина продолжила:

— Увидим ли мы призраков в новых сериях «Доктора Хауса»? С зубами или без?

Уже через несколько минут Хью, одетый в любимые джинсы и футболку, вприпрыжку спускался по лестнице... не обращая никакого внимания на ветер за окном, дующий с такой силой, что стекла дребезжали, будто в них стучится маленькая костяная нога.

IV

— Я открою, — крикнул Хью с полным арахисом. — Наверное, опять Фрэнк.

— Надеюсь, нет. И ты еще не закончил есть, — прокричала в ответ Энджи, свесившись через перила второго этажа. — Картошки сегодня на ужин не получишь.

Хью высунул язык, пытаясь не плюнуть полупережеванной массой на пол, но Энджи уже продолжила уборку.

Сквозь цветное стекло входной двери Хью узнал Гарри.

— Это Гас! — снова крикнул он.

— Пустите меня! — умоляющим голосом попросил Гарри с крыльца. — Они идут за мной.

Открыв дверь, Хью распахнул объятия:

— Входи, усталый путник.

Зайдя в дом, Гарри Аронсон сказал:

— Чертова погода.

— Я открыл дверь, как только прозвенел звонок, — заметил Хью. — Кофе? Или чего-то покрепче?

— Кофе будет в самый раз. Но только если ты сам будешь.

— Я уже пил... но выпью еще, если ты настаиваешь.

— Настаиваю. Сам знаешь, терпеть не могу пить в одиночку.

Хью поспешил через гостиную на кухню.

— Так и разориться можно, если ко мне часто будут гости по вечерам приходить, — бросил он через плечо.

— Ты всегда так говоришь.

— Точно, — Хью нажал кнопку кофеварки. — Но это все равно не помешает тебе пропустить со мной стаканчик-другой вина.

— Скорее всего, я воздержусь. Кстати, по дороге домой хочу заскочить в магазин и купить несколько бутылок. Сейчас там никого нет, и у них скидки на «Ойстер Бэй»¹... почти на десять баксов за штуку.

— Выгодное дельце?

Гарри многозначительно кивнул:

— Город сейчас пустой.

— Все из-за погоды, — сказал Хью, — людям не хочется выходить из дома и... — он замолчал, вспомнив, что ему сказала Мод.

Стоит вам только сюда заехать, и вы уже никуда не денетесь...

— ...еще одна вещь, — закончил Хью.

— Еще одна? Я, наверное, моргнул и пропустил первую?

— На съезде с трассы А-95 на Оганквит-роуд Мод Ангстрем разворачивает всех обратно.

— Да?

— Да.

¹ Сорт вина.

— С чего бы это?

Хью покачал головой:

— Говорит, чтобы никто не оказался ненароком в кювете.

— По правде говоря, там еще та дорога.

— Да, она не слишком хорошая, но...

— И дождь зарядил надолго. Велики шансы, что тебя занесет и выбросит в канаву.

— Да, но...

— А вас она не развернула?

— Мы не в суде, мистер Мейсон.

Гарри засмеялся.

Хью сделал глоток кофе:

— И еще одна вещь...

— Что-то «вещи» пошли у нас косяком, да?

— Она кое-что сказала.

— Кто? Энджи?

— Нет, Мод. Ты следишь за тем, что я говорю, или нет?

— Ну, и что она сказала?

— Она сказала: «Стоит вам только сюда заехать, и вы уже никуда не денетесь».

— О... Вы собрались куда-то?

— Нет... Мы никуда не едем, но...

— Тогда она права.

— Да, но...

— Вы же никуда не едете.

— Нет, не едем, — вздохнул Хью и потер лоб. — Только она не это имела в виду.

— Она не имела в виду, что вы не уедете?

Хью махнул рукой.

— А потом еще Элли Фергюссон...

— А она что натворила?

— Она сказала: «Они все здесь».

— Кто все?

— Не знаю, она просто сказала: «Они здесь, Хью»... а потом: «Все они»... и «Они все здесь».

— Думаешь, кто-то рыщет по округе и подкладывает марихуану под матрасы честных горожан?

— Ничего другого я от тебя и не ожидал, Гас.

— Чего другого?

— Ты всегда пытаешься унижить людей, которые хотят с тобой что-то обсудить.

— Хочешь знать, что я обо всем этом думаю, амиго?

— Не особенно, но ты мне все равно расскажешь.

— Конечно.

Помолчав полминуты, Хью сдался:

— Ладно, скажи.

— Мне кажется, у тебя перебор с сексом.

Хью остолбенел.

— Что?

— По-моему, господи боже мой... Как давно вы женаты?

— В каком смысле?

— Ладно, попробую спросить так, чтобы до тебя дошло: Как. Давно. Вы. Ж...

— Нет, идиот! — Хью поставил на столик вазу с печеньем. — Почему ты спрашиваешь о нашем...

— Потихе, амиго, ты...

— Не мог бы ты прекратить? Не называй меня «амиго»!

Гас наклонил в сторону голову и прикрыл глаза:

— Тогда ты тоже прекрати.

— Что?

— Я имею в виду эту гримасу. Выражение твоего лица, когда изображаешь обиженного.

Гарри положил в рот печенье и захрустел.

— Кстати, о птичках, — сказал он, — я видел вас с Энджелой. Если это была Энджела. Тебя-то я точ-

но узнал, — он отломил еще кусочек печенья и с блаженным видом начал жевать, подмигнув Хью.

— Гас, что-то я не понял. Когда ты меня видел?

— Сегодня утром.

— В Бостоне?

— Да не в Бостоне! Как же вкусно! — Гарри взял из вазочки еще одно печенье и сунул в рот. — Я видел тебя здесь, — и кивком указал наверх. — В спальне. Там ваше любовное гнездышко? Я знаю, что вы с Энджелой спите в...

— Гас, мы были в Бостоне, ездили навещать Нэн.

— Ну и как она?

— Отлично. У Нэн все хорошо.

— Прекрасно. Я всегда немного...

— Когда ты сюда заходил?

При виде выражения на лице Хью Гас нахмурился:

— Около девяти. Может, в половине десятого.

Я гулял с собакой.

— Мы вернулись домой полчаса назад.

Гарри пожал плечами.

— И еще одна вещь.

— Господи Иисусе, опять «вещь».

— К нам приходил шериф.

— А что вы натворили?

— Ничего.

Гарри многозначительно посмотрел на Хью.

— Он к вам зашел, чтобы..?

— Мод сказала ему, что мы хотели его видеть.

— А вы не хотели?

— Когда встретили Мод, еще нет, но потом, когда стали происходить кое-какие вещи...

— Опять чертовы «вещи»!

Хью глубоко вздохнул и потер голову:

— Так ты говоришь, что видел меня в спальне...
вернее, того человека, который был у меня в спальне?

Гарри кивнул и улыбнулся:

— Как только ты заметил, что я на тебя смотрю, тут же смылся.

— Гас, меня н-е-б-ы-л-о, можешь это понять?

Гарри поднял руки вверх:

— Ладно-ладно, успокойся. Тебя не было в этом доме.

Хью посмотрел на друга.

— Отлично. Я счастлив за тебя.

Некоторое время они молчали.

Затем Гас сказал:

— А Энджи не хочет попить кофейку?

— Сомневаюсь. Но спрошу.

Хью пошел обратно в холл.

— Боже, ну какое же вкусное печенье. Где ты его достал?

— Энджи, будешь кофе?

Он подождал.

— Лучше скажи ей, чтобы она поторопилась, если хочет печенья, — крикнул Гарри из кухни.

Хью, придерживаясь рукой за стойку перил, заглянул туда, где обычно стояла Энджи, когда они разговаривали, находясь на разных этажах:

— Энджи?

— У нее там радио включено? — спросил Гарри, неожиданно оказавшись за спиной Хью с чашкой в одной руке и шоколадным печеньем в другой.

Хью не ответил. Он снова позвал жену и поднялся на одну ступеньку. Потом, когда никто не ответил, еще на одну, и еще.

— Энджела?

Ее парадно-выходное имя... он всегда ее так называл, когда злился. *Или был напуган*, прошептал чей-то голос в голове Хью.

— Хочешь, я поднимусь? — спросил Гарри.

Хью не ответил. Он уже бежал наверх, прыгая через две ступеньки. Гарри не отставал.

— Энджи?

— Эндж! — закричал Гарри. Он знал ее ненависть к фамильярности и был уверен, что она не сдержится и ответит. Но было тихо. — Ладно тебе, Энджи, хватит нас разыгрывать!

Хью проверил ванную, спальню — никого.

Мужской голос с европейским акцентом — немецким или шведским, Хью так и не смог разобрать, вещал из радио: *Есть множество задокументированных фактов появления, так скажем, потусторонних существ, но в большинстве случаев речь шла об одном привидении. Представьте, если бы их было больше, чем одно.*

— Сколько? — спросил женский голос. — Два или, может быть, три?

— О, думаю, больше. Гораздо больше.

Гарри поставил чашку на маленький столик, стоящий у лестницы, ведущей на «гостевой этаж», как называли его Хью с Энджи, и позвал еще раз. Ответа по-прежнему не было. Он побежал по лестнице наверх, и Хью услышал, как Гарри обегает по очереди все комнаты, выкрикивая ее парадно-выходное имя.

V

Гарри спустился вниз, и Хью спросил:

— Ее там нет?

Гарри покачал головой:

— Нет.

Хью повернулся к двери в спальню.

— Ты заходил туда? — спросил Гарри.

— Я не решился, — голос Хью звучал не громче дыхания.

Гарри обошел друга, вошел в комнату и сразу же вышел. Сказать ему было нечего.

— Может, она куда-то вышла из дома?

— Зачем? И тем более не сказав мне? Нет, — голос Хью был полон безнадежности и отчаяния. — Хотя погоди-ка.

Лицо Гарри зажглось от радости.

— Она наверняка вышла из дома, — сказал он.

Гарри кивнул, но его улыбка — в ожидании услышать *«Она сказала мне, что ей нужно сбегать в магазин»* — быстро исчезла.

— Конечно, — сказал он. — А что она делала наверху?

Хью пожал плечами. У него начало крутить живот, и он подумал, что не мешало бы сходить в туалет.

— Прибиралась вроде, разбирала вещи...

Гарри посмотрел на дверь спальни.

— Похоже, она решила прикорнуть. Постель смята, — он подмигнул. — А ты уверен, что вы двое не...

Хью не стал ждать продолжения. Он рванул в спальню и застыл прямо на пороге. Постель действительно была вся перевернута.

— Гас, — сказал он, — тут что-то не так.

— *Вы говорите о привидениях, как о какой-то болезни.*

— *Да, думаю, это правильное определение.*

— *А как узнать, что оно в вас вселилось? Есть какие-то признаки?*

— *Может, призрачное дерьмо?* — предположил Хью Лори.

Аудитория расхохоталась.

— Надо выключить это паршивое радио, — сказал Хью. И сделал это.

Войдя вслед за другом в спальню, Гарри не сказал ни слова, он смотрел на свои руки. Шоколадные крошки растаяли. Он положил печенье в рот, один за другим облизал все пальцы и взглянул на Хью, молча изучая лицо друга.

Наконец Гарри произнес:

— Вы... вы ведь с ней не подрались, нет?

— Подрались?

— Знаешь... вдруг вы не совпали во мнениях и все такое, — он показал рукой на скомканное белье.

— Ты спрашиваешь меня, не спорили ли мы по поводу секса?

— Не совсем...

— Господи, Гас.

— Нет, я просто...

— Черт бы тебя побрал, Гарри!

Гарри ничего не ответил.

Они стояли в молчании, как им показалось, целую вечность.

Первым заговорил Хью:

— Где она, Гас?

— Не знаю.

— Как будто она просто взяла и испарилась, — Хью щелкнул пальцами.

Гарри не стал комментировать. Да и что ему комментировать, подумал Хью. Он молча уставился на простыни, потом вышел в коридор и снял телефонную трубку.

VI

— Вот мы и снова все вместе, — проговорил Фрэнк, когда Хью открыл дверь. — Привет, Гарри.

Он прошел в холл, держа в руках шляпу.

— Ну и мороки у вас сегодня с нами, — сказал Гарри.

Фрэнк пожал плечами:

— Обычно мы рассматриваем дела о пропаже человека только через двадцать четыре часа, но в данных обстоятельствах...

Хью едва сдержался, чтобы не спросить, чем его обстоятельства отличаются, но решил, что лучше не умничать.

Он был почти всю жизнь знаком с Фрэнком и его братом Горди, районным инспектором-детективом в Бостоне, и хорошо знал их серьезное отношение к своей работе... во всяком случае Фрэнка, учитывая, что Тюбуаз находится довольно далеко от Бостона.

Гарри позвонил домой и попросил Сару прийти. Теперь она готовила на кухне кофе и тосты с арахисовым маслом и малиновым желе. Хью и думать не мог о еде, но знал, что ему нужно восстановить силы. Он чувствовал себя до смерти измотанным.

— Это просто формальность, — сказал Фрэнк. Его лицо, в особенности рот, были напряжены. Обращаясь к Хью, он пристально смотрел ему в глаза. — Вы хотели спросить меня почему. Чтобы не терять времени, я отвечаю, — он улыбнулся и закатил глаза. — Чаще всего, — он понизил голос и взглянул на дверь кухни, откуда сейчас же высунулась Сара, — бывает, что люди психанут и идут прогуляться. И возвращаются еще до того, как я успею составить рапорт.

— Она никогда не уходила из дома просто так, — сказал Хью.

— Иногда жены ведут себя довольно странно, — осторожно заметил Гарри.

Шериф кивнул:

— Ладно. Хью, а сколько лет вашей жене?

— Сорок шесть.

— Ее полное имя?

— Энджела Роуз.

— Хорошо, а теперь расскажите мне о мужчине, которого вы видели в вашей комнате.

— Да тут нечего рассказывать. Мы...

— Я тоже его видел, — сказал Гарри, усаживаясь на стул рядом с пианино.

— В той же самой комнате? — вскинул голову Фрэнк. — В спальне?

— Сначала решил, что это Хью, — сказал Гарри, — но он отошел от окна, как только меня увидел.

— А это были не вы, Хью?

— Нет. Мы с Энджи ездили в Бостон, я уже говорил.

— У вас есть сигнализация?

— Есть.

— Да, по-моему, я видел пульт управления на кухне, — Фрэнк что-то записал и замолчал на половине предложения.

— Да?

Фрэнк нахмурился:

— Что — да?

— Пульт на кухне?

— Ну да, я его видел.

— Когда?

— Когда я видел пульт?

— Хм..

— Наверное, раньше.

Хью молчал.

— А в чем проблема?

— Никаких проблем.

Фрэнк развел руками:

— Просто вы так это говорите...

— Никаких проблем, Фрэнк, просто я не помню, чтобы вы заходили к нам на кухню.

Шериф хохотнул и посмотрел на Гарри.

Гарри тоже рассмеялся и посмотрел на Хью.

Хью, в свою очередь, хмыкнул и покачал головой.

— У вас были с этим какие-то проблемы?

— Вы имеете в виду сигнализацию? — когда Фрэнк кивнул, Хью продолжил: — Нет, не было. Разве что несколько раз отключали электричество, но там есть батарея на семьдесят два часа. Мы звонили в фирму всего один раз, чтобы перезапустить систему, а проблем у нас не было.

— То есть она не была отключена, когда вы вошли и увидели постороннего человека, — он повернулся к Гарри, — и когда вы заметили его сегодня утром. Правильно?

— Что-то я не пойму, куда вы клоните, Фрэнк.

— Я говорю, Гарри, что когда вы увидели в спальне Хью, простите, человека, которого вы приняли за Хью, сигнализация была включена. Правильно?

Гарри посмотрел на Хью, потом снова обратился к шерифу:

— Да, правильно.

— Правильно то, что сигнализация не сработала?

— Да, не было никакой сирены.

— Сирены не было и когда мы вернулись, — сказал Хью.

— Вы включали сигнализацию, когда уехали из дома?

— Да, конечно, дом все это время находился под охраной.

— Значит, когда Гарри увидел того человека в вашей спальне, она тоже работала?

— Да, это было в тот же период. Или, как они это называют, в ту же рабочую сессию.

— Но никаких проблем с сигнализацией у вас не было? У вас ведь стоит система «Суперсейф», да?

— Да, «Суперсейф», у них офис в Бостоне.

— Да, мы их хорошо знаем.

— «Хорошо знаем»... то есть у вас уже были с ними неприятности?

— Нет, не было, — пожал плечами Фрэнк. — Просто мы их знаем.

— Забавно, — сказал Хью.

Фрэнк, закусив губу, переводил взгляд с одного на другого:

— Ладно, пока все. Давайте подождем, пока Энджи вернется, а там посмотрим.

Шериф закрыл блокнот и сунул ручку в карман.

— Хорошо, на том и порешим, — он похлопал Хью по плечу. — Ты обязательно ее снова увидишь, — сказал он, — не волнуйся.

Хью с Гарри стояли в дверях, пока машина шерифа не исчезла из виду. Закрывая дверь, Хью заметил:

— Как-то странно он сказал...

— Чтобы ты не волновался? Не думаю, что...

— Нет, что я еще увижу Энджи.

— Наверняка увидишь.

— Но где она, Гас?

VII

Гарри хотел, чтобы Хью пошел искать Энджи на улицу, но тот отказался:

— Хочу быть здесь, когда она вернется.

Сара сказала, что она его понимает, но они больше ничем не могут помочь. Они бы, конечно, могли остаться, но к ним в гости на ужин должен прийти начальник Гарри. Гарри сказал, что они могут отказаться (хотя взгляд Сары, заметил Хью, утверждал обратное), но Хью отверг их предложение.

— Со мной все будет в порядке, — заверил он уже в дверях. Зимний свет едва пробивался сквозь затянутое тучами небо. В парке напротив морской туман обвивал своими клубящимися пальцами ветви деревьев.

— Ты уверен?

— Конечно.

Быстрый взгляд, которым обменялись его друзья, мог бы остаться незамеченным, но только не для Хью. Такое бывает между людьми, которые чувствуют себя друг с другом абсолютно комфортно и знакомы уже много лет. Наверное, Сара поняла смысл незаметного кивка мужа, надела пальто, повернулась, достала из кармана ключи и сказала, что пошла заводить машину.

— Ладно, — сказал Гарри, внимательно вглядываясь в лицо друга, — с тобой все в порядке?

Хью кивнул:

— Я уже говорил.

— Знаю, знаю, — Гарри прищурил глаза, словно хотел проникнуть сквозь невидимый барьер, которым отгородился от него Хью. Двигатель громко взревел, но очень быстро рев сменился тихим урчанием.

Глядя, как они уезжают, слушая шуршание шин по гравию, Хью внезапно почувствовал панику. Ему хотелось побежать вслед за ними, сказать, что он передумал, просить их остаться, чтобы во всем разобраться,

а потом вместе посмеяться над этим. Может, и Энджи нашлась бы, вдруг она, как говорила давным-давно его мама, просто пошла «прошвырнуться».

Он остался на месте, но ему было видно печальное выражение лица Гарри. Сара, пытаясь подбодрить мужа, что-то сказала и улыбнулась; ее лицо, освещенное огоньками приборной панели, было зеленоватого цвета. Когда машина скрылась в тумане, Хью повернулся и с тяжелым сердцем вернулся в дом.

После того, как он запер замок, из-за стоявшей внутри тишины ему на мгновение показалось, что он оглох. Звук телефона прозвучал неожиданно и пронзительно.

Сморщившись, как от боли, и молясь, чтобы звонок замолчал, Хью со всех ног бросился в гостиную. Это наверняка Энджи. Она звонит, чтобы объяснить, куда подевалась и где была. *Извини, но мне просто необходимо было прогуляться, милый.* Поднимая трубку и говоря: «Алло», он уже представлял ее голос.

Но сначала раздался треск, а потом мужской голос произнес:

— Мистер Риттер?

Это было очень похоже на голос Гарри; Хью решил, что они с Сарой уже добрались до дома и обнаружили Энджи сидящей у них на крыльце. Но нет, они бы не успели — ведь до их дома не меньше мили, а они уехали всего пару минут назад. Хью быстро, даже очень быстро обернулся и увидел, что на улице за большим окном гостиной кто-то стоит.

Он удивился, зачем кто-то звонит ему с улицы, где туман стал настолько густым, что уже не было видно даже края окна, но потом до него дошло: это всего лишь его собственное отражение.

— Да, — сказал он наконец, размышляя над тем, может ли туман одновременно убыстрить и замедлить его голос.

— Мистер Риттер?

— Да, это Хью Риттер.

— Вы уже попрощались с вашими друзьями, мистер Риттер?

— Простите?

— И с шерифом? Вы попрощались с шерифом?

— Кто это?

— О, нас множество, мистер Риттер — или я могу называть вас просто Хью? — в голосе явственно прозвучали интонации Фрэнка. — Сперва мы были такими, — добавил голос Энджи, — потом такими, — продолжил голос Гарри, — а потом стали совсем другими, — последняя фраза была произнесена голосом Сары Аронсон, сменившимся на пронзительный говорок Мод Ангстрем, прерываемый смешками. — Мы собираемся поразвлечься. Было бы неплохо, если бы вы смотались отсюда куда подальше.

И связь прервалась.

— Алло?

В трубке стояла тишина.

Его всегда интересовало, как он поведет себя, если наступит полный и беспросветный хаос. Каждый раз, когда такое приходило ему в голову, он представлял, что Энджи умирает. Но даже в этой ситуации можно было как-то взять себя в руки. Каким бы ужасным ни казалось это событие, оно хотя бы имело смысл. Происходящее сейчас вообще не имело никакого объяснения.

Хью убрал трубку от уха, посмотрел на нее с осуждением и разозлился, что ведет себя так предсказуемо. Зачем смотреть на трубку? Все равно это бес-

полезно. Трубка не сможет объяснить, что за человек — или люди — ему звонили. Могли ли все эти голоса принадлежать одному человеку? Это розыгрыш? Тогда, может, это не он — они — положили трубку, а просто прервалась связь? Тогда есть объяснение — туман и все такое...

Хью взглянул в окно и увидел свое отражение, которое тоже на него смотрело. Ему показалось, или на самом деле рука оконного Хью, та, в которой был телефон, продолжала двигаться, в то время как его собственная рука оставалась неподвижной?

Полный бред.

— Полный бред! — воскликнул Хью.

Он снова посмотрел на телефон и быстро набрал «*69». Хорошо поставленный женский голос сообщил ему, что входящий звонок сделан в 19:02.

Единственной проблемой был номер телефона, с которого тот был произведен...

— Это же мой домашний телефон, — сказал Хью, — не мог же я звонить сам себе?

Он снова набрал «*69», но линия была занята. Хью уже был готов крикнуть, как этот номер вообще может быть занят, но вдруг осознал, что короткие гудки могут и не означать, что человек на другом конце провода разговаривает с кем-то другим. Так бывает еще, когда кто-то в доме снимает трубку параллельного телефона.

Он нажал на кнопку внутренней связи и сказал: «Алло?»

Наверное, ветер гулял по карнизам и дымоходам, но он не мог избавиться от ощущения, что слышит чье-то дыхание. Оно не было похоже на дыхание спящего; так осторожно может дышать только человек, который за кем-то наблюдает.

— Алло? Есть там кто-нибудь?

В трубке что-то шелкнуло, и почти мгновенно телефон снова зазвонил.

— Алло?

— Мистер Риттер?

— Что, черт побери, вам нужно?

Звонивший, это был мужчина, сильно удивился:

— Простите, что?

— Это вы только что мне звонили? Несколько минут назад?

Некоторое время в трубке было тихо, наверное, звонивший тряс головой. Потом на всякий случай ответил:

— Нет, я звоню сейчас.

— В первый раз?

— Да, в первый раз.

Хью некоторое время молчал, пытаясь взять себя в руки:

— Простите за несдержанность. Это все из-за жены. Она...

— Я звоню как раз по поводу вашей жены, мистер Риттер.

— Вы знаете, где она?

— Я вас не потревожил? В смысле, я не слишком поздно звоню?

— Что? Нет... не слишком. Вы сказали...

— Это Шелли Митфорд из офиса шерифа в Тюбуазе. Шериф попросил меня вам позвонить.

— По поводу моей жены? — *Кто такой этот Шелли Митфорд*, подумал Хью. Он никогда о нем не слышал. — Вы...

— Это по поводу сигнализации.

— Сигнализации?

— Мы связались с сотрудниками «Суперсейфа», которые занимаются сигнализацией.

— Да?

— Шериф попросил меня узнать, возможно ли, что вы забыли включить сигнализацию, когда уезжали из дома?

— Забыли включить?

— Да.

— Знаете, я, конечно, мог забыть, но не в этот раз. Мы с Энджи, — Хью вдруг понял, что сидит на стуле и плачет, — когда вернулись домой... Энджи включила сигнализацию, сразу после того, как мы вошли в дом.

В трубке повисла пауза:

— Кому еще известен код вашей сигнализации?

— Кто знает наш код? — Хью стало казаться, что он попугай. — Гарри... Гарри Аронсон. Он был у меня вместе с шерифом не так давно. Наверное, и Сара тоже знает...

— Сара, сэр?

— Сара Аронсон. Жена Гарри.

— Кто-то еще?

Хью задумался, потом сказал:

— По-моему, еще подруга Энджи.

— Как ее имя?

— Флоренс. Флоренс Джиллиард.

— Не могли бы вы повторить по буквам?

Хью повторил.

— Она живет где-то поблизости?

Какой смысл отдавать ей чертов ключ, если бы она жила далеко! — подумал Хью.

— Да, — произнес он вслух и назвал адрес.

— Спасибо.

— Вот что еще...

— Да, сэр?

— А что они сказали? Люди из «Суперсейфа». Вы говорили, что звонили им?

— Что если бы в доме кто-то двигался, сигнализация обязательно бы сработала.

Хью ждал, что собеседник продолжит, но на том конце трубки молчали.

— И что это значит, сэр? — спросил он.

— Это означает, что в доме был кто-то, кто знает код или...

— Или?

— Или в вашем рассказе что-то не сходится.

— Не сходится?

— Да, сэр.

— То есть вы утверждаете, что я лгу?

— Я не...

— Но вы именно это имели в виду?

— Мы рассматриваем все возможности, сэр, — и через несколько мгновений полицейский добавил: — Может, это был полтергейст, — он кашлянул, прочищая горло, и пробормотал что-то вроде *привидениязубами*.

— Простите, не понял, — сказал Хью.

— Я сказал, что мы рассматриваем все возможности.

— Нет, после этого.

— После этого я ничего не говорил, сэр.

Должно быть, это туман так действовал на телефонную связь, но Хью показалось, что мужчина едва сдерживает хохот.

— Спокойной ночи, сэр.

Хью положил трубку.

Он пошел на кухню и начал набирать на контрольной панели код сигнализации, но вдруг ему в голову пришла идея получше. А что, если Энджи возвращалась домой? У нее ведь был ключ. Хью направился к ключнице и проверил. Ее ключа не было... но это еще ничего не доказывает.

Привидения с зубами, раздался голос в его голове. Вот что он сказал, тот парень в телефоне. Привидения с зубами.

VIII

— Кто-то стучится в дверь? — Гарри Аронсон кинул куртку на кухонный стол и вытащил из кармана ключи от дома. — К какому часу ты их приглашала?

— К восьми, — крикнула Сара. — Я еще не начинала готовить.

Гарри подошел к входной двери. Сквозь запотевшее окно он разглядел лишь один силуэт, и тот был ростом гораздо выше его начальника.

— Подожди минутку, — крикнул он Саре. Казавшаяся знакомой фигура на пороге была скрыта тенью, Гарри так и не смог узнать, кто это.

— Давай скорей и закрой... — только и смогла сказать Сара, подойдя к мужу. — Ох...

Мужчина, улыбаясь, сделал шаг вперед.

— Вы что-то забыли? — спросил Гарри шерифа.

— Вы ее нашли? — перебила Сара.

— Давайте-ка лучше закроем дверь, — сказал шериф, и наружная дверь за его спиной с шумом хлопнулась, а внутренняя просто медленно закрылась.

— Как... Как вы это сделали? — спросил Гарри.

— Давайте поговорим о полтергейсте, — сказал Фрэнк Гозински. И когда он повернулся, Гарри увидел, что за его спиной стоят плоские фигуры, выглядывающие из-за плеча шерифа и улыбающиеся. Одна за другой фигуры стали раздуваться и принимать человеческие очертания. Они как будто пришли что-то ремонтировать, у всех в руках были инструменты: пилы, молотки, дрели, мотки проволоки.

— Гарри? — сказала Сара.

Гарри внезапно почувствовал непреодолимое желание развернуться и бежать из дома в холод и дождь. Но это желание никак не отразилось ни на его лице, ни на руках, ни на ногах. Внешне он казался абсолютно спокойным; только внутри все переворачивалось, а сердце колотилось, как у рысака на финишной прямой.

Вдруг включилось радио, и чей-то голос произнес: *Здравствуйте, Гарри и Сара. Добро пожаловать на праздник Хэллоуин. Ваши гости вас будут развлекать. Поприветствуйте их.*

Гарри неожиданно для себя улыбнулся и махнул рукой. Уголкем глаза он заметил, что жена сделала то же самое, и простонал «Сара», но она его не слышала. Между ними и дверью теперь стояло шесть человек.

Гарри повернулся, чтобы посмотреть на Сару, а Сара посмотрела на него. Не издав ни звука, она одними губами произнесла его имя. Ему показалось, или у нее на глазах действительно выступили слезы?

Ну же, ребята, не будьте буками, поздоровайтесь.

— Привет, — сказал Гарри.

— Привет, — сказала Сара.

— Беспокойная у нас с вами будет ночка, — заметил Фрэнк, — давайте лучше начнем. Ну что, сласти или напасти?

IX

Это было похоже на шум моря. Хью спал. Он стоял на яхте, Энджи рядом возилась с оснасткой и улыбалась ему. Когда он подошел к жене ближе, то вдруг заметил, что она плачет.

— *О, милый*, — произнесла она; ее губы двигались синхронно словам, но не издавали ни звука... голос звучал у него в голове, так же, как и шум моря. — *Прости меня.*

— *За что?* — мысленно спросил он.

Яхта утюжила воду, гордо поднимаясь и опускаясь на волнах. *Ш-ш-ш-ш*, шептала она.

Энджи с надеждой и страхом повернулась направо, глаза ее округлились, а рот приоткрылся.

— *Оно приближается*, — произнесла она. Только он начал поворачивать голову, как перед ним, словно барьер, возникло что-то большое и темное, похожее на тяжелый занавес. Громкий треск заставил его открыть глаза.

Хью лежал в своей кровати — нет, не своей; в кровати, которую они делили с женой. Это была *их* кровать.

Уже нет, милый, прошептал у него в голове едва различимый голос Энджи.

Он посмотрел на часы. Было тридцать семь минут второго.

Свет по-прежнему горел.

Он взглянул на скомканную ночную рубашку Энджи, подтянул ее к себе, прижал к лицу и вдохнул запах.

Ш-ш-ш...

— Кто там?

Недалеко от комнаты кто-то двигался. Хью положил ночную рубашку на подушку и встал с кровати.

— Энджи?

Движение прекратилось прямо у двери спальни. Хью вдруг почувствовал, что на него давит какая-то энергия, словно он стоит на штормовом ветру. Сердце колотилось в груди и в висках. Но это было еще хуже, оно заглушало все звуки, доносящиеся из-за двери. При этом Хью знал, что звуки никуда не делись.

Неплотно закрытая дверь начала открываться внутрь, и Хью заворуженно смотрел на это. Приоткрывшись на пять, от силы на десять сантиметров, дверь остановилась. В комнате повисла тишина, но не спокойная и безмятежная. Это было полное отсутствие звуков, словно все они куда-то делись. Хью хотел произнести имя жены, прошептать его, но первый же слог «Эн» застревал у него в горле, как мягкая нуга. Что, черт возьми, происходит?

Хью подошел к двери и распахнул ее.

— А! — сказал шериф Фрэнк Гозински. — Вот вы где!

— А где еще мне, по-вашему, быть? Я здесь живу.

— Конечно, живете, Хью.

— Как вы вошли?

— Через входную дверь, Хью. Вы же не возражаете, что я вошел, правда, Хью?

— Я ее запер.

Шериф приподнял бровь, развернулся и двинулся вниз по лестнице.

— Вы ошибаетесь, Хью, — бросил он через плечо, — ведь я здесь.

— Я запер ее, — повторил Хью. — Я вам звонил, но вы не ответили.

Они в полном молчании спустились на первый этаж.

Х

Как только они вошли в холл, раздался телефонный звонок.

— Телефон, — сказал шериф.

Хью едва сдержался от саркастического «*Да? А я не слышал*». Он поднял трубку.

— Алло?

— Привет, Хью.

— Нэн? Все в порядке?

— Да, все отлично, Хью. А у вас?

— Нэн, уже очень поздно, — Хью посмотрел на часы. — Боже, не просто поздно... сейчас почти два часа ночи. Ты давно должна быть в постели.

— О, в кровать, в кровать, хочет Соня спать, а ты не погоняй, сказал Лентяй.

— Нэн?

— Жадюге Нэн не спится, пора бы подкрепиться.

Хью стоял в тишине, вглядываясь в гостиную и пытаясь понять, куда подевался шериф.

— Она всегда меня так обзывала. Жадюгой Нэн.

— Нэн, она у тебя? Ты поэтому звонишь мне? Энджи у тебя?

Ну как она могла там оказаться, ведь Нэн живет в Бостоне.

После небольшой паузы Нэн ответила:

— Она должна быть с тобой, Хью.

— Дело в том, что...

— Она с тобой, Хью.

С кухни донесся какой-то звук, он нагнулся, чтобы посмотреть, в чем дело, но ничего не увидел. Потом шериф закричал:

— Где вы держите ножи, Хью? А, вот же они.

— Нэн, Энджи...

— А ты не хочешь подкрепиться, Хью? — спросила Нэн. Ее голос вдруг стал грубым и угрожающим.

Угрожающим? Ведь он говорит с младшей сестрой Энджи. Какого черта она звонит ему в два часа ночи?

— Ну, так хочешь или нет, Хью? — крикнул из кухни шериф.

Очень медленно Хью спросил:

— Нэн, ты все еще здесь?

В трубке стояла тишина..

Он снова набрал «*69». Как и ожидалось, входящий звонок сделан с его собственного телефона. И, разумеется, это было невозможно.

Он набрал номер Нэн Бранниган и, слушая гудки в трубке, вышел из гостиной.

— Не поздновато ли? — сказал шериф неожиданно громко.

Хью сделал шаг назад и упал на ступеньки, увидев, как Фрэнк выходит из комнаты с чашкой чая в одной руке, другой рукой прижимая сотовый телефон к уху.

— Я, наверное, сплю, — пробормотал он в трубку и поставил чашку на ступеньку рядом с Хью. Потом Фрэнк развернулся и снова вошел в гостиную. — Ну и как там?

Сонный голос в телефоне произнес:

— Алло? Кто это?

— Нэн? Это я.

— Хью? Что случилось? У вас все в порядке? Что-то с Энджи? Сейчас уже очень поздно.

— Я знаю, прости, — он присел на ступеньку, держа трубку на некотором расстоянии от уха, и услышал, как шериф в гостиной что-то бормочет. — Нэн, Энджи пропала.

— Пропала? Куда пропала?

— Не знаю. Наверное, мне нужно было тебе раньше позвонить.

— Вы поссорились?

— Нет. — Он ждал, пока Нэн что-то ответит, но та молчала. — Ты же знаешь, мы никогда не ссоримся.

— Так не бывает, Хью.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

Наверху раздался какой-то стук.

— Что это было?

Хью посмотрел на входную дверь. Кто-то пересек дорожку и исчез в кустах.

— Ты о чем, Нэн?

— Стук. Как будто что-то упало, — прошептала Нэн.

Хью услышал в трубке звонок. Кто-то звонил в дверь сестры Энджи в два часа ночи.

— О господи, — сказала Нэн, — кто-то пришел. Я сейчас...

— Нэн, — закричал Хью, — не открывай!

— Пойду открою. Ты что-то сказал, Хью?

— Нэн, не подходи к двери.

— Не подходить? Почему?

— Это...

Что? Как это правильно назвать? Хэллоуин? Буги-мен? Чудище из мира без света и улыбок, где есть только боль, страдания, печаль, потери и сожаления... нечто, способное в мгновение ока перенестись из дождливого Тюбуаза к дверям дома на окраине Бостона? А может, всё перечисленное.

Хью услышал, как Нэн положила трубку на маленький столик из красного дерева в коридоре.

— Подожди минутку! — закричал он.

Бин-бон, снова зазвонил звонок.

— Нэн! — снова закричал Хью.

Ветер просвистел в проводах, и Хью услышал, как Нэн сказала: «Да?»

Потом далекий голос шерифа произнес:

— Сласти или напасти, мэм?

«В кровать, в кровать, Соня хочет спать, а ты не погоняй...»

Хью повесил трубку и встал, в саду заскрипели ворота. Окутанная туманом фигура прошла по дорожке, подняла руку и нажала на звонок.

— Кто-то пришел, — крикнул шериф.

Хью спустился со ступеней, прошел через холл и открыл дверь.

— Привет, — сказал шериф Гозински с крыльца. — Бу! Вы небось решили, что я пришел требовать сласти?

— Что происходит, шериф? Как вы оказались...? Каким образом вы можете находиться и там, и тут? — Хью повернулся и показал рукой на кухню, гостиную и крыльцо.

— Вы имеете в виду, везде одновременно?

Хью кивнул.

— Потому, что я шериф. Служитель закона, — он широко ухмыльнулся, но сразу же нахмурился и стал исследовать языком потемневшие передние зубы. Пару раз качнув один из них, он поднял руку и просто вытащил зуб из десны, повернулся и швырнул во двор.

— Я не понимаю, что...

— Происходит? — Гозински театрально закатил глаза и изменил голос: — Эй, паря, шо происходит, а?

— Фармер?

— Точно. Местный чудик. Смотри.

Шериф прошел вперед, хлопнув дверью, и провел правой ладонью сверху вниз по лицу. Когда ладонь оказалась у подбородка, он больше не был шерифом. Это был Мосс Фармер, живший в хижине у Ангельских скал.

— Да упокоится с миром его бренное тело, — сказал Гозински, снимая шляпу и изображая скорбь, — или бренные кусочки тела, — прибавил он с хохотком.

— А теперь смотри, — он снова провел рукой по лицу, и оно вдруг стало женским. — Если вы сюда проедете, то вам уже никуда не уехать, — прогово-

рила Мод Ангстрем своим неподражаемым писклявым голоском.

— Мод? — спросил Хью.

— Пра-иль-но, — сказала то, что было очень похоже на Мод. — Вот задачка, да? — она провела своей маленькой костлявой ручкой по лицу. Снова появился шериф.

Хью посмотрел на закрытую дверь.

— Забудь об этом, — Фрэнк взмахнул ножом с зубринами и покачал головой. — Я достану тебя прежде, чем ты успеешь сделать второй шаг.

Шериф сделал глубокий вздох и улыбнулся. Он выглядел уставшим.

— Мы с друзьями занимались обучением, — сказал он наконец. — Мне кажется, наши ученики были в восторге от того, что мы им показали, — он кивнул, — правда-правда. Конечно, иногда они удивлялись... и часто им было не слишком приятно. Но знаете, они говорили *«Знания — сила и могущество»*, — на этих словах он вскинул голову. — Вот так они и говорили, правда, Хью?

— Понятия не имею, о чем вы, — ответил Хью, — и у меня нет ни малейшего...

— Знаете ли вы, Хью, что длина тонкой кишки — шесть метров?

— Что?

— Тонкий кишечник. Шесть метров. А я и не знал. И сестра вашей жены тоже не знала, уж поверьте мне. А знаете ли вы, — добавил он, театрально складывая руки, — как шикарно он будет смотреться в качестве гирлянды на стене? — шериф прислонился к стене и посмотрел вдаль. — Шикарно... прекрасное слово, правда? Жаль, что сейчас его почти не используют. Досадно, что оно вышло из моды.

Хью огляделся в поисках чего-то, что можно использовать в качестве оружия:

— Кто вы?

— По-моему, для всех нас безопасней считать, что я не шериф, — он насквозь проколол ножом ладонь левой руки, посмотрел на нее и вытащил лезвие. Крови не было.

— Вы псих, сумасшедший, — сказал Хью и покачал головой. — Нет, скорее, это я не в своем уме, поэтому и...

— Вы, дорогой Хью? С вами-то как раз все в порядке, — шериф-не-шериф хихикнул, взглянув на нож в своей руке. — Во всяком случае, пока, — затем пожал плечами и трижды моргнул. — Я с готовностью могу подтвердить, что некоторый дисбаланс образовался именно здесь, — он постучал костяшками пальцев по своей голове, — но в данных обстоятельствах это простительно.

— Почему здесь? И почему именно мы? — спросил Хью почти шепотом.

Шериф сел на стул у кухонного стола и уронил на него руки.

— Зачем все об этом спрашивают? *«Почему я?»* — заверещал он пронзительным голосом. — *«Что я сделал?»* — и, показав на стул, сказал: — Сядьте, или мне следует сказать: «не надо погонять»?

Хью сел и вдруг осознал, что не может пошевелить ни руками, ни ногами. Сейчас он был способен делать только то, что разрешал шериф.

Фрэнк, или тот, кто скрывался под его личиной — Хью теперь был на сто процентов уверен, что существо, сидящее напротив, не Фрэнк Гозински, — встал и начал разгуливать по кухне, открывая и закрывая шкафы и ящики.

— Ошибка, которую вы все допускаете, состоит в том, что вы считаете «Я» и «здесь» своего рода эмоциональной валютой... будто это что-то особенное. Вынужден вас огорчить, но нет. Вы не особенный, дорогой Хью. Точно так же не является или не являлась особенной Мод Ангстрем. Или ваш дорогой друг Гарри. Или его жена Сара. Или миссис Слейтер, или Элеонора, или Поуп Максвелл, или Джо МакХендрик, или Арчи Гудлоу, или Джерри Фетингер, или Нэн, или, — Фрэнк шелкнул поочередно всеми пальцами руки, открыл большой выдвижной ящик рядом с духовкой и громко хлопнул в ладоши, — или ваша собственная прекрасная жена.

Он повернулся, улыбнулся Хью и достал из ящика целую охапку ножей.

— Вот мои рабочие инструменты, — сказал он и аккуратно разложил ножи в ряд на столе.

Хью почувствовал, как заколотилось его сердце. Он попытался сглотнуть, но в горло будто кто-то насыпал песка.

— Боишься, Хью?

Хью кивнул:

— Что вы собираетесь делать?

— Пока не решил, — подобие Фрэнка подумало, потом сказала: — А ваша жена умела ценить время, Хью?

— Что?

— Она опоздала, — он засмеялся. — Поняли? Опоздала.

— Что вы...?

— Я убил ее, Хью. В этом вестерне нет всадников, никаких вспышек за окном и жирдяев с мегафоном, которые будут уговаривать меня, — он надул щеки

и приложил сложенную трубкой ладонь ко рту. — *Выходите, шериф, вы окружены!* — теперь он поднес палец ко рту и изобразил удивление. — Только вот те раз! Я не шериф.

Хью смотрел на свои руки и пытался заставить их двигаться. Ничего не получалось.

— И меня не проймешь тем, что чувствуют мыслящие, равнодушные личности. Как они это называют? Социопатическими наклонностями? Что-то вроде этого, по-моему. То, что я делаю, я делаю не потому, что мне это нравится, хотя, по правде говоря, и это тоже. Я занимаюсь этим, потому что должен. Есть в этом какой-то смысл?

Указательный палец левой руки Хью сам по себе медленно оторвался от колена, на котором лежала рука. Он кивнул, а потом покачал головой, и палец снова расслабился.

— Нет... нет, это не имеет никакого смысла.

— Да ладно тебе, Хьюги, какой-то смысл наверняка есть, — существо в облике Гозински подняло хлебный нож с зазубринами, подошло к Хью и село рядом на корточки. — Я смотрю, ты тут пытаешься решить несколько проблем зараз?

Хью нахмурился:

— Что?

Шериф кивнул на его руки.

— Отвлекаешь меня разговорами — ведь я грешным делом люблю поболтать, — а сам пытаешься освободиться от *моего контроля*, — последние два слова он произнес глубоким дрожащим баритоном.

Шериф опустил хлебный нож на колени Хью рядом с левой рукой.

— Я вот тут думаю, может, нам стоит, — он слегка стукнул по пальцу ножом, — отрезать его, чтобы

он не отвлекал нас от беседы? Как считаешь, Хьюги? Хорошая идея?

— Нет.

— Что? Я тебя не расслышал. Может, ты сказал: «Да, конечно, давайте, шериф, отрежьте мне этот старый противный палец!» Сказал ведь?

Хью потряс головой из стороны в сторону.

— Хью, давай притворимся, что я тебя не вижу и не могу сказать, качаешь ты головой или нет. Притворимся, что я могу только слышать твой голос... и если я не услышу правильный ответ, я просто возьму и отрежу этот палец, — он прищелкнул языком, — и единственное, что тебя будет волновать, — это как скоро я закончу. Понимаешь?

— Да. Да, понимаю.

— Потому что я один из тех, кто причиняет боль. На самом деле я и есть Человек Боль. — Фрэнк захлопал в ладоши: — Па-пам!! Доставка прямо к дверям! Невиданные страдания! Мучения, превосходящие все ваши ожидания! — Он наклонился еще ниже, его нос и похожие на бусинки свиные глазки оказались совсем рядом с лицом Хью. — Вот чем я занимаюсь. Понимаешь? Это моя работа. Как там говорили по радио? Привидения с зубами? Мне это нравится, — он хихикнул и покачал головой. — Очень нравится.

— Причинять боль, — сказал Хью.

Шериф кивнул, и в ту же секунду он уже не был Фрэнком. Моды Ангстрем взяла Хью за руку и потянула, приказывая идти за ней.

— погоди-ка, — она забрала со стола все ножи, — главное — не забыть инструменты. Если я их не возьму, как же я буду выполнять свою работу? Без них я никуда.

— Я не хочу идти вниз, — проговорил Хью.

Моди превратилась в Поупа Максвелла.

— Как я тебя понимаю, паря. Но тогда мы же не сделаем, шо хотим...

— Я не хочу идти...

— Ш-ш-ш! Заткнись, — мягко проговорил Поуп. — Ты меня уже так достал, что я сбиваюсь с мысли. А то сейчас кого-то тут порежу или поломаю. И еще чуточку попилю и кого-нибудь за что-нибудь подвешу. Но это, по-моему, уже лишнее. Как думаешь?

Поуп превратился в сестру Энджи, Нэн, и прихватил с собой беспроводной телефон.

— Мне это понадобится.

— Нэн?

— О, дорогой... Нет, это не я, Хью.

— Ты собираешься... собираешься меня убить?

— Вот мы и дошли. Осторожно, здесь ступенька, — Нэн щелкнула выключателем.

— О нет, — сказал Хью.

— Зажми нос, — сказала существо, в котором теперь странным образом совместились черты Мод Ангстрем и Поупа Максвелла; кожа покрылась оспинами, волосы местами закурчавились.

— О господи, нет!

— Здесь не его юрисдикция, парень, — сказала Мод баритоном Поупа, — здесь я главный.

Хью закрыл свободной рукой лицо; другую продолжал держать Поуп.

— Что ты сделал?

— Я так старался, парень, — с гордостью заявил Поуп, когда они наконец преодолели последние ступеньки и взгляду открылся подвал во всей своей красе.

Для каждого из «гостей» было предназначено свое особое место. Некоторые сидели на стульях, некото-

рые были подвешены к потолку — кто вниз, кто вверх головой, — несколько тел лежали на полу. Хью разглядел двоих; один из них почти наверняка был Джо МакХендриком — из его тела, собранного в кучу, словно вынули все кости. Запах стоял отвратительный — пахло смесью испражнений, рвоты и протухшей еды, долгое время пролежавшей на солнце.

Мод-Поуп, снова превратившись в шерифа Фрэнка, смотрели на Хью с широкой улыбкой на лице:

— Добро пожаловать, мой друг, на шоу, которому нет конца. Я как-то видел такое в кино.

Потянувшись вверх, шериф качнул колпак подвесной лампы. Из-за движений света и теней стало казаться, что несчастные мертвецы до сих пор живы и шевелятся. Но это было не так.

— Вот к этому моменту хорошо бы подошли звуки скрипки.

— Энджи, — произнес Хью.

Энджела Риттер, с пластырем на веках, который мешал глазам закрыться, висела на цепи, перекинутой через потолочную балку. Ее руки и ноги были сломаны в нескольких местах, голову на уровне рта перетягивал толстый коричневый скотч, он же удерживал ноги подтянутыми к самым ушам. На ней не было никакой одежды.

Шериф Фрэнк, настоящий шериф, лежал на полу бесформенной кучей с отрезанными ногами и вытаращенными глазами.

Хью посмотрел на остальных, узнал еще пару человек и отвел глаза.

Он чувствовал странное спокойствие, как будто стоял на пляже в Оганквите или Уэллсе и его ноги омывали ласковые волны. Он поднял руки и посмотрел на них. Каждая частица его существа, каждая

клеточка мозга страстно желала мести за убийства этих людей... но двигаться он не мог, как будто его разбил паралич.

Существо в облике Фрэнка нагнулось, схватило настоящего Фрэнка за воротник и поволокло по полу:

— Пора приступать к выполнению служебных обязанностей, шериф. Сделать телефонный звонок или взять, например, отпечатки пальцев. Но сначала давай-ка промахнемся.

— Повернись, — приказало существо Хью, достав револьвер.

— Ты сумасшедший ублю...

— Просто повернись.

Хью сделал так, как ему приказали.

Существо-Фрэнк приставило дуло ко лбу Хью и выстрелило.

Бааам!

XI

Хью очнулся от воя сирен. Страшная боль в висках по сравнению с обычными приступами головной боли была как хиросимский «Малыш» по сравнению с салютом в честь Дня независимости. Первая мысль, которая пришла ему в голову, — ничем не шевелить: ни головой, ни руками, ни ногами, ни задницей, ни пальцем...

...и почему, как только он подумал о движении пальцем, у него внезапно возник приступ паники?

...вообще ничем. Даже дышать было больно, поэтому каждый вдох он делал настолько редко, на-

сколько мог выдержать. Он закрыл глаза. Это тоже было больно.

Сирены смолкли совсем близко. Они что, остановились рядом? Тогда вполне вероятно, что он лежит на улице. Он снова открыл глаза и медленно повернул голову. Нет. Это была комната. В ней горел свет. Он лежал на ковре. Это одна из комнат в его доме.

Его дом?

Их с Энджи дом.

Итак, он лежал лицом вниз в гостиной своего собственного дома. Он слегка приподнял голову и увидел, что диван и кресло перевернуты на бок... а по полу растеклась кровь. Наверное, его. Если уж испытываешь такую невыносимую боль, значит, точно должна быть кровь. Он простонал имя жены. Ответа не было. Господи, что же случилось?

Кто-то начал колотить в дверь.

— Я не могу двигаться, — проговорил Хью слабым дрожащим голосом.

— Это полиция, — раздался суровый голос, — откройте.

Ему срочно нужно попить. Хоть что-нибудь...

Жадюге Нэн не спится, пора бы подкрепиться.

...чтобы не было этой сухости во рту и глотке.

— Мы входим, — предупредил тот же голос.

— Энджи, — простонал Хью.

Дверь вылетела из проема, щепки посыпались на плиточный пол прихожей. В голове Хью разразилась странная какофония из отрывистых команд...

«О господи, нет», вспомнил он свои слова.

...и топота ног — сначала в прихожей, потом в гостиной, где он лежал.

Хью подтянул под себя руки, чтобы попробовать поднять голову и торс, но громкий голос...

Добро пожаловать на шоу, которое никогда не кончится!

...приказал ему лежать спокойно.

— Не двигайтесь, сэр. Вытяните руки перед собой.

Хью послушался, вытянул руки и обнаружил под ладонью правой руки хлебный нож с зубцами и наполовину отломанным лезвием. Непонятно, как он тут оказался.

Ботинки протопали мимо и...

Энджи...

...и стали спускаться в подвал.

— Нет, — только и смог произнести он в этом хаосе и неразберихе.

Громкие шаги по лестнице, застеленной ковролином, потом по деревянным ступеням, ведущим в...

Я так старался, парень.

Ведущим в... в...

Где-то зазвонил телефон.

— Да что же, мать вашу, творится! — воскликнул чей-то голос.

Еще кто-то сказал:

— Господь мой Иисус!

Шаги замедлились, потом совсем стихли.

— Энджи, — простонал Хью Риттер.

С верхних ступеней подвала раздалось чье-то бормотание.

— Сколько? — спросил голос.

— Долбаный ублюдок!

Кого-то рвало.

Его руки грубо завернули назад, зашелкнулись наручники, и его подняли на ноги. Он уронил голову, как будто кто-то перебил ему шею бейсбольной битой. В зеркале Хью увидел свое отражение — на лбу зияла красная рана с черными краями, кусок кожи,

свисавший от места, где начинались волосы, почти закрывал левый глаз.

— Я хочу.. Я хочу ее видеть, — прохрипел Хью.

— Кого? Кого тебе нужно увидеть, ублюдок ненормальный? — спросил голос.

— Полегче, Майк, — сказал кто-то, стоящий справа от Хью.

— Свою жену. Я хочу видеть свою жену.

Снова зазвонил телефон, кто-то очень быстро ответил.

— Десять... пятнадцать... не разобрать, — произнес голос и смолк.

— Кто-то вытащил из них кости, — сказал еще кто-то дрожащим голосом.

— Он приклеил ей веки...

— Все зубы до единого...

— Ногти на руках и ногах...

У Хью все плыло перед глазами, но постепенно силуэты становились четче. Полицейский, который держал его за руку, тянул так сильно, что ему приходилось наклоняться влево. Наверняка тот, кого называли Майком.

— Арестуйте его. Зачитайте ему права.

Майк повернул его, подтолкнул к лестнице в подвал, поставил перед собой, и они стали спускаться по лестнице, стараясь не наступить в лужи рвоты.

Наверху кто-то позвонил в дверь.

— Я этого не делал, — проговорил Хью, увидев то, что было в подвале. Теперь он вспомнил, что видел это не в первый раз. — Это не я.

— Конечно, ты этого не делал, — сказал Майк, и Хью на мгновение показалось, что в его голосе мелькнуло сочувствие. Пока он не повернулся и не увидел ненависть и отвращение на лице полицейского.

Человек в белом комбинезоне хлопнул в ладоши и громко распорядился:

— Поднимитесь все, пожалуйста, наверх. Без комбинезонов здесь никого быть не должно.

Майк попытался развернуть Хью, но тот стал вырываться. Он увидел Энджи. При звуке, который вырвался у него из горла, все замерли. Хью и сам не верил, что мог так кричать. Он не мог произнести ни слова, только выл от боли.

— Хорош голубчик, — сказал кто-то у него за спиной, когда они с Майком повернулись к лестнице.

— Пошли, — прикрикнул Майк.

И Хью пошел, разевая рот в беззвучном крике.

На полу у лестницы лежало тело шерифа Фрэнка Гозински с отпиленными ногами. Тот продолжал сжимать в руке револьвер. Слева валялась телефонная трубка. Из левого глаза торчал обломок зазубренного лезвия.

— Я не понимаю, как он это сделал, — сказал молодой человек с сильным массачусетским акцентом. — У него стальные яйца. Подумать только... смог позвонить с ножом в глазу.

Хью повернул голову и рванулся вперед к молодому человеку. Тот отпрянул.

— Я этого не делал. Он умер раньше. Это был... это было...

А кто в действительности это был? — подумал Хью. Или точнее, *что это было?*

Привидение в облике человека, вот что это было, прозвучал в голове голос помощника шерифа Доуга¹. Демон, одержимый насилием, — вот кто их всех убил.

¹ Собака-полицейский, герой американского мультсериала 1960-х годов.

Разве ему поверят?

— Я не делал этого, — проговорил Хью, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно и бесстрастно. — Я ничего этого не делал. Ну послушайте же меня, — заскулил он, когда полицейский начал тащить его вверх по ступеням. — Ради бога, посмотрите на все это и поймите, что я не виноват.

Коп остановился и посмотрел вниз, потом на Хью.

— У него в руке пистолет, из которого он в меня стрелял, видите? — Хью выставил вперед свой лоб, чтобы его мог разглядеть полицейский Майк. — Почти одновременно с этим или чуть позже я воткнул чертов нож ему в глаз и сломал лезвие, оставив кусок в голове.

Потом я взобрался по лестнице, не закончив дела и продолжая держать в руке сломанный нож, и отключился в гостиной, опять же с этим чертовым ножом. В это время шериф все еще держится за пистолет и, не обращая никакого внимания на нож в глазу и то, что я предварительно отпилил ему ноги, спокойно звонит вам в... а кстати, куда?

— В Портленд, — подсказал Майк.

— Звонит вам в Портленд и умирает прямо перед вашим приездом. Так?

Майк кивнул:

— Примерно так.

Хью тоже кивнул.

Двое парней в белых балахонах начали поднимать тела наверх и складывать в ряд у дальней стены. Третий что-то говорил в диктофон.

Хью ткнул локтем в сторону шерифа:

— Ладно, чертовы остряки, как он набирал номер? Ответьте. Вот он лежит с ножом в глазу, отпиленны-

ми ногами, сжимая пистолет в одной руке и трубку в другой. Каким образом он, по-вашему, набрал ваш номер?

Майк выглядел озадаченным, потом сказал:

— Если действительно все было не так и ты тут ни при чем, кто же это сделал?

— Я уже говорил вам. Мне было сложно сказать в первый раз, но еще сложнее повторять. Это было какое-то существо, способное...

Коп уронил ручку.

Хью посмотрел, куда она упала.

Потом заметил, что Майк улыбнулся, оглянулся на своих сослуживцев и нагнулся за ручкой. Перед тем, как взять ручку, он схватился за пистолет и дернул. Это оказалось совсем непросто, шериф вцепился в него мертвой хваткой, но, наконец, оружие оказалось у Майка в руках. Подхватив ручку, полицейский выпрямился.

Хью не мог оторвать от него взгляд.

Коп снова улыбнулся и сунул ручку в карман.

— Какая незадача, — проговорил он, и его лицо на мгновение стало лицом Энджелы Риттер, — *милый*.

Хью отступил назад и рухнул на ступени.

Полицейский стал самим собой, Энджела снова исчезла.

— Вот что я люблю больше всего, — сказал он мягко и, взявшись за наручники, повернул Хью спиной к лестнице, — переломы, приклеивание век, извлечение органов, отрезание ног, рук и всего остального — это для меня рутина. Я говорю об истинной пытке, понятно?

Хью не ответил. Вместо этого он оглядывался по сторонам, пытаясь придумать, как сбежать. Как найти способ, поговорить с кем-нибудь, привести свои

доводы, объясниться. Наверное, можно определить время смерти всех этих людей? И доказать, что шериф не мог им позвонить.

Пока они шли к кухне, существо в облике Майка продолжало говорить:

— Это всё, как говорится, физиология. Мы знаем, как из маленьких детей делали мыло и изготавливали абажуры для ламп. Все это вульгарно, конечно. Но психическое насилие, психические пытки — просить жертву выбрать, кого из ее детей отдать на смерть, — это что-то особенное, правда? Привносит разнообразие в повседневность.

К ним подошел старший полицейский. Майк-настоящий-коп продолжал держать Хью за наручники.

Вдруг Хью дернулся в сторону и пнул Майка ногой. Старший полицейский занес над головой дубинку.

— Нет-нет-нет-нет, — закричал Хью, — прежде, чем вы сделаете это, выслушайте меня!

В комнате было полно полицейских, и трое экспертов уже поднялись из подвала.

Хью рассказал им о шерифе.

И телефоне.

И пистолете.

И хлебном ноже.

Рассказал обо всем, что с ним случилось.

А потом рассказал о Майке, полицейском, который на самом деле не был полицейским, о том, что тот взял из рук шерифа пистолет и наверняка оставил на нем отпечатки пальцев.

— Проверьте, — умолял Хью охрипшим голосом. Возьмите у него отпечатки пальцев и проверьте пистолет. Вот вам доказательства.

— Майк? — сказал старший полицейский. — Ты действительно сделал то, что он сказал? Ты взял пистолет?

Майк кивнул. Его лицо было серьезным.

— Значит, ты оставил на нем свои отпечатки пальцев?

Майк снова кивнул.

Старший полицейский глубоко вздохнул:

— Вот черт!

Потом повернулся и улыбнулся остальным.

Все вытащили свои дубинки. Майк толкнул Хью на пол и тоже поднял свою дубинку.

— В кровать, в кровать, — начал он.

— Соня хочет спать, — продолжил старший офицер.

— А ты не погоняй, — затянул следующий.

— Сказал Лентяй, — подхватил четвертый.

— Жадюге Нэн не спится, — сказал парень из Массачусетса.

— Пора бы подкрепиться, — закончил старший.

Потом погас свет.

И под чей-то крик «*Праздник начинается*» симфония ломающихся костей заполнила комнату.

Питер Краутер — лауреат многих литературных премий, писатель, составитель нескольких антологий, директор успешного издательства PS Publisher (в которое к настоящему времени в качестве филиалов вошли Stanza Press poetry и PS Art books).

Его книги переведены на многие языки, по рассказам снимались телесериалы по обе стороны Атлантики. Сборники рассказов: «Самый длинный одиночный сигнал», «Пустынные дороги», «Прощальные песни», «Холодное удобство», «Промежуток между строками», «Земли в конце рабочего дня» и «Драгоценности в пыли».

Он живет и работает со своей женой и бизнес-партнером Ники Краутер в Англии, на побережье Йоркшира.

«Я нечасто выбираю местом действия моих фантазий Страшные Места, — признается Краутер, — этикие мрачные подвалы, где холодно и сыро, где пахнет сгнившими овощами, крысиным пометом и разлагающимися в темноте трупами.

Я знаю, дорога туда — это переход. Я захожу в эту дверь один-два раза, пока пишу рассказ, но всякий раз, когда моя рука тянется открыть эту дверь, я гоню себя наверх, в комнаты, где есть окна, чтобы в мои фантазии попадала хоть малая толика света.

Но я то и дело говорю себе: к черту все это... Хватаюсь за злополучную ручку подвала, нажимаю на нее, распахиваю дверь и с замиранием сердца, готовый каждую минуту умереть от страха, иду по ступеням вниз.

Эти визиты никак нельзя назвать «забавными», и сказка, которую вы только что прочли (если не сжульничали и не

подсмотрели, что в конце), — яркий тому пример. Просто мне хотелось превратить избитый сюжет про полтергейст в нечто более важное, чем рассказ «Дружелюбное привидение Каспер», очень далекий от правды.

Привидения в моем рассказе не просто двигают и ро-
няют мебель... нет, господа. У привидений в моем рассказе
есть зубы. И они кусаются».

Энджела Слэттер

Дочь гробовщика

Это была богатая дверь из красного дерева, щедро украшенная резьбой с изображением сцен из Книги Иова. Голова ангела, отлитая из меди, служила дверным молотком. Когда я опустила его на место, глаза ангела возмущенно раскрылись и стали с подозрением меня разглядывать. За моей спиной находился сад, поросший виноградом, с уединенными беседками и скамейками для чтения; из-за него дом казался еще более роскошным и отгороженным от всего мира.

Дверь открыла дочь покойника.

Она была вся розовенькая, персиковая и сливочная; мне захотелось лизнуть ее кожу и проверить, такова ли она на вкус, как и на вид.

— Хепсиба Бэллентайн! Растяпа! Соберись, это бизнес.

И папаша наградил меня оплеухой, как в те времена, когда был жив. Сейчас его рука свободно прошла сквозь меня, и я почувствовала лишь холод, текущий по моим венам. Вообще-то я не сильно скуечаю по синякам.

Девушка меня не узнала, хотя я почти год работала в этом доме, но ведь это я смотрела на нее тогда, а она на меня — нет. Когда моя мать ушла в мир иной,

стало очевидным, что она уже не сможет родить Гектору детей. Точнее, сына, который унаследовал бы его дело. Тогда он решил, что я должна учиться этому ремеслу, и сменил вывеску — но не на «Бэллентайн и дочь», разумеется. «Бэллентайн и другие».

— Говори же, идиотка, — прошипел папаша мне в ухо, как будто кто-то мог его услышать. В последнее восемь месяцев, после того, как он скончался от внезапной простуды, его вообще никто не мог слышать.

Голубые глаза, покрасневшие от слез, должны были выглядеть уродливо на ее симпатичном овальном личике, но Люсетту Д'Агилар красила даже скорбь. Ей шло все: от черного траурного платья до гладких, зачесанных назад волос, собранных в строгий пучок. И неудивительно, ведь она редкая штучка, рожденная счастливой.

— Да? — проговорила она так, будто у меня нет прав нарушать покой скорбящего дома.

Я стянула с головы чепец, чувствуя, насколько спутаны мои волосы, и выставила его перед собой наподобие щита. Мои ногти были поломаны, а руки покрывали пятна краски и лака, которые я использую при работе с деревом. Как могла, я прятала пальцы под тканью чепца.

— Это по поводу гроба, — сказала я. — Я Хепсиба. Хепсиба Бэллентайн.

Ее взгляд по-прежнему был непонимающим, но она сделала шаг назад и впустила меня в дом. По правилам я должна была войти через заднюю, предназначенную для прислуги, дверь. Гектор так бы и поступил, он так поступал всю жизнь, но я-то предоставляю ценную услугу. Если они доверяют мне создание достойного смертного ложа для своих

родных и близких, то должны впускать через парадную дверь. Все вокруг оповещены о случившейся смерти, в больших домах невозможно спрятаться, и я не буду прокрадываться внутрь, как будто мое призвание позорно. Гектор ворчал пару раз, когда я начала заявляться в дома покойников таким способом — точнее, пронзительно кричал, и этот крик, затихая, переходил в ворчание, — но я всегда ему говорила: а что им остается?

Я — единственный гробовщик в городе. Они меня по-любому впустят.

Я прошла за Люсеттой в небольшую приемную, со вкусом отделанную в серых тонах и занавешенную шторами из кружева такого качества, будто оно соткано прядильщиками с восемью ногами. Она украдкой посмотрелась в огромное зеркало над камином. Ее мать сидела в кресле и тоже разглядывала свое отражение, словно убеждая себя в том, что еще существует. Люсетта расположилась рядом с ней, и они обе с кислыми физиономиями уставились на меня. Папаша неодобрительно фыркнул, и был абсолютно прав. Здесь он будет вести себя смирно; хоть его никто и не слышит, кроме меня, он не станет меня отвлекать. Он никогда не мешает *бизнесу*.

— Зеркало следует прикрыть, — сказала я, без приглашения усаживаясь в изящное кресло. Оно обняло меня, как ласковый сонный медведь. Поправив складки на траурном коричневом платье, специально предназначенном для визитов к семьям покойных, я было положила руки на ручки кресла, но, вспомнив, как неприглядно они выглядят, сцепила пальцы на коленях перед собой. Зеркало украшали только черные ленты, завязанные бантами, — изысканная дань традиции, но слабая защита.

— То есть все ваши зеркала. На всякий случай. Пока не увезут тело.

Они обменялись оскорбленными взглядами.

— Выбор за вами, разумеется. Мне известно, что некоторым семьям доставляет радость, когда тени усопших поселяются в зеркалах и постоянно за ними наблюдают. Они чувствуют себя не такими одинокими, — я улыбнулась, стараясь казаться доброжелательной. — Мертвым это нравится, особенно тем, чья смерть была внезапной. Не успев подготовиться, они стремятся крепко держаться за тех, кого прежде любили. Вы знали, что сердце вашего мужа было слабым, или же это было чудовищной неожиданностью?

Мадам Д'Агилар передала свою черную шаль Люсетте, та прикрыла зеркало и вернулась к матери.

— Вы накрыли тело? — спросила я. Они кивнули. Я кивнула в ответ, показывая, что они все сделали правильно. Глупые тщеславные женщины, поставившие свои отражения выше сохранения души внутри тела. — Хорошо. Итак, чем я могу быть вам полезна?

Это снова поставило их в неловкое положение, обязывая обратиться ко мне за помощью.

Они должны *просить* меня выполнить их пожелания. Увидев их сконфуженные лица, я почувствовала мерзкий трепет восторга и снова улыбнулась. *Позвольте мне вам помочь.*

— Нам нужен гроб. Иначе зачем бы *тебе* здесь находиться? — язвительно проговорила Мадам. Люсетта накрыла ее руку ладонью.

— Нам требуются твои услуги, Хепсиба, — мое сердце пропустило один удар от того, что ее губы произнесли мое имя. — Ты должна нам помочь.

Еще бы! Им необходим гробовщик. Им нужно смертное ложе, которое удержит усопшего внутри,

чтобы быть уверенными — он не вернется преследовать их в той жизни, которую они начнут с этого момента. Им требуется мое искусство.

— Я рекомендую вам гроб из черного дерева, обитый изнутри качественным шелком с наполнением из лаванды, чтобы навсегда успокоить его душу. Золотая фурнитура будет служить гарантией прочности конструкции. Я также добавила на всякий случай три золотых замка для крышки. Так будет надежней, — и затем я назвала цену. Чуть меньше четверти фунта золота, цена выглядит справедливой, и, тем не менее, способна заставить любую другую честную женщину возмутиться и обвинить меня в вымогательстве.

Но мадам Д'Агилар просто сказала:

— Люсетта, проводи мисс Бэллентайн в рабочий кабинет и заплати ей аванс.

Как же им хочется удержать его внизу!

Я поднялась и, прежде чем отправиться вслед за покачивающимися юбками Люсетты, сделала легкий реверанс.

Пока она возилась с сейфом в третьем ящике огромного дубового стола, до недавнего времени принадлежавшего ее отцу, я вежливо отвернулась. Когда она передавала мне кожаный мешочек с золотом, ее пальцы коснулись моей ладони, и мне показалось, что я увидела искорку в ее скорбных глазах. Мне кажется, она тоже это почувствовала, и я вспыхнула от смущения за то, что она так легко смогла прочесть мои мысли. Я перевела взгляд на портрет усопшего, но в этот момент она схватила меня за руку и крепко сжала ее.

Ох!

— Пожалуйста, Хепсиба, сделай ему хороший гроб. Удержи его внизу. Защити нас... *меня*, — и она

прижалась к моей руке губами. Они были слегка приоткрытыми, влажными и такими мягкими. Я перестала дышать, мои легкие были пусты. Она провела легким кошачьим языком по линии жизни и поднялась к запястью, где синей жилкой бился пульс, выдавая мои чувства. Откуда-то из холла донесся шум. Это суетился лакей. Люсетта улыбнулась, неохотно выпустила мою руку и сделала шаг назад.

Я вспомнила, что должна дышать, склонила голову и подчинила свои чувства воле. Все это время Гектор был непривычно молчалив. Я видела, как он стоит у нее за спиной, как безуспешно пытается потрогать пальцами ее лебединую шею, но те проходят насквозь, не встречая преграды. Я впала в ярость, но сумела взять себя в руки. Снова кивнув, чтобы придать себе уверенности, я посмотрела в ее бесстыжие глаза и прочитала там обещание.

— Мне необходимо увидеть тело, снять мерки и подготовиться. Я предпочитаю делать это в одиночестве.

— Тупая маленькая потаскуха, — снова и снова повторял Гектор. Сказать, что он нарушил тишину, когда мы вернулись в мастерскую, было бы преуменьшением. Я предпочла ему не отвечать, ведь в его голосе сквозила неприкрытая зависть.

— Как, наверное, тяжело, папочка, быть сродни кишечным газам. От тебя один лишь шум и ветер.

Если бы он мог, то кинул бы в меня первое, что попало под руку: резак, шлифовальный камень, рубанок, не думая о том, сколько будет стоить замена этих дорогих инструментов — унаследованных от многих поколений наших предков, купленных за

огромные деньги, требующих сверхаккуратного обращения, поскольку способны удержать мертвых *внизу*.

Я не обратила никакого внимания на его буйства и продолжила заниматься гробом господина Д'Агилара. Он уже приобрел требуемые форму и размеры, сколоченный надежными крепкими гвоздями, а волючий клей из человеческого костного мозга и вываренных костей я втирала в каждый стык между досками, чтобы быть уверенной — ничто эфемерное не покинет этот гроб. На скамье, довольно далеко — чтобы брызги краски и лака не могли туда попасть, — лежал бледно-лиловый шелковый мешок, набитый гусиным пухом и цветами лаванды; вечером я простегаю его небольшими аккуратными стежками и положу внутрь гроба, только возьму клей с более приятным запахом, чтобы замаскировать вонь от замазки из костного мозга.

Цена на наши услуги высока, но Бэллентайны предлагают только самое лучшее.

С помощью ручной дрели, на которой выгравированы инициалы Гектора, я высверлила отверстия для ручек и петель. Незадолго до его смерти дрель, которая передавалась из поколения в поколение в течение последнего столетия, сломалась, ее поворотный механизм раскололся, поранив кожу на его ладони. За крупную сумму он заказал другую. Она почти новая, и я могу притворяться, что инициалы на рукоятке мои и эта блестящая вещь только моя.

— Ты достала это? — спросил Гектор, устав сердиться.

Я кивнула, прикручивая первую петлю на место. В тусклом свете мастерской ее матовая поверхность выглядела почти грязной. Скоро я зажгу лампы, что-

бы работать ночью. Я не хотела придумывать причины, по которым мне нужно пересечь порог дома Люсетты. Я увижу ее завтра.

— Покажи.

Я неохотно выпрямилась и потянулась. В кармане юбки, рядом с миниатюрным набором клещей и плоскогубцев, лежала старая жестянка, где раньше хранился дешевый нюхательный табак Гектора. Она шелкнула, когда я ее открыла. Внутри лежал зуб с черной сердцевинкой, вонявший гораздо сильнее, чем должен. Кусок плоти изрядного размера вырвался вместе с зубом, и в запахе гниения явно присутствовал характерный аромат наперстянки. Господин Д'Агилар упокоился в могиле гораздо раньше своего срока, а я добавила в нашу коллекцию еще одно средство, которое никто не распознает и не будет задавать лишних вопросов.

— Чудесно, — сказал Гектор, — и не догадаешься. Инфекция в чашке чая — это не так уж и изобретательно. Я ожидал лучшей смерти, знаешь ли.

— Никакая это не инфекция, папа, — я придержала рукой дрель. — Это была старая дрель. Я смазала рукоять ядом из яблочных семечек и подпилила шестеренку. Нужна была лишь маленькая ранка. Это достаточно изобретательно для тебя, Гектор?

Он в раздражении вернулся к своей новой любимой теме:

— Эта девчонка тебя не хочет.

Я глубоко вздохнула:

— События свидетельствуют об обратном.

— Дура. Отчаявшаяся жалкая маленькая дура. Как я мог вырастить такое глупое дитя? Разве я не учил тебя видеть людей насквозь? Любому понятно, что ты недостаточно хороша для мисс Люсетты Д'Агилар, —

он рассмеялся. — Ты так и будешь мечтать о ней, Хепсиба?

Я швырнула в него дрелью, она пролетела сквозь блеклый силуэт Гектора и лязгнула металлическими частями о стену.

— Я покрыла тебя саваном! Я закрыла окна и занавесила зеркала! Я своими руками сделала тебе гроб и запечатала его накрепко! Так почему ты здесь? — закричала я.

Гектор улыбнулся:

— Может, меня и нет. Может, ты просто настолько одинока, дочурка, что выдумала меня.

— Будь я одинока, подыскала бы себе компанию получше, — но его слова все равно причинили мне боль.

— Нет никого ближе семьи, твоего дорогого старенького папы, который любит тебя без памяти.

— Когда у меня будет она, — сказала я тихо, — ты мне больше не понадобишься.

Призрак или плод моего буйного воображения остановился, предчувствуя свой неотвратимый конец, и начал исходить злобой:

— Кто вообще может тебя захотеть?

— Ты, отец. Или смерть затуманила тебе память?

Стыд может заставить замолчать любого, даже мертвого, и он растворился, оставив меня в одиночестве — по крайней мере, на время.

Я сделала несколько глубоких вздохов, чтобы успокоить трясущиеся руки, и начала делать замеры для установки замков.

— Гроб готов, — я изо всех сил старалась скрыть разочарование в голосе. Люсетта так и не появилась. Горничная открыла мне дверь и проводила в ту же

приемную, где меня с явной неохотой приняла вдова. И дверной ангел даже не открыл глаз.

Мадам кивнула.

— Я пришлю слуг с телегой во второй половине дня, если вам будет удобно, — она даже не придала фразе вопросительной интонации.

— Хорошо, а оплата?

— Оплата будет совершена в день похорон, то есть завтра. Вас не затруднит зайти снова? — ее улыбка была столь же очаровательна, как и предсмертная маска. — Не смею больше тратить ваше время.

Я улыбнулась в ответ.

— У моих клиентов нет выхода, кроме как ждать своей очереди, — я встала. — Я найду выход сама. До встречи завтра.

В лучах утреннего солнца я спустилась по каменным ступеням, которые были широковаты для среднего шага. Этим утром я расчесала волосы, пощипала себе щеки, чтобы добавить им краски, и намазала губы слоем воска с красным пигментом, который остался еще от матери. Все впустую. Но не успела я ступить на аккуратно вычищенную дорожку, как из куста справа вынырнула чья-то рука и увлекла меня под нависающие ветки, за плотную ширму жасминовых зарослей.

Люсетта просунула свой язык меж моих губ, давая распробовать свой вкус, но отпрянула, когда я попыталась в ответ исследовать медовую впадину ее рта. Она тяжело задышала и хихикнула, ее грудь поднималась и опадала, будто бы это было для нее всего лишь приключением. Она не дрожала, как я, ведь она — всего лишь глупая маленькая девочка, изображающая похоть. Я это точно знала. Я знала, но это не порождало во мне сомнений. И не разрушило мою надежду.

Я потянулась к ней, схватила за предплечья и грубо прижала к себе. Она прильнула ко мне, и я ей показала, что такое настоящий поцелуй. Показала, что такое желание. Я прикоснулась к ней своим пламенем в надежде, что ее заклеят кончик моего языка, подушечки пальцев, округлость моей груди. Сейчас она станет моей прямо под окнами гостиной, где ее ждет мать. Я повалю ее на эту траву, где нас могут в любой момент найти, и заставлю стонать и трястись, сделаю своей, даже если мне придется преодолеть ее сопротивление и стыд. Это свяжет нас навсегда.

— Шлюха, — выругался Гектор прямо мне в ухо, появившись впервые со вчерашнего дня. Как удачно он подгадал момент. Я остановилась, Люсетта пришла в себя и стала сопротивляться. Она снова отстранилась от меня, тяжело дыша, и улыбнулась своей загадочной улыбкой.

— Когда он *окажется внизу*, — произнесла она. Как клятву, залог, обещание, намек.

— Когда он *окажется внизу*, — повторила я, как молитву, и, качаясь, побрела домой.

Этим утром я стояла во дворе церкви, прячась от посторонних взглядов, и смотрела, как хоронили господина Д'Агилара. В основном потому, что испытывала профессиональную гордость. Гектор стоял рядом и одобрительно кивал. При жизни этого никогда не было, но сейчас мы достигли перемирия.

— Хепсиба, я горжусь тобой. Превосходная работа.

Так и было. Свет упал на черное дерево в золоте, и вокруг гроба разлилось сияние. Это придало похоронам эффект театральности. Я заметила восхищенные взгляды друзей семьи, соседей и знакомых,

когда вход в семейный склеп открылся и четверо крепких мужчин из прислуги занесли гроб в темноту.

Я наблюдала и за Люсеттой. Смотрела, как она плачет и поддерживает свою мать, как они обе, словно пантомиму, разыгрывают скорбь. Когда толпа поредела и слуги уже были готовы проводить их к черному экипажу, запряженному четверкой лошадей с плюмажами, Люсетта почувствовала на себе мой взгляд. Она разглядела, что я стою за белым каменным крестом, чуть наклонившимся в сторону из-за просевшей земли, одарила меня странной скупой улыбкой и слегка наклонила голову. Но и только.

— Красивая девушка, — сказал Гектор с сожалением.

— Да, — ответила я, готовясь к новой битве, но за этим ничего не последовало. Мы стояли в тени, пока участники поминальной службы не разбрелись по домам.

— Когда ты пойдешь за золотом? — спросил он.

— Во второй половине дня, когда закончатся поминки.

Гектор кивнул и ничего не сказал.

Люсетта вносит черный резной поднос с заварочным чайником, двумя чашками с блюдцами, кувшинчиком со сливками, сахарницей и серебряными приборами. Два небольших миндальных бисквита лежат на крохотной тарелочке. Слугам дан выходной на два дня. Ее мать отдыхает наверху.

— В доме было столько людей, — говорит она, ставя поднос на инкрустированный столик между нами. Мне хочется схватить ее, зарыться пальцами в волосы, целовать так, чтобы у нее перехватило дух, но разбитый китайский сервиз вряд ли будет идеаль-

ным началом. Я держу руки на коленях. Интересно, заметила ли она, что я обработала ногти, сделала их опрятными? Что пятна на моей коже побледнели после многих часов мытья хозяйственным мылом?

Люсетта сует руку в карман своего платья и достает кожаный кошелек, близнец того, что она дала мне два дня назад. Она протягивает мне его с улыбкой. Как только он ложится в мою ладонь, она отпускает веревку, чтобы наши пальцы не встретились.

— Итак, наши дела завершены, — она раз пять поворачивает чайник по часовой стрелке и раскладывает ложки по блюдам.

— Завершены? — переспрашиваю я.

В ее глазах появляется жалость, затем она смеется:

— Какое-то время мне казалось, что действительно придется разрешить тебе повалить меня! Оно того стоило, чтобы убрать его наверняка, — она вздыхает. — Ты проделала такую потрясающую работу, Хепсиба. Я бесконечно тебе благодарна. Даже не думай иначе.

Я не настолько глупа, чтобы протестовать, рыдать, умолять и спрашивать, шутит ли она, играя с моим сердцем. Но, когда она передает мне чашку, мои руки трясутся так сильно, что чай выплескивается через край. Что-то проливается в блюдо, остальное попадает мне на руки и обжигает. Я справляюсь с беспорядком, пока она суетится, зовет горничную, а затем осознает, что никто не придет на ее зов.

— Я на минутку, — говорит она и отправляется на кухню за тряпкой.

Я провожу рукой вниз по юбке и нащупываю твердый выступ. Глубоко в правом кармане лежит жестяная коробка. Она издает печальный, но многообещающий звук, когда я стучу по крышке перед

тем, как ее открыть. Я опрокидываю содержимое в пустую чашку Люсетты, наливаю туда чай, давая отравленному зубу чуть разбухнуть. Слыша ее торопливые шаги по коридору, я вылавливаю зуб ложкой, не прикасаясь к нему незащищенными руками, и убираю. Потом доливаю в чашку капельку сливок.

Она вытирает мою красную обожженную руку прохладной влажной салфеткой, потом аккуратно заворачивает в нее мою руку. Люсетта садится напротив, я подаю ей чашку чая и одариваю нежной улыбкой. Ее и Гектора, появившегося у нее за плечом.

— Спасибо, Хепсиба.

— Вседа рада помочь, миссис Д'Агилар.

Я смотрю, как она подносит чашку к своим розовым-розовым губам и делает большой глоток.

Этого вполне хватит, действует медленно, но количество достаточное. Скоро в этот дом снова придет скорбь.

Когда меня снова позовут, чтобы я занялась своим ремеслом, я принесу с собой зеркало. В тихой комнате, где мы будем только вдвоем, я откину с Люсетты саван и пробегу пальцами по ее коже, найду все секретные места, к которым она меня не допустила, и она станет моей и только моей, хочет она того или нет.

Я собираюсь и желаю ей всего хорошего.

— Снова халтурка, — весело говорит отец, шагая со мной в ногу. — Недостаточно, чтобы привлечь к нам внимание, но на хлеб хватит.

Через день или два я снова постучу в парадную дверь вдовы Д'Агилар.

Энджела Слэттер — автор двух сборников рассказов «Закваска и другие истории» (Tartarus Press, Великобритания) и «Безрукая девочка и другие сказки» (Ticonderoga Publications, Австралия), которые были напечатаны в 2010 году. «Безрукая девочка» в 2011 году стала лауреатом премии «Аурелис» в номинации «Лучший сборник рассказов», а написанный в соавторстве с Лайзой Хеннет рассказ «Февральский дракон» в том же году завоевал премию «Аурелис» в номинации «Лучшее произведение в стиле фэнтези».

Ее рассказы печатались в антологиях: «Книга Маммота, Новые лучшие произведения в стиле хоррор, том 22», «Снова во сне» Джека Данна, «Странные истории II» и «Странные истории III» издательств Tartarus Press и Twelfth Planet Press, а также в многочисленных журналах.

В 2012 году в издательстве Ticonderoga вышел новый сборник ее рассказов «Полночь и лунный свет», написанный в соавторстве с подругой Лайзой Хеннет.

«Когда издатель попросил написать что-то, что было бы «больше хоррором, чем фэнтези», я долго с некоторым ужасом перебирала идеи, — вспоминает автор. — Я не считаю себя автором, который пишет ужасы. Моя первая попытка была оценена лишь словами: «Хорошо, но я думал, что ты сможешь лучше». Покричав от отчаяния, помахав кулаками, я снова вернулась к работе. В первый раз я писала под музыку Florens и Machines Lungs..., но когда я услышала песню «Мой мальчик мастерит гробы», я задумалась о том, что общество рассматривает это не просто как ремесло, а в некоторой степени как искусство. Кроме того, существует поверье, что это искусство призвано удерживать усопшего в земле. Мне очень захотелось

написать историю, в которой было бы несколько слоев неразгаданных секретов.

Услышав песню «Девочка с одним глазом», я ясно представила себе образ Хепсибы — тоненькой девушки с короткой стрижкой, не слишком озабоченной своей внешностью, стоящей перед тяжелой дверью. На ней коричневое шерстяное платье, похожее на то, что носила Джейн Эйр, с длинными рукавами, застежкой впереди и длинной юбкой. А на голове у нее нечто вроде поварского колпака. За ее спиной стоит призрак отца, отвратительного до ужаса. Я почти слышала его голос и понимала, насколько враждебными были их отношения. Неважно, что Хепсиба его ненавидела, она унаследовала от него некоторые черты, и поэтому он все время крутится где-то рядом. Время действия рассказа — викторианская эпоха, что в какой-то степени совпадает с миром, описанным мной в «Закваске и других историях».

Хепсиба — один из моих любимейших персонажей, у нее жуткий характер, но мне она нравится».

Брайан Ходж

Припасть к корням

Дорога туда оказалась совсем не такой, как мы помнили. От съезда с магистрали мы с Джиной проехали много километров, очень смутно представляя направление. *«Давайте мы покажем дорогу по карте»*, — предложили наши родители, ее и мои, сначала дома, во время похорон, потом за завтраком в мотеле. *«Нет, нет, — отвечали мы. — Конечно, мы помним, как добраться до бабушки»*. Мы возмущались, что часто бывает со взрослыми людьми, когда родители обращаются с ними, как с девятилетними.

Три раза повернув не туда и поплутав еще минут пятьдесят, мы выехали на родную старую гравийную дорогу. Переглянувшись с Джиной, мы почувствовали, что между нами, двоюродными братом и сестрой, снова возникло что-то вроде телепатии.

— Точно, — сказал я, — мы никогда больше об этом не говорили.

Она настояла, чтобы я пустил ее за руль моей машины, будто пытаюсь доказать... что-то... и выдернула ключи из зажигания.

— Я и сейчас не хочу.

Останься всё как раньше, может, мы и смогли бы ориентироваться по приметам, которые помнили,

хоть и никогда не замечали. Но всё изменилось, и мне не казалось, что я помню лишь некую идеализированную версию того, что никогда не существовало.

Я помнил, что этот проселок был очень скучным из-за непрерывной череды полей и фермерских домов. Меня, тогда еще мальчишку, больше всего ужасала возможность оказаться на узкой, не предназначенной для обгона дороге, позади медленно ползущего старенького трактора. Правда, как только мы добирались до места, жизнь оказывалась не такой уж и плохой. Бабушка всегда держала в доме пару охотничьих собак, а вокруг лежало достаточно лесов с глухими тропинками, чтобы хватило упорным ребяташкам для исследований до конца лета.

Хотя сейчас...

— Слушай, — сказал я, — а эта дорога ведь не всегда была такой унылой?

Джина покачала головой:

— Конечно, нет.

Я думал о трейлерах на дороге и горах мусора, которые вокруг них выросли. Кажется, в те времена, если машина ломалась, ее прятали в амбар и там чинили, а не выставляли напоказ, как трофей. А еще я вспомнил, как катался на дедушкиной машине. Тогда, встречая на дороге едущий навстречу автомобиль, водители по-дружески махали друг другу, даже если не были знакомы. Все друг друга приветствовали. Те времена прошли. Теперь вместо приветствия нас провожали тяжелыми мрачными взглядами.

Мы постояли у машины, пытаясь убедить себя, что действительно приехали в нужное место. Что клен с розовыми листьями, в тени которого мы остановились, тот же самый, что видел мой дед,

а потом и я, что он перестал быть похожим на тоненький бобовый росток и вырос, как и я сам. Он действительно был тем самым кленом, потому что на его нижних ветках висела старая высохшая тыква с отверстием не больше долларовой монеты. Деревья вокруг дома украшало несметное количество таких же тыкв. И, хотя наверняка это уже были другие тыквы, я все равно с удовольствием вспоминал, что наша бабушка Эвви вешала их до самой смерти; вся ее жизнь измерялась бесконечной чередой тыкв, которые она год за годом превращала в птичьи домики.

Как давно я был здесь в последний раз, Джина?

Ну... четыре или пять тыкв назад.

Правда. Так давно.

Да уж, стыдно...

Это был все тот же дощатый фермерский домик, белый и всегда облупившийся. Я никогда не видел его не только свежеекрашенным, но и очищенным до голых старых досок тоже. В голову невольно приходила мысль, что краска, которой красили дом, каким-то образом линяла прямо в банке.

Мы вошли внутрь через заднюю кухонную дверь — я вообще не помнил, чтобы кто-то пользовался парадным входом, — и словно попали во временную капсулу. Здесь ничего не изменилось, даже запах — сложная смесь свежесваренного утреннего кофе и слегка поджаренной еды.

Мы остановились в гостиной у ее кресла, где она сидела в последний раз. Кресло принадлежало только ей, и даже мы, дети, чувствовали себя неловко, когда в него садились, хотя она никогда никого из нас не прогоняла. Оно было древним уже тогда, хотя его и обивали новой тканью. За десятилетия ак-

куратного пользования его сиденье примялось. Она в нем шила, втыкая в широкие, как разделочные доски, подлокотники иголки с продетыми в ушки нитками.

— Если уж нам и предстоит умереть, — сказала Джина, — то лучше пусть это будет так.

Кресло стояло у окна, выходявшего на дом соседей; они ее и нашли. Наверное, она читала. Книга лежала на подлокотнике, на ней сложенные очки, она же просто сидела, уронив голову, но по-прежнему с прямой спиной. Соседка, миссис Тепович, сначала подумала, что она спит.

— Как будто она сама знала, что ее время пришло, — сказал я, — Понимаешь, она закончила читать и решила, что пора.

— Наверное, это была чертовски хорошая книга, если она решила, что ничего лучше уже не прочитает, — Джина говорила с абсолютно каменным лицом. Чего еще от нее ждать.

Я выдавил из себя смешок:

— Гореть тебе в аду.

Она опять стала серьезной, опустила на колени и провела рукой по шершавой ветхой ткани.

— Что с ним делать? Оно никому не нужно. Это кресло никому в мире больше не подойдет. Оно было ее. Но не выбрасывать же его?

Она права. Мне невыносимо думать, что оно отправится на свалку.

— Может, оно пригодится миссис Тепович? — я посмотрел в окно на соседский дом. — Нужно сходить поздороваться. Заодно и спросить, вдруг ей хоть что-то тут понадобится.

Такие добрососедские отношения казались настолько же естественными здесь, насколько стран-

ными там, где мы жили теперь. Старая женщина в далеком доме... Я не видел ее около десяти лет, но мне все еще кажется, что я знаю ее гораздо лучше, чем десяток-другой людей, живущих сейчас в радиусе пяти минут ходьбы от моей двери.

Забывать было очень просто — мы с Джиной были первым поколением, уехавшим отсюда; но, прямо или косвенно, в нас все равно осталось что-то, о чем мы могли даже не подозревать.

Если бы дорога шла по городскому кварталу, то наш дом находился бы у одного его конца, а дом миссис Тепович стоял ближе к другому. Мы с трудом пробирались там, где раньше ходить было легко и приятно; когда-то здесь росло целое поле земляники, и люди издалека приходили ее собирать.

Зато сама миссис Тепович совсем не изменилась — ну, или почти. Она и раньше выглядела для нас старой, просто сейчас стала чуть старше; зато нас она даже сначала не узнала. Она все еще видела в нас подростков и никак не могла поверить, что мы уже выросли. Может, потому, что мы с Джиной давно уже дочерна не загорали, и наши лица перестали быть обветренными.

— Похороны прошли достойно? — поинтересовалась она.

— Никто не жаловался, — ответила Джина.

— После смерти Дина я перестала ходить на похороны.

Дин был ее мужем. Мои лучшие воспоминания о нем относились к тем временам, когда созревала земляника. С какой нечеловеческой неторопливостью он, куря самокрутку, вручную сбивал домашнее мороженое в блестящей кастрюле, поставленной

в таз с комками соли и льдом. Чем громче мы возмущались, тем хитрее становилась его улыбка и медленнее крутилась мешалка.

— Мне осталось посетить еще одни похороны, — сказала миссис Тепович, — но на них меня отнесут.

Как печально было видеть эту маленькую, высохшую на солнце вдову с белыми, как овечья шерсть, волосами, бродящую вокруг своего дома, в одиночку ухаживающую за садом, потерявшую соседку и друга — единственное, что держало ее на этом свете, в котором она прожила уже без малого целый век, ее последний оплот в жизни.

Но никакой печали не было. Ее глаза были такими яркими и смотрели на мир с такой надеждой, что я вдруг почувствовал себя хорошо, как давно уже не чувствовал. *Именно такой была и наша бабушка Эвви в самом конце жизни. Что горевать по каждому пустяку? Давайте отпразднуем!*

Миссис Тепович не стала делать похоронный вид; подозреваю, что она всю жизнь это ненавидела.

— Вы приехали разобраться в доме? — спросила она.

— Так, слегка, пока родители не нагрянут, — сообщила Джина. — Они сказали, если нам что-то нужно, самое время это забрать.

— Мы пробудем здесь все выходные, — сказал я.

— Вдвоем? Никто больше не приедет?

Никто из двоюродных братьев и сестер, имела она в виду. Всего нас было десять человек. Когда-то десять, теперь — только девять. Хотя моя кузина Линдси все-таки набралась наглости и попросила меня тут пофотографировать и отослать ей фотографии, а она сама решит, что ей нужно. Я уже собирался извиниться и сказать, что тут нет сигнала.

— Вы ведь были ее любимчиками, знаете? — миссис Тепович посмотрела куда-то вдаль своими почти потерявшимися в морщинах глазами. — И Шай, — добавила она тихо. — Уж она-то наверняка бы сюда приехала. Плохо, что ее нет.

Мы с Джинной кивнули. Миссис Тепович абсолютно права. За эти восемь лет моя сестра могла бы много где появиться, но вместо этого... впрочем, какая разница. Шай могла бы побывать во многих местах и много чего сделать. Эта рана никогда не заживет.

— Мы пришли спросить, — сказала Джина, — может, вы хотите взять что-то себе на память?

— Разве что несколько зимних тыкв из сада, если они уже созрели. Она всегда выращивала лучшую «Деликату». Вы должны съесть ее как можно быстрее, она не лежит так долго, как другие сорта.

Мы были с ней на разных волнах.

— Это потому, что у нее кожура слишком тонкая.

— Вы можете взять из сада все, что вам понравится, — сказала Джина. — Но мы не совсем это имели в виду. Мы думали, вам захочется взять что-то из дома.

— Например, ее кресло, — добавил я, стараясь казаться услужливым. — Хотите, мы его вам принесем?

Укуси миссис Тепович незрелый лимон, и то ее лицо так не скривилось бы.

— Эту рухлядь? Что я буду с ней делать? — она решительно замотала головой. — Нет. Его нужно вытаскать и сжечь. У меня самой такого старья навалом, зачем мне чужое?

Мы побыли у нее еще немного, было тяжело уходить. Гораздо тяжелее для нас, чем для нее. В отли-

чие от тех стариков, которые хватают вас за руку, чтобы задержать еще хоть ненадолго, она не имела ничего против нашего ухода. Мне кажется, причина в том, что здесь всегда были дела, которые нужно закончить.

— Я не знаю, чем вы собираетесь тут заниматься, — сказала она, явно обращаясь именно ко мне, — но не суйте нос в места, которые находятся далеко от дороги. Эти наркоманы превратили округу в такую свалку, говорят, они все время здесь ошиваются.

Вечер наступал совсем не так, как в других местах, например, дома; он словно поднимался от земли, заполняя леса и придорожные канавы. Я уже забыл, как это бывает. Забыл, как ночь выползает из-за курятника, из-за амбара, выныривает из лужи, проникает внутрь вросшей в землю хижины, приспособленной для свиней, встает во всей красе из многолетнего забвения. Кажется, что ночь присутствует здесь всегда. Она просто ненадолго прячется, а потом снова пускается во все тяжкие.

Я не помню, чтобы когда-либо мне было так же хорошо, как здесь ночью, когда рядом кто-то есть. Мы сидели на крыльце, прихватив тарелки с ужином, приготовленным на скорую руку из остатков еды в холодильнике и того, что удалось найти в огороде, и ждали прихода темноты.

Когда она наступила, Джина осторожно начала разговор:

— Помнишь, что сказала миссис Тепович... про то, чтобы мы больше ничего не планировали на выходные. Она имела в виду Шай? Вряд ли что-то другое... Может, она где-то здесь? Тебе не кажется, Дилан?

— Мне не может это не казаться, раз я сюда приехал, — ответил я. — Но делать что-то я не собираюсь. Да и поздно.

В принципе, мы пытались. Находили очередного наркомана, выжимали из него все, что он знал — как правило, он не знал ничего, — и заставляли показать того, кто мог знать.

— Ладно, — сказала она, переждав, пока уляжется злость. Та все время в нас жила, потому что мы не нашли виновника, — но если получится, ты все делаешь правильно? Тебе ведь каждый день приходится это делать.

— Да, но все дело в числе, а не в умении. И в стрелках на вышках, когда преступников выводят погулять во двор.

Она посмотрела на меня и улыбнулась, так скупой и печально, что детские ямочки на ее щеках превратились в глубокие складки. Ее волосы были так же легки, как и в те годы, когда мы проводили с ней летние каникулы; правда, кажется, теперь она что-то подкладывала в пучок для объема. Лицо стало тоньше, а щеки опали. Когда-то они были пухлыми, и Джина стала первой девочкой, которую я поцеловал невинным поцелуем кузена, который понятия не имеет, чем все это может закончиться.

Теперь ее взгляд был далеко не детским; она жаждала мести, хотела, чтобы мир стал еще более беззаконным, чем сейчас, чтобы я собрал свою личную армию и вернулся сюда. Мы бы прочесали все это место и нашли.

Шай была одной из тех, о ком пишут на первых полосах газет, если хоть какие-то подробности об их исчезновении попадают на глаза редакторам новостей: «ПРОПАВШУЮ ДЕВУШКУ ВИДЕЛИ В ПО-

НЕДЕЛЬНИК НОЧЬЮ. СЕМЬЯ ПРОПАВШЕЙ СТУДЕНТКИ КОЛЛЕДЖА ВЫСТУПИЛА С ТРОГАТЕЛЬНЫМ ЗАЯВЛЕНИЕМ». Это продолжается до тех пор, пока кому-то из поисковой группы не повезет, или собака какого-нибудь бегуна трусцой не остановится у кучи выброшенных на берег водорослей и не станет лаять так, что ее не остановить.

Но мы даже этого были лишены. Шай так и не нашли. Это была самая милая девушка из тех, кого мне доводилось встречать. Она и в девятнадцать лет регулярно навещала бабушку и, словно Красная Шапочка, верила в то, что все волки ушли. Единственно, что удалось обнаружить — окровавленный лоскут ее блузки, зацепившийся за ветку в полумиле от дома, где родилась наша мама. Ее останки, как я подозревал, скорее всего покоились на дне шахты, были утоплены в трясине или зарыты в такой чаще, что теперь уже не оставалось ни единого шанса их найти.

Участие в трех поисковых операциях подорвало мою веру в человеческую порядочность, а работа в Департаменте наказаний не оставила никаких иллюзий по этому поводу.

В деле Шай я всегда подозревал худшее — потому что очень хорошо знал, на что способны люди, даже очень хорошие мальчики, даже я сам.

Обойдя с фотоальбомом всю округу и обзвонив всех сокурсников, в тот первый вечер мы почти ничего не узнали. Джина легла спать пораньше. Я остался наедине с ночью и, сидя в бабушкином кресле, вслушивался в нее до тех пор, пока мне стало чего-то не хватать. Я встал и вошел в ночь.

Тогда в этой глуши не было кабельного телевидения, и бабушка не завела себе спутниковую тарелку,

а обходилась допотопной антенной, прикрепленной к одной из стен дома. При ветре мачта всегда скрипела, как флюгер, которому мешают выполнять свое предназначение, это завывание было слышно и в доме, в ветреные ночи под него было почти невозможно уснуть. Я использовал мачту как лестницу, чтобы забраться на крышу и вскарабкаться по черепице на самый конек.

Как и сейчас, я видел вдали огоньки, сентябрьский ветер гнул деревья, было видно лампу на далеком соседском крыльце и автомобильные фары на дороге. Но вокруг, несмотря на луну и россыпь звезд на небе, была самая темная ночь из тех, что я когда-либо пережил.

Я слушал ее и открывал для себя.

Я почти не помнил тех долгих летних каникул, которые мы здесь проводили. Сколько они длились — две недели, три, месяц. Когда сюда съезжались все мои двоюродные братья и сестры, мы спали в одной комнате вчетвером или впятером. Бабушка укладывала нас и рассказывала на ночь какие-то истории: иногда про животных, иногда про индейцев, иногда про мальчиков и девочек, таких же, как и мы.

Я ни одной из них не помню.

Только одну бабушка рассказывала снова и снова, и она застряла у меня в памяти. Остальные были пересказом давно известных сказок, ничего особо выдающегося. Я знал, что животные не разговаривают, хорошие индейцы настолько непохожи на меня, что я не мог себя представить в их роли, я не боялся, что плохие индейцы придут и заберут меня в плен, не только меня, но и остальных мальчиков и девочек. Какое нам было до них дело, если каждый день мы переживали собственные приключения.

Но истории про Лесного Странника... они сильно отличались от всех остальных.

Это я его так называю, — говорила Эвви, — так называла его и моя бабушка. Он такой большой и старый, что у него нет имени. Как у дождя. Ведь дождь не знает, что он дождь. Он просто падает, и всё.

Она рассказывала, что он постоянно передвигается из одной части страны в другую. И никогда не спит, правда, случается, что он ложится в лесу или в поле и отдыхает. Он огромный, говорила она, такой высокий, что облака иногда застревают у него в волосах, — когда вы замечаете, как быстро бегут по небу облака, это значит, что он рядом. Но он может быть и очень маленьким, забраться в желудь и напомнить тому, что пора прорасти.

Его нельзя увидеть, даже если смотреть каждый день тысячу лет, но иногда можно заметить признаки его присутствия. Когда во время засухи в полях поднимаются тучи пыли, это Лесной Странник дышит на них, он смотрит, достаточно ли они высохли, чтобы посылать дождь. А еще в лесу, в его доме, когда деревья гнутся в противоположную от ветра сторону.

Его нельзя увидеть, но можно почувствовать, как глубоко-глубоко в вашей душе он перебирает сердечные струны. Днем такое вряд ли случается, не потому, что его нет рядом; просто если ты правильный и хороший человек, ты слишком занят, пока солнце стоит над горизонтом. Ты занят работой, учебой или просто ходишь в гости, играешь, бегаешь по лесу и развлекаешься. А вот ночью все по-другому. Ночь наступает, когда устает тело. Ночь — для того, чтобы ты почувствовал все остальное.

А что делает Лесной Странник? — спрашивали мы бабушку. — *Зачем он живет?*

Он любит все, что растет, и ненавидит, когда это уничтожают. А еще можно сказать, что он воздаст всем по заслугам, — говорила она нам, — *и следит, чтобы люди не были такими забывчивыми и самовлюбленными.*

А что будет с теми, кто его не слушается? — обязательно спрашивал кто-нибудь из нас.

С ним произойдут ужасные вещи, — отвечала она, — *просто ужасные.* Нам было этого недостаточно, мы умоляли рассказать еще, но она всегда говорила, что мы слишком маленькие, и обещала вернуться к этому, когда мы станем постарше. Но так и не исполнила обещание.

Ты ведь рассказываешь нам о боге, правда? — как-то спросил один из моих двоюродных братьев.

На этот вопрос бабушка тоже не ответила, во всяком случае, так, чтобы мы поняли. Я до сих пор помню ее взгляд, в котором не читалось ни «да», ни «нет», и уверенность в том, что рано или поздно каждый из нас найдет ответ на этот вопрос или не найдет никогда.

Я однажды видела Лесного Странника, — таинственным шепотом сообщила Шай. — *Это было в прошлую осень. Он смотрел на двух мертвых оленей.* Никто из нас не воспринял ее слова всерьез, мы верили в охотников гораздо больше, чем в какого-то Лесного Странника. Но Шай, хоть и была совсем маленькой, не сдавалась. Охотники, говорила она, не смогли бы снова поставить оленей на ноги и отправить по своим делам.

Я этого никогда не забуду.

И вот теперь, слушая ночной шелест крыльев летучих мышей и сов, гнездящихся в амбаре, я сделал еще один маленький шагок к тому, чтобы поверить.

— В любое время, — прошептал я тому, кто предпочитал не говорить и не показываться на глаза, — в любое время.

Поскольку молоко скисло, а бекон протух, нам нужны были еще кое-какие продукты, чтобы дотянуть до конца выходных. На следующее утро я выехал съездить в магазин у съезда с главной дороги. Я выбрал более длинный путь, так как уже много лет не путешествовал по округе, и мне хотелось ее посмотреть. Ничего страшного, если я пару раз сверну не туда, на свете есть более неприятные вещи, чем заблудиться в субботнее сентябрьское утро.

Двигаясь по дороге, я увидел кое-что гораздо более неприятное.

Невозможно вспомнить, каким было это место раньше, какими были люди, которые гордились своим домом, не задав при этом вопрос, что они думают о нем сейчас. Разве они стали бы равнодушно смотреть, как их дома превращаются в руины? Сидели бы, сложа руки, пока их поля зарастают сорняками? Разве они стали бы ездить по ним на машинах, оставляя незарастающие шрамы? Люди, которых я помнил, не могли так поступать.

Я почувствовал себя очень старым, не телом, но сердцем, такой старости не хочет ни один из нас. Именно такие старики орут на детей, чтобы те не топтали газон.

Во мне росла не просто досада, а дикое раздражение. Они все испоганили. Растоптали все воспоминания и традиции, растоптали в прах все хорошее,

что я помнил об этих местах. А один из этих людей, и этого мне никогда не забыть, однажды просто стер мою сестру с лица земли.

Кто эти люди, которые живут сейчас здесь? Не все же они приезжие? Большинство здесь выросло и никуда не уезжало — что делало их пренебрежение к собственной жизни еще более отвратительным.

Хуже всего было в западной части, где раньше добывали уголь. Подземные шахты истощились, когда я еще был ребенком; именно тогда я и услышал впервые термин «хищническая разработка недр». Тогда я не знал ни что он обозначает, ни как выглядит, ни каковы последствия.

Теперь здесь была равнина, весь уголь у поверхности выработали, а земли забросили. До самого горизонта тянулась безжизненная пустыня. Эта земля стала настолько кислой, что ни одно растение не росло на ней.

Сколько бы Лесной Странник ни напоминал семенам о необходимости прорасти.

Зря я решил поехать этой дорогой в магазин. Не выходя из машины, я надел солнечные очки. По той же причине, что ношу их в пасмурные дни, когда слежу за заключенными во время прогулок — как броню, защищающую меня от них, а их от меня. Нехорошо встречаться с ними взглядами; нехорошо, когда люди видят, что ты думаешь об их выборе и о том, от чего они отказались.

Вокруг толпились субботние покупатели. Зрелище было не из приятных. *Эти наркоманы превратили наши места в настоящую помойку; я слышала, что они всё время здесь крутятся*, — рассказала нам миссис Тепович. О том же говорил и метамфетамин. Я узнал этот взгляд — такой бывает у некоторых заключен-

ных, когда их переводят из камер временного содержания в тюрьму. Он, конечно, присутствовал не на всех лицах покупателей, но все равно их количество наводило на мысль, что со временем здесь станет еще хуже. Половина тела, пораженная лепрой, не способствует иллюзиям у здоровой половины.

Многие употребляли его годами, их лица были покрыты струпьями, тела напоминали скелеты, а зубы — гнилые пеньки. Они выглядели так, будто с утра до ночи пьют коктейль из серной кислоты, и та разъедает их изнутри. Остальные, похожие на юрких и хитрых крыс, видимо, скоро станут такими же. Их будущее можно было прочесть на коже соседей.

Забавно, но это каким-то образом можно было сравнить с тем, что было здесь раньше.

Насколько я помнил из детства, мужчины здесь почти всегда умирали первыми, часто один за другим. Они десятилетиями могли себя хорошо чувствовать, но потом сразу сдавали. Они спускались в шахты и возвращались с черными пятнами в легких, смерть медленно подкрадывалась к ним, чтобы всего за один день сломать хребет. Десятки лет они не обращали внимания на пустяковые симптомы. Их высохшие жены продолжали тянуть лямку без мужей. Пока могли.

Не дольше.

В этой смертельной гонке никто не выигрывал.

Вернувшись домой, я, к своему удивлению — поскольку не увидел рядом с домом машины, — застал у нас гостя. Когда я вошел в кухню, Джина взглянула на меня через плечо — прямо как моя бывшая жена. *Ну и где ты шляется все это время?*

Они сидели за кухонным столом, на котором стояли две пустые кофейные чашки, и было видно, что запас терпения у Джины закончился минут двадцать тому назад.

Я его не узнал, ведь в детстве у него вряд ли были такая черная клочковатая борода, впалые щеки и огромный живот.

— Ты помнишь Рэя Синклэра? — спросила Джина, толкнув пальцем дверь, от чего она с грохотом захлопнулась. Внучатый племянник миссис Тепович; иногда он приходил к нам поиграть, а еще хорошо знал лес, водил нас туда, где росли самые спелые ягоды, и в места, где ручьи образовывали маленькие озера, в которых можно было купаться. Мы пожали друг другу руки, и это было почти как взяться за бейсбольную перчатку.

— Я тут принес тете Пол немного оленины. Она сказала, что вы здесь, — начал он. — Приношу мои соболезнования по поводу кончины Эвви. Тетя Пол ее так любила.

Я выложил из пакета молоко, бекон и все остальное. Джина извинилась, сославшись на то, что ей нужно разбираться с вещами, и ушла, а мы с Рэем продолжили беседу.

— Что-то присмотрели тут? — спросил он. — Ну, из того, что можно взять на память?

— Пока не знаю, — ответил я. — Скорее всего, возьму бабушкино ружье, если попадется на глаза.

— Увлекаешься охотой?

— Не слишком. Особенно после того, как вернулся из армии... Просто не хочется больше ни в кого целиться и нажимать на курок, — я хорошо сдал экзамены при поступлении на работу, но там были просто мишени, никто не кричал, не истекал кровью

и не корчился от боли. — Мне кажется, если я возьму это старое ружье, оно будет напоминать мне о детстве... — я пожал плечами. — Наверное, можно было попросить бабушку отдать его мне еще после смерти деда. Она ведь не охотилась, но жила тут одна, и ружье ей было нужнее.

Он кивнул.

— Особенно после истории с твоей сестрой.

Я украдкой посмотрел на него, и только потом понял, что не снял после магазина солнечные очки. *Вряд ли это был ты*, — подумал я. У меня не было никаких причин так думать, но когда преступление остается нераскрытым и тело не найдено, нельзя не иметь это в виду, глядя на людей, которые все время находились рядом. Если Рэй знал, где можно было найти ягоды, то наверняка смог бы найти место, где спрятать тело.

— Особенно после этого.

— Я что-то не то сказал? — спросил он. — Прости, если это тебя задело.

Его голос был искренним, но я уже много лет наблюдал за тем, что может стоять за искренностью. *Поверь, начальник, я не знаю, кто сунул перо мне под матрас. Босс, этот пакет с дурью не имеет ко мне никакого отношения.* Они все кажутся искренними, хоть и прогнили изнутри до мозга костей.

Другие охранники предупреждали меня: *Наступит время, когда ты будешь подозревать всех и каждого.*

Я отказывался в это верить: *Нет, я умею думать о работе только на работе.*

Теперь я сам повторяю это новеньким.

— Ты не сказал ничего плохого, — я решил прояснить ситуацию. — Просто такие вещи не забываются. Время не залечивает раны, со временем только

шрамы становятся грубее, — я подошел к двери, посмотрел на улицу и вдохнул осенний воздух, сладкий запах опавших листьев, нагретых солнцем. — Такое ведь здесь нечасто случается, да?

Он пожал плечами:

— Как и везде.

Мы вышли на улицу, я повернул лицо к солнцу и прислушался, прикрыв глаза. Пенье птиц на бескрайних просторах звучало так, как и должно было.

— Когда я был в магазине, мне пальцев двух рук не хватило бы сосчитать людей, которые умрут в ближайшие пять лет, — сказал я. — Когда это началось?

Взгляд Рэя был тяжелым. Я чувствовал это даже с закрытыми глазами. Ощущал так же ясно, как будто он ткнул меня пальцем. Открыв глаза, я увидел, что не ошибся.

— Ты ведь теперь наркополицейским заделался, Дилан? — спросил он.

— Я сотрудник тюрьмы. Никого не сажаю, просто слежу за тем, чтобы те, кто уже сел, вели себя смирно.

Засунув руки в карманы, он начал покачиваться, глядя вдаль:

— Ну... Это началось так же, как и везде. Мало-помалу. Наверное, из-за наших просторов. Просторов и уединенности. Этого у нас хоть отбавляй. А еще из-за времени. Куда его здесь девать?

Насколько я помнил, перед его дядей такой вопрос не стоял. Мистеру Теповичу всегда было чем заняться. И моей бабушке тоже. Откуда взялось все это свободное время?

— Интересно, а сколько народу здесь варит метамфетамин? — спросил я.

— Не могу сказать. Я знаю только то, что слышал, а слышал я не так уж много.

Ничем не могу помочь, босс. Я об этом ничего не знаю.

— Но, если тебе повезет, сможешь выйти на правильного человечка, — продолжил Рэй. — Уж он-то тебе расскажет о том, что известно ему одному.

Ветер шелестел листьями и покачивал птичьи домики из тыков.

— А еще он знает, как найти проклятое место.

Это уж было совсем неожиданно.

— Кем проклятое?

Неуверенность и задумчивость на его лице были первыми настоящими эмоциями, которые он проявил, заявившись к нам.

— Это какие-то силы, не знаю... Они не имеют отношения к правительству.. Что-то высшее, — Рэй откинул голову, выставил вперед костистый подбородок с черной бородой и посмотрел на небо. — Скажем, есть в лесу такое место, куда никто не может попасть случайно. Оно небольшое, и не сказать, чтобы спрятано. Было дело, ребята из полицейского участка туда пошли, а парень исчез. На расстоянии пяти-шести метров взял и как сквозь землю провалился. То же самое случилось с парнями в пиджаках из отдела по борьбе с наркотиками. Они просто прошли мимо этого места, будто его там и не было.

Он явно имел в виду что-то важное, но я не понимал, что именно. Может, и сам Рэй не понимал. Говорят, если долго проработать в тюрьме, можно столкнуться с чем-то странным, что почти невозможно описать словами. Я сам с подобным не сталкивался, но много слышал. Может, Рэй тоже слышал, и искал того... кто знал наверняка.

— Я не представляю, как по-другому его называть, — сказал он. — Оно проклятое, вот и все.

— Для человека, который мало слышал, ты слишком хорошо осведомлен.

Его взгляд вернулся с неба на землю, а лицо снова стало напоминать маску.

— Наверное, я просто слышу немного больше, чем нужно, — он сделал несколько шагов в направлении тетиного дома. — Будь осторожен, Дилан. А еще мне очень жаль, что Эвви умерла.

— Постой, Рэй. Глупый вопрос, но... Твоя тетя Полли, твоя бабушка, твоя мама, кто-нибудь... рассказывали тебе в детстве сказки про Лесного Странника?

Он покачал головой:

— Нет. Мне рассказывали только про лесных дятлов, — он сделал несколько шагов и снова остановился, будто вспомнил то, о чем не вспоминал уже лет двадцать. — Теперь, когда ты сказал, я вспомнил, что тетя Пол рассказывала про кого-то, кого она называла «Старик — Ореховые кости», высокого, как облака, и маленького, как орешек. Полная ерунда. Сам знаешь, чего только не навывают эти старухи.

— Точно.

Было видно, что он пытается собрать воедино осколки воспоминаний.

— Но больше всего нас пугала история из ее детства. Она клялась, что видела это собственными глазами. Как-то компания контрабандистов напилась спирта, который они перевозили, и устроила пожар. Сгорело несколько акров леса, поля и пара домов. Контрабандистов нашли в лесу, кто-то вынул из них все кости и воткнул вместо них ореховые прутья... сделал вроде как чучела. После этого его и прозвали Старик — Ореховые кости. Всегда думал, что она просто хотела нас напугать, заставить не отлынивать от работы.

— Мне тоже так казалось, — сказал я.

Он засмеялся.

— Коровы ведь не могут ждать. Их нужно доить каждое утро, — его лицо стало серьезным, а огромная рука потянулась к бороде и почесала ее. — С чего это ты меня об этом спросил?

Я махнул рукой в сторону дома:

— Знаешь, как бывает, дотронешься до чего-нибудь и сразу вспоминаешь.

Позже я все время возвращался к тому моменту, когда мы с Джиной вошли в дом и стояли у бабушкиного кресла. Она и вправду словно дочитала книжку и спокойно решила: этот день хорош, чтобы умереть. Она была очень привязана ко всем нам, ее внукам и правнукам, хоть мы и разлетелись кто куда из дома. Она знала, что скоро у меня отпуск, знала, что он совпадает с отпуском Джини.

Мы же были ее любимчиками. Даже миссис Тепович это знала.

Это натолкнуло меня на мысль, что бабушка рассчитала — именно мы с Джиной первыми окажемся в ее доме. Ей явно не хотелось, чтобы нас опередила мама, да и отец тоже. Некоторые вещи очень жестоки, и неважно, что делают они из любви.

Может, ей казалось, что именно мы сможем всё понять и принять. Мы же были ее любимчиками. Хоть мама, все наши дяди и тети выросли здесь, они слишком долго жили вдали от этих лесов, в отличие от нас, ее внуков.

В этот субботний вечер мы чувствовали себя удивительно спокойно, даже находясь в разных частях дома. Я рылся в кладовой, разглядывая последние заготовки, которые она сделала, и обнаружил кув-

шин из мейсоновского фарфора, наполненный монетами. Вдруг раздался истошный крик. Я решил, что Джина наткнулась на мертвого енота или гнездо с высохшими бельчатами, или что там еще можно обнаружить на сельских чердаках.

Но когда она зашла за мной, ее лицо было бледным, а голос таким тихим, что я едва разобрал слова.

— Шай, — твердила она чуть слышно, — Шай, — каждый звук давался ей с трудом, взгляд блуждал. — Шай.

Я не верил, пока карабкался по складной лестнице на чердак, не верил, когда шел по скрипучим доскам, продираясь в полутьме сквозь вековую пыльную паутину. Но, простояв минут пять — или двадцать — на коленях, поверил, хоть это и было невероятно.

Свет падал из маленьких треугольных окошек у самого конька крыши. Через небольшие зарешеченные отдушины на чердак проникал свежий воздух. А между баком с нагревателем и стопкой картонных ящиков, на детской кроватке, лежало тело моей сестры, закрытое по грудь простыней.

Простыня не казалась пыльной и выгоревшей. Она была чистой и белой, словно ее недавно стирали. Восемь лет Эвви стирала простыни своей мертвой внучки. Это никак не укладывалось у меня ни в голове, ни в сердце.

Понемногу я начал понимать: мы не должны были ее узнать, ведь прошло восемь лет с тех пор, как она умерла. В лучшем случае она должна была превратиться в мумию. В худшем — в кучку костей, завернутых в лохмотья, с облаком шелковых светлых волос. Она выглядела очень худенькой, а когда я коснулся рукой ее щеки, кожа оказалась мягкой и по-

датливой, как свежесмешанная глина. Мне даже показалось, что она вот-вот откроет глаза.

Ей было девятнадцать, когда она умерла, и осталось девятнадцать сейчас. Последние восемь лет ей было девятнадцать, но тело не разложилось. Она лежала на постели из трав; всё тело было обложено травами. Ветки и связки сухих цветов виднелись в каждой складочке простыни, саваном окутывавшей ее тело. Их острый и пряный запах пьянил.

— Как думаешь, это бабушка сделала? — Джина стояла у меня за спиной. — То есть не это... Она ее убила? Может, не нарочно, просто случайно, а потом не могла нам признаться?

— Сейчас я и сам не знаю, что думать.

Я убрал частьхлама вокруг, чтобы было больше света. Кожа Шай была белой, как фарфор, но тусклой и лишенной жизни. На дальней от меня щеке виднелось несколько синеватых линий, похожих на незажившие царапины. Аккуратно, словно боясь поранить, я повернул ей голову, прощупал шею и затылок. Там не было открытых ран. Кожа на шее тоже была белой, но в каких-то пятнах и разводах, словно мрамор.

— Сделай мне одолжение, — сказал я Джине, — проверь остальное.

Джина выпучила глаза:

— Я? Почему я? Кто из нас толстокожий тюремный охранник?

Именно в этот момент до меня дошло, что всё происходит на самом деле; именно тогда, в самый неподходящий момент, глупые мысли приходят в голову. *Я офицер исправительных учреждений*, — захотелось мне ее поправить. — *Мы не любим, когда нас называют охранниками.*

— Она моя сестра, которая так и осталась юной, — сказал я вместо этого. — Мне не следует... Она бы этого не захотела.

Джина подошла ближе, я уступил ей место и повернулся к ним спиной, слушая шелест простыни и потрескивание сухой травы. Я рассматривал чердак и обнаружил пару мышеловок, одна из которых была с приманкой, другая уже захлопнулась; наверное, здесь были и другие. Их тоже расставила бабушка. Она не хотела, чтобы рядом с Шай бегали мыши.

— Она... — голос Джины дрожал, — ее спина и задняя часть ног сплошь темно-фиолетовые.

Это просто кровь стекла. Так бывает. По крайней мере, теперь мы знаем, что она умерла не от кровопотери. И то хорошо.

— Что мне искать, Дилан?

— Повреждения, раны. От чего она умерла?

— Здесь есть довольно глубокий порез на бедре. Все ноги исцарапаны. И живот. А эти полосы на животе... не знаю, может, следы от веревки?

Во мне всё сжалось:

— Ее изнасиловали? Проверь интимные места.

— По-моему, там все в порядке.

— Хорошо, прикрой ее, пожалуйста.

Я осмотрел руки и кончики пальцев Шай. Некоторые ногти были сломаны, под другими осталась грязь. Одна ступня была чистой, на второй виднелись грязные разводы, как будто в последние минуты своей жизни она оказалась без одной туфли. Бабушка явно старалась ее отмыть, но получилось не слишком тщательно; может, потому, что она плохо видела.

Я вернулся к ее шее. Соедини точки, и получишь линии. Будь ее кожа не такой бледной, все бы выглядело гораздо хуже, как синевато-багровые синяки.

— Мне кажется, ее задушили, — сказал я Джине, — причем сжимали не только шею, а все тело. Кто-то сжимал и душил ее, как питон, пока она не перестала дышать.

Мы накрыли тело простыней, чтобы защитить от пыли, и она как будто снова погрузилась в свой длинный странный сон.

— Что ты хочешь сделать? — спросила Джина, и я ничего не ответил.

— Давай сами ее похороним здесь. Пусть это будет нашей тайной. Никто не узнает. Так будет лучше.

Эта мысль мне понравилась, но на минуту-две, не больше. Потом перестала нравиться.

— А ты не думаешь, что бабушка тоже знала? Она ведь не стала этого делать, хотя и могла. Если уж у нее хватало сил работать в саду и затащить Шай на чердак, то с рытьем могилы она бы тоже справилась. За эти восемь лет мне ни разу не показалось, что она выжила из ума. А тебе?

Джина покачала головой:

— Мне тоже.

— Значит, у нее были причины сохранять тело Шай.

Мы решили спуститься вниз, потому что еще одна ночь и еще один день уже ничем не могли повредить нашей сестре.

И только тогда заметили на полу конверт, должно быть выпавший, когда Джина снимала с Шай простыню.

Реакция на то, что я скажу, будет зависеть от того, кто именно нашел это, — написала наша бабушка.

Я очень надеюсь, что это будут именно те, на кого я рассчитывала — не оскорбляя этим никого другого.

Во-первых, я знаю, как это выглядит. Но вещи не всегда такие, какими кажутся.

Правда состоит в том, что жизнь Шай прервали не мужчина и не женщина. Легче всего будет повернуть дело так, чтобы люди думали обычно, и похоронить ее. Возможно, даже арестуют кого-то из местных, если шерифу придет в голову повесить на него это дело. Я не хочу, чтобы так случилось. Здесь много чего происходит, возможно, это место и станет лучше только потому, что кого-то обвинят в том, что он не совершал. Но я не могу этого допустить, ведь неизвестно, чья именно голова упадет.

Если я вам скажу, что жизнь Шай забрал тот, кого я называла Лесным Странником, возможно, кто-то из вас мне поверит, но большинство — нет. Вера не имеет отношения к тому, правда это или нет, она указывает вам, что вы должны сделать.

Если я скажу, что Шай можно вернуть, хватит ли у вас веры попробовать?

Мы с Джинной сидели за кухонным столом, покрытым красной клеенкой, и весь вечер спорили. Мы вообще почти всегда с ней спорили. Такое часто бывает с братьями и сестрами, двоюродными в том числе.

Мы спорили о том, что считать правдой. Спорили о том, чего быть не может. Спорили друг с другом и с самими собой, с надеждой, которая осветила наши лица.

Так отчаянно могут спорить только очень родные люди.

Мне было непросто с этим жить. То, что случилось с Шай, очень несправедливо. Здешные жители знают — тот, кого называют по-разному, действительно живет в наших лесах и полях, он стар, как само время, и лишь наполовину цивилизован. Немногие имели счастье или несчастье его видеть. Мы всегда верили, что он всегда отвечает добром на добро. Но бедняжка Шай поплатилась за проступки других людей.

Она бы не сделала ничего плохого, я знаю. Не секрет, что над нашим краем нависло проклятие, оно, как зараза, расползлось по всем его уголкам. Шай обнаружила трейлер, где они варили этот яд, и ничего бы не произошло, если бы она не нарисовала карту и не собралась пойти в полицию.

До самой смерти буду помнить то лето. Ко мне съехались все мои внуки. И однажды ночью Шай рассказала мне о том, что видела Лесного Странника. Не знаю, почему ей в ее возрасте было позволено увидеть то, что большинство не увидит до конца жизни. Но во мне не было ни капли сомнения, что она говорит правду. Я ей верила.

Единственное, что я поняла: как только она собралась сообщить о трейлере и о том, что в нем происходит, Лесной Странник сумел прочесть ее сердце и решил остановить.

Полвоскресенья я блуждал в одиночку по лесу, пытаюсь отыскать то, что нашла Шай, но помогала мне в этом только карта, которую она нарисовала. Неважно, была ли она точной в те времена; как и все живое, леса постоянно меняются. Деревья вырастают и падают, ручьи пробивают новые русла, зарастают ежевикой тропинки, которые раньше были широкими и чистыми.

У тех, кто поставил трейлер, было восемь лет, чтобы перевезти его в другое место. Хотя, вполне вероятно, они этого не сделали.

У меня была карта и связка палок за спиной. Как и любой охотник, я захватил с собой винтовку, не дедушкину, ее еще нужно было найти, а свою из багажника, которую возил с собой по привычке, связанной с работой. Но иногда охотники возвращаются домой с пустыми руками.

А еще я вернулся с мыслью о том, что нужно сделать, прежде чем предпринять следующую попытку.

Не хочу говорить, что именно я видела. Вам достаточно знать: вовсе не человек оплел ее стеблями выющихся растений и потащил к оврагу, так быстро, что я не успела догнать. Когда я подбежала, она уже не дышала.

Оно сделало это не потому, что хотело защитить тех людей. Мне кажется, оно хотело дать этой чуме уничтожить всех, кто ее употреблял, чтобы здесь остались только люди, способные восстановить эту землю.

Вы прекрасно знаете — парни, которые распро-страняют заразу, считают, что здесь есть где спрятаться, и они в полной безопасности. Но мне кажется, так происходит потому, что Лесной Странник задумал сделать нечто более страшное, чем способен любой полицейский, именно поэтому он не дает приезжим ничего увидеть.

А наша Шай всегда видела лес по-другому.

— Помнишь, как бабушка ее всегда называла? — спросила Джина. Мне было стыдно признаться, что нет. — Наш маленький лесной эльф, — сказала она,

чтобы меня подбодрить. — Мальчишки такого не помнят. Это важно только для девочек.

— Наверное, — ответил я и снова откинул простыню, чтобы посмотреть на лицо сестры. Я провел несколько страшных часов, думая о том, что на бабушкином чердаке таилась магия и теперь, как только мы ее выпустили наружу, нетленное тело Шай превратится в то, во что и должно было за восемь лет.

Мне еще раз нужно было убедиться в том, что она не просто спит.

Но вместо этого волшебство произошло с нами. А может, Лесной Странник, шпионя за нами, пока мы ходили по лесу, узнал скрытое в наших сердцах и убрал пелену с наших глаз, дав нам видеть. Я снова пошел туда, куда вела меня карта Шай, и на этот раз поиски увенчались успехом.

— Как ты думаешь, а в обратную сторону это работает? — спросила Джина.

— Что ты имеешь в виду?

— Если мы будем тут стоять, а оттуда кто-то выглянет, они нас заметят? Или будут смотреть сквозь нас и видеть только деревья?

— Мне не хочется это проверять.

Трейлер был довольно маленьким — его легко можно было увезти, прицепив к грузовику, — но вполне вместительным, чтобы два-три человека проводили там целый день, не стоя друг у друга на головах. Он был спрятан в выкопанном в склоне отверстии и покрашен защитной маскировочной зелено-коричневой краской. Те, кому он принадлежал, растянули вокруг нейлоновую сетку, оплетенную вьющимся кустарником, но было видно,

что это сделали довольно давно. Здесь же стояли электрогенератор и баллон с пропаном. Из крыши торчали две трубы; видимо, дымили они довольно долго, поэтому растения вокруг высохли.

Вдруг дым перестал подниматься, и через несколько минут мы услышали, как кто-то отпирает изнутри трейлера замок. Дверь распахнулась, оттуда вышли двое мужчин. Отойдя в сторону на несколько шагов, они сняли респираторы, оставив их болтаться на шеях. Было заметно, что они рады подышать прохладным осенним воздухом.

Я шепотом попросил Джину оставаться на месте и пригнуться ниже, а затем вышел на небольшую поляну перед трейлером. Мне показалось, что прошло довольно много времени, прежде чем они меня увидели. У обоих на поясе висели пистолеты, но они почему-то ими не воспользовались.

Высоко над головой закачались верхушки деревьев, хотя не чувствовалось ни дуновения ветерка.

— Привет, Рэй, — сказал я, направив на них винтовку.

— Дилан, — ответил он с неприязнью, — а я-то поверил, когда ты сказал, что не наркополицейский.

А вдруг, навещая тетушку, он просто догадался, что Шай его подозревает и следит за ним? Яснее и быть не может.

Я посмотрел на коренастого, стриженного под ежик парня, стоявшего рядом:

— Кто это с тобой?

— Ты про него? Это Энди Эллерби.

— Внутри кто-нибудь еще есть?

Рэй воинственно выставил бороду.

— Ты не хуже меня знаешь, что варить зелье — работа для двоих, — он шаркнул ногой по земле. — Лад-

но тебе, Дилан, здесь твои корни. Ты этого не сделаешь. Давай притворимся, что не видели друг друга.

Я посмотрел на его напарника. У него, как и у Рэя, на лице были видны красные полосы от респиратора. Он кинул на меня хмурый взгляд.

— Энди Эллерби, мы знали друг друга, когда были маленькими?

Он отвернулся и сплюнул:

— Какая разница, знали или нет, если ты не можешь вспомнить, как меня зовут?

— Хорошо, — сказал я, — тогда мне будет проще.

Я приставил винтовку к плечу и вдруг понял, что снова способен целиться в живое и нажимать на курок. С такого расстояния пулей двенадцатого калибра я мог бы легко попасть и в глаз белки. Энди получил пулю в грудь, отлетел к трейлеру, ударился и выбил себе зуб.

В магазине оставалось еще три пули такого же калибра, но они мне были не нужны. Я передернул затвор, чтобы выбросить использованную гильзу, затем еще три раза, избавляясь от ненужных патронов. Увидев, как они падают на траву, Рэй растерялся, но тут же его рука потянулась к кобуре. Мой пятый патрон попал точнехонько под грудину, откуда начинал расти живот.

Он лежал на земле, пытаясь вздохнуть, ощупывал место, куда я попал, и не понимал, почему на руках нет крови.

— Резиновая пуля, — пояснил я, — мы используем такие, чтобы подавить беспорядки. Нельзя же просто так завалить толпу парней с самодельными ножами, даже если они ведут себя как звери.

Я опустился на колени и, не дожидаясь, пока он вспомнит о пистолете, вытащил тот из кобуры, от-

бросив подальше. Джина вылезла из укрытия и, обхватив себя руками, смотрела на нас с надеждой и страхом.

— Я знаю, что ты этого не хотел, ты даже не знал, что именно ты сделал. Но все-таки именно по твоей вине моей младшей сестре так и не исполнилось двадцать лет, — я вздохнул, посмотрел на темнеющее небо и прислушался к лесным звукам. Они были такими живыми, мне было неважно, могу или нет я видеть их источник. — Хотя, возможно, на будущий год и исполнится...

Я вытащил из-за пояса охотничий нож, попросив Джину принести связку ореховых веток, заточенных бабушкой много лет назад, и тяжелый литой молоток, снятый со стены амбара. Было бы легче воспользоваться дедушкиной цепной пилой, но некоторые вещи не должны даваться легко, и есть дела, которые принято делать по старинке.

Я похлопал Рэя по плечу, вспоминая коренастого мальчишку, который показывал нам, где водятся самые жирные на свете головастики и растут самые сладкие и сочные ягоды:

— Но самое плохое — я так надеялся, что не ты выйдешь из этой двери.

Если вы хотите вернуть Шай, вам придется кое-что сделать. Должна предупредить, это будет отвратительно.

Дилан, если это письмо читаешь ты, то знай, я всегда верила, что именно тебе хватит мужества и любви совершить подобное и не отступить. Хотя ты по-прежнему думаешь, что вера, заложенная в тебя во времена, когда ты проводил здесь свои летние каникулы, совсем другое дело. Я всегда счи-

тала, что наступит день и мы сможем перейти этот мост.

Но однажды ты вернулся с войны, и все, что ты там видел и делал, было неправильным. Я решила, что это неподходящий момент для того, чтобы тебе рассказать. Подходящего момента так и не случилось. Надеюсь, что ты поймешь и простишь меня за это. Я привыкла к тому, что Шай всегда была рядом со мной.

Все это время я была уверена, что она не окончательно умерла.

Лесной Странник мог обойтись с ее телом гораздо более жестоко, мне кажется, что ее душа у него. Я верю, что он не отбирал у нее жизнь, просто взял на время.

Иначе зачем он принес ее тело в этот дом?

Моя сестра утверждала, что однажды видела Лесного Странника, тот смотрел на мертвых оленей. Она была уверена, что это не охотник, ведь охотники не поднимают мертвых зверей на ноги и не отправляют их на все четыре стороны.

Есть время давать и время отбирать. Во всем должно быть равновесие. Этот закон — для всех, и никому не избежать его действия. Иногда за жизнь приходится отбирать жизнь, и если Шай действительно видела то, что видела, интересно, чьей жизнью Лесной Странник заплатил за жизнь оленей.

Приступая к самой жуткой в моей жизни работе, я думал о контрабандистах, про которых миссис Тепович рассказывала Рэю в детстве. О том, как они сожгли лес и поля, какой страшной смертью умерли. И как вышло, что у нашей бабушки Эвви была своя

версия случившегося, и почему леса и поля так быстро восстановились после пожара.

— А ту сказку про Старика — Ореховые кости тебе рассказала твоя бабушка Пол? — это было последнее, что я сказал Рэю. — В основном это правда, за исключением одной вещи. Наверное, она хотела преподать тебе урок и как следует напугать. Помнишь ту часть, где рассказывалось про кости, которые заменили ореховыми ветками? Это сделал не Лесной Странник... он хочет, чтобы мы принесли ему жертву.

Правда все это или нет, но в одном бабушка Эвви никогда бы не покривила душой: наш дед принимал участие в подобном судилище, когда был молодым и полным сил для того, чтобы легко управляться с литым железным молотом.

Я, как когда-то он, рассекал, резал на куски, дробил и втыкал, стараясь успеть до того, как последний отблеск осеннего солнца исчезнет с неба, и тот, кем я занимался, превратился в распятое чучело. Оно поблескивало, сочилось кровью и выглядело ужасно; впрочем, на войне я видел и кое-что пострашнее. Отступив назад, чтобы посмотреть на дело рук своих, я чуть не решил, что оглох, такая вокруг стояла тишина. Именно в этот момент до меня дошло, что бабушкина вера в меня была совсем не комплиментом.

Джина не смотрела и не слушала, все это время она пела Шай песни — все, которые могла вспомнить, — и готовила ее тело. Она положила Шай среди корней огромного дуба на ворох листьев и накрыла покрывалом из плюща. Никто не рассказывал ей, что нужно делать, но я был уверен, что она все делает правильно. Закончив, она завернулась в одеяло Шай, ее била дрожь. Я сходил в трейлер, смысл

с себя кровь и держал Джину в объятьях, пока она не перестала плакать. Потом я сложил костер, поджег его, и мы стали ждать.

Мы просто надеялись и не пытались себе объяснить, почему зашуршали листья и зашевелились плети плюща, хотя никого рядом не было. Над костром, отбрасывая причудливые тени, взлетали языки пламени, и кто-то наблюдал за нами из темноты — такой огромный, что облака путались в его волосах, и такой маленький, что мог спрятаться в желуде. Лес покачивался в такт его спокойному мерному дыханию.

Сначала пошевелилась рука или, может, нога? Что-то точно пошевелилось, так непринужденно, так по-человечески и так необъяснимо. Я не слышал ее голоса восемь лет, но сразу же узнал его из-под листьев и веток. Мы с Джиной бросились разгребать эту кучу. В самой ее середине теплилась жизнь, и теперь мы могли дать волю слезам. Шай долго кашляла, металась и в панике царапала холодную землю, ее ноги были слишком слабыми, чтобы встать, а голос недостаточно сильным для крика. Я понял, что она вспомнила свою смерть восемь лет назад.

Все это время мы держали ее.

Я взял ее лицо в руки, щеки все еще были холодными, но отблески пламени делали его чуть более живым:

— Ты узнаешь меня?

Ее голос скрипел и хрипел:

— Ты похож на моего брата... только старше.

Ей так много предстоит узнать. Я решил, что лучше всего будет поддержать ее дома, пока мы не расскажем, что произошло со всеми нами в эти восемь лет. Единственно, о чем я до сих пор не подумал —

вдруг с ней произошло что-то непоправимое, чего уже никак нельзя изменить, и не придется ли ее от-править назад.

Мне многое предстояло узнать.

— Отведи ее домой, — сказал я Джине. — Я догоню вас, как только смогу.

Они обе смотрели на меня так, будто я их посылаю в пасть к волкам. Но кто-то где-то уже ждал того, что варилось в трейлере.

— Да, и скажите, чтобы не выставляли дом на продажу. Он мне самому понадобится.

Именно Шай, обретшая мудрость смерти, первая все поняла, и на ее лице застыл вопрос.

Что ты наделал, Дилан? Что ты наделал?

Я поцеловал их обеих в холодные щеки и пошел к трейлеру, пока у меня еще были силы и решимость выполнить свои обязательства по этой сделке.

Есть время брать и время отдавать. Нельзя нарушать равновесие. В жизни каждого человека наступает момент, когда ему приходится стать тем, что он больше всего на свете ненавидел.

Теперь я — распространитель чумы. По-другому и быть не могло.

Теперь я понял — это мое проклятье, они ведь не смогут умереть быстро.

Брайан Ходж живет в Боулдере, штат Колорадо, пишет музыку, занимается фотографией, работает звукорежиссером. Любит все, что связано с органическим садоводством, кроме прожорливых белок. Занимается израильской кравмага и бразильским джиу-джитсу — что никак не помогает ему в борьбе с белками.

Ходж — автор десяти романов, более сотни рассказов и новелл, а также четырех сборников, первый из которых, «Фабрика конвульсий», был включен в список из ста тринадцати самых лучших современных книг ужасов. Ключевой рассказ его второго сборника «Как наверху, так и внизу» был включен в антологию лучших произведений ужасов XX века. Последний сборник «Собирая кости» получил высокую оценку в журнале Publishers Weekly.

Еще не будучи опубликованным в бумажном виде, он увидел свет на портале e-book. Уже готов к изданию в твердом переплете ранний эпический роман «Пришествие тьмы».

«Я долгое время мечтал написать нечто подобное рассказу «Припасть к корням», хоть и не знал, что из этого выйдет, — говорит Ходж. — Мой отец, уважаемый и признанный педагог и администратор, как раз родом из мест, описанных в рассказе.

Это желание возникло во мне еще до моего переезда в Колорадо, когда после смерти бабушки я принимал участие в качестве присяжного в суде по обвинению в убийстве, произошедшем там, где она жила. Я увидел, насколько там все изменилось, и мне стало очень грустно. А когда через некоторое время я узнал, что эта местность стала настоящим метадоновым раем, я уже не мог больше ждать, и рассказ был написан».

Деннис Этчисон

**Скажи мне,
что я снова тебя увижу**

Допустим, это случилось так.

Все лужайки в тот день были высохшими и побелевшими. Машины притулились у домов или сияли, словно пустынные миражи, на солнце у обочин. Прошлым летом они вчетвером пытались поджарить яйцо на тротуаре; в этом году у них могло получиться. Проходя мимо розовых кустов миссис Шэд, она заметила сидящего на блекло-желтом лепестке сверчка. Когда она подошла взглянуть на него поближе, насекомое соскользнуло с цветка и упало к ее ногам. Она внимательно рассматривала бумажное тельце и тонкие сегментированные ножки, но сверчок так и не пошевелился. Наклонившись, она подобрала его и аккуратно опустила в нагрудный карман рубашки.

В этот момент что-то взревело неподалеку.

Этот звук был ей знаком: у мистера Донохью на грузовике прогорел глушитель. Она повернула голову и увидела, как машина проехала в конце улицы. Несколько секунд позже через перекресток вслед за грузовиком промчался велосипед. Сверкнули спицы, и велосипедные шины прошуршали по раскаленному тротуару.

— Дэвид! — крикнула она и замахала рукой, но тот продолжил налегать на педали.

Грузовик повернул на бульвар, и шум глушителя стих. Потом где-то в соседнем квартале она услышала слабый металлический звон. Это вполне мог быть падающий на землю велосипед.

Она поспешила к перекрестку.

Винсент вышел из своего дома с банкой «Доктора Пеппера» в руке.

— Куда ты? — спросил он.

— Ты слышал?

— Что слышал?

Сейчас в воздухе раздавались лишь жужжание пчел и отрывистый лай собаки на заднем дворе.

— Мне кажется, это был Дэвид.

— Что с ним?

— С ним случилось несчастье, — ответила она и поспешила дальше.

Винсент неторопливо последовал за ней и догнал, когда она стояла на перекрестке, прищутив глаза и осматриваясь:

— Что случилось?

— Я не знаю!

— Не волнуйся так о нем, — он протянул ей банку: — Хочешь? У меня еще есть в подвале.

— Не сейчас.

— Да ладно тебе, с ним все в порядке.

— Нет, не в порядке. Посмотри.

Метрах в пятидесяти от них, перед поворотом на Чартер-вэй, на траве лежал велосипед, его переднее колесо смотрело в небо, все еще вращаясь. Дэвид скорчился под рамой, ручки велосипеда упирались ему в грудь.

Она пробежала оставшееся расстояние и замерла, ожидая, что он пошевелится.

— Неплохо, — Винсент обошел место аварии. — Я бы поставил ему семерку.

— Он не притворяется, — она осмотрела лежащего на земле мальчика. Отметила угол, под которым была повернута шея, взглянула на веки. Они все еще были закрыты.

— Да притворяется. Мы так играли прошлым летом, помнишь?

Она опустилась на колени и прижалась ухом к его груди. Сердце не билось. Для большей уверенности она расстегнула рубашку. Потом, наклонившись, она почти коснулась щекой его губ. Дыхания не чувствовалось — ни изо рта, ни из носа. В этот раз он совсем не дышал.

— Помоги мне, — сказала она.

— Я не вижу крови.

Тут Винсент был прав. И велосипед выглядел поврежденным, как будто его просто перевернули.

— Дэвид? Ты слышишь меня?

— Всё очень правдоподобно. Как его кроссовка попала в цепь...

— Ты сможешь или нет?

Винсент поднял велосипед, пока она освобождала ногу. Она просунула руку под плечи Дэвида и попыталась посадить его.

— Дэвид, — прошептала она, — скажи мне, что ты в порядке.

— Ладно, ладно. Дам ему восемь.

Она опустила его обратно, запустила пальцы в его волосы и легонько стукнула головой об землю. Потом снова, только сильнее. Наконец его грудь поднялась, он начал дышать и открыл глаза.

— Так и знал, что он притворяется, — сказал Винсент.

— Возьми велосипед, — ответила она.

— У Эрика все равно получалось лучше.

— Заткнись.

Винсент покатил велосипед на тротуар. Ему пришлось повернуть ручки, чтобы объехать небольшую кочку.

— Что это за чертовщина? Мертвый енот?

— Оставь его.

— Ненавижу их, — Винсент поднял ногу, готовый нанести удар, как в футболе.

— Это опоссум. Я сказала, оставь его в покое.

Она быстро поднялась, подошла, взяла зверька за мех и стукнула о землю. Одного раза было достаточно. Испуганное создание вернулось к жизни, вывернулось у нее из рук и поспешило прочь.

— Притворщик!

— Возьми велосипед, я сказала. Встретимся у его дома.

Она снова подошла к Дэвиду и протянула руку:

— Пошли. Я отведу тебя домой.

Дэвид моргнул, пытаясь прийти в себя:

— Мой папа здесь?

— Я не знала, что ты выходил, — сказала его бабушка с порога.

— Извини, — ответил Дэвид.

— Ты всегда должен предупреждать, если уходишь.

— Ты знаешь, куда папа поехал?

— За каким-то инструментом.

— Ясно.

— Заходи в дом. Ты неважно выглядишь. Твои друзья хотят выпить чего-нибудь холодного?

— Только не я, — ответил Винсент.

— Нет, спасибо, — сказала девочка.

— Он вернется?

— Конечно же, Дэйви. А теперь заходи внутрь, пока не получил солнечный удар.

— Мне нужно убраться велик.

— Хорошо, только поскорее, — она отодвинула дверь-ширму и вошла в дом.

— Ладно, мне пора, — Винсент направился прочь со двора. — Зайдешь ко мне?

— Не сейчас, — ответил Дэвид.

— Мы можем поиграть во все, что захочешь.

Дэвид не слушал. Он нервно переводил взгляд с дороги на перекресток в конце квартала. Девочка подошла и встала рядом.

— Может быть, позже, — произнесла она.

— Ладно. Еще увидимся.

Она уселась на крыльцо, как только Винсент ушел:

— Ты уверен, что в порядке?

— Ага.

— Я решила, что тебя машина сбила или еще что-то случилось.

— Не-а.

— Ты что-нибудь помнишь?

— Ничего.

— Ты никогда ничего не помнишь. Но все в порядке, мы разберемся.

Снова послышался рев неисправного глушителя. Дэвид стоял на дорожке у дома и ждал, пока грузовик не повернет за угол и не остановится рядом. Его отец вышел из машины, держа в руке сумку:

— Привет, чемпион.

— Где ты был?

— В служебном гараже.

— Почему не взял меня с собой?

— А ты хотел поехать?

— Я всегда хочу.

— В следующий раз, я обещаю. Привет... Шарлин, по-моему?

— Шеррон. Здравствуйте, мистер Донохью.

— Конечно же. Ты же подруга Дэвида из школы. Как у тебя дела?

— Все хорошо.

— Ты знала Эрика? Брата Дэвида?

— Да, — тихо ответила она.

— Пап...

— У меня появилась идея. Почему бы тебе не остаться на обед? Как ты на это смотришь?

Что-то зашевелилось в ее груди или, во всяком случае, в кармане рубашки, пытаясь выбраться наружу. Сверчок с розового куста вернулся к жизни.

— Я бы хотела, правда. Но мне нужно возвращаться домой. Мама ждет, она готовит что-то особенное.

— Тогда в другой раз.

— Я вот о чем подумала, — осторожно начала она, — может, Дэвид зайдет ко мне? Она разрешила его пригласить.

— Хм, я думаю, это хорошее предложение. А ты, сынок?

— Ты снова уезжаешь? — предположил Дэвид.

— Не сегодня. У меня куча работы в гараже.

— Пожалуйста, — попросила она Дэвида, — мне нужна твоя помощь кое с чем.

— Ну..

— Мой научный проект. Он на самом деле классный.

— Не сомневаюсь, — сказал мужчина. — Знаешь, моя жена интересовалась наукой. Ты помнишь маму Дэвида?

— Да, — ответила она, разглядывая свои туфли.

— Эйлин занималась исследованиями, когда я встретил ее в колледже. Мы поженились сразу после выпуска...

— Папа, прошу тебя.

— Она была очень хорошей женщиной.

— Да. Она была такой, — отец Дэвида глубоко вздохнул и на секунду прикрыл глаза. — Ладно, повеселитесь там вдвоем. И не веди себя как чужая, Шеррон. Тебе всегда здесь рады.

— Спасибо, мистер Донохью.

— Увидимся позже, пап!

Его отец подмигнул:

— Это уж точно.

— Собираешься все рассказать моему отцу?

— Нет, если сам не захочешь.

Они свернули за угол на другую улицу. Дорожное покрытие пахло плавящимся асфальтом. Где-то зашипела поливалка газона, поднимая в воздух пар. Дом стоял в окружении деревьев, мешающих солнцу попадать на крышу и в окна. Когда они зашли, им понадобилось время, чтобы глаза привыкли к темноте. Дома никого не было. Она налила два стакана сладкого чая из холодильника и отвела его в свою комнату.

Закрыв дверь, она достала сверчка из кармана. Прежде чем тот успел выпрыгнуть из ее рук, она посадила его в стеклянную банку. На дне по зеленому листику уже ползали кузнечик и жук; как только она дотронулась до банки, они замерли. Она снова закрутила пластиковую крышку.

— Твои разрешают тебе держать их?

— Я сказала, что это нужно для школы.

— Зачем они тебе?

— Для моего проекта. Если у меня будет аквариум, я смогу взять и лягушек. И одну из этих, — она открыла книгу на странице, изображающей небольшую змею.

— Зачем?

— Я нашла ее в Интернете.

— Я спрашиваю — зачем?

Она повернула к нему экран компьютера и показала страницу с университетского сайта. Там была открыта статья «Танатос: природный путь выживания» с большими фотографиями насекомых, опоссума, леопардовой акулы и широконосой змеи. Он прочитал первый параграф. Там говорилось, что некоторые животные защищают себя, притворяясь мертвыми, когда напуганы.

— Ты думаешь, я такой же?

— Пока не знаю. Но собираюсь выяснить.

— Ты ошибаешься.

Она заметила, что его взгляд остановился на магнитной доске у компьютера. На заголовке статьи, которую она повесила несколько месяцев назад: «ЖЕНЩИНА И ЕЕ СЫН ГИБНУТ В ОГНЕННОЙ АВАРИИ». Она быстро отцепила листок и сунула в ящик.

— Дэвид, мне так жаль...

— Я лучше пойду.

— Но мне нужно, чтобы ты мне помог.

— Ты думаешь, что я притворяюсь.

— Нет, я так не думаю. Я была рядом в этот раз.

— Тогда ты должна знать, что я урод, — сказал он. — Как все эти животные. Как какой-то жук.

— Нет, это не так!

— Да? И какая между нами разница?

— Они просто... замирают, когда испуганы. Но ты даже *не дышал*. У тебя *сердце* остановилось.

— Ну, и чего я так испугался?

— Нет ничего страшного в том, чтобы это признать, Дэвид. Я видела, как ты пытался догнать его грузовик. Каждый раз, когда он уезжает... Мне кажется, ты боишься, что он тоже больше не вернется. Я права?

Он издал звук, похожий на смех:

— Ты ничего не знаешь.

— Не знаю?

Смех замер:

— Если он не вернется, это будет значить, что у меня был второй шанс, а я его упустил.

— О чем ты говоришь?

— Как ты не понимаешь? Она собиралась взять меня, но меня не было, я играл в эту дурацкую игру. Она не должна была брать с собой Эрика. В машине должен был находиться я.

Она стояла с открытым ртом, пытаясь подобрать правильные слова.

— Мне нужно идти, — сказал он.

Как только он вышел из-под деревьев, солнце снова рассвирепело. Листья съеживались, цветы прятались, а асфальт блестел. Он услышал позади на тротуаре шаги.

— Ты прав, я действительно ничего не знаю.

— Забудь, Шер.

Они прошли мимо розовых кустов, желтые лепестки которых были уже почти белыми. Позади осталось больше половины квартала, когда она снова заговорила:

— Можно задать один вопрос?

— Валяй.

— Каково это?

— Я уже говорил, что не помню.

— Можешь хотя бы попытаться?

Он продолжил идти, переступая через трещины. Поливалка миссис Шэд повернулась в их сторону, и в воздух поднялся серебристый туман.

— Магазин Уильсона, — пробормотал он.

— Что?

— Ничего.

— Который находится на Чартер-вэй? Что с ним?

— Мы ходили туда, когда я был маленьким.

— Мы тоже.

— Однажды мы пошли за покупками, — начал он тихо, по мере того, как они приближались к концу улицы, — мне тогда было четыре или пять, кажется. Эрик еще не родился. Она еще надела свое длинное пальто.

— Серое? Я помню его.

— В общем, мы пошли, как всегда, вдвоем. Взяли тележку для покупок, и она разрешила мне ее толкать, чтобы я тоже помогал. Ну, знаешь, клал туда молоко и продукты. Я остановился, чтобы выбрать хлопья и сказать ей, какие взять, но когда поднял взгляд, она была уже далеко впереди. Я видел только ее спину. И знаешь что? За ней ехала еще одна тележка, которую толкал еще один маленький мальчик, и банки она протягивала ему. Я не понимал. Мне казалось, они сейчас уедут и оставят меня одного. Я начал плакать. Я закричал: «Мама, это не я!» И когда она повернулась, я понял, что это не моя мама. Это была другая женщина в таком же пальто. Но перед тем, как она повернулась, это и было тем чувством.

Ее глаза заблестели, ей пришлось отвернуться. И тогда она сделала то, чего никогда раньше не де-

лала, — просунула свою руку под его локоть, потянулась к запястью и переплела свои пальцы с его, крепко сжав ладонь. Он позволил ей это сделать.

Через некоторое время она сказала:

— Ты знаешь, в средней школе работают медсестры получше. Возможно, они смогут дать тебе таблетки, чтобы это прекратилось.

— Мне все равно.

— А мне нет.

— Может быть, я и был мертв. И что? В следующий раз я надеюсь не проснуться! Что ты об этом думаешь, а?

Когда она не ответила, он оглянулся.

Вдруг ее тоже нет.

На следующий учебный год началось настоящее сумасшествие, это было все равно что попасть за линию фронта и с боями пробиваться назад. Следующий оказался еще хуже, и он видел ее все реже и реже, даже до того, как отец узнал правду и начал возить его в институт на исследования. Это происходило уже не так часто, и отец всегда оказывался рядом. Единственный раз, когда его не было, случился в предпоследнем классе, уже после того, как у отца внезапно остановилось сердце. Она перестала общаться и с Винсентом, когда ее семья переехала. Говорили, что она поступила на подготовительные курсы при медицинском колледже, но никто не мог сказать куда. Если вы когда-нибудь ее встретите, передайте, что жизнь продолжается, и ее проект — напомните, что его звали Дэвид, — наконец-то понял, что в жизни можно пережить много маленьких смертей, и едва ли имеет значение, какая из них будет Настоящей.

(посвящается Кеннету Пэтчену)

Деннис Этчисон — тройной победитель Британской и Всемирной премий фэнтези. Его небольшие рассказы выходили в сборниках «Темная страна», «Красные сны», «Кровавый поцелуй», «Художник Смерть», «Разговор во тьме», «Вырезка», «Надо убить их всех и другие истории».

Деннис Этчисон — автор романов «Темная сторона», «Человек-тень», «Калифорния-готик», «Двойной край», «Туман», «Хэллоуин-2» и «Хэллоуин-3», «Видеодром» и составитель антологий «Острый край», «Мастера Тьмы (I—III)», «Метаужас», «Музей ужасов» и (совместно с Рэмси Кэмпбеллом и Джеком Данном) «Сбор костей».

Он много работает в кино, на телевидении и радио и написал сотни сценариев для «Сумеречной зоны», «Страшных рассказов из журнала Фангория» и «Таинственного театра» Кристофера Ли.

В настоящее время готовит к изданию очередной сборник рассказов.

«Когда я был мальчишкой, — вспоминает Этчисон, — некоторые невероятные истории не забывались. Их все время рассказывали как абсолютную правду («Это случилось с лучшим другом моего кузена, богом клянусь!»), и постепенно они становились Всем Известными Фактами, как Мик Джаггер со своим потерянным батончиком «Марс» или Ричард Гир, столкнувшийся в неподходящем месте с песчанкой.

Много лет спустя я узнал, что классические истории про исчезающего автостопера, Крюка, убийцу на заднем сиденье и многие другие рассказывали повсюду, пока они не стали городскими легендами. Это заставило меня задуматься о других историях, которые произошли со мной лично.

Например, в детстве у нас была игра, где каждый пытался создать наиболее реалистичную картину аварии, чаще всего с участием велосипеда, чтобы изобразить собственную смерть. Мы застывали в самых невозможных позах и старались не дышать, а потом решали, чья смерть выглядела наиболее убедительной. Когда я вспоминал детство, это всегда казалось странной и отвратительной игрой, — до недавнего времени, когда я решил кое-что проверить. Мой друг, Майк Лестер, который вырос в другом штате, признался, что они с друзьями делали ровно то же самое, но рядом с оживленными дорогами, надеясь испугать проезжающих мотоциклистов.

Это и зацепило во мне писателя. Добавьте метапрозаический интерес к голосу рассказчика (кто в действительности начал рассказывать эту историю и почему?), прибавьте метафизическую магию «Прелюдии к поцелую», киноверсию потрясающей пьесы Крейга Лукаса и вдохновение от эмоциональной храбрости и самоконтроля Кеннета Пэтчена... и вот, родился новый рассказ.

Конечно же, остается один большой вопрос, почему именно эти элементы, а не другие, сложились в моем подсознании в рассказ. Честно говоря, я не знаю, и это можно считать настоящей загадкой. Я играю только то, что слышу, даже если не понимаю, откуда звучит музыка».

Юн Айвиде Линдквист

**Музыка Бенгта Карлссона,
убийцы**

Стыдно признаться, но я подкупил собственного сына, чтобы он начал учиться играть на пианино.

Эта идея пришла мне в голову однажды ночью, когда я услышал, как он тренькает на игрушечном синтезаторе, который ему подарили на день рождения два года назад. Представьте себе, ради этого он оторвался от своих компьютерных игр. Тогда я вошел к нему в комнату и спросил, не хочет ли он научиться играть на фортепьяно.

Нет, не хочет. Ни за что на свете. Я намекнул ему, что он будет получать больше карманных денег, если согласится. Восемьдесят крон в неделю вместо пятидесяти. Робин, почувствовав мое отчаяние, отказался даже взглянуть на районную музыкальную школу, если сумма не будет увеличена вдвое. До ста крон в неделю.

И я согласился. А что еще оставалось? Необходимо было что-то менять. Сын с пугающей скоростью погружался в виртуальный мир, и если пианино ста-

нет хоть ненадолго возвращать его в мир реальный, то цена не кажется такой уж большой.

Иллюзорный мир. Не знаю, как еще его назвать, но именно в нем Робин и проводил большую часть времени вне школы. Онлайн. Нацепив наушники, с джойстиком в руках, он отчаливал к тем берегам, куда мне доступа не было.

Не такая уж и проблема, подумаете вы. Это совершенно нормально, современная молодежь вся такая и т.д., и т.п. Это так. Но ему было всего одиннадцать. Сидеть безвылазно по пять, шесть, а то и семь часов в электронном придуманном мире вредно для здоровья. И я его подкупил.

Как вы думаете, что будет делать одиннадцатилетний ребенок, выторговав сто крон в неделю у безвольного папаши? Правильно: покупать новые игры. Но я не мог придумать, что еще можно сделать. Любое занятие, отвлекающее от битв с монстрами и общения с невидимыми собеседниками, — это уже прогресс.

Теперь я понял. Лучше бы я потратил деньги на более скоростной Интернет, на беспроводные наушники, на новый компьютер, на все, что угодно. Может быть, тогда удалось бы избежать этого мрака. Откуда мне было знать.

А начиналось все очень хорошо. У Робина явно были способности к музыке. Поиграв несколько недель одним пальцем «Братца Жака» и «У Мэри есть барашек», он вник в основы нотной грамоты и взял первые аккорды. Его успехов нельзя было не заметить, ведь он всего достиг сам, без помощи отца.

В том, что касается музыки, я абсолютный профан. Я никогда не пел и не играл ни на одном из

инструментов. Скорее всего, Робин унаследовал музыкальный ген от матери, она должна была сидеть рядом с ним у пианино. Этот инструмент — одна из немногих вещей, которые от нее остались. Может, поэтому я так настаивал именно на нем? Чтобы сохранить хоть какую-то связь с ней.

Когда Робин начал заниматься музыкой, прошло почти два года с тех пор, как Аннели села в машину и больше не вернулась. Обледеневшая дорога, автобус на встречной... Через месяц там построили разделительный барьер между полосами. Всего через месяц. Я ненавидел эту металлическую преграду, ранящую мой взгляд каждый раз, когда я проезжал мимо того проклятого места. Потому что в нужный день ее не было.

Мы переехали через шесть месяцев после гибели Аннели. В старом доме было слишком много комнат — для будущих детей, о которых она мечтала. Эти комнаты напоминали мне о той жизни, которой уже не будет. Я просиживал в них долгие часы. Но самое главное, дом оказался слишком большим и дорогим, чтобы содержать его в одиночку.

Я решил расстаться со всеми погибшими мечтами и нашел работу в Норртелье, в трехстах километрах от старого дома. Мы переехали из Линчёпинга в хижину в лесу, продуваемую насквозь, площадью восемьдесят квадратных метров. Дом стоял в пяти километрах от города, где я никого не знал. Он был с трех сторон окружен хвойным лесом, сквозь кроны которых зимой не пробивалось ни лучика солнца.

Но дом оказался дешевым. Очень дешевым.

Во время переезда я чувствовал себя на подъеме. После шести месяцев, во время которых моя тоска обретала почти физические формы, душила по но-

чам, комкала простыни и гнала из постели, мне предоставился шанс вздохнуть чуть свободнее. На новом месте предстояло начать новую жизнь, хотя бы ради Робина. Для него было не слишком хорошо жить вдвоем с отцом, с которым в постели лежала смерть и чей сон никогда не продолжался более одного часа кряду.

Накануне отъезда я устроил генеральную уборку. Избавился от всего, что не требовалось для нашей новой жизни: от платьев Аннели, связанных вручную ковриков, мебели, будившей ненужные воспоминания о жизни, в которой нас было двое. Я разрубил хлам топором и выбросил все кусочки.

Ночь после этого прошла прекрасно, я впервые за шесть месяцев выспался. Только проснулся в ужасе.

Что я наделал?

В горячке я выбросил не только вещи, которые нам с Робинем могли пригодиться (просто не мог оставить кухонный стол, за которым Аннели сидела с чашкой кофе, или лампу, освещавшую ее лицо), но даже то, что мне хотелось бы сохранить. Подушку, которую она любила прижимать к животу во сне. Заколки, в которых запутались ее волосы. Странный талисман. Все это было сломано и превращено в мусор.

Единственное, что сохранилось, — пианино. Парни, которые пришли выносить хлам, отказались забирать инструмент, а сам я его вытащить просто не мог. И оно осталось там, где стояло, с отпечатками ее пальцев на клавишах.

В то утро... проклятое утро! Если бы не это пианино, наверное, я бы окончательно потерял рассудок, и Робину пришлось бы звонить в полицию, а не ехать прощаться с одноклассниками. Как ни стран-

но, но теперь со мной происходит то же самое — пианино не дает мне совсем пропасть.

Оно переехало с нами в новый дом. И так вышло, что единственным местом, куда его можно было втиснуть, оказалась спальня Робина. Наверное, именно поэтому Робин и начал играть, а через шесть недель уже мог взять несколько осознанных аккордов.

Не могу сказать, чтобы он много играл, но этого вполне хватало. Ему нравился учитель музыки: парень был моложе меня на несколько лет, но уже носил кофты и шлепанцы на пробковой подошве. Робину хотелось заслужить его одобрение, поэтому он выполнял упражнения, на час или два отрываясь от своих игр.

Я ничем не мог помочь ему в его занятиях музыкой, поэтому Робину не нравилось, что я присутствую в комнате, когда он занимается. Я уходил на кухню, читал газеты и прислушивался к тому, как звучащая в очередной раз «Свети, свети, маленькая звездочка» становится все уверенней.

Как только из комнаты снова начинали доноситься стрельба и вопли «Шестеренок войны» или «Халло», я перемещался в гостиную к телевизору и радовался тому, как изменилась наша жизнь.

Насколько я помню, это случилось на восьмой неделе. Я только что привез Робина с урока музыки и сидел на кухне с кофе и газетой, а он начал заниматься в своей комнате.

Я уже привык к звукам пианино, и они не отвлекали меня от чтения. Через некоторое время я почувствовал себя как-то странно. Оторвавшись от газеты, я прислушался.

Робин играл на пианино. Но что он играл?

Я вслушался, пытаюсь определить, что это за мелодия, она показалась мне смутно знакомой. Время от времени я узнавал последовательность нот, которая напоминала знакомую мелодию, но потом она снова превращалась в случайный набор звуков. Я решил, что Робин просто перебирает клавиши, и нужно радоваться, что он достиг такого уровня игры. Если бы не странное чувство неловкости.

Я решил, что это потому, что некоторые ноты я узнавал, но не мог вспомнить, что это. Правда, услышанный набор звуков и не был похож на мелодию. Как будто ты что-то знаешь, но не можешь выразить. Вот на что было похоже это ощущение.

Я стиснул зубы, прикрыл уши ладонями и попытался сосредоточиться на газете. Я понимал, что должен поддерживать это начинание, и будет абсолютно неправильным войти в комнату Робина и попросить его остановиться. Я пытался читать статью о развитии ветряных электростанций, но не смог одолеть и слова. Единственное, что воспринимала моя голова, — едва слышные ноты.

Я уже был готов встать и постучаться в дверь его комнаты, но внезапно он начал играть «Колокольчики». Я облегченно вздохнул и вернулся к чтению.

В эту ночь мне приснился кошмар. Я был в густом хвойном лесу. Сквозь плотные темные кроны едва пробивался лунный свет. Вдали кто-то пел, а я, будто придавленный к земле, не мог двинуться с места. Посмотрев вниз, я увидел лом. Тяжелый железный лом у себя в руках. Пение превратилось в крик, и я проснулся с привкусом ржавчины во рту.

Был конец ноября, но снег еще не выпал. Робин готовился к выступлению на рождественском концерте — репетировал песенки про маленькие веселые снежинки и катание на санках, — а температура никак не хотела опускаться ниже нуля. В темные и сырые утренние часы пахло сгнившими листьями, а долгими вечерами ветер раскачивал сосны. Наш домик качался и скрипел под его порывами вместе с деревьями.

Однажды вечером я сидел в гостиной с Макбуком и пытался написать резюме. Я работал в овощном отделе гипермаркета ICA, но уже долгое время мечтал перебраться в маленький магазин, и как раз открылась вакансия. Эта работа обещала быть более интересной и разнообразной; да и находилась она на пять километров ближе.

Я тщательно обдумывал фразы, пытаюсь представить себя ответственным и креативным работником, но в этот момент ветер взвыл в проводах, и Робин начал играть на пианино.

Мои пальцы перестали печатать, оставшись лежать на клавиатуре. Несмотря на завывание ветра, от которого дребезжали оконные стекла и скрипели деревянные перекрытия, мне казалось, что пианино играет прямо в этой комнате.

Дим, ди-дум, дум...

Я не помнил, были ли эти ноты теми же, что и в прошлый раз, но в то же время знал, какая будет следующей, хотя ничего знакомого и логичного в мелодии не было. Мои пальцы вытянулись и стали шевелиться в такт музыке, а мысли улетели куда-то далеко-далеко.

Я очнулся от звука закрываемого Макбука. Часы показывали, что прошло полчаса. Полчаса, которые не сохранились в моей памяти.

Робин прекратил играть, и я услышал, как он разговаривает по скайпу с кем-то из своих приятелей. Я, как всегда, не мог понять, о чем они могут говорить, если — уж простите за откровенность — не живут реальной жизнью.

Я сидел на кухне за чашкой кофе и смотрел на едва различимые в сумерках стволы деревьев, которые раскачивал ветер. Отсутствие реальной жизни. А что можно было сказать о моей жизни?

Днем она протекала в магазине площадью в двести квадратных метров. Я занимался тем, что удовлетворял потребности покупателей в овощах и фруктах. Следил за тем, чтобы витрины радовали глаз: не было пустых полок, на прилавках лежал только свежий товар, причем в порядке, определенном нашим головным офисом. А еще я учил помощников, как правильно обращаться с грибами.

Однажды, когда магазин проводил промоакцию, я проявил инициативу и положил среди бананов маленькую обезьянку на батарейках. Естественно, она тут же до слез напугала какого-то ребенка, я получил выговор и мне было настоятельно рекомендовано основательно изучить инструкцию, выпущенную нашим головным офисом. Это было похоже на работу в одной из восточноевропейских диктаторских стран.

Я сидел за кухонным столом, размышляя о своей жизни, и вдруг пихты за окном исчезли. Все электроприборы, включенные в сеть, пискнули, и дом погрузился во мрак.

Отключили электричество. Некоторое время я сидел в темноте и слушал тишину, потом собрался встать

и поискать свечи либо масляную лампу, но вдруг услышал то, что заставило меня замереть.

Электричества не было, ничего не работало. Но с кем продолжал разговаривать Робин в своей комнате? Я повернул голову на звук его голоса и прислушался. То, что я услышал, заставило меня содрогнуться. Конечно, легко можно было всё объяснить ветром, шумевшим за окном, но мне показалось, что я отчетливо слышал, кроме голоса Робина, еще один или несколько голосов.

Едва ли мне стоило волноваться о воображаемых друзьях сына, но я не смог удержаться и все-таки попытался понять, о чем говорят эти голоса. Едва слышные реплики перемежались ответами Робина, которые я тоже не мог разобрать. Я стал обкусывать ногти. Насколько я знал, Робин не имел обыкновения разговаривать сам с собой. Может, он задремал и говорил во сне?

Я на ощупь пересек комнату, чтобы взять фонарик. Но как только я выдвинул ящик, зажегся свет, и все предметы словно выпрыгнули из темноты. Я вскрикнул от неожиданности. Голоса в комнате Робина смолкли, холодильник задрожал и включился.

Я постучался в комнату Робина и через пару секунд услышал: «М-м-м?» Я заглянул в дверь, он сидел на стуле спиной к пианино.

— Привет, — сказал я.

Я ждал, что на его лице, как всегда, когда я его отвлекал, появится выражение вялой оживленности, но он как будто меня не узнал и произнес «Привет?», словно разговаривал с кем-то посторонним.

— У нас электричество отключали, — сказал я, оглядывая комнату, словно думал, что увижу людей,

которые здесь только что разговаривали. Стены до сих пор были оклеены вздувшимися, потертыми обоями с рисунками в стиле 1970-х годов, которые я так и не собрался поменять.

— Да, — ответил Робин, — я заметил.

Я кивнул, мой взгляд по-прежнему метался от кровати к письменному столу и платяному шкафу. Шкаф.

— Ты с кем-то сейчас разговаривал?

Робин пожал плечами:

— Да, по скайпу. А что?

— Но... у нас же не было электричества.

— А когда его отключали?

Я понимал, насколько глупо все прозвучало. Но я же что-то слышал. Мой взгляд метнулся к шкафу. Это был большой, недавно купленный в ИКЕА платяной шкаф из белого ламината, только мне показалось, что вокруг ручек слишком много грязных следов.

— Так ты ни с кем не разговаривал?

— Нет.

Не в силах сдержаться, я сделал три быстрых шага через всю комнату и распахнул дверцу шкафа. Вещи Робина были беспорядочно свалены в проволочные корзины: куча рубашек и футболок, которые он никогда не вешал на плечики. Больше в шкафу ничего не было.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Проверяю, есть ли у тебя чистые майки и все такое.

Я не мог придумать ничего лучше, к тому же я действительно каждый вечер готовил ему чистую одежду на завтра. Я сделал вид, что разбираю нижнее белье, и вдруг почувствовал сквозняк. Створки окна были чуть распахнуты.

— Почему окно открыто?

Робин закатил глаза.

— Может, потому, что я забыл его закрыть?

— А зачем ты его вообще открывал, на улице так ветрено?

Робин снова вернулся к своей обычной манере общения и бросил на меня взгляд, в котором читалось: *«У тебя еще есть такие же интересные вопросы ко мне?»* Я понял, что он хотел сказать, подошел к окну и закрыл его. Выходя из комнаты, я увидел, что сын снова садится за компьютер, и уже через несколько минут он разговаривал с кем-то по скайпу. На кухне я поставил на плиту кастрюлю, чтобы сварить горячий шоколад — как делал каждый вечер.

Горячий шоколад был привычкой, от которой я так и не смог избавиться. Робин проводил очень много времени сидя, и это уже начало сказываться на его фигуре — над поясом брюк нависал небольшой животик. Но я все равно каждый вечер варил горячий шоколад и клал каждому из нас на тарелку по три печенья.

Мы делали так с тех пор, когда он был еще совсем маленьким. С четырех лет мы следовали этому ритуалу: перед тем, как уложить Робина в кровать, мы вдвоем садились за кухонный стол, пили шоколад и болтали.

Я не мог заставить себя от этого отказаться, даже когда чашек на столе осталось всего две, и чаще всего мы сидели с ним в полном молчании. По крайней мере, мы сидели вместе. Когда была жива Аннели, мы ставили на середину стола зажженную свечу. По-

сле ее смерти я как-то тоже попробовал, но это было так похоже на бдение у гроба покойника, что я решил не повторять подобных попыток.

Когда шоколад был готов, я позвал Робина. Мы молча хрустели печеньем и пили шоколад, а ветер продолжал завывать за окном, проникая в дом сквозь щели. Я подушечкой пальца собирал со стола крупинки сахара и слизывал их, когда вдруг Робин неожиданно спросил:

— Ты знаешь, что в нашем доме когда-то жил убийца?

Мой палец замер на полпути ко рту:

— О чем ты говоришь? Какой убийца?

— Самый настоящий. Его кровать стояла как раз там, где сейчас моя.

— Что за убийца и кого он убил?

— Детей. Он убивал детей. А его кровать стояла там, где сейчас сплю я.

— Откуда ты это взял?

Робин допил шоколад, и я с невольной нежностью заметил у него над губой шоколадные усы. Когда я попросил их стереть, он сказал:

— Я слышал.

— От кого?

Робин пожал плечами и, встав из-за стола, поставил чашку в раковину.

— погоди, — окликнул я его, — что это значит?

— Ничего. Я просто сказал.

— Не понимаю... может, ты хочешь, чтобы мы передвинули твою кровать?

Робин, сдвинув брови, обдумал мое предложение и ответил:

— Нет, все хорошо. Убийца же умер, — с этими словами он оставил меня наедине с пустой чашкой и ветром. Я долго сидел и разглядывал разводы шоколада на донышке, как будто пытался что-то в них прочитывать.

Он убивал детей. Его кровать стояла там, где я сейчас сплю.

Телевизионная антенна начала гудеть; так бывало всегда, когда ветер дул в определенном направлении. Казалось, будто сам дом стонет и зовет на помощь.

Этой ночью мне было трудно уснуть. Завывания ветра вкупе со странными фантазиями Робина прогнали сон, и я всю ночь кашлял, ворочаясь с боку на бок в своей узкой кровати.

Семейная кровать из нашей с Аннели прошлой жизни первой отправилась на свалку, когда я готовил вещи к переезду. Ночь за ночью я мучился на ней от бессонницы и мне все казалось, что голова любимой по-прежнему лежит у меня на груди.

Теперь я спал в простой односпальной кровати, но все равно иногда в полусне я протягивал руку, чтобы ее коснуться, натываясь на пустоту за краем кровати.

— Аннели, — прошептал я, — что мне делать?

Ответа не было. За окном пошел мокрый снег, ветер бросал его пригоршнями в окно, и звук напоминал шлепанье маленьких мокрых ножек по стеклу. Я встал с постели, накинул халат и решил сесть за компьютер — полазить в Интернете, пока не устану и не захочу спать.

Открыв экран, я увидел незаконченный вечером документ. Я снова перечитал резюме, в котором перечислялись мои обязанности в овощном отделе ги-

пермаркета, опыт общения с поставщиками, умение контролировать качество продуктов, навыки социального общения и...

Что за черт?

Я не помнил, как писал последний абзац, и он совершенно не соответствовал остальному тексту. Я прочитал его еще раз.

За три года работы во фруктово-овощном отделе в мои обязанности, помимо всего прочего, входило общение с мертвецами через записки, и как может человек это вынести?

По дому гулял пронизывающий сквозняк, и я, сидя в одном халате и читая эти слова, начал дрожать. *Общение с мертвецами через записки.* Я понимал, какие именно записки имеются в виду, но почему мне в голову пришла эта мысль?

Я теряю разум. Очень скоро я начну петь дуэтом с антенной.

Я почувствовал острое желание разбить компьютер на мелкие кусочки, но собрался, стер последний абзац и попытался его переписать.

На следующее утро то, что случилось вечером и ночью, казалось дурным сном. Ветер стих, и сквозь разрывы в облаках пробивались лучи солнца. Когда я привез Робина в школу, он — перед тем, как выйти из машины, — вдруг крепко обнял меня. По дороге на работу я включил радио и был вознагражден песней Колдплей «Да здравствует жизнь».

Я постукивал пальцами по рулю в такт музыке и пытался убедить себя, что виной всему мое одино-

чество, тоска и тревога за Робина. Именно в них таится причина того, что реальность ускользает от меня. Просто нужно собраться. Жизнь может наладиться, стоит только скинуть старую кожу и принять все как есть. Теперь я буду прикладывать к этому все силы.

Все утро я занимался фруктовыми прилавками, кое-что меняя в них, потому что наступила пятница. Я развесил объявления о сегодняшней промоакции: пятьдесят крон за полный пакет фруктов на ваш выбор, и еще пакет вы получаете в подарок.

Калле Гранквист ходил на обеденный перерыв в то же самое время, что и я. Мы сидели в комнате персонала и болтали. Калле работал в магазине с самого его открытия в восемьдесят девятом, и на будущий год его ждала пенсия. А еще он интересовался местной историей, и я воспользовался возможностью расспросить его о том, чего не знал сам.

— Кстати, а ты не знаешь, кто жил в нашем доме раньше? До нас, — спросил я, налив себе чашку кофе.

Калле почесал короткую седую бороду и ответил:

— Бенке Карлссон.

— Бенке Карлссон?

— Да.

Он сказал это так, будто это был Улоф Пальме или Юсси Бьерлинг: человек, которого все должны знать без дополнительных объяснений¹. Калле, видимо, был уверен, что окружающие так же хорошо знают перипетии местной истории, как и он сам.

¹ Улоф Пальме — шведский премьер-министр, застреленный в 1986 г.; Юсси Бьерлинг — шведский оперный певец (лирико-драматический тенор), один из крупнейших оперных певцов XX века.

— Я должен был слышать о Бенке Карлссоне? — спросил я, удивляясь, насколько привычно звучит для меня это имя.

— Не знаю, — ответил Калле. — Он уже давненько выкинул свой фокус.

— Какой фокус? Что ты имеешь в виду?

Калле усмехнулся.

— А чего ты так разволновался? Он был музыкантом. Играл на разных праздниках, пока... — Калле несколько раз качнул головой, и это могло означать все, что угодно.

— Пока что?

— Да не надо тебе все это знать...

— Что случилось?

— Ну.. У него умерла жена. Он очень сильно переживал и через несколько лет покончил собой. Вот и все.

Калле взял со стола тарелки, сполоснул их в раковине и поставил в посудомоечную машину. Я знал, что не стоит спрашивать, лучше оставаться в неведении, но не смог удержаться.

— Как он себя убил? И где?

Калле вздохнул и грустно посмотрел на меня. Было видно, что он старался подобрать слова, но сказал единственное, что пришло в голову:

— Он повесился. Дома.

— В доме, где мы сейчас живем?

Калле снова почесал бороду:

— Да. Именно поэтому он достался вам так дешево. Пошли?

Я никогда не верил историям про привидения, и этой в том числе, размышлял я, убирая за собой посуду. Но мне почему-то все равно было не по себе,

и, когда я взял стакан воды, мои руки слегка дрожали. Я догадался, где именно Бенке Карлссон расстался со своей земной жизнью.

То, что было теперь моей спальней, раньше являлось частью гостиной. В потолке по центру комнаты был ввинчен огромный крюк, на котором когда-то висела люстра. Я мысленно перебрал все места в доме, но ничего кроме этого крюка не выдержало бы веса взрослого мужчины. Бенке Карлссон повесился в двух метрах от места, где я спал.

Самоубийство. Не слишком приятная вещь. Но откуда Робин взял, что он еще и убивал детей? И что его кровать стояла как раз там, где он сейчас спит?

Неважно, веришь ты или нет, но ситуация была очень неприятной. Я пытался освободиться от собственного прошлого, но попал прямоком в чужую мрачную историю. К счастью, никаких связей, кроме нашего разума, между прошлым и настоящим не существует.

Именно так я тогда и думал. Теперь я смотрю на это иначе.

Я услышал злосчастные ноты, как только вышел из машины.

Была уже половина шестого, и я страшно вымотался в магазине, занимаясь физическим трудом и пытаясь выбросить из головы мысли о бывшем владельце дома. Наружное освещение не работало, во всем доме светились лишь окно в комнате Робина, где он играл на компьютере. Мне пришлось пробираться к дому при тусклом лунном свете.

Я хлопнул дверью, и треньканье пианино смолкло. Я стоял, глубоко дыша, и ждал, пока глаза привыкнут к темноте. Вдруг мне пришло в голову, что

я должен пойти к сараю с инструментами и кое-что проверить.

Я осторожно двинулся в сторону темного пятна — старого сарая — и вдруг краем глаза заметил какое-то движение. На улице, прямо под окном Робина. Я бы обязательно сходил посмотреть, что это, но проверить сарай показалось мне более важным делом.

Дум, ди-дум.

Ноты, которые Робин извлекал из пианино, звучали у меня в голове, когда я открывал засов сарая, где так и не удосужился прибрать за прошлым владельцем. За Бенке Карлссоном. Который плохо кончил.

Внутри было так темно, что я ничего не увидел. Некоторое время назад я оставил на полке рядом с дверью коробок спичек как раз на такой случай. Я вошел в сарай, достал наполовину пустой коробок и зажег спичку.

Длинные полки были завалены мотками провода, кусками свернутого брезента, гвоздями и шурупами. На верстаке, куда я сложил свои инструменты вперемешку с вещами, которые здесь были до нас, царил полный беспорядок. Но я искал кое-что другое. То, что мне было нужно, находилось в самом дальнем углу.

Я присел на корточки, задул спичку, которая обожгла мне пальцы, и зажег следующую. У стены стояли лопата с деревянной ручкой и тяжелый стальной лом. Я посмотрел на эти два предмета: лопату и лом. Лом и лопату.

Дум, ди-дум, дум. Ди-ди-дум.

К тому времени, как я закончил, в коробке осталась одна спичка. Я положил ее на место и вышел на освещенную луной улицу. Как только я закрыл засов,

я перестал понимать, что делал в сарае. У меня в машине лежала полная сумка продуктов из магазина, я собирался приготовить нам с Робин ужин. Зачем мне понадобилось заходить в сарай?

Аннели говорила: из всех существующих способов что-то сделать я всегда выбираю самый сложный. Услышав ее голос в своей голове, я улыбнулся и отправился к машине. Только вставив ключ в замок багажника, я замер.

Я слышал ее голос? Только что. Я оглянулся, будто надеясь увидеть ее рядом с машиной, с руками, засунутыми в карманы байкового халата, который она купила на блошином рынке.

Но я ведь лично запихал этот халат в мусорный мешок, и на свете больше нет никакой Аннели, которая могла бы его надеть. На меня нахлынуло такое острое чувство потери, что пришлось опереться о багажник, чтобы не рухнуть от отчаяния на колени. Почему мир устроен так, что разлучает людей подобным образом?

Я взял пакет с продуктами и вошел в дом, чтобы приготовить ужин.

Пока я варил картошку для пюре и жарил сосиски, я слышал, как Робин что-то бормочет в микрофон под грохот футуристического оружия и стоны поверженных врагов. Интересно, что бы на это сказала Аннели.

Наверняка она бы нашла способ ограничить время, которое Робин проводит за игрой, смогла бы его отвлечь. Я не мог.

Способны ли люди общаться и взаимодействовать, если живут на разных планетах? Вот я жарю сосиски и добавляю мускатный орех в пюре, а Робин

в это время отбивается от мутантов с помощью огнемета. Сможем ли мы вообще когда-либо встретиться?

Я постучался к нему в дверь и сказал, что ужин готов. Робин попросил еще пять минут, чтобы закончить раунд. Я сел за кухонный стол и, сложив руки на коленях, слушал звуки боя. Посмотрев на блюдо с дымящимся пюре, я почувствовал себя невыносимо одиноким.

Робин появился ровно через пять минут. Пока мы ели, я спросил, как прошел день в школе, он ответил «Хорошо», без дальнейших комментариев. Я спросил, как идет его игра; оказалось, что тоже хорошо. Все было хорошо. Мне казалось, что пюре у меня во рту становится все больше, и чувствовал, как перекрывает горло. Стоило громадных усилий проглотить его.

Когда мы закончили, я спросил у Робина, нравится ли ему играть в «Монополию». Он взглянул на меня так, словно я неудачно пошутил, и исчез в своей комнате. Я начал мыть посуду.

Едва я положил последнюю тарелку в сушку, как вновь раздались знакомые ноты. Теперь я прислушался к ним спокойно и решил, что они напоминают мне голоса. Неужели я ошибся прошлым вечером, когда отключили свет? Неужели это было всего лишь пианино? Звуки становились то громче, то тише, и это действительно напоминало голоса. Страшные голоса.

У меня опустились руки, но, не позволяя себе впасть во вчерашнее состояние, я сжал кулаки, подошел к двери Робина и распахнул ее настежь.

Мальчик сидел за пианино, по его щекам текли слезы. На подставке для нот лежал пожелтевший

кусок бумаги. Робин взял последнюю ноту и посмотрел на меня широко распахнутыми глазами.

— Что ты делаешь? — спросил я. — Что за музыку ты играешь?

Робин, не отрываясь, смотрел на клочок бумаги, трепетавший на сквозняке от полуоткрытого окна. Когда я подошел его закрыть, то увидел на подоконнике комки земли. Робин за моей спиной сыграл еще две ноты, и я закричал:

— Прекрати! Прекрати играть!

Он оторвал руки от клавиш, и я захлопнул крышку. Робин вскочил, деревянная табуретка с оглушительным грохотом покатила по полу. Наши взгляды встретились. Его детские глаза были чистыми и ясными. Он прошептал:

— Я не хочу играть, папочка. Я не хочу играть.

Я опустился на колени, и он упал в мои объятия, шепча сквозь слезы:

— Я не хочу играть, папочка. Сделай так, чтобы мне не нужно было больше играть.

За его подрагивающими плечами я видел бумажку, лежащую на пианино. На ней были ноты, написанные чьей-то рукой. Многие перечеркнуты, некоторые — вписаны или едва видны, из-за темно-коричневых пятен. Наверное, их писали в течение очень долгого времени: карандашом, шариковой ручкой, фломастером...

Я погладил Робина по голове и сидел с ним, пока он не успокоился. Я взял его голову в ладони и взглянул в глаза.

— Робин, дорогой мой мальчик. Где ты взял эту бумажку?

Его голос охрип от слез, и он посмотрел на стену над своей кроватью:

— Нашел за обоями.

Обои рядом с кроватью отстали от стены и в некоторых местах порвались, наверняка Робин ковырял их, когда лежал в постели. Я кивнул на дыру и спросил:

— Там?

— Да. Он писал записки.

— Кто?

— Убийца. Давай выпьем горячего шоколада?

Мы не стали доставать печенье, ведь после ужина прошло совсем немного времени. Пока мы сидели за столом и пили шоколад, взгляд Робина был куда более открытым, чем в течение нескольких последних месяцев. Он смотрел мне в глаза и не отводил взгляд. Это было непривычно, я не знал, что сказать, и просто радовался чувству устанавливающегося между нами контакта. Я наслаждался, но все-таки нам было нужно поговорить о том, что случилось.

— Этот убийца... — спросил я, — ты знаешь, как его зовут?

Робин покачал головой.

— А откуда ты узнал, что он убийца?

Робин прикусил губу, раздумывая, можно ли ему это говорить или нет. Стрельнув глазами в сторону своей комнаты, он прошептал:

— Мне рассказали дети.

— Дети? Какие дети?

— Которых он убил.

Я должен был сказать: «О чем ты говоришь? Это же полный бред!» или «Вот видишь, к чему приводит увлечение компьютерными играми?» Но я сказал совсем не это — потому что...

мертвец разговаривает с тобой с помощью записок.

...потому что знал: в нашем доме происходит что-то, чего нет в книге «Хорошие советы для родителей». Я посмотрел на Робина так, чтобы он понял — я отношусь к нему с полной серьезностью, и попросил:

— Расскажи мне об этих детях. Сколько их?

— Двое. Они очень маленькие.

— Как они выглядят?

— Я не знаю.

— Но ты же их видел, да?

Робин снова покачал головой, опустил глаза к столу и сказал:

— На них нельзя смотреть. Если посмотришь, они заберут твои глаза, — и он с тревогой взглянул в сторону своей комнаты. — Я не знаю, можно ли тебе о них рассказывать?

— Но они с тобой говорят?

— М-м... Можно сегодня ночью я посплю в твоей комнате?

— Конечно, можно. Но сперва мы с тобой кое-что сделаем.

Я зашел в комнату Робина и взял пожелтевший лист бумаги с нотами. После всего, что рассказал сын, у меня появилось нехорошее предчувствие, я стоял с этим листком и физически ощущал, что от него исходит какая-то сила. Я пробежал глазами по беспорядочно написанным нотам, пятнам и складкам, и понял, что это зло.

Как я уже говорил, я не знал нотной грамоты; наверное, эти ноты были написаны особым образом, или причина таилась в руке или руках, которые их писали. Возможно, этот язык проникал сквозь барьеры сознания, минуя разум.

Что бы там ни было, требовалось сделать одну-единственную вещь. Я принес листок на кухню, скомкал и бросил в камин. Робин, сидя на стуле, наблюдал, как я поджигаю спичку и подношу к бумаге.

Должен признать, что рука моя в этот момент немного дрожала. Уверенность, что в этом кусочке бумаги заключено зло, была столь сильной, что я боялся, как бы не произошло что-нибудь ужасное, когда пламя займется. Но бумага просто сгорела. Маленький желтый огонек занялся, вспыхнул, через десять секунд от бумажки остались лишь черные хлопья, и тяга довершила дело, втянув их в дымоход.

Вздохнув от облегчения, я покачал головой, удивляясь собственным фантазиям. Чего, собственно, я ждал — голубых вспышек, или демона, вылетающего из камина и мечущегося по кухне? Я, как фокусник, демонстрирующий, что предмет действительно исчез, широко развел руки.

— Вот, — сказал я, — тебе больше не нужно играть эти ноты.

Я посмотрел на Робина, но на его лице не было никакого облегчения. Вместо этого на его глазах набухли слезы, он постучал пальцами по вискам и прошептал:

— Но я помню их, папочка. Я все помню.

Есть одна пословица, которую я не могу слышать: нет худа без добра. Например, смерть Аннели. Можно думать, пока голова не взорвется, но так и не придумаешь, что хорошего она нам принесла. А атомные бомбы, сброшенные на Японию? Конечно, в результате сложных причинно-следственных связей они сделали Японию лидером в производстве элект-

троники, но скажите это тем, кого бомбы превратили в пыль, поставьте биржевые котировки против изуродованных радиацией детишек. И удачи вам.

Возможно, моя речь бессвязна. Но я хотел сказать, что нашел зерно истины в этой отвратительной поговорке. Чуть позже вечером мы с Робинем сыграли в «Монополию». Он не хотел возвращаться в свою комнату и предпочел сидеть при уютном и безопасном свете лампы на кухне, двигая маленькую машинку по незнакомым улицам Стокгольма.

За окном бушевал ветер, и я разжег камин. Игральные кости стучали по доске, тихо шуршали новенькие банкноты, переходившие из рук в руки, мы что-то бормотали, вскрикивали от радости или огорчения. Это были чудесные моменты.

К половине одиннадцатого из-за того, что Робин купил Центрум и Норрмальмсторг с прилегающими отелями, я оказался полным банкротом. Когда мы собирали пластмассовые фишки и бумажки, Робин радостно сказал:

— Это было весело!

Я разложил матрас на полу, а Робин лег в мою кровать. Как обычно, я поставил будильник на семь утра и выключил все лампы, оставив только ночник. Я долго лежал, разглядывая темные причудливые тени на потолке, пока не начали слипаться глаза. Но вдруг из кровати донесся голос Робина:

— Пап?

Я оперся на локоть, чтобы лучше его видеть. Его глаза были широко раскрыты, как у маленького ребенка:

— Да?

— Я больше не хочу играть на пианино.

— Не хочешь. Я понял.

— И не хочу, чтобы оно у нас было.

— Хорошо, мы от него избавимся.

Робин кивнул, свернулся калачиком и закрыл глаза. Я лежал и смотрел на сына. Второй раз за день я подумал: несмотря ни на что, все еще будет хорошо.

Это ощущение никуда не делось, когда Робин приоткрыл сонные глаза и пробормотал:

— Мы можем играть в «Монополию» или еще во что-нибудь. В карты, например. И я не буду проводить так много времени за компьютером.

— Конечно, — сказал я, — а теперь спи.

Робин что-то пробормотал в ответ, и вскоре его дыхание стало глубоким. Я лежал, смотрел на него и прислушивался к ветру. Тот должен был усилиться и начать играть свои песни на проводах. Это случилось, когда я уже почти уснул, и одна-единственная протяжная нота погрузила меня в забытие.

А ночью пришла Аннели.

Если бы это был сон, наверняка все произошло бы в одном из тех мест, где мы на самом деле спали или занимались любовью. Но она пришла ко мне именно на матрас, лежавший у кровати. Она юркнула под узкое пуховое одеяло, прижалась ко мне и уткнулась в ямку у основания шеи.

Я чувствовал ее запах. Она прошептала:

— Прости, что я ушла, — сухая ладонь погладила меня по груди. Я обнял ее и крепко прижал к себе. Если у меня и были сомнения, что это происходит на самом деле, то они рассеялись, стоило ей сказать:

— Эй, осторожнее.

Я сжимал ее очень крепко, чтобы она опять не исчезла.

— Я так по тебе скучал, — прошептал я и стал гладить ее по животу, груди, по лицу. Это действительно была Аннели. Особенный изгиб бедер, родинка под левой грудью, все те мелочи, которые навсегда отпечатались в моей памяти. Только теперь я осознал, какое сильное желание я всегда испытывал к этой женщине, чью кожу изучил лучше, чем свою собственную.

Она коснулась пальцами моих губ и сказала:

— Я знаю, знаю. Но сейчас я здесь.

По крайней мере, одна часть моего тела была в этом уверена, когда Аннели закинула ногу на мое бедро. Я почувствовал такую эрекцию, что испугался, что взорвусь. Я прижал ее к себе, вошел в нее и уже не мог сказать, чье сердце стучит с такой силой, мое или Аннели. Я следовал его ритму, ритм превратился в мелодию, которую я узнал, но уже ничего не мог с собой поделать. Мое тело стало содрогаться в конвульсиях, я соскользнул с нее, и мое семя выстрелило на простыни.

Я широко раскрыл глаза.

Кроме меня на матрасе никого не было. Мой пенис был мягким и липким после семяизвержения, из-под одеяла доносился едва слышный запах спермы. Но это было не все. В комнате витал ее запах. Запах шампуня, которым она пользовалась, запах лосьона для тела с апельсином и имбирем, того самого, который она называла «рождественским». И ее собственный запах, который у меня не хватит слов описать. Все они присутствовали в комнате.

Я так наслаждался этим запахом, что прошло довольно много времени, пока до меня дошло: ноты звучали на самом деле. Они доносились откуда-то из дома.

Я приподнялся на локте и увидел, что кровать пуста. Робин ушел к пианино.

Боковым зрением я заметил в комнате какое-то движение. Аромат Аннели был перебит другим запахом — запахом потных ног. Ужасных зловонных потных ног. Я медленно повернул голову и увидел, что прямо перед глазами покачивается чья-то босая нога. Подняв взгляд, я увидел, что эта нога принадлежит голому мужчине с толстым волосатым животом, отвисшей мошонкой и головой с плоским, будто срубленным, затылком. Его глаза смотрели на меня. Висельник открыл рот и сказал:

— Без нее... никак. Правда? Ты можешь вернуть ее. У меня получилось. Я теперь счастлив.

Я крепко зажмурился и надавил запястьями на глазные яблоки так сильно, что они чуть не провалились внутрь черепа. Перед глазами засверкали красные искры. Досчитав до десяти, я понял, что музыка смолкла. Из комнаты Робина доносились какие-то голоса. И едва слышный скрип.

Я открыл глаза. Длинный грязный ноготь большого пальца по-прежнему качался в нескольких сантиметрах от моего лица. Сверху донесся булькающий глухой голос:

— Дверь открыта. Нужно просто...

Я испытывал непреодолимое желание скрючиться, закрыть руками уши и ждать, пока это безумие не кончится. Наверное, я так и сделал бы, но услышал Робина. Жалобным голоском он вдруг закричал:

— Я не могу! Не могу!

Скатившись с матраса, чтобы не задеть висельника, я вскочил и, не оглядываясь, бросился в комнату сына.

Окно было распахнуто настежь, в комнате стоял жуткий холод. Робин свесился из окна в одной пижаме. Когда я обнял его, чтобы затащить обратно в комнату, я заметил на лужайке какое-то движение. Два маленьких сутулых силуэта сломя голову неслись к лесу.

Дверь открыта.

В отчаянии я дернул его слишком сильно, и Робин потерял равновесие. Я упал на спину, а Робин, не издав ни звука, приземлился сверху.

— Робин? Робин! Ты в порядке?

Я сел, не выпуская его из рук. Взгляд был отсутствующим, он смотрел куда-то сквозь меня. Я тихонько его потряс:

— Робин, что случилось?

Его голова медленно покачивалась из стороны в сторону, а когда я осмотрел его, то увидел на руке четыре длинных царапины. Их явно оставили чьи-то ногти.

Я поднял его на руки и отнес на кухню. Проходя мимо двери в гостиную, я всхлипнул и крепче прижал сына к себе. Сделав два шага вперед, я заглянул в дверной проем. Над матрасом и скомканным одеялом ничего, кроме крюка на потолке, не было.

— Робин? Все хорошо. Они ушли, — и, как будто кто-то другой овладел моим голосом, я добавил: — Дверь закрылась.

Робин не отвечал. Я уложил его в кровать и укутал одеялом. Он широко раскрытыми глазами смотрел на крюк. Может, видел то, что не видел я? Мерзкий запах потных ног все еще стоял в комнате, окончательно перебив аромат Аннели. Я с отвращением смотрел на крюк. *Неужели этот ублюдок не мог хотя бы помыться перед тем, как повеситься?*

— Пап...

Я гладил Робина по волосам, по щекам.

— Да, сынок?

— Пап, убери это. Убери.

Я кивнул и облизал губы. У них был кислый вкус, как у потных ног. Когда я встал с кровати, я вдруг понял, что до сих пор голый. Накинув халат, я направился в кухню и достал большие клещи из ящика, где хранил инструменты для дома.

Я вывернул крюк из потолка, но мне не хотелось, чтобы этот проклятый предмет находился в доме. Когда я открыл окно, Робин прошептал:

— Нет, нет, не открывай...

Я закинул крюк так далеко, как только мог, закрыл окно и проговорил:

— Вот теперь хорошо.

— Избавься от него, пап. Ты должен от него избавиться. Я не могу.

— Что ты имеешь в виду, сынок?

— Пианино. Избавься от него. Я не хочу, чтобы оно было в доме.

Я чуть было не сказал, что можно подождать до завтра, ведь у меня не хватит сил вытащить его в одну ночь. Но вдруг подумал, что есть куда более простое решение.

Я стоял перед пианино, у которого была откинута крышка, и ноты звучали у меня в голове. Я уже столько раз их слышал, что знал наизусть. Я смог бы даже сыграть эту мелодию, ведь когда я смотрел на клавиши, некоторые из них начинали светиться при звуке нот в моей голове. *Я смогу это сыграть, если захочу.* Руки неудержимо тянуло к клавишам.

Дум, ди-дум, да.

Только один раз. Или два. Или столько, сколько понадобится.

Когда я положил правую руку на клавиши, чтобы начать играть, ей что-то помешало. Клещи. Я сжал и разжал ручки и смотрел, как открываются и закрываются острые стальные челюсти. *Ну, давай же, кусай, слюнтяй.*

Я несколько раз моргнул и, выбросив ноты из головы, сосредоточился на клещах. Потом открыл крышку пианино и прошептал:

— Прости меня, Аннели.

За какие-то десять минут я вырвал все струны, и когда для проверки нажал на клавишу, молоточек провалился. Пианино не издало ни звука. Оно умерло.

Потом я взял моток скотча и замотал лентой все шпингалеты, теперь без инструментов окна открыть было невозможно. Повернувшись к пианино, я снова слышал в голове мелодию, и у меня зачесались пальцы.

Я громко расхохотался, сел за пианино и проиграл мелодию. Единственным звуком был глухой стук молоточков.

— Вот тебе, ублюдок, — сказал я, понятия не имея, кого имел в виду.

Я вернулся в комнату, Робин еще не спал. Я рассказал ему о том, что сделал, он кивнул и проговорил:

— Только я все равно не хочу там спать.

— И не надо, — ответил я, ложась рядом с ним на узкую кровать. — Можешь спать здесь, сколько захочешь.

Он взял мою руку и прильнул ко мне, я обнял его и прижался лбом к его затылку. Пошло минут пять, но он все еще был напряжен.

— Ты не хочешь мне рассказать, что случилось?

Робин пробормотал что-то в подушку, я не слышал:

— Что ты сказал?

Робин повернул голову, его голос был настолько тихим, что мне пришлось почти прижаться к его рту ухом.

— Приходили те дети. Они хотят, чтобы я их нашел. Он убил их.

Я взглянул на дырку в потолке, и меня передернуло, как только я представил себе бледную бесформенную физиономию с пухлыми небритыми щеками. У меня не было никаких сомнений, что я видел именно убийцу. И этот убийца разговаривал со мной. Бенгт Карлссон. *Который плохо кончил.*

— Я не хочу этого делать, папочка.

— Ты и не будешь. Ты же не знаешь как.

— Знаю. Они мне рассказали.

Как бы странно это ни звучало, но я понимал, что мы с сыном находимся на грани безумия, и мне стало легче, когда появилось хоть что-то определенное.

Когда Аннели еще была жива, мы с ней посмотрели все серии «Эмиль из Лённеберге»¹. Робин тогда был напуган рассказами о мюлингах, призраках убитых детей, которые не были похоронены.

Мюлинги. Скажи мне кто-нибудь об этом неделю назад... впрочем, неважно.

Я воспринял всё всерьез. Решил, что мы имеем дело именно с ними, и обрадовался, что у этого бе-

¹ Сериал по произведениям Астрид Линдгрен

зумия есть имя. С тем, у чего есть имя, проще разобратся.

— И где же они? — спросил я.

— В лесу, — прошептал Робин.

— Он закопал их в лесу? — Робин покачал головой. — Что он сделал?

Робин уткнулся в подушку, не переставая мотать головой.

Я осторожно тронул его за плечо:

— Робин? Ты должен мне сказать. Не знаю, что мы сможем сделать, но ты должен сказать. Я тебе верю.

Вдруг он свернулся, как в раннем детстве во сне, и завопил в подушку:

— Это так ужасно!

Я погладил его по спине:

— Я знаю, знаю, что это ужасно.

Робин яростно замотал головой и крикнул:

— Ты и понятия не имеешь, насколько ужасно!

Он тяжело дышал в подушку. Вдох-выдох, вдох-выдох. Его тело поднималось и опускалось в такт дыханию, а я беспомощно гладил его по спине.

Я так боялся, что он подошел к последней черте. Неудивительно, мы оба столкнулись с таким, от чего можно легко сойти с ума.

Вдруг тело Робина обмякло; он перевернулся на спину и бесстрастным четким голосом начал рассказывать, глядя в потолок:

— Этот человек нашел камень. Большой камень. Он отрыл рядом с ним яму. Потом связал ребенка, чтобы тот не мог двигаться. Принес ребенка к яме. У него с собой была такая длинная железная штука. Он принес ее специально, чтобы закатить камень

в яму. Прямо на ребенка. Но голова ребенка не поместилась, и он слушал, как ребенок кричит. И тот кричал, потому что ему было очень больно. У него было сломано много костей, из-за того, что его придавило камнем. А тот человек сидел и слушал, как он кричит. Сидел и слушал, пока ребенок не умер. Наверное, целую ночь. Потом он еще чуть-чуть покопал, чтобы ребенок поместился в яму весь, и подвинул камень так, чтобы его не было видно.

Как только Робин закончил рассказывать, он накрылся одеялом с головой и свернулся в кокон. Я лежал рядом, и мне самому хотелось кричать, как тому замученному ребенку.

Его кровать стояла там, где я сейчас сплю.

Человек, сотворивший такое, спал в комнате Робина. Да как же он мог спать? Он варил кофе на нашей плите и пил его на нашей кухне. Он смотрел в те же окна, что и мы, ходил по тем же полам, слышал тот же самый скрип крыльца прямо за порогом дома. И он повесился рядом с моей кроватью.

Мои глаза, не отрываясь, смотрели на дырку в потолке, туда, где раньше торчал крюк.

Теперь я счастлив.

Я лежал и смотрел на черную дыру так долго, что она начала приобретать качества той черной дыры, что в космосе. Все в комнате будто притягивалось к ней, готовилось к тому, чтобы быть втянутым в пропасть, мои мысли крутились вокруг, словно беспомощные планеты с постепенно сужающимися орбитами, медленно плывущие навстречу гибели. Снова и снова в голове звучала музыка, двенадцать нот незаконченной мелодии.

Незаконченной?

Если вы напоете: «Черная овечка, принеси мне шерсти. Да, сэр. Да, сэр. Три...» — и на этом останетесь, то сразу станет понятно, что некоторых нот не хватает, даже если вы раньше и не слышали эту песню. Стало совершенно ясно, что в мелодии, которая теперь постоянно звучала в моей голове, не хватает нот. Я лежал, уставившись на черную дыру, и пытался догадаться, что это были за ноты.

Покрытый одеялом холмик, лежавший рядом со мной, начал спокойно и глубоко дышать, и мне удалось, не разбудив, освободить его вспотевшую голову и аккуратно подоткнуть одеяло. Пока я этим занимался, все мои мысли были заняты мелодией.

Дум, ди-дум, даа.

Я сел за пианино и сыграл всю мелодию целиком. Ноты так отчетливо звучали в моей голове, что я сыграл их дважды, прежде чем до меня дошло, что никакого звука нет. Пару раз я яростно стукнул по клавишам, как будто хотел выбить их. Только тогда я вспомнил. Клещи. Струны.

Я огляделся, не зная, что делать дальше, и мне на глаза попала коробка, стоящая под кроватью Робина. Среди кучи старых ненужных игрушек я обнаружил детский синтезатор «Касио». Всего три октавы, но мне было достаточно.

Я сыграл двенадцать нот, и на меня снизошла черная безмятежность. Да, именно черная безмятежность. Я бы не смог описать это состояние другими словами. Как будто я застрял в грязи и медленно в нее погружался. Момент, когда ты понимаешь, что бороться бесполезно, никто не придет на помощь и грязь в конце концов победит. Мне казалось, что

я достиг точки, когда остается только сдаться, и это делало меня безмятежным.

Я снова и снова играл эти двенадцать нот, пробуя переключать синтезатор на разные инструменты, чтобы они звучали как можно лучше. В конце концов, я выбрал клавишин, имитация его слегка металлического звучания показалась мне наиболее убедительной.

Дум, ди-дум, даа.

Я вышел в коридор, надел куртку, нашел налобный фонарик, включил его и закрепил на голове. На синтезаторе был ремень, поэтому я смог повесить его на шею. Полностью экипированный, я открыл входную дверь и вышел в лес.

В воздухе висел туман, и, хотя фонарик был довольно мощным, он освещал дорогу не более чем на десять метров. Я шел по тропинке среди толстых мокрых стволов, и это было похоже на прогулку по подземелью, где стволы-колонны поддерживали тяжелый свод. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь мерным звуком капель, падающих с мокрых ветвей на прелую прошлогоднюю траву.

Некоторое время я не играл мелодию, и стопроцентная уверенность в том, что я иду правильно, начала исчезать. Но я нашел это место.

Наверняка это оно и было. Я дошел сюда по прямой из дома. Наверное, раньше здесь была тропинка, которая потом заросла. По дороге мне попадались камни, но ни один из них не соответствовал описанию Робина.

Сейчас передо мной стояло несколько камней, они выплывали из темноты, когда на них падал луч фонарика. Осмотревшись более внимательно, я обнаружил около пятидесяти маленьких и больших ва-

лунов, попавших сюда во время ледникового периода, до того, как выросли ели и пихты. Даже ничего не зная об этом месте, не требовалось много воображения, чтобы сравнить его с кладбищем.

С двумя покойниками. Двумя детьми. Зарытыми под камнями.

Без всякой цели я бродил меж камней, освещая фонариком их основания, в надежде обнаружить хоть какие-то признаки, что земля была разрыта. Но всё вокруг настолько заросло травой, что камни совсем не отличались друг от друга. Я обхватил себя руками и вздрогнул.

А вдруг под ними вообще нет никаких мертвых детей? И кто сказал, что если я найду этих двоих — которые, по словам Робина, просили их найти, — то все будет хорошо?

Мы должны отсюда переехать!

Эта мысль показалась мне настолько очевидной, что я не мог понять, почему она раньше не пришла мне в голову. Меня и сына ничего не связывает с этим страшным местом, с его мрачными елями и камнями. Ничего. Я не обязан сражаться с призраками преступников.

Я вздохнул, выключил фонарь, закрыл глаза и, слушая тишину, расслабился. Простояв так некоторое время, я почувствовал, что во мне зародилось подозрение, которое быстро переросло в уверенность: впереди слева по диагонали от меня что-то было. Что-то приближалось ко мне оттуда, призрачное, как крылышки мотылька, прикоснувшиеся к коже, и темное, как ночь. Когда я открыл глаза, оно исчезло.

Темнота сгустилась и стала почти осязаемой, единственным огоньком был индикатор синтезатора,

показывающий, что он работает. Я снова включил фонарик и посмотрел на клавиатуру. Потом сыграл ноту. Другую. Двенадцать нот, прозвучавших из пластмассовых колонок, были проглочены темнотой и туманом. Я сделал несколько шагов вперед и снова сыграл ту же мелодию.

Впереди что-то двигалось, и я заметил фигурку, которая спряталась за камнем. Я присел рядом, прислонившись к шершавой поверхности, и снова сыграл мелодию. Когда я убрал пальцы с клавиатуры, то услышал тихий шорох, как будто маленькие ножки ступают по мху и опавшей хвое позади камня.

На них нельзя смотреть, если ты их увидишь, они заберут твои глаза.

Направив фонарь на ствол пихты в пяти метрах от себя, я сказал в никуда:

— Ну вот, я здесь.

Ножки, шелестя травой, протопали по земле, оказавшись совсем близко. Ноготки заскребли по камню всего в метре от меня. Я закрыл глаза, чтобы нечаянно не оглянуться, и снова сказал:

— Ну вот, я здесь. Что нужно сделать?

Поначалу я решил, что этот звук идет откуда-то из леса. То ли скрипнула под порывом ветра ветка, то ли где-то вдали закричал раненый зверь. Но это был голос. Слабый, жалобный голос старика, потерявшего все на свете, кроме воспоминаний, который плачет при виде манного пудинга, напоминающего ему детство и заставляющего говорить детским голоском.

— Найди нас, — произнес голос за моим плечом.

Не открывая глаз, я ответил:

— Я нашел вас. Что дальше?

— Откопай нас.

Почему-то я с самого начала знал, что мне придется это сделать, с того самого момента, когда увидел в сарае лопату и лом. Найти, откопать и... покончить с этим.

— Почему? — прошептал я. — Почему он с вами это сделал?

Единственным ответом на мой вопрос было мерное дыхание леса. Я прижался спиной к камню, вдруг осознав, насколько он огромный и тяжелый. Оказаться под ним, быть раздавленным его огромным весом. Тем более, если ты ребенок.

Когда снова зазвучал голос, его тон изменился. Возможно, это был уже другой. В его стариковском ворчании мне слышалось то, что подсказало — это младший ребенок.

— У старика была бумажка, — проговорил он. — Он на ней писал.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. — Когда писал?

— Когда я умирал. Я кричал. Мне было так больно. Он это записал на клочке бумаги. Он сказал, что я буду много кричать. И я кричал. Потому что мне было очень больно.

На последних словах голос стал тише, и я почувствовал, что остался один. Я нагнул голову так, чтобы фонарик светил на клавиатуру. На тридцать шесть невинных белых и черных клавиш. Теперь я понял, как ошибался, проигрывая ноты испуганных голосов.

Бенгт Карлссон, музыкант, который плохо кончил, извлек мелодию из самых страшных звуков, которые только можно было представить, из крика боли умирающего ребенка. И эти ноты... они открывали дверь.

Как может человек такое вынести?

Я с трудом поднялся на ноги и, прижав костяшки пальцев к вискам, стал бродить среди камней. Как мог человек такое вынести? Сырость, туман, темные стволы деревьев и зло, вплетенное в нашу жизнь. Как? В бессильной ярости я колотил кулаками по камню, пока не разбил их в кровь.

Боль отрезвила меня. Я взглянул на свои окровавленные руки и поднял голову. Все камни выглядели одинаково, и я по-прежнему не знал, под какими из них лежат дети.

Когда я сыграл первую ноту, на клавише синтезатора появилась темная полоса. К тому моменту, как я сыграл всю мелодию целиком, клавиши были все в крови, и некоторые из них залипли. Очень скоро на нем будет невозможно играть. Я нашел кнопку записи и проиграл мелодию заново. Остановив запись, я включил «Пуск».

Слушая, как синтезатор сам по себе снова и снова проигрывает мелодию, я начал громко хохотать.

Дум, ди-дум, даа.

Я сдвинул его набок, чтобы было удобнее, и под эту мелодию отправился домой в старый сарай за инструментами.

К тому времени, как моя работа была закончена, мрачный серый рассвет уже начал пробиваться сквозь густые кроны. Кровь с моих рук впиталась в деревянную ручку лопаты, размазалась по потемневшему железу лома. Батарейки синтезатора сели, и мелодия играла все тише. Я вернулся из леса, открыл дверь и вошел в коридор.

Скотч по-прежнему лежал на пианино, я прихватил его с собой. Синтезатор играл так тихо, что его

заглушал даже скрип половиц на кухне. Но незаконченная мелодия в моей голове звучала все громче, и я без удивления отметил, что за столом, сложив руки на коленях, сидит Бенгт Карлссон.

Он кивнул мне в знак приветствия, и я увидел черную полосу у него на шее. Я понимающе кивнул в ответ. Мы оба были мужчинами, которые знали, что делать. Он не смог этого вынести. Самое время довершить начатое.

Робин так и не проснулся, пока я скотчем связывал ему руки за спиной. Мне удалось заклеить ему рот прежде, чем он начал кричать. Позже, конечно, я его сниму, но сейчас его крики могли только помешать. Крепко держа сына за ноги, чтобы он меня не лягнул, я подхватил его под колени и закинул себе на плечо.

Мелодия продолжала играть, пока я нес его через кухню, звук становился все тише и тише, напоминая шепот.

От страстного желания услышать недостающие ноты у меня болело все тело. Мне было просто необходимо услышать всю мелодию целиком.

Робин крутился и выворачивался у меня на плече, его пижамные штаны терлись о мое ухо. На пронизывающем зимнем ветру кожа на его голых ногах покрылась пупырышками. Я слышал, как он сопит и задыхается у меня за спиной, как из его носа текут сопли; по приглушенным звукам, которые он издавал, я понял, что Робин кричит. Не важно. Очень скоро все закончится.

В эти тусклые предрассветные часы стволы деревьев выплывали из тумана темными силуэтами, будто молчаливые зрители, не знающие, что правильно,

а что — нет, что есть добро, а что — зло. Здесь действовали лишь слепые законы природы, вечная смена жизни и смерти. И дверь между ними.

Я положил Робина в яму, которую вырыл рядом с камнем. Я уже и сам не понимал, слышу я мелодию только у себя в голове или нет. Робин изгибался и выворачивался, его бледная кожа выделялась на фоне темной земли. Голова моталась из стороны в сторону, глаза широко раскрывались, когда он пытался кричать сквозь ленту.

— Заткнись, — сказал я, — заткнись, — и сорвал кляп.

Не обращая внимания на его жалобный плач, я посмотрел на лом, воткнутый в землю с другой стороны камня. Я рассчитал, что мне потребуется всего один раз надавить на конец лома, и камень скатится в яму. Потерев руки, покрытые засохшими потеками крови, я принялся за работу.

Схватившись обеими руками за лом, боковым зрением я заметил какое-то движение, инстинктивно обернулся и увидел ребенка. Сложно было определить его возраст — лицо настолько исхудало, что кожа обтягивала торчащие скулы. Он был одет в остатки шелковой пижамы красного цвета с желтыми мишками, сквозь дыры виднелась грудь. Большинство ребер было сломано, их отломки в нескольких местах проткнули кожу.

Ребенок поднес руки к лицу. Ногти были длинными и искрошившимися, видимо, он скреб ими камни. За пальцами скрывались глаза. Я взглянул в них и понял, что это — черные колодцы ненависти и боли.

Только теперь до меня дошло, что я наделал.

Не успел я закрыть глаза и снова схватиться за лом, как маленькое тельце другого ребенка оказалось

у меня на спине. Я согнулся, ребенок в пижаме изловчился и обхватил меня за шею, воткнув свои пальцы мне под ключицы.

Существо за спиной дотянулось до моего лба, и я почувствовал, как острые ногти впиваются в глаза. Я закричал, когда ногти проткнули кожу по обеим сторонам от переносицы, хлынувшая из ран кровь стала заливать мне рот. Ребенок страшно зашипел и выдернул пальцы из глазниц вместе с глазными яблоками.

Последнее, что я услышал, было урчание и чавканье, с которыми дети жевали мои глаза.

Не знаю, как долго я был без сознания. Придя в себя, я уже не мог видеть свет и не знал, насколько высоко солнце поднялось над горизонтом. Вместо глаз у меня на лице зияли дыры, щеки были липкими от крови и обрывков глазных нервов. Болело так, словно мое лицо одновременно терзали сотни маленьких лезвий.

Я с трудом встал на колени. Вокруг была полная темнота. И тишина. Батарейки синтезатора окончательно сели. Пошарив руками, я нащупал лом, опираясь на камень, дополз до ямы и был вознагражден единственным звуком, который сейчас имел для меня значение:

— Папа... папочка...

Я нагнулся над Робинотом, разорвал зубами клейкую ленту на запястьях и щиколотках, сорвал с себя куртку и рубашку и завернул в них сына. Я рыдал, хотя слезы больше не могли пролиться из пустых глазниц, и шарил вокруг ладонями, пока он не взял меня за руку и не повел домой.

Потом он позвонил. Я не мог пользоваться телефоном и уже не помнил ни одного номера. Он раз-

говаривал с кем-то, чей голос не был слышен, и это меня напугало. Я доковылял до кровати и спрятался под одеялом. Там они меня и нашли.

Они говорят, что я скоро поправлюсь. Видеть я больше никогда не буду, но психическое здоровье понемногу начало возвращаться. Они сказали, что скоро мне разрешат отсюда уйти. И я буду привыкать жить как все.

Робин навещает меня все реже и реже. Он говорит, что счастлив в приемной семье. Говорит, что они милые. Говорит, что теперь уже не проводит так много времени за компьютерными играми. А о том, как мы будем жить, когда я выйду отсюда, он говорить перестал.

Не думаю, что выйду, я сам этого не хочу.

Здесь меня кормят и укладывают спать по часам. Я вслепую проживаю однообразие каждого дня. Я занят привычными делами, и дни проходят незаметно. Нет, меня не нужно отсюда выпускать.

Потому что, когда я сижу в тишине моей комнаты или лежу на кровати, я все еще слышу эти ноты. Мои пальцы вытягиваются в пустоту, играя на невидимой клавиатуре, и я мечтаю сыграть по-настоящему.

Или все переиграть. Хочу, чтобы Аннели снова пришла ко мне в темноте, хочу обнять ее, не обращая внимания на открытые двери и то, что может в них войти.

Но в нашем отделении нет музыкальных инструментов.

Юн Айвиде Линдквист родился в 1968 году, он единственный швед, сделавший сочинение ужасных историй своей профессией. Его первый роман «Впустите правого» издан тиражом полмиллиона экземпляров и распродан в стране, население которой составляет 9 миллионов человек. Эта книга опубликована в тридцати странах, по ней снято два фильма: один в Швеции, другой в США (под названием «Впусти меня»).

По двум другим романам — «Блаженны мертвые» и «Человеческая гавань» — съемки фильмов еще не закончены. Его последняя книга «Звездочка» вышла недавно в издательстве Quercus.

Линдквист рассказал, что идея этой новеллы пришла к нему четыре года назад, когда его сыну исполнилось десять лет и он начал брать уроки игры на фортепьяно.

«Неуклюжие, негармоничные ноты, которые доносились из его комнаты, навели меня на мысль: «А вдруг он по чистой случайности нажмет некую последовательность нот, и это приведет к чему-то неожиданному и таинственному?» Я записал эту мысль и стал ждать появления следующей, чтобы это превратилось в книгу. Но она так и не пришла мне в голову, и эта запись едва не затерялась среди других в моем компьютере.

Когда издатель попросил меня написать рассказ для этой антологии, я открыл файл, порылся в своей памяти и повнимательнее присмотрелся к этой идее. Сначала я планировал включить в рассказ ктулхуподобного монстра, которого притягивала музыка, но ничего не получилось. Потом образ одиноких и изолированных от отсталого мира отца и сына соединился с мифическими существами —

мюлингами, призраками убитых детей и... мне осталось лишь записать эту историю.

Она оказалась самой страшной из всех, какие я написал. Потому что больше всего на свете я боюсь потерять тех, кого люблю. Последние страницы истории я писал в состоянии непреходящего ужаса.

Каким облегчением было ее закончить!»

Рэмси Кэмпбелл

Недопонимание

Эджворт слушал реминисценции на тему автобусной поездки из хичкоковского «Саботажа», и вдруг зазвонил телефон. Он выключил диск с уникальным юбилейным изданием и поднял спинку кресла в вертикальное положение. Схватив трубку, взглянул на часы: время приближалось к полуночи.

— Алло? — сказал он и меньше чем через секунду повторил: — Алло?

— Это мистер Эджворт?

Он не узнал голоса говорившей; никому из знакомых женщин в голову бы не пришло звонить ему.

— Он самый.

— Мистер Эрик Эджворт?

— Вы не ошиблись.

— У вас есть несколько минут, мистер Эджворт?

— Я не желаю, чтобы кто-то чинил мой компьютер. У меня не было несчастного случая на работе и где-либо еще. Я ничего не покупаю и не скажу, в каком именно магазине я совершаю покупки, и что покупаю, тоже не скажу. Мои политические убеждения — это мое дело, как и то, о чем я сейчас думаю. Я никогда не выигрывал в конкурсах, и не

стоит говорить, что именно сейчас я что-то выиграл. Я не езжу в отпуск за границу, и поэтому не предлагайте мне тур. И вообще всё это не ваше дело. Что-нибудь еще?

— Я звоню совсем по другому поводу, мистер Эджворт, — голос оставался таким же деловым и размеренным. — Вы друг Мэри Бартон?

Сначала Эджварту показалось, что имя ему незнакомо, потом мелькнуло какое-то смутное воспоминание — женщина на работе с победной улыбкой несет огромную пирамиду банок попкорна.

— Ну, я бы так не сказал, — проговорил он, этот разговор его уже заинтересовал. Может быть, это из полиции. — Она попала в беду?

— Она должна ответить на несколько вопросов, — это можно было расценивать как «да», но женщина добавила: — Она выбрала помощь друга и назвала вас.

— Надо же, — Эджворт решил, что речь идет о телевизионном шоу. — А почему именно меня?

— Она утверждает, что не знает другого человека, который бы так разбирался в кино.

— Наверняка она ошибается. — Внезапно его охватили подозрения. Может быть, коллеги решили его разыграть? — И когда ей нужна моя помощь? — поинтересовался он.

— Прямо сейчас, если вы согласны.

— Не поздновато ли для викторины?

— Это ведь не детское шоу, мистер Эджворт.

— Меня спросят первым?

— Да, и прямо сейчас.

Если это шутка, он постарается обратить ее против них.

— Что ж, достаточно правдоподобно. Дайте-ка мне ее, — он встал и вытащил из-под стула пласти-

ковый контейнер с пластиковой же вилкой, оставшиеся после ужина.

— Пожалуйста, оставайтесь на линии.

Эджворт локтем включил свет в крохотной кухоньке, отделенной от гостиной, когда в трубке зазвучал мужской голос.

— Эрик? Рад, что вы с нами. Это Терри Райс из «Инквизиции», — человек говорил самодовольно и в то же время оживленно; у Эджворта не осталось никаких сомнений, что это розыгрыш. Помойное ведро было битком забито остатками вчерашнего ужина из китайского ресторана и отвратительно воняло. Эджворт с силой протолкнул новый контейнер в ведро, чтобы он поместился, и даже сломал пополам вилку. — Мэри очень надеется, что вы ей поможете, — продолжил мужчина. — Вам известны наши правила?

— Напомните, пожалуйста.

— Вы должны помнить только одно: у вас есть право на три неправильных ответа.

— Если речь идет о кино, то мне вообще не о чем беспокоиться.

— Тогда мне больше нечего добавить. Мэри, поговорите с вашим другом.

— Эрик? Извините, что я так поздно вас побеспокоила. Просто не знала, кому еще позвонить.

Смешно, она ведь с ним, кажется, никогда не разговаривала. И уж точно впервые произнесла его имя. По ее тону он понял, что у нее на лице все та же победная улыбка.

— На каком вы канале? — спросил Эджворт.

Он надеялся сбить ее с толку, но женщина почти без запинки ответила:

— «Ночная сова».

Шутники наверняка все продумали заранее. Эджворт мог бы спросить, как ему найти этот канал, но не хотелось заканчивать игру так быстро. Ему вдруг понравилось притворяться дурачком.

— И почему же вы ко мне обратились?

— Просто я не знаю, о каком фильме идет речь.

Ну, хотя бы это было правдой: большинство его коллег понятия не имели, что такое хорошее кино. Когда-то ему казалось: работой, связанной с кино, должны заниматься люди, которые любят его так же, как он. Ему показалось, или она действительно пытается добавить дрожи в голос? Это неправильно. Участники телевикторины так себя не ведут.

— Хорошо, я попытаюсь, — сказал он.

— В каком фильме Джеймс Дин делает молочный коктейль?

Эджворт ждал продолжения, но оказалось, что это все.

— «К востоку от рая», — ответил он.

— Это неправильный ответ, — сказал тот, кто называл себя Терри Райсом.

— Мистер Райс говорит, что вы ошибаетесь, Эрик.

Как смешно она говорит, даже если это всего лишь розыгрыш. Хотя, скорее всего, она нервничает именно потому, что это розыгрыш.

— Тогда «Бунтарь без причины», — Эджворт невесело ухмыльнулся.

— Опять ошибка.

— Мистер Райс говорит, что вы снова ошиблись.

Голос Мэри звучал так, будто ее охватило отчаяние. Но как бы долго они ни притворялись, Эджворт был готов пойти дальше.

— Я уверен, что это «Гигант». Главные роли он играл только в этих фильмах.

— Снова неверно.

Эджворту показалось, или он действительно услышал крик? Наверняка Мэри Бартон толкнул кто-то из ее сообщников, чтобы она говорила.

— Это не может быть правдой, Эрик, — ее голос звучал так пронзительно, что это начало раздражать.

— Больше ответов нет, — сказал — или спросил? — ведущий викторины, и Эджворт не понял, к кому он обращается. — Эрик не слышал о фильме «Кто-нибудь видел мою девчонку»?

— Конечно, слышал. И даже видел. Джеймс Дин делал молочный коктейль у тележки с газированными напитками, — и чтобы окончательно восстановить свою репутацию, Эджворт добавил: — Я знал правильный ответ.

— Вы решили пошутить? Играть нужно серьезно, даже если это всего лишь игра, — к удивлению Эджворта, это звучало как выговор. — Ваша подруга хочет что-то вам сказать.

— Она, как, впрочем, и вы, мне не друг. — Эджворт заставил себя это сказать, хотя бы для того, чтобы услышать, как она отреагирует. И Мэри, слегка задыхаясь, ответила:

— Спасибо, что помогли, Эрик. Мне бы хотелось...

— Здесь не место высказывать ваши желания. Это нарушает правила игры. Спасибо, что поддержали ее, Эрик, — произнес мужчина, и его голос, а также голоса Мэри и девушки, которая говорила с ним первой, исчезли.

Похоже, эти люди даже розыгрыш не могли довести до конца. Разумеется, номер, с которого они звонили, не определялся. Было уже слишком поздно,

чтобы дослушивать диск. Он убрал его в футляр, принял душ и отправился спать.

Со всеми этими фильмами ему и снов было не нужно. Утром он позавтракал под саундтрек из фильма «Трижды везунчик»; короткометражка «Балбесов» длилась ровно столько, чтобы успеть позавтракать. «Хотел бы я знать, чего желать». «Хотел бы я, чтобы хоть одно желание было твоим». «Хотел бы я, чтобы вы оба заткнулись», — возражал Мо¹, и Эджворт перхнулся так, что заплевал халат. Он принял душ, надел форменный свитер с надписью «Фруготомувиз» и отправился в «Фругоплекс».

Здание кинотеатра представляло собой бетонный куб, очень похожий на дом, в котором жил Эджворт. Февральское небо было серым и ровным. Он поселился в этой квартире, потому что от нее было всего несколько минут пешком до кинотеатра, но со временем желание смотреть новые фильмы ослабело, и он почти не пользовался своим бесплатным пропуском. Зато ему теперь не нужно было притворяться, что новое кино ему нравится. Он с отвращением смотрел на афишу, висевшую на фасаде здания, когда менеджер открыл ему дверь.

— Какие-то проблемы? — сказал мистер Джиттинс с дежурной улыбкой на пухлом лице. — Надеюсь, вы оставили их дома.

Чтобы никто из коллег его больше ни в чем не обвинил, Эджворт сразу же отправился в невзрачную подсобку для персонала. Очень скоро начали приходить и остальные, некоторые с опозданием. Все они были на десяток-другой лет моложе. Как

¹ The Three Stooges (Три Балбеса) — американское комедийное трио середины XX века; Мо — один из участников трио.

только он сел в билетной кассе, к нему подошел Ларри Риверс.

— Что смотрели вчера вечером, Эрик? — спросил тот с улыбкой — такой же кислой, как и вся его физиономия.

Неужели это он был вчера Терри Райсом? Имя созвучное, и он любит приставать с вопросами к Эджворту.

— Я не смотрел, а слушал, — ответил он.

— И что вы слушали, Эрик?

Он и имя его произносил точно так же, как ведущий викторины. Эджворт хотел его отшить, но на-верняка все только на это и рассчитывали.

— Автора «К северу через северо-запад»¹, — сказал он.

— Не слышал.

Эджворт заподозрил, что собеседник не шутит.

— Кэри Грант? — спросил он, — Джеймс Мэйсон?

— Никого из них не знаю.

— Да ладно, это же Хичкок!

— А, это фильм с Уиллом Смитом!² — решила помочь какая-то девушка.

— *Хичкок*, дорогуша.

— Фу, как неприятно звучит.

— Похоже на сексуальное домогательство, — фыркнула ее подруга.

— Альфред Хичкок, который снял «Психо».

— Это тот, в котором играл Винс Вон? — спросил Ларри³.

¹ Шпионский триллер А. Хичкока.

² Она имеет в виду фильм «Хэнкок».

³ Эджворт имеет в виду фильм «Психо», реж. А. Хичкок, а Ларри — одноименный фильм, снятый в 1998 г.

Неужели они думают, что до их рождения ничего не существовало? Неудивительно, что «Таймлесс»¹ обанкротился — несмотря на то, что многим нравился. Эджворт тратил все свои деньги в видеобиблиотеке, именно поэтому работа в «Фругоплексе» была ему по душе. Некоторые старые фильмы не пропадут, по крайней мере для него. Он как раз собрался что-то сказать по этому поводу, но мистер Джиттинс снова открыл дверь.

— Так, все по местам, — сказал он, как учитель у ворот школы.

Мимо с опущенной головой, будто пытаюсь скрыть извиняющуюся улыбку, мышкой прошмыгнула Мэри Бартон. Интересно, это на него она взглянула украдкой или на всю компанию, собравшуюся у билетной кассы? Казалось, она нервничает из-за того, что кто-нибудь может заметить, как она смотрит. Она быстро зашла в комнату персонала и выскочила оттуда в тот момент, когда мистер Джиттинс произносил обычные напутственные слова:

— Давайте сделаем так, чтобы зрители почувствовали себя счастливыми и захотели снова прийти к нам.

Эджворт, возможно, и не прочь был бы стать кинемехаником, если бы при этом ему не пришлось смотреть так много скучных, если не сказать хуже, фильмов. А так он просто с тоской наблюдал, на какой фильм больше зрителей валит. Сегодня шел новый фильм «С глаз долой». Когда наступало затишье, он посматривал на Мэри Бартон за стойкой буфета. Интересно, а палец на левой руке она вчера

¹ Американская фирма, специализировавшаяся на издании и распространении DVD с ретрофильмами.

перевязала? Он был гораздо больше, чем его близнец на другой руке. Ее улыбка казалась еще храбрее, чем обычно, особенно когда она перехватывала его взгляд. Хотя он старался смотреть на нее, только когда она отворачивалась. Временами ему казалось, что ее худое, преждевременно увядшее лицо выглядит даже старше, чем его собственное. Он не станет выяснять с ней отношения, чтобы не провоцировать насмешек над собой, не даст повода обвинить его в сексуальных домогательствах. Он сделает так, что у нее не будет возможности подойти к нему и заговорить без свидетелей; а смелости или нахальства приблизиться к нему на глазах у тех, кто в курсе вчерашней шутки, у нее самой не хватит.

Когда он уходил домой, в буфет стояла огромная очередь, но все равно, наполняя очередную коробку попкорном, она бросила на него извиняющийся взгляд. Если бы вокруг никого не было, он бы на него ответил. А так ему осталось лишь зайти в соседнюю пиццерию и купить огромную пиццу с мясом, часть которой останется завтра на ужин.

Два куска он съел у себя на кухне, а еще три взял в комнату, по одному на каждую версию «Печати зла». На середине его любимой картины Орсона Уэллса снова зазвонил телефон.

— Эрик, — произнес голос, который он никак не ожидал услышать.

— Господи, эти шутки уже переходят все границы! — чуть было не сказал Эджворт, но остановился. Ему хотелось узнать, как далеко они намерены зайти. — Вы сами-то придерживаетесь ваших правил?

— Каких именно, Эрик?

— Я сделал три ошибки и больше в игре не участвую.

— Вчера вечером вы не смогли ответить только на один вопрос, Эрик.

— Поверьте, я бы смог на него ответить, если бы не хотел над вами подшутить так же, как вы надо мной.

— Не надо, Эрик.

В голосе Мэри Бартон было столько сожаления, что он почти поверил ей. Почти поверил, что ее заставили участвовать в розыгрыше, но не испытывал ни малейшего сожаления, что она может проиграть в викторине.

— Больше не ошибайтесь. Это очень серьезно.

— Я слышу это по вашему голосу.

— Иногда мы сталкиваемся с подобной проблемой, — проговорил мужской голос с откровенной насмешкой. — Прислушайтесь к вашей подруге. Вы же слышали, *как* она говорит.

Эджворт не мог понять, кто его больше раздражает. Жалкая попытка Мэри Бартон разговаривать так, будто она старается сдерживать эмоции, заставила его задать вопрос:

— По какому каналу вас показывают? Я хочу посмотреть.

— У нас радиошоу, — недовольно хмыкнул мужчина, его это явно задело. — Да вы и не захотите это видеть, поверьте на слово.

Эджворт согласился. В каком это радиошоу ведущие могут так разговаривать со слушателями? Сейчас его интересовало только одно, да и то не слишком: какой вопрос зададут на этот раз. Наверняка они успели проштудировать какой-нибудь киносправочник.

— Начинайте, мистер Терри Райс, — сказал он, скаля зубы. — Мучайте меня снова.

— Спрашивайте, Мэри.

— В каком фильме Альфред Хичкок опаздывает на автобус?

Если бы на месте Эджворта был какой-нибудь глупец, он бы решил, что тон у нее умоляющий. «Они решили, что я не разгадал их розыгрыш после сегодняшнего разговора с Ларри Риверсом?»

— «Незнакомцы в поезде», — ответил он тут же.

— Выше голову!

Он не понял, к кому обращался ведущий — к нему или к Мэри Бартон, но теперь в ее голосе был страх, и он немного дрожал.

— Это не так, Эрик.

— Тогда, наверное, «Птицы»

— Ближе!

— Пожалуйста, Эрик, — почти кричала Мэри Бартон. Ему было неприятно, что она притворяется, будто вот-вот заплачет. — Вы должны знать! Вы же этим увлекаетесь!

— Я знаю, — буркнул Эджворт, зло улыбаясь. — Так и быть, это «Веревка».

— Опять неправильно.

— Пожалуйста!

Эджворт отодвинул трубку от уха, которое начало болеть от крика.

— Что вы делаете?! Мой глаз!

Интересно, а эти сдавленные рыдания тоже адресованы ему?

— За вами вообще глаз да глаз. Так говорила моя бабушка, когда я лез в грязь. Ладно уж, если вы так переживаете, вот вам ответ... — вальяжно заговорил он.

— Слишком поздно, Эрик, — ответил мужчина, не скрывая удовольствия. — Вы использовали вашу вторую попытку.

— Пожалуйста...

Эджворт слышал голос Мэри Бартон, только теперь она обращалась не к нему. Он правильно сделал, отодвинув трубку подальше от уха, чтобы защититься от любых сюрпризов, которые могли прийти им в голову. Из трубки донесся страшный металлический звук, и связь оборвалась. Смешно даже пытаться найти частоту, на которой передают «Ночную сову», поэтому он решил дальше смотреть фильм Уэллса. Но извивающийся маньяк в номере мотеля расстроил его куда больше, чем ему хотелось. Он убрал футляр с диском на место и сердито улегся в кровать.

Ночью ему все время казалось, что звонит телефон; к тому времени, когда нужно было выходить из дома на работу, красными от раздражения были не только его глаза. Он даст Мэри Бартон понять, что с него хватит, и пусть остальные полкуются на это представление.

— Готовы к трудовым подвигам? — спросил вместо приветствия менеджер.

— Я всегда готов, — ответил Эрик и улыбнулся в ответ.

Он отметил время своего прихода и поспешил в билетную кассу в надежде, что Мэри Бартон придет пораньше. Вчера она получила замечание за опоздание. Он смотрел, как менеджер впускает все новых и новых сотрудников, и расстраивался, что ее не было среди них.

Ларри Риверс пришел одним из последних и сразу же подошел к его стойке.

— Что вчера смотрели, Эрик?

Эджворт собрал все силы и продолжил игру.

— Да так, ничего особенного.

Кто-нибудь более легковверный, чем Эджворт, наверняка бы решил, что парень расстроился, получив отпор. Конечно, его разочаровало, что Эджворт не заглотил наживку, зато некоторые из тех, кто за ними наблюдал, клюнули. Ко времени открытия кинотеатра Мэри Бартон так и не появилась.

— Встречайте публику с улыбкой, — сказал мистер Джиттинс.

Наверное, Мэри осталась дома потому, что ей стыдно смотреть Эджворту в глаза. Или, может быть, она взяла отгул?

— Почему Мэри Бартон не пришла? — спросил он неожиданно для себя.

— Позвонила и сказала, что заболела, — мистера Джиттинса удивило и даже расстроило, что его подчиненный имел наглость задавать вопросы. — У нее что-то с глазом.

Эджворт отчаянно подбирал слова:

— Она ведь и раньше на него жаловалась?

— Ничего об этом не слышал, — мистер Джиттинс остановился в дверях. — Как и ее мать.

— А она-то какое имеет к этому отношение?

— Присматривает за детьми, пока Мэри в больнице. Я ответил на ваш вопрос, Эрик? А теперь давайте займемся работой.

Как только мистер Джиттинс запустил зрителей в кинотеатр, одна из девушек, стоявшая рядом с Эджвортом, шепнула ему на ухо:

— Пошлите ей валентинку, Эрик. Она недавно развелась.

— Придержите-ка ваш длинный язык, — он взглянул на нее и ее друзей, потом на Риверса.

— Воздаю вам должное, — процитировал он бабушкино любимое выражение. — Это вы с вашими друзьями названивали мне ночью?

— Что? — Риверс перестал хохотать. — Нам вас вполне хватает на работе, чтобы еще этим заниматься.

После этого с Эджвортом никто, кроме зрителей, больше не разговаривал, и его даже перестало интересовать, почему люди так бездумно отдают деньги, чтобы посмотреть паршивый фильм. Конечно, вряд ли стоило верить Риверсу, во всяком случае в том, что касалось ночных звонков...

Длинный, ничем не примечательный день казался Эджворту занавесом, который скоро поднимется, и на сцене начнется давно надоевший спектакль. Но он же в любой момент может уйти, верно? Больше всего он боялся, что над ним будут смеяться. Войдя в квартиру, он вдруг понял: единственное, чего ему хочется, — это ничего не ждать.

Пицца была жесткой и казалась несвежей. Он решил посмотреть классические комедии, но даже самые любимые казались невыносимо фальшивыми, а шутки — плоскими. Сцены тянулись мучительно долго и совсем не развлекали. Телефон прозвонил как будильник, когда он досматривал нудный отрывок, где на Кэри Гранта и Кэтрин Хепберн падает скелет динозавра.

Он сразу же выключил фильм и уставился на пустой экран. Телефон все звонил и звонил. Он не поднимал трубку до тех пор, пока вдруг не почувствовал острое и необъяснимое чувство вины.

— Что на этот раз? — спросил он.

— Кое-кто испугался, что вы не будете играть, Эрик.

— Я думал, ваша подруга в больнице, — с ликованием ответил Эджворт.

— Это ваша подруга, Эрик. Ваша и только ваша. Вы единственный, к кому она может обратиться с вопросами о кино.

— А сама она что, говорить не может?

— Я здесь, Эрик, — голос Мэри Бартон потерял былую силу, или она притворялась слабой, продолжая разыгрывать его.

— Меня немного подлечили, — сказала она. — Я должна была снова сюда прийти, иначе я все потеряю.

— Пытаетесь подзаработать для детишек?

— Я пытаюсь выиграть... чтобы хватило на жизнь.

Неужели ее действительно задевает его сарказм, или это часть сценария? Она и вправду такая бессердечная, что использует собственных детей, чтобы продолжать этот тошнотворный розыгрыш? Его бабушка никогда так не поступала. Даже мать никогда не упрекала его за недостатки, которые он унаследовал от сбежавшего папаша.

— Готовы ей помочь? — спросил мужчина на другом конце провода.

— А что, если я откажусь?

Эджворт услышал сдавленный стон, в котором умело сочетались страх и боль.

— Решать вам, — проговорил мужчина.

— Тогда начинайте, — Эджворта вдруг охватила непонятная паника. — Я имел в виду, спрашивайте о фильмах, — торопливо добавил он.

— Смотрите-ка, Мэри, он уже начал понимать!

Мужчина был оживлен больше, чем обычно. А вдруг он спросит об одном из этих новых фильмов, которые Эджворт не смотрел? Он уже подготовил гневный ответ, но Мэри Бартон, запинаясь, спросила:

— В каком фильме Элиша Кук играл гангстера?

У него три попытки, вот в чем дело. Если они с Риверсом надеются, что Эджворт боится неправильно ответить, то у них нет ни единого шанса.

— «Мальтийский сокол».

— Шире, Мэри.

— Это неправильный ответ, Эрик.

Ее голос стал еще более дрожащим и напуганным. Эджворт забеспокоился и тут же разозлился на себя.

— Но он же играл там гангстера, — возразил он.

— Этот ответ им не подошел.

— Может, они имели в виду «Убийство»?

— Еще шире, — сказал мужчина раздраженно, буд-то ему хотелось поскорей закончить розыгрыш.

— Нет, Эрик, нет.

До Эджворта дошло, что в фильме Кубрика Кук играет просто преступника, а не гангстера. Отчаяние, звучащее в голосе Мэри, мешало думать.

— Остался всего один ответ, да? — спросил он.

— Пожалуйста, Эрик, пусть в этот раз он будет правильным.

Она почти умоляла его. Эджворта это несколько смутило. Он больше не собирался допускать ошибок.

— Ладно, — сказал он. — В фильме «Малыш Нельсон».

— Снова мимо.

— Что вы мне голову морочите! — возмутился Эджворт. — Он был в этом фильме гангстером.

— Нет, там играл его сын, — ответил мужчина. — Элиша Кук-младший.

— Вот, значит, как? — Эджворт был настолько возмущен, что изо рта у него вылетела слюна. — Глупая уловка! Даже для вас, — он бы еще многое мог сказать, если бы Мэри Бартон не закричала:

— Нет!

Это было даже не слово. Прерывистый вопль становился все пронзительней. Когда она замолчала,

чтобы набрать воздуха перед следующим воплем, Эджворт заорал:

— Что вы делаете?!

— Как хорошо, что мы не на телевидении, — судя по звуку, мужчина отодвинул трубку подальше от нее. — Мы бы не смогли такое показать, да вам бы и не захотелось видеть.

— Прекратите, — завопил Эджворт, но голос его сорвался.

— Расслабьтесь, Эрик. Для вас уже все кончилось, — сказал Терри Райс, и в трубке повисла оглушительная тишина.

Номер снова не определился. Эджворт хотел позвонить в полицию, но что это даст? Скорее всего, в полиции тоже решат, что он стал жертвой розыгрыша. Наверняка разговор записывали, чтобы его сослуживцы могли посмеяться. Он схватил пульт и стал искать в телевизоре радиоканалы. Ему показалось, что он перелистал весь список до конца, и экран уже был пуст, как вдруг услышал голос, который не хотел больше никогда слышать.

— Канал «Ночная сова» прекращает вещание, — произнес Терри Райс, и Эджварту показалось, что он слышит чьи-то сдавленные рыдания. — Завтра ночью начнется новая игра.

Эджворт не мог оторвать взгляд от пустого экрана, пока ему не привиделось, что какая-то бледная тень метнулась в тщетной попытке вырваться из него. Он быстро выключил его — кнопка чуть не сломалась — и нырнул в кровать. Мысли, одолевавшие его, настолько его вымотали, что он незаметно для себя уснул. Утром он не стал завтракать, у него не было сил смотреть еще один фильм. Он долго

стоял под душем, безуспешно пытаясь смыть с себя все, что его тревожило, потом оделся и поспешил на работу.

Эджворт дважды подолгу звонил мистеру Джиттинсу, прежде чем тот вышел из своего кабинета. При виде Эджворта пухлое лицо менеджера стало жестким, как камень. Он был очень недоволен, что сотрудник его побеспокоил, и наверняка решил, что тот пытается завоевать его расположение.

— Надеюсь, вы сделаете все возможное, чтобы наладить отношения с вашими коллегами, — сказал он.

— Что?! Что это значит?

Мистер Джиттинс не удостоил его ответом. Он уже повернулся, чтобы уйти, но Эджворт выпалил:

— Мэри Бартон сегодня придет?

— А вам-то что за дело? — мистер Джиттинс едва взглянул на Эджворта. — Некоторое время ее не будет. Мне сказали, что она не может ходить.

Эджворт сглотнул, его голос был больше похож на хриплое карканье:

— Можно узнать, почему?

— Я не намерен это с вами обсуждать.

Мистера Джиттинса явно раздражал подобный интерес со стороны подчиненного. Эджворт, изобразив на лице смущенную улыбку, удалился в подсобку. Впервые список сотрудников и их телефонов на доске объявлений хоть на что-то сгодился. Он набрал номер Мэри Бартон на своем мобильном и, не успев еще больше испугаться, нажал на кнопку вызова. Времени хоть как-то подготовиться к разговору у него не оказалось, потому что уставший и напряженный женский голос тут же ответил:

— Да?

— Я сослуживец Мэри. Мне бы хотелось узнать, как она, — и, сделав над собой усилие, добавил: — Что с ней случилось?

— Вам-то какое дело?

Голос женщины был громким и резким, в трубке раздался детский плач. Эджворту казалось, что эти звуки прожигают ему мозг.

— Дело в том, что я...

— Если я узнаю, что это вы так поступили с Мэри, я найду вас и вы никогда больше и близко не подойдете к женщине. Скажите, как вас зовут, или я...

Эджворт нажал отбой и бросил телефон в карман. Тот тут же начал звонить, и Эджворт отключил его. Он не мог больше оставаться в подсобке, иначе у мистера Джиттинса возникнут вопросы, поэтому он вышел в холл и тут же наступил на кучку рассыпанного попкорна. Раздался треск, как будто он раздавил какое-то насекомое. Едва он подошел к билетной кассе, как там сразу же зазвонили все телефоны.

— Возьмите трубку, узнайте, кто это, — сказал ему мистер Джиттинс.

Эджворт схватил трубку ближайшего аппарата и поднес к уху.

— Кинотеатр «Фругоплекс», — произнес он не своим голосом.

Ему ответила женщина. Он повернулся спиной к менеджеру. Хотя звонил совсем не тот, кого он боялся, и не та, которую он надеялся услышать, голос был ему хорошо знаком.

— Поздравляем вас, Эрик, — сказала она. — У вас было три неудачных попытки, и теперь вы наш новый игрок. Сегодня вечером мы за вами кого-нибудь пришлем.

Он уронил трубку на аппарат, повернулся и увидел, что мистер Джиттинс смотрит на него, сдвинув брови:

— Это личный звонок?

— Кто-то ошибся номером. Не туда попал, — ответил Эджворт и сам захотел в это поверить. Мистер Джиттинс снова нахмурился, увидев, что в холле столпились работники кинотеатра. Эджворт вглядывался сквозь стекло в их лица и никак не мог придумать, что бы такого им сказать. В голове, как молитва, вертелось несколько слов.

— *Вы же мой друг, правда?* — скажет он кому-то из них. — *Будьте моим другом.*

Рэмси Кэмпбелл родился в Ливерпуле и до сих пор живет там со своей женой Дженни. Его первая книга, сборник рассказов «Обитатели озера и его не слишком приятные арендаторы», опубликована в легендарном издательстве Arkham House в 1964 году. Позже увидели свет романы «Кукла, съевшая свою мать», «Лицо, которое должно умереть», «Безымянный», «Воплощение», «Голодная луна», «Древние образы», «Считаю до одиннадцати», «Давно пропавший», «Договор отцов», «Самые темные уголки леса», «Улыбка тьмы», «Скрытый страх», «Твари из бассейна», «Семь дней Каина» и сценарий к фильму «Соломон Кейн».

Его рассказы выходили в сборниках: «Демоны при свете дня», «В верховьях ручья», «Мрачные компаньоны», «Напуганный бродяга», «Ходячие ночные кошмары», «Холодная печать», «Наедине со страхами», «Привидения и ужасные вещи», «Мертвец сказал» и «Прямо за твоей спиной». Кэмпбелл издал несколько антологий, в том числе «Новые страхи», «Новые мифы Ктулху», «Изысканные ужасы», «Истории, которые меня напугали», «Сверхъестественный пир», «Иметь дело с привидениями» и «Собирая кости: рассказы мастеров современного хоррора» (с Деннисом Этчисоном и Джеком Данном).

В издательстве PS Publishing вышел его роман «Привидения сегодня» и новое издание «Обитателей озера», включающее все первоначальные варианты рассказов. Готовится к изданию новый роман «Черное паломничество».

Рэмси Кэмпбелл — многократный лауреат Всемирной премии фэнтези, Британской премии фэнтези, премии Брэма Стокера. Всемирная ассоциация писателей хоррора присвоила ему звание Великого Мастера, а Американские

писатели-мистики — звание Живой Легенды; он лауреат премии Хови за достижения в литературе на кинофестивале Лавкрафта и премии Международной гильдии писателей в стиле хоррор. Много лет работал ведущим кинообозрения на BBC. Он также является президентом Британских ассоциаций фэнтези и Общества фантастических фильмов.

«Это одна из множества историй, рожденных из обыденных вещей, с которыми постоянно сталкиваешься и вдруг обращаешь на них внимание, — объясняет автор. — В этом случае — викторины, во время которых игрок имеет право позвонить другу. А еще мне кажется, что этот рассказ будет приятно почитать одному из наших друзей, Джону Проберту.

Странно, но, закончив эту историю, я обнаружил, что на вопрос об Элише Куке-младшем ответ мог быть и другим, так как он сыграл преступника в фильме Микки Спиллейна «Суд — это я». Хотя он участвовал в двух наиболее важных сценах, почему-то это не было засчитано. Давайте считать, что мои персонажи, как и я, об этом не знали».

Роберт Ширмен

Алиса в занавесье

Алану и Алисе нравились Барбара и Эрик. Барбара и Эрик были хорошими соседями. Барбара и Эрик были спокойными. Барбара и Эрик никогда не устраивали вечеринок — шумных вечеринок, с музыкой и громкими звуками. Лишь однажды они устроили званый ужин, и Алан с Алисой знали об этом, потому что их самих пригласили. Это было так по-добрососедски со стороны Барбары и Эрика. Алан и Алиса поблагодарили Барбару и Эрика, сказали, что им очень приятно, но они не могут принять приглашение. Сослались на какую-то выдуманную причину, скорее всего, сказали, что не смогли найти няню для Бобби, хотя тот был хорошим мальчиком, и няня ему не требовалась.

Настоящей причиной отказа было то, что они *совсем не знали* Барбару и Эрика. То есть они им нравились, даже очень. Они были хорошими соседями. Но дружить с ними Алан и Алиса не хотели. Как добрые соседи они вполне их устраивали. Хорошие соседи — это всегда приятно.

У Барбары и Эрика была собака, очень спокойная, почти такая же, как у Алана и Алисы. Их взрослые

дети приезжали к ним три раза в год (на Рождество и на дни рождения родителей), эти визиты проходили без излишней помпы и шума. Иногда по выходным Алан видел, как Эрик убирает опавшие листья в саду перед домом, они иногда делали это одновременно и каждый раз радовались совпадению. Эрик в знак приветствия махал рукой над изгородью, Алан делал то же самое, стоя на своей лужайке. Алиса, в свою очередь, улыбалась Барбаре в супермаркете. И когда Барбара выставила на продажу свой дом, Алиса и Алан не знали почему.

— Привет! — сказала Алиса, встретив Барбару в очереди на кассе супермаркета. — Куда это вы переезжаете?

Барбара сказала, что Эрик умер, у Эрика случился сердечный приступ, Эрик умер уже несколько месяцев назад, и она больше не может переносить одиночество. Откровенно призналась, что одиночество сводит ее с ума. А потом расплакалась прямо там, перед Алисой. Так громко и пронзительно, что это было совсем не похоже на Барбару. Алиса сказала, что сожалеет, выразила Барбаре соболезнования, предложила носовой платок, призналась, что они с Аланом и понятия не имели, *«как ужасно!»* и *«а мы-то и не знали!»*. Позже она сказала Алану, что расстроилась. И как это они не заметили? Как эта смерть и все связанные с ней неприятности могли пройти мимо них, хотя все произошло меньше чем в тридцати футах от их дома? Она сказала, что сами они, видимо, не слишком хорошие соседи.

— Мы будем по ним скучать, — заметила Алиса, когда они все — Алан, малыш Бобби и даже собака — наблюдали в окно, как грузчики выносят из дома фрагменты жизни Барбары.

— Наверное, будем, — ответил Алан и плотно задернул шторы.

— Они никогда не продадут этот дом, если будут действовать таким способом, — сказал однажды за ужином Алан. Он был экспертом по продажам, фактически начальником отдела продаж. Конечно, номинально эту должность занимал Старик Эллис, но де-факто Алан и был начальником, даже сам Эллис это признавал.

— Первое правило продаж, — сказал Алан, — это сообщить покупателям, что у тебя есть что-то на продажу. В этом деле нет места скромности и нерешительности.

Хотя на лужайке дома, который они по-прежнему считали домом Барбары и Эрика, стояла табличка «ПРОДАЕТСЯ», Алан говорил, что ее не очень хорошо видно. Ее установили под самым большим деревом, и она почти все время находилась в тени. С дороги ее вообще было не разглядеть.

— Так его никогда не продадут, — заявил Алан и с самодовольным видом начал резать картошку на своей тарелке, что означало «разговор окончен», поскольку ни Алиса, ни Бобби, ни даже собака не собирались с ним спорить.

Чуть позже вечером они с Бобби включили игровую приставку и сыграли в «Суперчемпионат по гольфу». Бобби играл за Тайгера Вудса, а Алан за Джека Никлауса. По правде говоря, он предпочел бы играть за Вудса, но Бобби был хорошим мальчиком, сделал все уроки и без напоминаний помыл посуду, поэтому ему было разрешено сделать первый удар. В самый разгар игры Бобби заявил, что у него есть идея.

Алан ответил:

— Вперед, чемпион, я весь обратился в слух.

И Бобби предложил им вдвоем сходить и передвинуть табличку «ПРОДАЕТСЯ» на видное место. Так будет хорошо для всех, правда же? Правда, слово «видное» он использовать не стал. Алан обдумывал это предложение, пока в качестве Джека Никлауса загонял мяч в лунку, и потом сказал, что им не стоит беспокоиться по этому поводу: разве не здорово, что у них теперь нет соседей и стало так тихо? Вот бы сюда так никто и не въехал. Пусть это будет их маленьким секретом.

И Бобби, пожав плечами, сказал: «Ладно», а затем сравнял счет. Бобби действительно был очень милым и рассудительным ребенком. Товарищи по работе предупреждали Алана, что дети с возрастом могут начать грубить. Алан наблюдал за сыном, и хотя тому исполнилось уже восемь лет, ничего такого с ним не происходило. Бобби сказал, что их игра была лучшим, что случилось с ним за целый день, и Алану это очень понравилось. Иногда его можно было растрогать. Что его товарищи по работе могут знать? Может, Бобби всю жизнь будет таким. Именно в этот момент Алан решил, что Бобби нравится ему не потому, что он его сын, а как личность. Когда сын станет старше, они будут вместе ходить в паб, чтобы распить на двоих пинту-другую пива, и это будет намного приятней, чем с коллегами, которых он не особенно любил. А еще они с Бобби обязательно сыграют в настоящий гольф.

Впрочем, Алан ошибся. Дом был продан за неделю.

Рано утром, еще до того, как Алан ушел на работу, к дому подъехал фургон, и крепкие парни в униформе начали выгружать на лужайку перед входом коробки и мебель. Через девять часов, когда Алан вернулся с работы, они все еще были там, и Алиса наблюдала за ними из-за занавесок.

— Надеюсь, ты не целый день здесь провела? — спросил Алан.

— Конечно, нет! — ответила Алиса и снова посмотрела в окно. — Алан, — сказала она, — у них так много всего. Почему у них так много вещей? Как они втиснут все это в дом?

— Я хочу есть, — заявил Бобби как-то непривычно жалобно, и собака тоже начала скулить, выпрашивая еду.

— Все в порядке, чемпион, — успокоил сына Алан, — пойдем, посмотрим, что там у нас в холодильнике.

После ужина Алан подошел к жене, по-прежнему стоявшей у окна.

— Они скоро остановятся, — сказала Алиса. — Темнеет. Нельзя переносить вещи в темноте. Ничего же не видно.

Люди в униформе выгружали из фургона роскошный честерфилдский диван, тяжелый и массивный. Грузчики долго мучились с ним во влажной летней ночной жаре. В конце концов, они вытащили диван и поставили на лужайку рядом с тремя другими: черным, вишнево-красным и бежевым (последний был такого мрачного оттенка, что его и бежевым-то было трудно назвать). Все четыре дивана были в пластиковых чехлах, совсем новые.

— У них там все новое, — сказала Алиса. — Телевизоры, стиральные машины, акустическая система. Всё в упаковках. Как-то даже странно.

— Так я и думал, — заметил Алан. — А что наши соседи? Как они хоть выглядят?

— Я их еще не видела, — ответила Алиса, — я все время смотрю, но они здесь не показывались. Хотя, — призналась она печально, — я могла их пропустить, — и повернулась к Алану, в первый раз с тех пор, как он пришел с работы, посмотрев на него извиняющимся взглядом, словно подвела его. Потом вздрогнула, вспомнив, что отвлеклась, и снова уставилась на соседский дом сквозь щель в неплотно задернутых шторах.

— Наверное, — вдруг сказала Алиса, — мне надо туда сходить.

— Почему?

— Ну, скажем, — ответила Алиса, — отнести чашку сахара.

— Зачем?

— Так, по-соседски.

— Им наверняка не нужен сахар, — сказал Алан. — Смотри, у них целых четыре дивана и три телевизора с большими экранами.

— Я все равно отнесу им сахар, — заупрямилась Алиса, с трудом отлепилась от окна и поспешила в кухню. Алан пошел за ней. Она насыпала сахар в чашку — не самую лучшую. Ей не хотелось, чтобы соседи ее прикарманили, чашка ведь не самая удобная емкость для сахара, и она хотела получить ее обратно, но в то же время не собиралась попадать в неудобное положение. Если уж и придется пожертвовать чем-то ради добрососедских отношений, то пусть это будет чашка, которой она не так уж и дорожит. Основательно подготовившись, Алиса вышла на улицу и направилась к соседнему дому.

Алан наблюдал за ней в окно. Он очень удивился, что за то короткое время, пока она пересыпала сахар, фургон уехал; на лужайке и в саду никого не было. Стало совсем темно. Алан увидел, как Алиса постучалась в дверь, подождала, а потом постучала сильнее. Увидел, как она закусила губу и стала ее жевать: она всегда так поступала, когда не могла собраться с мыслями. Потом аккуратно поставила чашку на коврик у двери и постояла еще, как будто именно так можно было привлечь внимание соседей.

— Давай сыграем в гольф, пап.

— Разве не поздно?

— Пожалуйста, пап.

— Ну хорошо. Только недолго.

— Можно я снова буду Тайгером Вудсом?

Алиса наконец вернулась домой.

— Их не было, — сказала она.

— Я так и понял.

Она нахмурилась:

— За кого ты сегодня играешь, Алан?

— За Джека Никлауса, — ответил он.

— А я за Тайгера Вудса! — похвастался Бобби.

Алиса снова подошла к окну и вскрикнула. Алан промахнулся.

— В чем дело? — спросил он.

— Чашка! Ее нет.

— Хорошо, — сказал Алан.

— Значит, они были дома. — Алиса надавила ладонями на стекло, как будто хотела пройти сквозь него и оказаться чуть ближе. — Как невежливо. Интересно, кто они?

— Не пойму, — ответил Алан, — почему это тебя так волнует?

Больше они об этом не говорили, а когда Алиса, бесшумно переодевшись в ночную рубашку, легла, то даже не пожелала мужу спокойной ночи. Алан не мог понять, в каком она настроении: она, как обычно, вела себя в спальне очень тихо, это ведь не место для болтовни или шума.

Романтика в их отношениях никогда не была главным. Даже в самом начале. И в первые несколько лет это немного раздражало Алана. Он подозревал, что где-то ошибся, и упускает что-то хорошее, чему так радуются его коллеги. Тогда он стал приносить домой коробки шоколадных конфет и букеты. Алиса съедала шоколад, ставила цветы в вазу и никогда не выражала особой благодарности, просто временами бросала на него взгляд, как бы говоривший: «А это еще зачем?» И он перестал.

Вообще-то Алан не хотел ни с кем встречаться, особенно после Сандры, после того, что она с ним сделала, и (*наверное*) того, что он сделал с ней. Но однажды Тони сказал: «Тебе надо завести подружку, приятель». Алан уважал Тони, Тони был очень хорошим продавцом, к тому же тогда он тоже де-факто исполнял обязанности начальника. Алан было решил, что Тони его дразнит, и даже посмеялся, но Тони заверил, что абсолютно серьезен. «Это свидетельствует о стабильности характера, друг, — сказал он. — Это доказывает, что ты тот, на кого мы можем положиться». Тони посоветовал Алану завести отношения с кем-то знакомым, и порекомендовал Алису. Алан позвонил Алисе, и та согласилась поужинать с ним в ближайшую пятницу.

Они договорились, что Алан зайдет к ней пораньше и они поужинают в итальянском ресторане по

соседству, совсем близко от ее дома. Если свидание окажется неудачным, они смогут отказаться от десерта, и Алиса вернется домой, чтобы не терять целый вечер.

Алан принарядился к свиданию. Он специально прихватил запасной комплект одежды в офис, и ровно в пять переоделся в туалете. Алиса тоже постаралась: когда она открыла дверь, Алан сразу заметил, какой искусный у нее макияж. Ничего лишнего, слишком яркого или вульгарного — при этом ему потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя и разглядеть сквозь весь этот блеск женщину.

Она тоже окинула его взглядом с головы до ног. Кивнула, вежливо улыбнулась, он так же вежливо улыбнулся в ответ. Потом сказал, что его зовут Алан. Она снова кивнула и надела пальто.

Когда они шли по улице к ресторану, Алиса вдруг остановилась, и Алан не закончил умную фразу по поводу погоды.

— Вы что-то забыли? — спросил он.

— Да. Нет. О, — сказала она, снова оглядела его с ног до головы и закусил губу. Она выглядела такой расстроенной, что Алану внезапно захотелось ее заштитить, заверить, что все будет хорошо.

— Пожалуйста, не поймите меня неправильно, — проговорила она.

— Нет, нет...

— Но ваш галстук...

— Мой галстук?

— Это неправильно. Он совсем не подходит к вашему пиджаку.

— О, — ответил он и добавил невпопад: — Это мой лучший галстук.

— Вы не будете против? — спросила она. — Простите. Вы не будете против, если... мы вернемся? У меня есть галстуки. Лучше, чем этот.

— Если вы настаиваете.

— Я настаиваю.

— Ну, раз это так важно...

— Важно.

— Тогда хорошо.

Они развернулись и пошли обратно к ней домой. Алан подумал, что нужно повторить ту фразу про погоду, но не стал, ему как-то расхотелось продолжать.

— Подождите здесь, — попросила Алиса, — чувствуйте себя как дома. Я скоро вернусь.

Она поднялась наверх, а Алан стал разглядывать комнату. Та оказалась красивой. Стены были оклеены очень женскими, но все равно симпатичными обоями. Кругом царил чистота и идеальный порядок, пахло свежей полировкой; Алан подумал, что и ему нужно прибраться в доме.

— Вот, — сказала Алиса и снова улыбнулась, теперь ее улыбка стала теплой. — Попробуйте вот этот, — она протянула галстук, перекинутый через руку. Тот был абсолютно черным. Алан снял свой галстук в полоску и повязал новый. Алиса бросила на него оценивающий взгляд.

— Да, — сказала она, — да, подождите-ка, — и снова поднялась по лестнице. Вернувшись, она принесла пиджак, рубашку и ботинки.

— Примерьте, это должно подойти к галстуку, — сказала она, и все ее лицо превратилось в сияющую улыбку. Алан не мог не ответить ей такой же и сделал то, что она попросила.

— Почему вы храните всю эту одежду? — спросил он; Алиса сразу же перестала улыбаться и пожала плечами.

Больше она за тот вечер ни разу не улыбнулась. Момент был упущен. Он заказал лазанью, она — феттучини. Лазанью готовили дольше, и он чувствовал себя немного виноватым за то, что ей пришлось ждать. Она не поддерживала разговор, Алан тоже очень мало говорил. Вдруг он с тоской вспомнил Сандру, с которой можно было говорить обо всем на свете, хотя иногда они ругались и кричали друг на друга. Ресторан был почти полон, и столы стояли близко друг к другу, но Алан почувствовал себя очень одиноким. Он не ожидал, что она захочет заказать десерт. Но она заказала тирамису. Алан так удивился, что тоже заказал, хотя тирамису ему и не нравился.

Деловито и вдумчиво покончив с десертом, Алиса отложила ложку, внимательно посмотрела на Алана и закусила губу.

— Я не могу решить, — сказала она наконец, — будем ли мы друзьями или нет. Не могу понять, какой вы.

И Алан начал распинаться, как он хочет, чтобы они стали друзьями, она смеялась и качала головой.

Он заплатил по счету, она позволила ему это, и проводил до дома. По дороге они не сказали друг другу ни слова. Он притворялся, что ему нравится гулять в темноте.

— Лучше бы вам зайти, — предложила она. Он подумал, что Алиса хочет получить обратно свою одежду. Но как только входная дверь закрылась, она притянула его к себе, развязала галстук, сняла с не-

го пиджак и начала расстегивать рубашку. Когда она взялась за брюки, Алан вдруг подумал, что они его, и то, до чего она дотронулась, тоже принадлежало именно ему.

Он знал, что она будет заботиться о нем. Будет следить, чтобы он хорошо выглядел, когда уходит в офис, и носил правильные вещи. Она действительно о нем заботилась, как будто была единственной в огромном мире, кто мог это сделать.

На четвертом свидании она сделала ему предложение, и он не нашел причин, чтобы отказать. Он попросил Тони быть шафером на свадьбе, Тони согласился. Алан сделал это не потому, что хотел продвинуться по карьерной лестнице, он действительно был благодарен боссу за то, что тот их познакомил. Алан сказал ему об этом после того, как Тони произнес речь по поводу помолвки.

У Алана с Алисой родился сын, которого они называли Бобби. Его зачатие тоже было не особенно романтичным, но Алана восхищало, с каким упорством Алиса пьет витамины и пищевые добавки, чтобы поскорей забеременеть, когда наконец решила, что им пора завести ребенка. Они переехали в более просторный дом. Соседи были милыми, спокойными, гораздо старше, чем они. Когда Бобби подрос, ему купили собаку, за которой он сам ухаживал. Секс между Аланом и Алисой вскоре превратился в скучноватую обязанность, случался крайне редко, и это было хорошо. Теперь Алан почти не вспоминал о Сандре. А Тони давно умер, Алан получил его должность и власть. Теперь Алан и о нем вспоминал крайне редко.

Когда Алан вернулся с работы домой, у него уже было паршивое настроение. Продажи упали, и это был какой-то нонсенс, ведь людей в мире становилось все больше, и им требовалось все больше и больше вещей. Внушая эти мысли своим сотрудникам, он совсем выбился из сил. Являясь де-факто начальником, он чувствовал ответственность за то, что они настолько некомпетентны.

— У них там вечеринка, — сказала Алиса, как только он закрыл за собой дверь.

— У кого?

— У соседей. Новоселье, по-моему. И нас они не пригласили.

Алан хотел ответить, но она остановила его, подняв палец.

— Слушай, — сказала она. Он прислушался. Действительно, где-то вдали за окном играла музыка.

— А зачем им нас приглашать? Ведь мы не знакомы.

— Хорошо, Алан, вставай на их сторону. Они же ведут себя как завоеватели. Я чувствую себя завоеванной. Как долго будет греметь эта музыка? Что, если она не даст нам заснуть?

— Она не очень громкая, — сказал Алан.

— А если Бобби не сможет уснуть?

— Смогу, еще как смогу, — улыбнулся Бобби.

— Это просто какое-то вторжение, — повторила Алиса. — Мне кажется, тебе следует пойти к ним и попросить сделать музыку потише.

— Еще очень рано, — возразил Алан. — Если она будет играть слишком долго, тогда... Тогда посмотрим.

Они ужинали в полной тишине. Только из-за соседской двери ухали басы. Алиса ничего не говорила, но Алан расстроился, что и на этот раз она ока-

залась права. Музыка играла все громче и была навязчивой. Звучало что-то очень знакомое, но он никак не мог узнать мелодию, которую заглушали ударные.

Алан пытался говорить, ему казалось, что застольная беседа отвлечет их от соседей, или, в крайнем случае, развлечет его самого. Ему хотелось рассказать семье, как прошел его день, рассказать про падение продаж, но он знал, что это никому не интересно.

— Что вы проходили сегодня в школе, Бобби? — спросил он наконец. — Расскажи, что ты выучил?

Бобби немедленно назвал отцу дату битвы при Нейзби; больше ему добавить было нечего.

— Хороший мальчик, — похвалил Алан, с облегчением глядя на появившегося в дверях пса. — Эй, иди сюда, ко мне! — Пес подошел ближе, но поняв, что Алан не собирается угостить его чем-то вкусным, развернулся и убежал.

— Спорим, что в девять вечера они выключат музыку? — сказал Алан. — Это как водораздел. Все знают.

Бобби помыл посуду и был вознагражден перед сном игрой за Тайгера Вудса. Алан немного отвлекся, играя в гольф. Он почти убедил себя, что не слышит музыку, которая становилась все громче, навязчивей и противней. Не слышал он и укORIZненных вздохов жены.

— Уже девять, — сказала Алиса. — Ты говорил, что к этому времени они должны выключить музыку.

— Я сказал, *могут* выключить.

— Бобби нужно ложиться спать. Бобби, дать тебе беруши?

— Мне не нужны беруши, — ответил Бобби. — Мне и так хорошо. Даже нравится. Спокойной ночи, мамочка. Спокойной ночи, папочка.

Алан с Алисой еще немного посмотрели телевизор.

— Там ребенок пытается заснуть! — почти выкрикнула Алиса, не дожидаясь рекламной паузы. — Я этого не понимаю! Как они могут так поступать!

— Они не знают, что у нас есть ребенок, — сказал Алан.

— Они даже не удосужились об этом спросить. Уже десять часов вечера.

— Я знаю.

— И скоро будет одиннадцать. Одиннадцать!

— Да, знаю.

Музыка играла непрерывно. Одна песня кончалась, и сразу же без паузы начиналась другая. Алан лениво подумал, как им так удастся. Может, они записали один огромный сборник из множества песен или просто одну, но очень длинную, самую длинную в мире?

В конце концов, Алан и Алиса отправились в кровать. Алиса первой пошла в ванную. Алан разделся в спальне. Сначала ему показалось, что в спальне музыки почти не слышно, и это было так хорошо, что он испытал облегчение. Но потом он понял, что она не была тише — просто она звучала по-другому. По-другому, но громче. Он слышал, как Алиса сплюнула зубную пасту — на самом деле сплюнула.

Потом они поменялись местами — она пошла в спальню, а он — в ванную, и тоже почистил зубы. Ему показалось, что от музыки даже зеркало тряслось, но он не стал проверять. Вполне возможно, качалось не оно, а его голова от дыхания. Он лег рядом с Алисой. Ее глаза были плотно зажмурены,

она явно не хотела на него смотреть, не хотела впускать в себя этот мир. Он выключил лампу.

Как только часы красными неоновыми цифрами показали полночь, в эту самую секунду Алиса сказала:

— Хватит.

— Да.

— Ты должен что-то сделать прямо сейчас.

— Ладно, — Алан включил ночник, надел халат и тапочки.

— Что ты собираешься им сказать? — спросила Алиса.

— Хм... Пожалуйста, сделайте музыку потише?

— Попроси совсем ее выключить.

— Хорошо.

— Сделать потише недостаточно.

— Хорошо.

— И будь твердым.

— Да, — он направился к двери.

— Ты не можешь выйти на улицу в пижаме, — сказала она.

— Меня же разбудили...

— Тебя не так поймут, — заявила Алиса. — Это лишает тебя авторитета. Ты должен выглядеть элегантно или даже официально. Подожди, — она встала и пересмотрела гардероб, достала пиджак и свежевывглаженную рубашку.

— Это подойдет, — заявила она и улыбалась, пока он одевался. Ей нравилось. — А теперь иди. И раз уже ты туда идешь, принеси назад мою чашку.

Он вышел на улицу. Ночной воздух был все еще влажным, но дул легкий освежающий ветерок, Алан, закрыв глаза, стал с наслаждением вдыхать его. Вот

бы он вышел в пижаме, как было бы приятно почувствовать этот ветерок всей кожей. Уже начав потеть под слоями одежды, он в знак протеста ослабил узел галстука...

...и прислушался. Теперь он мог различить, что это за музыка — совсем не агрессивная, в ней не было никакой угрозы, она завораживала. Ему очень захотелось пойти домой, пойти и привести сюда Алису, и сына, и собаку, чтобы они тоже это услышали.

«Как часто нас раздражает музыка, — подумал Алан, — льющаяся из каждого телевизора, из каждого магазина, когда один месяц в году там устраивают распродажи. Так и хочется закрыться от нее. Но здесь, посреди июльской ночи, она кажется такой ностальгической, такой неземной. На него нахлынули воспоминания о временах, когда он был маленьким, когда мама еще не умерла, и папа разговаривал с ним; его глаза наполнились слезами счастья. Пока звучит эта музыка, нужно скорее бежать обратно и привести сюда семью, пусть и они попробуют ее чудотворное действие.

Но домой он не пошел. Ему расхотелось, чтобы семья была здесь, с ним. Эта мысль его удивила и немного задела, но в то же время ему стало легче. И он продолжал стоять на крыльце и слушать, и наслаждаться ветерком под звуки «Слушайте! Ангелы-вестники поют», плавно перешедшей в «Санта-Клаус приходит в наш город».

Он знал, что Алиса наблюдает за ним. Смотрит сквозь щель в занавесках. Смотрит и ждет. Алан, избразив на лице привычную серьезность, снова затянул узел галстука.

Он пошел по своему газону, и дальше по тротуару, через соседскую калитку на территорию незнакомцев.

Дом стоял абсолютно темным, шторы были плотно задернуты на всех окнах, как будто все уже легли спать. Нет, как будто там никто не жил, как будто жильцы уехали много лет назад и не собирались возвращаться. Он выглядел мертвым. И Алан чуть было не пошел назад, не из-за страха, конечно. Просто невозможно было поверить, что эта музыка звучит из такого дома. И тем не менее.

На коврике перед дверью виднелась надпись: «Добро пожаловать». Алан не стал на него наступать, чтобы никто не подумал, что он злоупотребил чужим гостеприимством. Он тихо, очень тихо, постучался в дверь, ведь он не собирался перебудить весь дом. Потом до него дошло, как это глупо, он высоко поднял дверной молоток и отпустил.

Некоторое время он продолжал стучать. Ответа не было. Он чувствовал себя последним идиотом, который посреди ночи, одетый так, словно собрался на бизнес-семинар, колотит в дверь, а на него никто не обращает внимания. Он наклонился к прорези почтового ящика и крикнул. Оттуда повеяло холодом; наверное, они включили кондиционер.

— Эй! — прокричал он. — Эй, тут есть кто-нибудь? Как же жалко звучит его голос!

— Эй! Не могли бы вы сделать музыку чуть потише? Эй!

Идиот.

Он попробовал постучать снова. Потом стучал и одновременно кричал в прорезь:

— Пожалуйста! У меня семья, и она не может заснуть! Вы поступаете немного эгоистично! И... и... если вы сейчас же не прекратите, я...

Он понятия не имел, как закончить это предложение, но именно в этот момент музыка вдруг стихла. Он моргнул.

— О, спасибо, — сказал он. — Спасибо. Как это любезно с вашей стороны! Извините за беспокойство, мы не хотели... Но уже перевалило за полночь, и я... Ну и... добро пожаловать, соседи!

Он опустил крышку почтового ящика, аккуратно придерживая, чтобы не гремела. Спустился с крыльца и пошел по дорожке к калитке, потом обернулся. Дом по-прежнему стоял в полной темноте с плотно задернутыми шторами. Наверняка его никто не видит, но он все равно приветливо по-соседски махнул рукой.

Через мгновение из дома раздался такой звук, что его чуть не сбило с ног. По правде говоря, он был не таким громким, чтобы сделать это, просто звук настолько испугал и потряс Алана, что он чуть не споткнулся. Только через несколько драгоценных мгновений до него дошло, что это была просто музыка, играющая в десять раз громче, чем раньше, а еще через пару секунд узнал песню: «Старая дружба»¹. Но даже этих мгновений ему хватило, чтобы испытать почти первобытный страх, ведь он принял музыку за рев чудовища, за рев смерти, рев, который и представить себе невозможно, когда вокруг такая тишина, рев, от которого следует бежать, пока тебя несут ноги.

И он почти побежал, вдруг с абсолютной уверенностью осознав, насколько он мал и беспомощен перед этой стеной звука, насколько быстро улица погрузилась во мрак, что он может потеряться в этой

¹ Новогодний гимн.

угольно-черной тьме, оглохнуть от боевого рева. А еще он знал, что этот звук затянет его и поглотит.

Но вместе с тем в нем возникла ярость, о существовании которой он даже не подозревал.

Он будет стоять насмерть за свою землю.

«Забывать ли старую любовь и не грустить о ней...»

— Ублюдки! — закричал он. — Вы эгоистичные ублюдки! Мне с утра на работу! И моей жене, сыну и собаке тоже!

Вдруг в одном из окон первого этажа шторы чуть раздвинулись, выпустив на улицу лучик света, и снова закрылись.

— Я вас видел! — заорал он. — Вы там! Думаете, я вас не замечу?

Подняв с земли один из камней, которыми была выложена дорожка, он побежал к дому, навстречу оглушительной музыке, и бросил камень в окно. И попал. На мгновение Алану показалось, что он разбил стекло, он испугался, потом обрадовался — он с удовольствием высадил бы весь оконный проем, — и в конце концов расстроился, что камень не нанес никакого вреда.

— Я тебя достану! — заорал он.

«За дружбу старую — до дна!

За счастье прежних дней!

С тобой мы выпьем, старина,

За счастье прежних дней».

Он побежал из соседского сада в свой гараж и схватил стремянку; та жалобно задребезжала в его руках. Пиджак от напряжения треснул по шву. Чертова Алиса, это она заставила его напаялить. В какой-то ужасный момент, пока Алан тащил стремянку, ему вдруг показалось, что музыка стихла, а он этого

уже не хотел, и что ему делать, если это случится? Но нет, просто начался другой куплет и «Старая дружба» с новой силой стала прославлять Новый год. Так громко и так эгоистично, но так, черт побери, празднично.

Он все тащил стремянку, сначала в одной руке, потом в другой, ему казалось, что руки дергаются, будто танцуют, под эту музыку.

И вот он уже приставляет стремянку к их дому, вернее, с грохотом бьет ею по дому, и начинает подниматься. Ступени скрипят под его весом.

— Сейчас я тебя достану! — снова кричит он, но уже чуть менее уверенно, чем раньше. Но он понимает, что его ярость никуда не делась, просто стала не такой сильной.

Алан посмотрел вниз. Лучше бы он этого не делал — вокруг было так темно, что он не видел даже земли внизу. Но все-таки продолжал карабкаться наверх и кричать: «Я сейчас тебя достану», но его голос теперь звучал тише, как будто он сообщал это по секрету. Неожиданно ступеньки закончились, и он оказался на самом верху лестницы и — вот совпадение — прямо перед окном. Свет не горел, шторы были плотно задернуты.

— Эй! — он врезал кулаком по стеклу. — Эй! Откройте! Откройте!

Находясь в такой близости от источника звука, он боялся не выдержать и упасть вниз, но держался крепко. Ничто не могло остановить его, никакой страх. Ведь страх — личное дело каждого, правда? Правда!

— Открывайте. В последний раз говорю! — он снова врезал по стеклу кулаком.

Вдруг шторы раздвинулись.

И музыка смолкла.

Позже он стал сомневаться, что видел в комнате именно это, подозревать, что ошибся, причем очень сильно. Алиса спрашивала, что именно произошло той ночью, и он соврал, сказал, что вообще не заглядывал внутрь дома, что соседи не желали показаться, и он до сих пор понятия не имеет, кто их враги. Так было намного проще. Он и сам начал в это верить.

Шторы раздвинулись еще шире, и свет ненадолго ослепил его. Возможно, именно поэтому он и не разглядел, кто именно их раздернул, ведь кто-то же должен был это сделать. Не могли же шторы сами по себе раздвинуться? Но в комнате никого не было. Никого, хотя сначала Алан решил, что есть. Он вздрогнул, увидев эти фигуры, выглядевшие так естественно, так похоже на живых людей, но...

Это были манекены. Как те, что стоят в магазинах, наряженные в одежду из последних коллекций. Мальчик в спортивной одежде лежал на картонных коробках. Он выглядел, как мертвый или раненый, человеческое тело не может принять такую позу. Но почему он так широко улыбался?

Там был и мужчина в деловом костюме (Алан заметил, что тот гораздо хуже, чем его собственный; но ведь у манекена не было Алисы, чтобы одевать его). Он стоял в углу комнаты, голова повернута к окну, к Алану. Он как будто усмехался, нет, насмехался над Аланом.

А третья, самая близкая к нему фигура, была обнаженной. Алану стало стыдно, что он смотрит на нее, словно это не женщина, а какой-то предмет,

кусочек мяса. Хотя погодите-ка, это ведь и есть предмет, манекен, так в чем проблема? Ее грудь представляла собой две идеальные симметричные выпуклости, каких не бывает у живых людей; но почему Алану так хотелось смотреть и смотреть на них? Ноги у нее были длинными и гладкими, без единого волоска, на красивом, по-настоящему красивом лице застыла улыбка, робкая и застенчивая, которая делала его таким невинным, что казалось, женщина нуждается в защите. Хотя, скорее, она была просто глупой.

Манекен стоял в согнутом положении, опираясь рукой о пол, будто йог в какой-то неестественной позе, и теперь Алану казалось, что мужчина в углу на самом деле скептически улыбается, разглядывая ее зад. Кто бы на его месте не улыбался, разглядывая задницу? А маленький мальчик в спортивном костюмчике просто умирает от хохота, глядя на это.

На головах у них были маленькие красные колпаки Санта-Клауса, будто манекены являлись частью новогодней декорации или участниками рождественской вечеринки.

В этот самый момент раздался собачий лай, он был очень громким и очень сердитым, как будто пес защищал свою территорию и семью от вторжения. Шторы быстро, невероятно быстро закрылись, Алан снова оказался в полной темноте, лестница упала в одну сторону, а он полетел в другую.

— Я умираю, — подумал он совершенно отчетливо, — я падаю в темноту.

Сейчас он разобьется. Интересно, а смерть — это больно? Но его это совсем не расстроило, он сам не понимал почему. Мозг подсказал ответ: «Господи,

Алан, неужели ты не понимаешь, в какой ты депрессии?», но он постарался как можно быстрее выбросить это из головы. Времени на депрессию не было, к тому же он не хотел, чтобы именно такой была его последняя мысль перед смертью.

Но он не умер, теперь он это ясно понимал. Он упал совсем недалеко и лежал на небольшом цветнике, который еще недавно с такой любовью возделывали Барбара и Эрик.

Лай продолжался; он доносился из дома, поэтому Алан чувствовал себя в относительной безопасности. А вдруг собака вырвется наружу? У Алана не было времени даже забрать лестницу (Пусть подавятся!), он вскочил на ноги, и только добежав до спальни, понял, как сильно ударился и как болят его синяки.

— Ты все-таки заставил их выключить музыку, — проговорила Алиса в темноте. Ее голос из-под пухового одеяла звучал мягко и уютно. — Отличная работа.

— Да, — ответил Алан. — Только, кажется, я разбудил их собаку.

Этой ночью Алану снилась женщина-манекен. Он ничего не мог с этим поделать. Ему снилась ее грудь, почему-то он точно знал, что она гораздо крепче, чем у Алисы. Во всяком случае, так он помнил. Манекен казался слишком красивым, слишком округлым, слишком хорошо сложенным, чтобы быть настоящим человеком. Ну и что, что это не человек. Это лучше, чем вообще ничего. Ему снилось, что ее гладкая кожа покрыта нежными волосками и мягкая, как шелк. Снилось, что манекен улыбается ему.

Проснувшись рано утром, Алан сам удивился, каким свежим он себя чувствовал. И настроение было

хорошим. Облака рассеялись, теперь он знал, что они окончательно исчезнут, если он не будет о них думать. С этого дня он снова станет счастливым и даже не вспомнит о том, что именно делало его таким несчастным. Алан вспомнил про грудь и улыбнулся, потом посмотрел на спящую Алису и снова улыбнулся, будто благословил ее. Он чувствовал, что встречает новый день в полном спокойствии. За соседской дверью тоже было тихо: ни лая, ни музыки, всё как обычно.

Он подошел к машине. Лестница стояла у гаражной двери. Соседи принесли ее обратно. Как мило. Соседи принесли лестницу обратно. Зашли к ним и принесли ее обратно. Они улыбались, как мило с их стороны. Они улыбались, а еще там была грудь. Соседи приходили сюда, они вышли из своего безмолвного мертвого дома, пробрались ночью в его сад, в его частное владение, и даже, наверное, подходили к входной двери, оставив на его дверном коврике свои следы, вытирали свои пластмассовые руки о ручку его двери. Как мило. Соседи были рядом, в темноте, пока он спал, пока спала вся его семья, пока все они спали и ни о чем не догадывались. Они принесли обратно лестницу. Они снова хотят видеть его у себя. Он опять может прийти к ним со своей лестницей, забраться к окну и смотреть, когда и сколько захочет. Они приглашают его.

Алан почувствовал боль в груди, и ему пришлось сесть, чтобы восстановить дыхание.

А на работе продажи по-прежнему резко падали. Алан созвал на совещание всех своих подчиненных. Он предложил им напрячь головы. Сказал, что все

на них надеются. Он изо всех сил старался быть строгим, но справедливым, все ведь так и считали, правда? Некоторые сотрудники улыбались, обещали Алану, что поднапрягутся, а пару из них, похоже, действительно удалось убедить.

Дома Алиса сообщила, что соседская собака громко лаяла всю вторую половину дня. Это началось после обеда и продолжалось почти целый день. Хуже того — собака Бобби перевозбудилась, бегала вокруг дома и лаяла в ответ. Алиса заявила, что может смириться с одной лающей собакой, но слушать стерео из двух собачьих глоток выше ее сил.

Собака за соседской дверью обычно замолкала к вечеру. После этого начинала играть музыка. Она всегда была рождественской, но разобрать, какая именно песня играет, можно было лишь стоя у их калитки, ведущей в сад. Так было слышно не только ритм, но и очаровательный звук колокольчиков, хора и бархатный голос Бинга Кросби.

Они пробовали вызывать полицию. Полицейские внимательно выслушивали их жалобы. Обещали, что заедут и посмотрят на все это сами.

Однажды вечером соседи ставили «О, малый город Вифлеем» семьдесят четыре раза подряд. В исполнении Бинга Кросби. Бинг пел сердито, Бинг ненавидел их и хотел, чтобы они страдали. Когда, наконец, эта песня сменилась «Однажды в царском городе Давидовом», Алан с Алисой чуть не заплакали от облегчения.

Алиса сказала, что днем, когда Бобби пришел домой из школы и сделал все уроки, он начал напевать себе под нос рождественский гимн. Она попросила его замолчать. А потом заорала, чтобы он заткнулся.

На работе Алан вынужден был созвать всех на чрезвычайное совещание. Слово «чрезвычайное» было записано в его блокноте. Он убеждал своих продавцов работать интенсивней, умолял их. В противном случае, говорил он, ему придется прибегнуть к наказаниям. Выражение «прибегнуть к наказаниям» тоже было из блокнота. Несколько сотрудников открыто над ним смеялись.

Алиса сказала, что снова звонила в полицию, но они сказали то же, что и в прошлый раз. Тогда им позвонил Алан. Он очень спокойно объяснил ситуацию. Полицейский записал подробности и пообещал приехать и посмотреть на все собственными глазами.

Соседи наконец распаковали свое имущество. Лужайка перед их домом была завалена картонными коробками и кусками полиэтилена. Ветер швырял их на ограду. Каждое утро, идя на работу, Алан вынужден был уворачиваться от летающих обломков пенопласта и обрывков полиэтилена.

Соседская собака продолжала гавкать, а вот их пес прекратил. Когда начинался лай, он прятался на кухне и скулил. От страха он писался на пол, и его часто рвало.

Алиса сказала Алану, что ему снова придется поговорить с соседями. Пойти туда, постучать в дверь и настоять, чтобы ему ответили. Он предложил сделать это вместе, чтобы они выступили единым фронтом. Бобби спросил, можно ли ему присоединиться, и был при этом очень возбужден, но родители не разрешили. Бобби расстроился и немного разозлился на них.

Алан с Алисой пошли к соседскому дому, оттуда снова доносилось «О, малый город Вифлеем», только на этот раз пел не Кросби, она звучала совсем в другом исполнении, и это было правильно и хорошо.

На дверном коврикe теперь было написано: «Добро пожаловать в наш дом, наш милый дом!» Ни Алан, ни Алиса не захотели на него наступать. Они стояли на крыльце, стучали дверным молотком и кричали в прорезь почтового ящика. Но ответа так и не дождались.

— Мы не сдадимся, — сказала Алиса Алану, и он согласился. — Пока не добьемся своего.

Но через несколько часов они все-таки ушли.

В полиции сказали, чтобы они больше не звонили. То, чем они занимаются, называется преследованием. Не только соседей, но и диспетчера полиции. Их соседи — прекрасные люди, нельзя их ненавидеть только за то, что они другие. «Что значит другие?» — спросил Алан, он не злился, не кричал и поэтому не считал, что заслуживает такого строгого предупреждения. «Просто другие», — ответили в полиции.

Алан с Алисой пробовали стучаться в двери других соседей на их улице, с которыми они даже никогда не здоровались, но тех тоже никогда не было дома.

Однажды Алан вернулся домой и увидел, что Бобби гуляет в саду перед домом и играет с пузырчатой упаковочной пленкой.

— Смотри, папа, — сказал он, — я могу сделать так, чтобы они лопались!

Он прыгнул в ворох пленки, завернулся в него, и тотчас же раздался треск тысяч маленьких взрывов. Он хохотал. Алан приказал ему бросить все это и идти

домой. Эта упаковка им не принадлежит, это мусор, уходи отсюда. Бобби обиделся. Почему он не может поиграть, почему бы им вместе не поиграть с пленкой?

— Это небезопасно, — ответил Алан. — Ты глупый мальчик, просто идиот. Она же грязная.

Но Бобби все равно выглядел обиженным. Он надул губы, потом они превратились в скобку с опущенными краями, его лицо искривилось. Очень медленно Бобби поднял вверх руку и показал средний палец. И показывал он его именно отцу.

В этот вечер Бобби запретили играть в гольф на приставке.

Алан и Алиса теперь спали с берушами в ушах. Но Алану все равно казалось, что он слышит музыку. Он так и не смог определить, то ли это звук ударных, то ли так громко стучит его собственное сердце.

Ему продолжал сниться манекен из соседнего дома, искусственное пластмассовое тело, искусственная грудь и фальшивая пластмассовая улыбка.

— О, Барбара, — застонал он однажды ночью, овладевая ею сзади, согнув так, что попка смотрела прямо в небеса. Ему нравилось называть ее Барбарой. А сердце его при этом стучало, как барабаны в песне «Зимнее чудо».

Бобби продолжал играть в саду. Алан смотрел в окно, как тот, словно снежинки, ловит ртом белые шарики пенопласта. Он стучал в окно, пытался заставить сына прекратить, но Бобби его не слышал. Он выглядел счастливым, как восьмилетний ребенок в рождественское утро, откидывал назад голову, открывал рот, и белые легкие шарики падали ему на лицо. Он отплевывался или глотал их, в зависимости от настроения.

Алиса обнаружила, что соседская собака перестает лаять, если не шуметь. Они старались вести себя тихо: не наступать на скрипучие половицы, смотреть телевизор без звука. Разговаривали шепотом или вообще молчали.

— Ты как насчет партии в гольф? — спросил однажды вечером Алан у Бобби. — Мы уже сто лет в него не играли.

Бобби пожал плечами.

— Можешь снова играть за Тайгера Вудса, если хочешь, — предложил Алан.

Они сыграли в гольф. Хотя Бобби не очень старался, он все равно выиграл.

— Как-нибудь мы с тобой сыграем в настоящий гольф, — сказал Алан, — не понарошку, как здесь, а на свежем воздухе. А потом пойдем и выпьем пивка в пабе. Мы с тобой можем стать друзьями.

На работе Старик Эллис вызвал Алана к себе. В маленьком душном кабинете они были только вдвоем. Эллис сказал: если Алан не может руководить персоналом, он найдет того, кто сможет.

Однажды вечером Алан пришел домой с одной прекрасной идеей. Она вертелась у него в голове всю вторую половину дня, и он чувствовал себя счастливым.

— Давай попробуем ответить им тем же! — закричал он, даже не пробуя переходить на шепот. — Посмотрим, как они отреагируют!

Они с Алисой выбрали по любимому диску и включили магнитофон на полную громкость. Алиса поставила «АББА», а Алан — «Пинк Флойд». За соседской дверью началось какое-то сумасшествие: собака захлебывалась лаем, как будто никому до нее не было дела, рождественская музыка взрывала барабанные перепон-

ки. Неважно, это было весело. Алиса с Аланом кружились под «Voulez-vous» и «Comfortably Numb».

Бобби к ним присоединился, он даже улыбался. Алан так долго не видел, как сын улыбается, и его сердце растаяло.

— Можно я тоже поставлю свою музыку? — спросил Бобби. Алан рассмеялся и сказал: «Конечно, можно». Бобби выбрал какую-то незнакомую группу, в песнях которой было слишком много бранных слов, чтобы они ее одобрили, но вся семья все равно под нее прыгала, и Алан сказал:

— Не уверен, что ты можешь под нее танцевать, Бобби, но сегодня мы славно повеселились!

Почему-то это показалось им всем просто умиротворительным.

В конце концов им все-таки пришлось сдаться, диски кончились, и они сами были без сил. Ни к чему хорошему это не привело. Бинг Кросби продолжал надрываться, а их собственная собака превратилась в дрожащий описавшийся комок. Когда они легли спать, Алиса сказала Алану:

— Ты узнал ее? Это была наша песня. Помнишь? Мы все время ее слушали, с нашего первого свидания.

Алан понятия не имел, что у них была какая-то песня, их отношения никогда не были романтическими, разве не так? Но она поцеловала его, поцеловала в губы — это был короткий, но очень сладкий поцелуй, — а потом повернулась на бок и уснула. Алан лежал в темноте и пытался вспомнить, какую именно песню она имела в виду. Наверняка одну из тех, что пела «АББА».

На следующее утро Алан заметил, что на газоне, заваленном пенопластом и обрывками пленки, по-

явились дыры. Не просто дыры, а кратеры. Лужайка напоминала поле боя. Он предположил, что ночью соседи выпустили из дома свою собаку. Вечером Алан уволил трех своих подчиненных. Он созвал срочное совещание и выгнал первых попавшихся под руку. Одна женщина расплакалась.

— У меня же семья, — рыдала она.

— Ну и что, — ответил ей Алан, — у нас у всех есть чертовы семьи.

Алиса позвонила Алану на работу. Она никогда этого раньше не делала.

— Ты скоро придешь домой? — спросила она.

— Что случилось?

— Собака. Она очень сильно заболела.

— Ну, она всегда не совсем здорова, разве нет?

— Это другое. Господи, она выбежала из дома. Сама не понимаю как. А назад буквально приползла, и... Приходи поскорей.

Алан объяснил, что он очень и очень занят, ничего не знает о собаках и ничем не может помочь. Но все равно ушел с работы пораньше и гнал машину так быстро, как только мог.

Бобби к тому времени уже вернулся из школы. Он плакал.

— Мой Спарки, пожалуйста, не умирай!

Алан вспомнил, что это всего лишь восьмилетний малыш, его любимый маленький мальчик, и крепко обнял сына. Бобби прижался к нему и зарыдал, намочив слезами костюм.

— Пожалуйста, папочка, не дай Спарки умереть!

— Не дам, — говорил Алан. — Ни за что не дам. Что сказал ветеринар? Вы звонили ветеринару?

Бобби и Алиса недоуменно уставились на него. Алан почувствовал раздражение.

— А почему нет?

— Посмотри на Спарки, — сказала Алиса.

Пес из последних сил старался встать на четыре лапы, но задние ноги все время разъезжались. Сначала Алан решил, что собака просто ослабла, но нет, все оказалось гораздо более странным. Задние лапы были блестящими и скользкими, у них просто не было никакого сцепления с напольной плиткой. Пес старался ни на кого не смотреть, он совсем как человек хмурился от раздражения: *я знаю, как вставать, не волнуйтесь, я справлюсь*. Вокруг валялись клоки выпавшей шерсти, огромные спутанные клубки. Позади пса образовалась лужа чего-то похожего на сливки, которая, однако, пахла гораздо более неприятно.

Вдруг пес чихнул, коротко пискнув, как маленькая игрушка. Алан едва сдержался, чтобы не рассмеяться. Но для пса это стало последней каплей. Его лапы подкосились, он уморительно плюхнулся животом на пол и, как будто этого было мало, открыл пасть. Оттуда вылилась еще одна небольшая лужица чего-то похожего на сливки.

— Они это сделали, — сказала Алиса, — они отравили его.

— Мы не знаем этого наверняка.

— Ублюдки, — выругался Бобби, — грязные вонючие маленькие ублюдки, это точно они. Отвратительные сволочные уроды.

Он поднял взгляд на родителей: в нем уже не осталось ничего от восьмилетнего невинного малыша, и Алану вдруг подумалось, что это, наверное, к лучшему.

— Эй, парень, — Алан нагнулся к собаке, — эй, приятель, как дела? Не волнуйся, все будет хорошо.

Глаза пса округлились, будто он смутился, его снова вырвало. На этот раз дело не ограничилось лужицей. Спарки выворачивало наизнанку, рвало чем-то густым, но текучим, как будто у него внутри включили кран. Неудивительно, что глаза его выпучились. В теле пса наверняка уже не оставалось места, чтобы вместить эту жидкость, как будто все его внутренние органы превратились в липкую жижу и теперь извергались на пол, налипали псу на голову, на оставшиеся на коже клочки шерсти и на открытые глаза, полные безразличия к происходящему. Содержимое собачьего тела неторопливо вытекало и вытекало, но у Спарки это не вызывало ни тени беспокойства.

Теперь «сливки» приобрели розовый оттенок. Алан подумал, что это может быть кровь, но очень скоро розовый оттенок сменился бежевым, потом стал темнеть и превратился в темно-коричневый. Это была уже не жидкость, а что-то вроде сиропа, густого и вязкого; пес, облитый с ног до головы, начал дрожать, плавая в нем. Сироп становился таким плотным, что в него легко можно было воткнуть вертикально десертную ложку. Он был чистым, без всяких примесей, и твердым, как пластмасса.

Пес вздрогнул, будто пытаясь избавиться от последних капель своего содержимого. Это все? Хорошо.

— Спарки, — позвал Бобби.

— Нам следует набраться мужества, — сказал Алан.

— Ублюдки, — выругался Бобби.

— Ну-ну.

— Да, — повторила Алиса, — ублюдки.

Алан открыл рот. Он и сам не понимал зачем. Наверное, хотел что-то сказать, но что? Успокоить всех или произнести своеобразную эпитафию над погибшим псом, что-нибудь проникновенное, соответствующее обстоятельствам? Семья смотрела на него с надеждой.

— Что собираетесь делать? — спросил он.

— Мстить, — ответил Бобби. — Мы обязательно отомстим. Мы отравим их собаку, и их самих тоже. Мы... мы подложим им в почтовый ящик дерьмо.

— Правильно, — сказал Алан, — правильно, а еще мы можем....

Алиса посмотрела на мужа. Вернее, уставилась на него.

— Что, Алан? — проговорила она мягко, но в этом и таилась главная опасность. — Ну, скажи нам, что мы можем сделать?

Он пытался придумать ответ. Алиса ждала. Дай же ей то, чего она ждет. Она плюнула от досады и убежала из комнаты.

Алан с Бобби некоторое время стояли и смотрели на собаку. Даже теперь его шерсть продолжала вылезать, как будто каждая волосинка была крысой, покидающей тонущий корабль. Алан подумал, что ему следовало бы закрыть псу глаза, хотя бы ради Бобби. Но он не стал. Вместо этого он, обняв сына за плечи, сказал:

— Пошли отсюда, давай оставим беднягу Спарки в покое.

Они вышли из кухни, и Алан прикрыл за собой дверь.

Алиса поджидала их в гостиной.

— Вот, — сказала она, протянув Алану небольшой целлофановый пакет, похожий на те, что обычно использовала для упаковки его обедов и школьных завтраков для Бобби. Внутри лежало что-то похожее на три колбаски, маленьких и тонких, покрытых едва заметными бугорками. Три какашки. Три Алисиных какашки. И выглядели они элегантно — как маленькие изящные дамские какашки.

— Господи! — ахнул Алан.

А Бобби улыбнулся волчьей улыбкой, обнажив зубы.

— Вот это правильно! — сказал он и вышел из комнаты. Через минуту или две Бобби вернулся, по-прежнему улыбаясь во весь рот. Его собака сдохла, но все в порядке, потому что у них теперь есть план. Гордый, как охотник, как ребенок, который доказал себе, что он мужчина, он держал в ладони свой собственный вклад, — вот, посмотрите на плоды моих трудов, — и его какашка напоминала толстую и жирную сардельку из хот-дога. Алану сразу стало понятно, что Бобби уже не маленький мальчик.

— Вы хотите, чтобы я подбросил это в их почтовый ящик?

— Вовсе нет, — ответила Алиса. — Нужно сообщить им, почему мы так поступили. Нужно дать им понять, что мы знаем, — она подошла к письменному столу, нашла конверт, большой бумажный конверт, и написала на нем толстым фломастером: **УБИЙЦЫ СОБАК.**

Взяв из все еще вытянутой руки Алана пакет со своими копчеными колбасками, она положила его в конверт. Бобби сделал то же самое.

— Мы ждем, когда ты сделаешь свой вклад, — сказала Алиса.

— Разве здесь недостаточно?

— Нет, подарок от всей нашей семьи.

Алан пошел в туалет, прихватив с собой конверт. Он думал о жене и ребенке, томящихся в ожидании за дверью. Они слишком на него давят. Он не может сделать это по заказу. Алан тужился, он честно старался. Но ничего не вышло. Он открыл конверт, в поисках моральной поддержки заглянув внутрь, на первопроходцев, за которыми должны последовать его собственные какашки. Ничего не изменилось.

Он отшвырнул в сторону пустую миску.

— Получилось? — спросила Алиса, когда он вышел.

— Да, — соврал он.

И семья закивала с жестокой решимостью.

— Тогда, — сказал Бобби, — самое время начинать.

Когда он вышел на улицу, в соседском доме было тихо. Для рождественской музыки еще слишком рано, да и собака отдыхала от лая. Дом выглядел очень мирным, Алан почти поверил, что все это — просто шутка, на самом деле ничего не случилось, в доме по-прежнему живут Барбара и Эрик, и все хорошо.

Интересно, наблюдает ли за ним кто-то, пока он идет по дорожке? Наверняка они, его враги, и они, его семья, подглядывают из-за задернутых штор. Он пытался нести конверт как можно более непринужденно, словно не он был причиной его визита к соседям, словно после смерти собаки он просто решил его выгулять.

Когда Алан подошел к двери, солнце уже начинало заходить, и это было странно.

Он не хотел привлекать к себе внимания. Сейчас он просто опустит конверт, и дело сделано. Осторожно-осторожно он приподнял крышку почтового ящика. Встав на цыпочки, Алан заглянул внутрь, но ничего не увидел, там было темно. Просто крошечная тьма. И ему неожиданно пришло в голову, что ночь распространяется по округе именно из этого дома.

Алан почувствовал, что из щели повеяло сквозняком. Он поежился и оглянулся. Солнце почти село, пора довести дело до конца. Он поднес конверт к отверстию, чтобы проверить, пройдет ли он. Размер отверстия подходил идеально, и он начал опускать конверт в ящик.

Вдруг Алан почувствовал, что кто-то тянет конверт с другой стороны.

Сначала он подумал, что тот за что-то зацепился, и собрался опустить его под другим углом, но конверт точно кто-то держал. За дверью его ждали и зазывали в дом.

Алан инстинктивно отшатнулся, не понимая почему. Ведь он же сам хотел принести сюда конверт, разве не так? Но, услышав внутри дома чье-то сердитое рычание, он понял: нельзя допустить, чтобы конверт попал внутрь. Ни малейшей частицы его жены и сына, будь то даже дерьмо, не должно попасть туда. И он с новой силой начал тянуть конверт назад. Тот, кто рычал за дверью, был потрясен сопротивлением, раздосадован, даже заскрежетал зубами. Алан был уверен в этом. Пытаясь схватиться за конверт поудобнее, Алан поставил одну ногу на дверной коврик и посмотрел вниз. Это было ошибкой. На коврике не осталось никаких надписей. Там

вообще ничего не было, только что-то темное, мягкое и скользкое. Алан не удержался и, отпустив конверт, упал назад.

Конверт исчез, крышка почтового ящика с грохотом захлопнулась. Алан закричал от отчаяния и страха и вдруг осознал, какой темной стала ночь.

Когда он вернулся, Алиса ждала его в постели в нижнем белье. Она никогда не показывалась ему в таком виде. Сквозь бюстгальтер были видны заодно торчащие груди.

— А где Бобби? — спросил он.

— Бобби еще несколько часов назад пошел спать, — ответила Алиса. — Ты сделал это. Ты мой большой, храбрый и плохой мальчик. Ты был мне мужем и отцом своему сыну. Ты защитил нашу семью, ты обеспечил нашу безопасность.

И во второй раз, с тех пор, как он ее узнал, она набросилась на него. Алиса сорвала с него галстук, пиджак, ее руки ласкали его и губы целовали его тело.

— Я так сильно тебя хочу и так тебя люблю, — прошептала она и толкнула на кровать.

— Ну ладно, — ответил Алан.

И, господи, она была везде, как она умудрялась такое вытворять, имея всего две руки. Она была в нем и он был в ней, причем последнее стало для него приятной неожиданностью.

— Я люблю тебя! — закричала она, и Алану захотелось, чтобы она замолчала, ведь их мог услышать Бобби или даже соседи. А снаружи было так тихо, словно *эти* всей семьей собрались за столом и сосредоточенно разглядывают содержимое конверта, приговаривая: «Мы поняли урок, который вы нам преподали».

И Алану захотелось, чтобы музыка снова заиграла, хоть ненадолго, хотя бы для того, чтобы он не сбивался с ритма, ведь он так давно не занимался ничем подобным.

— Я люблю тебя, — кричала Алиса. — Алан, почему мы перестали, почему мы перестали любить друг друга?

Алан не мог ответить на этот вопрос.

Утром он разбудил Алису поцелуем:

— Мне пора на работу.

— Можешь остаться со мной?

— Наверное, нет, — ответил он.

— Ладно.

Из-за соседской двери по-прежнему не доносилось ни звука, и Алан решил, что это хороший знак.

Он позвонил Алисе с работы. Алан никогда раньше этого не делал.

Было позднее утро, и ему вдруг захотелось услышать ее голос.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Как мило, — ответила она. — Ты вернешься в обычное время?

— Да, надеюсь.

— Хорошо.

Ближе к вечеру он позвонил ей еще раз, но к телефону никто не подошел.

Он вернулся домой и очень удивился, что его ждет собака.

Вся шерсть до последнего волоска вылезла. Но собака по этому поводу совершенно не страдала. Ее морда была растянута в широкую собачью улыбку, а язык свешивался набок. Она подбежала к Алану на своих блестящих мягких лапах.

— Эй, — проговорил Алан, — эй, хороший пес, хороший мальчик, — и потрепал собаку по загривку. Кожа оказалась слегка липкой на ощупь.

Бобби играл в приставку.

— Привет, чемпион, — сказал Алан. — Смотрика-ка наш Спарки выкарабкался!

Бобби даже не посмотрел на него, так был поглощен игрой. Из кухни вышла Алиса.

— Бобби, — напомнила она, — собачку нужно покормить. — Тело Спарки заходило ходуном от нетерпения. — Покорми его сейчас же. Это твоя обязанность.

— Привет, — сказал Алан. — Я тебя люблю.

— Сейчас же, Бобби, — настаивала Алиса.

Бобби, покачиваясь, встал со стула. Неверной походкой он пошел на кухню и принес банку собачьей еды. Подойдя к Спарки, который все это время с обожанием наблюдал за хозяином, Бобби пальцами выскреб из банки немного корма, нагнулся и аккуратно размазал его по собачьей физиономии. Он делал это очень тщательно, мясо в желе прилипло к морде, немного попало в пасть, немного — на высунутый язык, но большая часть повисла на морде, как борода.

Потом Бобби вернулся на свой стул и снова взял в руки джойстик. Он сжал его так сильно, что остатки собачьего корма между пальцами брызнули во все стороны.

Алан смотрел на него с ужасом:

— Что случилось с нашим Бобби?

— Ничего особенного, — ответила жена. — Бобби получил свою собаку обратно. Бобби счастлив, собака счастлива, все счастливы.

— А ты?

— Конечно, я счастлива. Иди на кухню. Я хочу поговорить с тобой наедине. — Алан пошел за ней. Закрывая за собой дверь, она улыбалась.

— В чем дело?

— Ты должен сесть.

Он послушался.

— У меня есть любовник, — улыбнулась Алиса.

Алан не знал, что и сказать.

— Что? Почему? Ты же говорила, что счастлива...

— Я счастлива. Я счастлива потому, что у меня есть любовник.

— О, — только и смог произнести Алан. Наверное, он должен разозлиться? Она этого от меня ждет. Но злости не было. Он всю потратил на громкую музыку и мусор в саду.

— Не хмурься, Алан. Я же не хмурюсь. Мы с этим разберемся. Я тебе расскажу как.

— Хорошо, — удивительно, но Алан сразу же успокоился. Алиса всегда знала, как все уладить.

И она объяснила, как ему себя вести, чтобы она получила все, что хочет. И наоборот. Так у них снова будет все нормально. Только по-другому. Гораздо лучше.

— Можно мне немного подумать? — очень спокойно поинтересовался Алан.

Она была очень вежлива с ним:

— Конечно, дорогой.

Пока она рассказывала ему, чего от него ожидает, как видит в дальнейшем их супружескую жизнь, выдвигала свои условия, он, не отрываясь, смотрел вниз на кухонный стол. Только теперь он поднял на нее взгляд. Алиса сидела совсем близко и тоже на него смотрела, по-прежнему улыбаясь. Она держала голову под таким углом, чтобы выглядеть наилучшим образом.

— О, Алан, — сказала она. — Когда мы впервые встретились, я очень хорошо это помню, мы пытались стать друг другу лучшими друзьями. По-моему, дорогой, мы просто сбились с пути. Из нас могли бы получиться очень хорошие друзья.

— А прошлая ночь?

Алиса повернула голову в другую сторону и прищурила глаза.

— А что было прошлой ночью?

Этим вечером Алан постелил себе на диване. Он играл в Х-бокс Бобби. За Тайгера Вудса. И один раз выиграл у компьютера.

Утром он отправился на работу. Улицы были запружены автомобилистами, которые нашли свою любовь. Старик Эллис вызвал его на очередное срочное совещание, в этот раз он назвал Алана позором компании и пригрозил увольнением. Эллис был уродливым коротышкой, от него всегда отвратительно пахло, но и он нашел свою любовь, он нашел миссис Эллис. Алану очень хотелось спросить, в чем его секрет? Когда Алан вернулся, то увидел у себя на столе анонимную записку, в которой кто-то называл его кретином. Человек, который называл его кретином, наверняка тоже влюблен.

Он размышлял, не позвонить ли Алисе, но не осмелился.

С работы Алан пошел не домой. Он завернул в паб. Сидел там один, пил пиво, закусывая чипсами.

К тому времени, когда он вернулся, Алиса была уже в кровати. Он разделся в темноте и тихонько лег рядом. Она не пошевелила ни одним мускулом. Он не мог понять, спит она или нет. Жива или мертва.

Человек она или... Или. Ему хотелось прижаться к ней, ведь ее кожа выглядела такой мягкой.

За соседской дверью по-прежнему была тишина, такая безнадежная, что это причиняло боль.

— Хорошо, — сказал он громко, — я сделаю то, что ты хочешь.

Алан не ходил на свидания целую вечность и понятия не имел, как одеться. Алиса подвела его к шкафу и сама выбрала галстук, пиджак, рубашку и ботинки. Потом осмотрела придирчивым взглядом.

— Ты выглядишь вполне прилично, чтобы с кем-то поужинать.

Сама она, как всегда, была одета безукоризненно. Ее навыки никуда не делись, кто бы мог подумать!

— Тогда, может, нам не следует этим заниматься, — сказал Алан. — Разве ты этого хотела?

Она пожевала свою губу, потом рассмеялась.

— Пошли, — потянув за рукав, она повела его вниз по лестнице.

Бобби играл в гольф с новым другом.

— Привет, чемпион, — сказал Алан. Ему показалось, что мальчик справа — это его Бобби, потому что справа был Тайгер Вудс.

— Нас не ждите! — весело крикнула Алиса мальчикам.

Они стояли на дверном коврике. Теперь на нем было написано: НАШ ДОМ. ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ! А еще: ДОМ МИЛЫЙ ДОМ МИЛЫЙ ДОМ МИЛЫЙ ДОМ. Алан поднял дверной молоток, но в этот момент дверь распахнулась.

— Нас уже ждут, — завершила Алиса.

Дом оказался очень красивым. Здесь царили идеальный порядок и чистота, немного пахло свежим полиролем, или это было что-то другое? На полке с телефонным справочником Алан увидел свой конверт. Тот до сих пор был не распечатан. Надпись **УБИЙЦА СОБАК** теперь казалась ему ужасно жестокой. Мы же добрые соседи, правда? И хорошие друзья. Рядом лежало множество конвертов такого же размера. На одном было написано **ОТРАВИТЕЛЬ КОШЕК**, на другом — просто **УБИЙЦА**. А еще **ПЕДОФИЛ**, **НАСИЛЬНИК**, **КИЛЛЕР**, **НАСИЛЬНИК**, **КИЛЛЕР**.

Рядом на полке стояла чашка, доверху наполненная сахаром.

— А где они? — спросил Алан.

— В столовой, — ответила Алиса. Ее глаза возбужденно горели. — Пойдем, посмотрим, что они нам приготовили!

Они готовили лазанью и феттучини.

Барбара действительно старалась. Алан никогда еще не видел ее в одежде. Она выглядела прекрасно. Барбара улыбнулась, как показалось Алану, немного смущенно.

— Ну разве она не хороша? — проворковала Алиса. — Так бы и съела.

Эрик бесстыже улыбнулся. Эта улыбка не сходила с его лица весь ужин. Он был в костюме и черном галстуке. Алану показалось, что его собственный галстук в полоску выглядит гораздо неуместней и хуже. Но Эрик выглядел так хорошо, что ему пошел бы даже полосатый галстук; даже колпак Санты, сдвинутый набок, смотрелся бы на нем уместно и шикарно.

За столом они почти не разговаривали, но Алиса все равно громко смеялась. Алан уж и забыл, как звучит ее смех.

Где-то тихо играла музыка: праздничные песни в исполнении оперных певцов и филармонического оркестра.

Наступило время десерта.

— Позвольте мне, — сказала Алиса, — вы двое и так уже достаточно потрудились, — она открыла холодильник последней модели. — Тирамису! Мой любимый тирамису. Как вы узнали?

Она села и в знак благодарности поцеловала Эрика в губы.

— Прямо слюнки потекли, — сказал Алан.

Алиса зачерпнула из миски полную пригоршню, и, не отводя взгляда от Алана, стала медленно втирать себе в лицо. Она размазывала ее по щекам, губам и подбородку, потом рука опустилась ниже, к шее, густой крем и шоколадная обсыпка падали в ложбинку между грудей.

Алан содрогнулся от омерзения.

Глаза Алисы на мгновение вспыхнули.

— Если тебе не нравится, — сказала она, — почему бы тебе не подойти и не стереть это с меня? А если посмеешь, то и слизать.

Эрик осклабился, Барбара робко улыбнулась. Алан не двигался.

Алиса изобразила вежливую улыбку под маской из мягкого десерта.

— По-моему, самое время оставить вас наедине, мои птички, — с этими словами она встала, подхватила Эрика за талию и сунула его себе под мышку. Так они вышли из комнаты.

Алан не был уверен, но ему показалось, что Эрик ему подмигнул.

— Ладно, — выдавил из себя Алан и посмотрел на Барбару. Та продолжала смущенно улыбаться; наверное, ей было так же неловко, как и ему.

— Ну, и чем мы сейчас займемся? Мы с вами?

Обойдя стол, он взял Барбару за руку. На ощупь она была, как кожа его мертвой собаки.

— Надеюсь, мы подружимся.

Он закрыл глаза и сосредоточился, будто только так мог заставить эту руку стать теплой и ответить на его рукопожатие. Будто одной силой желания мог заставить Барбару полюбить его.

Он слышал скрип пружин в спальне, слышал, как его жена кричит от наслаждения, достигнув оргазма. Он продолжал сидеть с зажмуренными глазами, будто пытаюсь оградить себя от шума. От всех звуков в этом мире.

Роберт Ширмен — отмеченный многочисленными наградами теле-, радио- и театральный сценарист. Драматург, автор пьес для Театра Норкотт в Эксетере и постоянный автор в Театре Стивена Джозефа в Скарборо. Победитель конкурса газеты «Санди Таймс» на лучшее произведение для театра, обладатель премии мемориального фонда Софи Винтер, премии Гинесса и Королевского Национального театра за мастерство. Многие его пьесы опубликованы в сборнике «Едкие комедии», выпущенном британской компанией Big Finish Productions.

Роберт Ширмен постоянный автор передачи «Дневной спектакль» на BBC, продюсером которой является Мартин Джарвис. Его радиосиквел «Скованные каторжники» удостоен двух наград фирмы «Sony», а вклад в создание сериала «Доктор Кто» (эпизод «Далеки») получил широкое признание и отмечен премией Британской академии кино и телевидения (BAFTA) и премией «Хьюго».

Его первый сборник рассказов, «Ничтожные смерти» (2007), был опубликован Comma Press. Роберт Ширмен получил Всемирную премию фэнтези за лучший сборник, вошел в шорт-лист престижной премии университета Эдж-Хилл (Edge Hill Short Story Prize, премия читателей симпатий) и номинирован на международную премию Фрэнка О'Коннора за лучший рассказ. Второй сборник «Любовные песни для застенчивых и циничных» получил Британскую премию фэнтези и премию университета Эдж-Хилл. Третий сборник называется «Очень-очень личное», 2011.

«У меня очень шумные соседи, — говорит Роберт Ширмен, — Они слишком громко разговаривают и топают по лестнице. Когда у них хорошее настроение, они включают музыку на полную громкость. Уроды.

Я веду себя с ними пассивно-агрессивно. Каждый раз, когда я выхожу на улицу, я стискиваю зубы. Они здороваются со мной, я машу им рукой и улыбаюсь, но моя улыбка полна иронии. За дверью я беззвучно потрясаю кулаками и шепотом (хотя они вряд ли услышат сквозь грохот музыки) твержу: «Заткнитесь! Заткнитесь! Заткнитесь!»

Единственная причина, по которой я написал этот рассказ, — надежда, что однажды кто-нибудь из них зайдет в книжный магазин. Пороется на полках. Увидит мое имя в этом сборнике и, может быть, купит его. Тогда они все поймут. Поймут, насколько я зол на них. Это и будет моей пассивно-агрессивной мстью.

Когда-нибудь, соседи, вы это прочтете. Так вот, я не шучу. Сделайте музыку потише!»

Лиза Татл

**Человек
в придорожной канаве**

Как только они выехали из города, стало решительно не на что смотреть. Впереди вилась бесконечная дорога, с голыми полями под низким серым небом. Местность на краю болот была абсолютно ровной и пустой, а тусклый зимний свет еще больше приглушал цвета этого безрадостного ландшафта. Правда, один раз вдалеке мелькнула разрушенная ветряная мельница, потом старая усталая кляча грустно посмотрела на них из-за изгороди, потом они проехали мимо нескольких коров, лежавших на поле, а потом — мимо мертвеца в придорожной канаве...

Увидев его, Линзи завизжала так пронзительно, что, не будь Джей Ди опытным водителем, он обязательно бы в кого-нибудь врезался. Хотя вокруг ничего интересного и не наблюдалось, встречных и попутных машин на дороге было полно, ехали они плотно и очень быстро.

— Что за хрень?!

Она увидела, как покраснело его лицо, на виске запульсировал сосуд, и ей стало не по себе. Но ведь она не просто так кричала.

— Джей, там, в канаве, лежал труп! Мертвый человек!

— Не будь душой! — его руки крепко сжимали руль, а взгляд прыгал от зеркала заднего вида к дороге. На нее он даже не посмотрел.

— Я его видела! Мы должны...

— Что? Что мы должны?

— Я... я не знаю. Может, вернемся?

С каждой секундой расстояние увеличивалось.

— Ну и зачем? Где нам, по-твоему, развернуться? Даже если ты покажешь, где можно остановиться, все равно, открыв дверь, мы сразу попадем в канаву. И зачем? Чтобы убедиться, что твой труп — на самом деле просто засиженная мухами куча мусора?

Она теребила губу, пытаясь вспомнить то, что видела: бледное, с коричневыми пятнами тело обнаженного человека, лежащего в канаве на боку. Ей не верилось, что это был лишь обман зрения.

— Это был мертвец. Прости, что напугала тебя, но при виде трупа любой закричит.

Джей Ди вздохнул и подвигал головой, расслабляя шейные мышцы:

— Хорошо, дорогая. Все уже позади. Труп в нашей помощи не нуждается.

— Но... Мы же должны кому-то о нем сообщить?

— Кому?

— Наверное, полиции.

Он вздрогнул, и Линзи зажмурилась, как будто он ударил ее по лицу. И снова открыла глаза, только услышав, что он включил аварийный сигнал.

— Если ты его видела, значит, и другие тоже заметят, — сказал он спокойно и повернул налево по указателю, потом почти сразу еще раз налево на

незаметный с главной дороги узкий проселок с единственной полосой. Теперь они ехали параллельно главной дороге в обратном направлении. Линзи, осознав, что он выполняет ее просьбу и возвращается к тому месту, где она видела труп, почувствовала, что внутри у нее все дрожит от предвкушения. Отсюда главная дорога виделась бесконечным караваном машин. От дренажного кювета их отделяла теперь лишь узкая полоска пустой земли, и он был постоянно в поле ее зрения. И почему этот проселок не был виден с главной дороги? Линзи сама не могла определить, как далеко они отъехали от того места, но надеялась, что Джей Ди знает, ведь он был профессиональным водителем.

Линзи обхватила себя руками. Как это на него похоже — ворчать и притворяться, что не станет делать, как она хочет. Не то чтобы ей очень хотелось снова увидеть этого страшного мертвеца... наоборот, она молила бог знает какие высшие силы, чтобы Джей Ди оказался прав, и ее напугал выброшенный манекен или чучело для краш-тестов.

— Вот мы и приехали, — сказал он. — Ну и как тебе?

Она посмотрела на его улыбающееся лицо и вспомнила о том, *что* вытеснил из ее мыслей труп.

— Пошли, — проговорил он, не дожидаясь ответа. — Позволь показать тебе окрестности нашего нового дома.

Он вышел из машины и с галантностью, которая когда-то покорила ее сердце, открыл дверь с ее стороны.

Она изобразила на лице улыбку, но он, должно быть, почувствовал, что она испытывает на самом деле, и начал оправдываться:

— Конечно, сейчас это выглядит так себе, но включи воображение. Подумай, сколько всего ты сможешь здесь посадить. Здесь полно земли. Все, что захочешь, я плачу.

Она сделала осторожную попытку объяснить свое замешательство:

— Я думала, у нас будут соседи...

— Да кому они на фиг нужны! Ты же сама говорила, что хочешь дом на природе.

— Да, да, говорила. Но я не думала, что он будет так далеко от всего...

— Это сельская местность. Не так уж и далеко, до Норвича всего двадцать минут. Ты наверняка видела указатель к деревне: в двух милях отсюда почта, паб и начальная школа!

Услышав про детей, которых они когда-нибудь заведут, она растаяла и обняла его.

— Ну что ты, дорогой, я не жалею! Как я могу, ведь у меня есть ты? Просто я удивилась. Я думала, что это будет новый поселок.

— Ты же знаешь, я ненавижу эти наспех построенные халупы, — он расслабился в ее объятиях. — Не желает ли мадам совершить экскурсию?

Они пошли по влажной, но не болотистой земле, похожей на ту, что видели за окном по пути сюда. Она разглядела межевые знаки — колышки с яркими оранжевыми бирками — и подошла к куче щебня и бетонных обломков.

— А это что?

— Все, что осталось от дома, который когда-то здесь стоял. Почему, думаешь, мы так легко получили разрешение на строительство нового?

— А что случилось со старым?

— По-моему, он сгорел. Не знаю, это было лет двадцать тому назад. А раньше здесь стояла деревня.

Тут всегда жили люди. Место повыше, чем на болотах, и земля совсем другая, поэтому можно сажать что хочешь. Не нужно беспокоиться, что здесь появятся новые дома: кому придет в голову строить на болоте? Никаких шумных соседей, никаких нытиков, которые постоянно нудят, что твое дерево закрывает им вид, что им мешает твоя газонокосилка, и которые все время следят за тобой...

Слушая его самодовольную речь и глядя на унылую пустую равнину, где другая жизнь проносится мимо в ревуших автомобилях и грузовиках, Линзи почувствовала, как ее одолевают сомнения. То, на что он жаловался, было отголосками его прошлой жизни в пригороде с *«лживой сучкой»*. Неужели он все время будет сравнивать свою нынешнюю жизнь с первым браком?

— Ты не замерзла? — спросил Джей Ди, заметив, что она погрустнела, и снова стал нежным. Он снял куртку и накинул ей на плечи. — Ветерок нынче зубастый. Нужно посадить деревья, чтобы защитить дом от ветра, и живую изгородь, чтобы разные педики не глазели на нас, когда проезжают мимо. Ладно, пошли обратно к машине.

На обратном пути она не заметила ничего необычного в канаве. В новостях на следующий день тоже ни слова не было о том, что нашли труп. Когда они в следующий раз ехали на восток по дороге A47, она уже не могла вспомнить место, где ей прикидилось тело.

Очень скоро началось строительство, а через несколько недель Джей Ди съездил и сделал несколько фотографий своей недвижимости на мобильный телефон. Линзи не переставала восхищенно ахать, по-

ка не увидела последнюю фотографию и чуть не потеряла дар речи.

— Что? Что это?

— Вид сбоку..

— Вон там, внизу, в левом углу.

Он уставился на экран:

— О чем ты говоришь?

— Это похоже на... — вдруг она поняла, что не хочет ничего говорить о трупе: лежащем на боку, высохшем обнаженном мужчине, поэтому просто ткнула туда пальцем. — Вот.

— А... Не помню. Наверное, просто груда веток или компостная куча. Свет уже ушел. Пусть зря место не занимает.

Он нажал на кнопку и стер фотографию.

Через несколько дней Линзи поехала с мужем посмотреть стройку. Ее удивило, как быстро все изменилось, насколько по-другому выглядит земля, когда в центре появился фундамент их будущего дома. А еще она немного расстроилась, увидев, какой там беспорядок. В основном это были строительные материалы и упаковка, но еще земля была усеяна пакетами, пластиковыми бутылками и жестяными банками. Здесь даже валялись предметы одежды — чья-то белая майка, один ботинок. Рабочие устроили вокруг будущего дома настоящую свалку. В сумерках действительно было очень легко принять кучу мусора за труп. Линзи забыла о своем плане найти предмет, который оставил такое жуткое впечатление на фотографии, вцепилась в руку мужа и стала слушать его разглагольствования по поводу того, как идет стройка.

Когда-то Линзи неплохо зарабатывала, танцуя в клубе. Именно там она и встретила Джея Ди, но того терзала мысль, что кто-то другой видит ее обнаженной, и теперь она работала в «Теско». Ей казалось, работа с частичной занятостью будет весьма кстати, когда дети пойдут в школу. Но после свадьбы прошел год, а она до сих пор не забеременела и уже начала волноваться. Доктор сказал, что видимых причин не забеременеть в ближайшее время не видит, но если Линзи не хочет ждать, то он направит ее мужа на спермограмму. Можно представить, что ответил бы Джей Ди на такое предложение. Линзи решила попробовать другие известные способы.

Она слышала, что в Лоустофте живет женщина, которая знает старинные способы повышения рождаемости. Она гадала на картах, определяет лучшее время для зачатия, составляет специальные травяные сборы или дает список витаминов и минералов. Линзи договорилась с ней о встрече и в первый свободный вечер отправилась в Лоустофт.

Дом с террасой она нашла у большой стоянки, неподалеку от моря. Женщину звали Мейв, она была смуглой и похожей на цыганку: татуировки с кельтским орнаментом, крашенные хной волосы и множество серебряных украшений. Прежде чем отвести Линзи в захламленную, заставленную мебелью гостиную, пропахшую кошками и сандаловыми благовониями, и усадить напротив себя за маленький стол, женщина взяла с нее целую двадцатку.

— Ты хочешь ребенка, — объявила Мейв. — Ты пыталась, но так и не смогла забеременеть. Твой муж... нет, не говори мне, дорогая... старше тебя. Ты вторая... нет, третья его жена. Не говори, я сама тебе все расскажу. Ты очень хотела завести семью,

а он, наверное... нет, он тоже хотел. Но его ребенок... нет-нет, конечно, у него нет никакого ребенка. Я вижу это. А почему? Давай-ка посмотрим, что скажут карты.

Она открыла деревянный ящичек, достала бархатный мешок с колодой карт и перемешала их. Потом попросила Линзи достать из колоды три карты и положить перед собой рубашками вниз.

Это были совсем не те ярко раскрашенные карты таро, которые Линзи ожидала увидеть. Каждая представляла собой блеклую черно-белую картинку, похожую на плохую репродукцию старинной фотографии. На первый взгляд рисунки не имели никакого смысла.

На одной из карт был танцор — обнаженный мужчина в одном поясе, свободно болтающемся на талии, и обтягивающей шапочке. Он был изображен в пируэте, балансировал на носке одной ноги, другая нога согнута в колене, руки сомкнуты за спиной. Он стоял с закрытыми глазами и спокойно улыбался.

На второй карте Линзи увидела женщину с собачьим телом — или беременную собаку с женской головой. Глаза пристально смотрели вперед, рот был широко открыт, словно она собиралась укусить то, что видит. Над ее головой висело большое серебряное яйцо.

На третьей карте было много ножей и окровавленное тело. Не успела Линзи разглядеть остальное, как Мейв быстро собрала карты, вернула в колоду, сняла и перетасовала, бормоча:

— Это плохо. Очень плохо.

— Может, попробовать еще раз? — кротко спросила Линзи.

Женщина бросила на нее злобный взгляд:

— Он не даст тебе ребенка.

— Вы имеете в виду Джея Ди?

— Не позволяй ему себя обмануть.

— Вы говорите о моем муже?

— Ты не должна была выходить за него замуж, раз не готова хранить ему верность.

— Я ему верна! — Линзи с возмущением посмотрела на гадалку. — С тех пор, как мы с Джеем Ди впервые встретились, я ни с кем не спала!

— Спала, не спала. А оральный секс уже не считается? — с насмешкой спросила Мейв. — Меня не обманешь. Однажды ты была неверна своему мужу, и карты показывают, что ты на этом не остановишься.

Линзи почувствовала, как кровь отлила от лица, в глазах потемнело и появились светящиеся точки. Плохо. Откуда она узнала?

— Я не... Я не изменяла ему. Карты сказали вам, почему это случилось?

Мейв отложила колоду в сторону:

— Мне плевать почему. Это твоя проблема. Но я вижу будущее, а оно плохое. Очень плохо для тебя, если ты еще раз обманешь мужа, особенно с тем же человеком.

— Я не собираюсь изменять Джею Ди. Я люблю его! Я пришла, чтобы вы помогли нам завести ребенка. Разве вы не можете сделать какой-нибудь чай, прописать травы и витамины?

Мейв встала и направилась к двери:

— Я не стану помогать тебе с зачатием, пока ты не решишь проблему с мужем. Ты должна определиться — либо замужество, либо что-то еще.

Линзи сидела на стуле, как приклеенная, лишь повернула голову, чтобы видеть женщину.

— Я хотела этого замужества. И ребенка. Вы говорите, что я не смогу забеременеть? У меня не будет ребенка от Джея Ди? Он что, бесплоден? Пожалуй-ста, вы должны мне сказать. Я имею право знать.

Мейв вздохнула и остановилась в дверях, теребя одну из массивных серебряных цепочек на шее.

— Твой муж не даст тебе ребенка. И тот, другой, тоже.

— Что значит — другой? В моей жизни нет другого мужчины. Никого, кроме Джея Ди. Клянусь!

Женщина посмотрела на нее тяжелым презрительным взглядом:

— Уходи.

Линзи уже опомнилась и была вне себя от возмущения. Двадцатка — за это? Так нечестно! Тогда все было не так... Это просто оскорбительно. У Мейв, конечно, есть какие-то способности, но она все поняла абсолютно неправильно.

Это плохо. Линзи снова и снова думала над ее словами, дожидаясь промежутка между машинами, чтобы перейти на другую сторону дороги. Они никогда об этом не говорили, но то, что случилось, бросило тень на их отношения и пугало Джея Ди. Это мучило его каждый раз, когда он начинал ее ревновать без причины.

Но он не имел права ревновать. Мейв просто не поняла, зато Джей Ди отлично знал, что она ему не изменяла, когда сделала минет копу, чтобы тот не отнял у Джея Ди права. Она чувствовала его отчаяние и, так же, как и он, понимала, что это значит. Быстрая сделка без лишних слов: я сделаю тебе, а ты не тронешь его.

Он мог остановить ее одним словом или взглядом, но не стал. И он был ей благодарен, пока эту

благодарность не заслонило чувство обиды. Она и не ждала, что он скажет спасибо — она предпочла, чтобы оба сделали вид, будто ничего не произошло. Почему же тогда он не может понять — когда двое любят друг друга, ни одна жертва не бывает чрезмерной?

Во сне Линзи сплетала полоски кожи в длинный крепкий канат, который захлестнулся петлей на загорелой и обветренной шее человека, одетого лишь в мягкий кожаный пояс и шапку из шкурки какого-то животного. Она проснулась, ясно представляя себе эту картину и понимая, что «танцор», которого она увидела на карте предсказательницы, был висельником.

Чем ближе подходило к концу строительство дома, тем больше расстраивала Линзи перспектива в него переехать. Дом тут был ни при чем, он оказался даже лучше, чем она представляла в мечтах. Нужно быть сумасшедшей, чтобы предпочесть квартиру, вроде тех, в которых она раньше жила, или крошечный муниципальный дом, где она выросла. Линзи не считала себя сумасшедшей. Несколько месяцев не замечала ничего похожего на труп, но черно-белая картинка на карте гадалки каким-то образом слилась в ее воображении с телом в придорожной канаве, и теперь, когда она сворачивала на дорогу A47 и направлялась к тому, что Джей Ди называл их домом, ей все время казалось, что мертвец ее где-то подкарауливает.

Ну как сказать Джей Ди, что она не хочет здесь жить, ведь он так долго этого ждал, вложил в дом так много денег и сил. Когда они переехали, она убедила себя, что скоро привыкнет.

Первая неделя в новом доме была похожа на второй медовый месяц. Джей Ди взял неделю отпуска на обустройство. Они почти никуда не выходили, разве что в деревню за продуктами или пообедать в пабе. Дни проходили в приятных совместных хлопотах: они красили, шлифовали, передвигали мебель, а ночью нежно и страстно занимались любовью. Линзи еще никогда не видела своего мужа таким счастливым. Он считал, что она нервничает из-за беременности, которая никак не наступает, и все время успокаивал ее.

Когда Джей Ди был рядом, Линзи удавалось расслабиться. В новом доме она чувствовала себя в относительно безопасной обстановке; ей нравилось, когда шторы на окнах были плотно задернуты и скрывали бесконечные болота, которые окружали дом. Она переложила всю уличную работу на плечи мужа, потому что стоило ей выйти, как у нее сразу появлялось неприятное чувство, что сзади к ней кто-то подкрадывается и вот-вот нападет.

А по ночам ей снился висельник.

Иногда она плела канат, иногда накидывала петлю на его безвольную шею — до или после того как целовала его неподвижные губы. Иногда она ничего не делала во сне, просто стояла в толпе и смотрела, как он умирает, как дергаются в безумной пляске ноги и фонтаном извергается семя, падая вниз на бесплодную землю.

После того, как Джей Ди вышел на работу, Линзи пригласила свою мать на обед. Та впервые приехала в их новый дом.

— Как много света в этой комнате, — сказала мать с одобрением, — да и во всех остальных тоже. Мне нравятся большие окна. Какой шикарный вид!

Стоя за спиной матери, Линзи взглянула через ее плечо на плоское, лишенное всякой растительности пространство под голубым небом. И хотя летом оно выглядело немного привлекательнее, но все равно казалось отвратительным.

— Ты действительно так думаешь?

— А ты нет? — мать оглянулась и внимательно посмотрела на нее. — Что-то не так, Линз?

Она пожала плечами.

— Уныло как-то. Пойдем на улицу, — и быстро добавила: — В сад. Правда, там еще ничего нет, но... Мне было бы интересно узнать, что ты о нем думаешь.

Мать серьезно отнеслась к ее просьбе и изучила участок вдоль и поперек. Она даже встала на колени и потрогала землю. Линзи, прислонившись к стене, пыталась понять, не чувствует ли мать того же враждебного невидимого присутствия, но ничего такого не заметила.

Они вернулись в дом и пообедали пирогами и салатом. Мать нарисовала Линзи два варианта планировки участка.

— Посадишь несколько кустарников, и вид не будет таким скучным. А пока там можно расставить несколько горшков с цветами и кое-какую садовую мебель, чтобы глаз отдыхал, — она отложила карандаш. — А теперь почему бы тебе не рассказать, о чем ты хотела со мной поговорить?

— Ты не чувствуешь, что здесь что-то... не так?

— Нет, я тебе уже говорила, почва очень хорошая и плодородная. Совсем не болотная, как мне казалось. Видимо, те, кто здесь жил раньше, ухаживали за ней.

— Я не это имела в виду, — Линзи сделала глубокий вдох. — Помнишь, когда я была маленькой, вы

нашли нам с Тильдой няню, пошли к ней и тут же развернулись обратно? Ты тогда сказала, что не оставишь нас в этом доме, он тебе чем-то не понравился. А через несколько месяцев мы узнали, что приятель няни оказался педофилом?

— Конечно, помню.

— Ты чувствовала: в этом доме что-то не так. Что-то плохое и опасное, хотя на первый взгляд все было хорошо. Скажи, ты не ощущаешь чего-то подобного здесь?

В глазах матери появилась тревога:

— Дорогая, ты можешь прямо сейчас уехать со мной и оставаться дома столько, сколько захочешь.

— Что? Нет! — Из глаз Линзи хлынули слезы, она уставилась на мать с раскрытым ртом. — Ты что думаешь... Ты хочешь, чтобы я ушла от Джей Ди? Я так и знала! Он никогда тебе не нравился!

Мама всплеснула руками:

— Ничего такого я не говорила! Это ты начала...

— Я говорила о предчувствии чего-то нехорошего. Ты тогда сказала, что поняла это, как только переступила порог дома. Мне стало интересно...

— Чувствую ли я что-то подобное здесь? Нет. А почему ты спрашиваешь, раз у тебя все хорошо?

— Я что-то ощущаю... Джей Ди тут ни при чем. Просто тут какое-то страшное место. Эта земля... — Все это действительно могло кого угодно расстроить: то мертвец в канаве, то фотография, расстроенные чувства, несбывшиеся мечты... — Мне кажется... Нет, я уверена, что много лет назад здесь убили мужчину, повесили и похоронили — как будто принесли в жертву. По-моему, присутствие его духа я чувствую.

Мать вздохнула, выпрямила спину и посмотрела на встроенные в духовку часы:

— Почему ты меня об этом спрашиваешь? Я никогда в жизни не видела привидений.

— Ты же чувствуешь атмосферу. Ты знала, что мы с Тильдой не будем в безопасности с той женщиной, и позже даже сказала, что в ней было что-то дьявольское!

— Да, сказала. По телефону она мне показалась совершенно нормальной, у нее были хорошие рекомендации, но когда я вошла в тот дом... — Мать замолчала. — Что-то не так было в ней самой. Но она же человек, живой человек. Чем может тебе навредить мертвец? Будь он трижды хорош или плох при жизни, после смерти он уже ничего не может сделать.

— Ты не веришь в привидения?

Мать постаралась ответить как можно более уклончиво:

— Я этого не говорю. Не знаю, что ты видела, но вот что я тебе скажу: никогда не слышала, чтобы привидение кого-то убило. Иначе было бы слишком страшно жить.

— Считаешь, здесь безопасно?

— А что думает по этому поводу Джей Ди?

Она повернулась и снова посмотрела на часы.

— Он его ни разу не видел.

Мать встала, Линзи тоже.

— Останься повидаться с Джейем Ди.

— Не могу, мне уже пора. Сегодня вечером у меня встреча. Линзи, что бы тебя ни беспокоило...

— Я просто хотела рассказать это тебе.

— ...поделись с Джейем Ди. Вот мой совет. Ни один из моих браков не закончился удачно, но я точно знаю: если у одного из супругов неприятности, это так или иначе влияет на другого. Если ты не выразишься, станет только хуже.

И все-таки Линзи не прислушалась к совету матери. Она разозлилась, когда та сказала, что мертвые не могут навредить живым. Ей не хотелось, чтобы Джею Ди стало так же страшно, как и ей. Его способность ничего не замечать как будто защищала ее. Однажды вечером, проходя мимо кухонного окна, она заметила краем глаза за кучей гравия ту же скорчившуюся фигуру. Линзи остановилась и уставилась в окно. К ней сзади подошел Джей Ди.

— Что ты там увидела?

— Не знаю... Посмотри сам, там, за гравием, видишь?

— Это большое или маленькое?

Она вытянула руки в стороны:

— Большое.

— Я ничего не вижу.

Как только он это сказал, видение исчезло.

Но ощущение присутствия чего-то страшного все равно осталось, и даже усиливалось по мере того, как дни становились короче. Каждый раз, когда Линзи приезжала домой и выходила из машины, ей казалось, что сейчас на нее нападет убийца. Но как только она добегала до дома и запирала за собой дверь, это чувство немного ослабевало. Она позволяла себе расслабиться.

То, что муж не видел мертвеца и не чувствовал его присутствия, немного успокаивало Линзи. Ей казалось, что рядом с ним она в безопасности. Единственное, чего она опасалась, — остаться в доме ночью одной.

Очень скоро ей это предстояло.

Два раза в месяц Джей Ди уезжал в длинные рейсы с ночевкой. Ночевка была обычной практикой, чтобы

водители не превышали разрешенный лимит времени за рулем. Раньше все водители, включая Джея Ди, игнорировали правила, но после недавней катастрофы со смертельным исходом работодатель начал за этим строго следить.

Линзи пыталась вести себя спокойно, но все равно знала, что он заметит ее нервозность. За день до его отъезда, возвращаясь из магазина, она увидела у дома грузовик мужа. Он приехал на целый час раньше обычного. Линзи позвонила ему, чтобы сказать, что она тоже приехала.

— Я ездил в магазин, — сказал он, — и купил тебе сюрприз, кое-что для дома. Мне показалось, что это тебя обрадует.

Ставя свою машину рядом с машиной мужа, Линзи чувствовала себя счастливой — пока не увидела нечто ужасное: дверь в дом была широко открыта.

Бросив сумку, телефон и пакеты с продуктами в машине, она, вбежала в дом, громко выкрикивая имя мужа.

— Что случилось? — Джей Ди был на кухне. Повсюду валялись обрывки упаковки, а на столе стоял какой-то прибор.

— Ты оставил дверь открытой!

Стиснув челюсти, сжав кулаки, она пыталась взять себя в руки.

Он подошел к ней и обнял:

— Да что такое? Ты поцарапала машину?

— Нет, с ней все в порядке. И со мной тоже. Просто я... Я увидела открытую дверь и подумала... что кто-то вошел в наш дом...

— Ну и что? Ты же знала, что я тут. Я разговаривал с тобой минуту назад.

Линзи пыталась придумать правдоподобное объяснение. Не хотела говорить о своем ужасе, ведь мертвец, которого она видела сначала в канаве, а потом ближе, почти рядом с домом, теперь находился *внутри*. Она знала, что это правда. Чувствовала, что хрупкая безопасность дома уничтожена старым призраком.

— Скажешь мне, что случилось? — голос у Джея Ди был мягким и совсем не сердитым.

— Не знаю, — ответила она едва слышно и прижалась к нему. — Просто я увидела, что дверь открыта, и испугалась.

— Ух ты. Тогда сегодня я правильно сделал, что купил это.

Она притворилась, что ей интересно. Он сказал:

— Я тебе все покажу, но только после того, как мы хорошенько обыщем дом и убедимся, что кроме нас тут никого нет.

Конечно, в их просторном, светлом, не заставленном мебелью доме почти не было мест, где мог бы спрятаться взрослый человек, но Линзи знала, что незванный гость умеет становиться невидимым. Ей было непонятно, почему она получила проклятую способность видеть его. Ей захотелось, чтобы и Джей Ди хоть раз заметил мертвеца, тогда бы он узнал, что ей пришлось пережить, и они смогли бы обсудить, как себя вести, если в твой дом проник призрак.

Но никто из них не увидел ничего необычного, и Линзи сделала вид, что успокоилась. А Джей Ди продемонстрировал ей новейшую модель системы видеонаблюдения. Снаружи были установлены камеры, и, глядя на экран телевизора в спальне, Линзи могла следить за участком и всеми подъездами

к нему. Теперь, если она услышит снаружи какой-то посторонний шум, ей не нужно ни выходить, ни даже выглядывать в окно, чтобы узнать, лиса это, порыв ветра или деревенские подростки, заглянувшие покурить травку или заняться любовью. Линзи постаралась как можно искреннее поблагодарить мужа, ведь он хотел сделать как лучше. Джей Ди не знает, что современные технологии бессильны против того, чего она боится.

Должно быть, он все-таки заметил, что сигнализация не совсем ее успокоила, поэтому предложил на время своего отсутствия пригласить ее мать. Его отношения с тещей были натянутыми, поэтому предложение выглядело очень благородным. Но она все равно отказалась.

— Затевать такую канитель каждые две недели? Ну уж нет! Мне нужно привыкать проводить ночи в одиночестве. Сегодня и начну, — сказала она ему, обняв и поцеловав на прощанье.

День прошел довольно спокойно. Под музыку канала «Радио 1» она красила стены в комнате наверху, где они собирались устроить детскую. Светло-желтая краска — хороший выбор для ребенка любого пола, но одну стену она обязательно оклеит обоями, а рисунок выберет, когда будет точно знать, кто у нее родится.

Часов в восемь вечера она поговорила с Джейм Ди по телефону и заверила, что вполне справляется. Он пообещал перезвонить позже, но если у него не получится, пусть она сама ему позвонит, когда будет ложиться. Она согласилась, хотя и не представляла, как будет засыпать без него. К десяти вечера она порядком устала, но, подумав о том, что ей предстоит ночь

в одиночестве, спустилась вниз, допила бутылку вина и стала смотреть по телевизору какой-то дурацкий фильм, пока чуть не уснула прямо на диване. Поднявшись в спальню, Линзи забылась тревожным сном.

Она проснулась от звука, который спящий мозг не воспринял как угрозу. Она совсем не испугалась, скорее была озадачена. Который сейчас час? Рядом с ней в постели кто-то лежал. Но если Джей Ди дома, кто тогда открывает дверной замок внизу?

Приподнявшись на локоть, она погладила того, кто был рядом, по плечу:

— Джей Ди! Дорогой, просыпайся!

По знакомому пиканью внизу она поняла, что кто-то отключает сигнализацию. Кому еще известен код? Может, это кто-то из обслуживающей компании, но...

— Дорогой? — ей по-прежнему не было страшно, она просто не понимала. Линзи потянулась к выключателю и услышала на лестнице чьи-то шаги.

— Джей Ди! — позвала она громко и требовательно, включила лампу и, прикрыв от света глаза, отдернула простыню, в которую он завернулся с головой. — Дорогой, просыпайся.

Когда она увидела, что лежало рядом в позе эмбриона — с обнаженной коричневой ссохшейся кожей, в обтягивающей шапке и с безмятежной улыбкой на мертвом лице, — крик застрял у нее в горле. В тот момент, когда Линзи потеряла сознание, она успела заметить стоявшего в дверях мужа. Но смотрел он не на нее.

Через несколько секунд она очнулась и смогла, наконец, закричать, очень громко закричать. В ужасе выскочив из кровати, она вдруг увидела, что в ней никого нет.

Уже у двери она снова оглянулась. Кровать была не просто пустой, но еще и смятой лишь с той стороны, где лежала она сама. Никакой вмятины на подушке Джея Ди, которая бы свидетельствовала о том, что на ней лежала чья-то голова, не было. Она выглядела такой же нетронутой, как и утром, после того, как Линзи убрала ее. Но Джей Ди видел его, она заметила направление его взгляда и, что гораздо важнее, выражение его лица, которое до конца жизни не забудет.

— Джей Ди? — окликнула она, но голос был не громче шепота.

Где он? Ее муж исчез так же внезапно, как и тело призрака. А вдруг все это — просто лишь ночной кошмар, и она только что проснулась?

Войдя в гостиную, Линзи почувствовала сквозняк. Она включила свет, входная дверь была распахнута настежь. Еще на лестнице она услышала хорошо знакомый звук двигателя — кто-то завел машину Джея Ди, резко сдал назад и, шурша колесами по гравию, рванул прочь от дома.

Она еще раз зачем-то позвала мужа по имени, сбежала по ступенькам, потом снова вверх за телефоном, представляя, как покраснело его лицо, забились вена на виске, на полных бешенства глазах выступили слезы. Как он вдавливают в пол педаль акселератора, как будто скорость может излечить его от ревности.

Он думает, что видел в ее постели другого мужчину. Почему он не остался, почему не начал на нее кричать, не набросился с кулаками? Нужно догнать мужа, объяснить ему все, убедить его, что он ошибается...

Но в трубке звучал голос автоответчика. Линзи нетерпеливо слушила инструкции, готовясь оставить со-

общение, когда вдруг услышала визг тормозов и лязг металла. Она поняла, что произошла авария. Сердце забилося где-то в горле, она схватила ключи и босиком, в ночной рубашке, побежала к своей машине, думая лишь о том, что нужно ехать к нему, помочь, спасти. Эта мысль не оставляла ее до того самого момента, когда она подъехала к месту аварии на перекрестке с главной дорогой и увидела в придорожной канаве его выброшенное через лобовое стекло тело, лежащее на боку, со сломанной шеей.

Первый рассказ **Лизы Татл** — «Незнакомец в доме» — теперь открывает первый том ее «Избранных рассказов о сверхъестественном» (издательство Ash-Tree Press).

Самым известным произведением считается сказка «Сны отшельника», отмеченная Международной премией Гильдии ужасов. А еще Лиза Татл — автор нескольких романов («Подружка-подушка», «Тайны», «Серебряная ветка»), сказок для детей и произведений в жанре нон-фикшн.

Писательница родилась и выросла в Америке, но уже почти тридцать лет живет в Англии.

«Человек в придорожной канаве» написан под впечатлением от книги П. В. Глоуб «Болотные люди», вернее, от фотографии на ее обложке («Книгу я, кажется, даже не читала», — признается Лиза).

«Точно не помню, когда я начала этот рассказ, но, видимо, еще тогда, когда я жила в Техасе. Персональных компьютеров еще не было, я печатала на старой доброй пишущей машинке IBM. Через тридцать лет я ехала на похороны в Норфолк, смотрела на безрадостный зимний пейзаж за окном и подумала, что он может стать фоном для очередной истории, не имеющей конца... Я вернулась в Шотландию и сразу же ее написала.

Если бы мне оплачивали не количество слов в рассказе, а время, которое я на него потратила, то я бы уже давно озолотилась. К счастью, не все мои рассказы пишутся так долго».

Реджи Оливер

Детская задача

28 августа 1843 года в Кобэм-Парк, рядом с Грейвсендом, графство Кент, подающий надежды художник Ричард Дадд (1817—1886) напал с бритвой на своего отца и убил его. Суд признал Дадда виновным, но невменяемым, и остаток жизни тот провел в клиниках для умалишенных: сначала в Бедламе¹, затем в Бродмуре, где скончался. Там Дадд и написал картины, которые принесли ему известность. Одна из самых загадочных и тревожных из них, «Детская задача» (1857) — в настоящее время находится в Галерее Тейт. На ней изображен испуганный ребенок, протянувший руку к шахматной фигуре, а рядом с ним злобная спящая фигура с прикрытой покрывалом головой. Никому не удалось разгадать смысл этой таинственной картины, однако известно, что в 50-е годы XIX века Дадда в Бродмуре часто посещал сэр Джордж Сент-Мор, баронет и член парламента (1802—1883), реформатор, проявлявший большой интерес к лечению умалишенных, в частности Дадда. Возможно, именно с подачи сэра Джорджа Дадд задумал и написал полотно «Детская задача».

¹ Вифлеемский госпиталь для душевнобольных, в настоящее время Британский военный музей.

I

Однажды в июле 1811 года в разгар дня к воротам аббатства Танкертон в Суффолке подъехал экипаж. Стоял погожий денек, дул свежий ветер, по небу плыли высокие белые облака. Вязы в парке, да и старинная каменная постройка давали густую тень. Некоторое время ничего не происходило, но потом огромная готическая дверь аббатства открылась; выбежавший оттуда лакей поспешил откинуть ступеньки и открыть дверь ожидающего экипажа.

Из него вышли женщина с мужчиной, оба лет тридцати, а за ними мальчик девяти лет. Мальчик — его звали Джордж — был одет в синий бархатный костюмчик и белую рубашку с широким кружевным воротником, какие можно видеть на парадных портретах детей кисти Лоуренса и Хоппнера. Джорджа можно было бы назвать красивым ребенком, если бы не предрасположенность к полноте и кислое выражение лица. Его родители, упитанная, ничем не примечательная пара, казались встревоженными, особенно женщина. Их звали Джулиус и Амелия Сент-Мор, а дом, в который они приехали, принадлежал старшему брату Джулиуса, сэру Августу Сент-Мору, баронету.

Аббатство Танкертон, уже давно не существующее, в те времена представляло собой весьма любопытное строение. Приобретенное семейством Мор после того, как Генрих VIII разогнал монахов, оно несколько раз частично разрушалось и надстраивалось по мере изменений благосостояния семьи. В конце XVIII века Геркулес Сент-Мор, отец Августа и Джулиуса, отреставрировал его в модном тогда готическом стиле — в подражание дому своего друга

Горация Уолпола¹ в Строберри-Хилл. Эта наполовину руина, наполовину имитация готики оставляла забавное ощущение незавершенности, словно хозяин так и не смог определиться, жить ему дальше или впасть в задумчивую меланхолию, выбрав девизом *memento mori*. Тем не менее, дом был расположен в центре тенистой долины, посреди парка, являющего собой лучший образчик стиля Хамфри Рептона².

Сэр Август не встретил родственников у дверей, вместо него их поприветствовал Харгрейв, дворецкий баронета, сопровождаемый толпой лакеев, которые проворно выгрузили из экипажа несколько сундуков и другой багаж. Харгрейв, высокий, сухошавый и совершенно седой мужчина, весьма нелюбезно сообщил, что сэр Август ненадолго примет брата с семьей в своей библиотеке.

Хотя братья регулярно переписывались, но после смерти отца виделись редко. Вот уже десять лет каждый жил своей жизнью. Согласно семейной традиции Август, старший сын, унаследовал не только титул и недвижимое имущество в Суффолке, но и сахарные плантации в Антигуа, которые являлись источником его весьма солидного состояния. Джулиусу, младшему, была назначена небольшая ежегодная рента, которой явно не хватало на содержание семьи. Он получил профессию врача, а благодаря семейным связям — назначение на должность преподавателя анатомии в Королевском хирургическом колледже в Лондоне.

Поскольку привычки Джулиуса и его жены отличались экстравагантностью, денег хронически не

¹ Английский писатель XVIII века, основатель жанра готического романа.

² Английский ландшафтный архитектор XVIII—XIX веков.

хватало. Вновь были задействованы семейные связи, и ему был предложен пост декана в новой медицинской школе в Калькутте, с окладом гораздо внушительнее того, который он получал в Лондоне. Джулиус, при полном одобрении жены, с радостью принял предложение.

Единственной проблемой был их сын Джордж. Ребенок, как тогда говорили, имел слабую конституцию, и мать считала, что индийский климат нанесет его здоровью непоправимый вред. Кроме того, Джордж вот-вот должен был достичь возраста, когда полагалось поступать в школу; долгая дорога морем в Индию, а потом обратно была бы губительной как для семейного бюджета, так и для здоровья ребенка. Обменявшись множеством писем, братья достигли соглашения: юный Джордж останется с дядей в Танкертоне и будет заниматься с репетиторами, пока не настанет время послать его в Итон. В те времена мальчики в возрасте восьми—девяти лет, поступающие в эту школу, жили на частных квартирах.

Джулиус не мог не учесть и тот факт, что его брат был бездетным холостяком и не выказывал никакого желания снова связать себя узами брака после скоропостижной смерти жены, скончавшейся семь лет назад. И Джулиус, и Амелия считали, что юному Джорджу полезно получше узнать дом, хозяином которого он однажды может стать, а также человека, чье состояние он, по всей видимости, когда-нибудь унаследует.

Джордж стоял перед особняком и смотрел на него с некоторым испугом. Дом оказался таким огромным, каким он себе его и представлял, но был весьма далек от совершенства. Мальчик успел привыкнуть к аккуратным и компактным современным

лондонским домам, с раздвижными оконными рамами и входными дверями, расположенными строго посередине классических симметричных фасадов. То, что он видел перед собой, было смешением старого и нового, хаосом; что-то местами обвалилось, что-то заросло плющом и сорными растениями.

Каменные горгульи на водосточных желобах разевали пасти, как будто их сейчас вывернет наизнанку, остроконечные башенки, украшенные готическим орнаментом, и флероны возвышались над зубчатыми стенами, словно грозящие кому-то кулаки (понятие «романтично» еще не было известно Джорджу). А еще для того, кто привык к лондонской суете — скрипу колес экипажей, хлопанью кнута по лошадиным крупам, крикам уличных торговцев, — здесь было слишком тихо. Непривыкшее к тишине ухо мальчика улавливало лишь негромкий птичий щебет.

Джордж был упрямым избалованным ребенком. Он заранее решил, что ему будет плохо в Танкертоне, поэтому старался сделать все, чтобы родители чувствовали себя как можно более виноватыми, оставляя его здесь.

Семья уже стояла в холле, большом и неудобном, со сводчатыми потолками. Раньше, когда тут еще был монастырь, в нем, наверное, находился рефекторий или зал для общих собраний. Пол был выложен серой истертой плиткой. Откуда-то тянуло сквозняком, даже в разгар июня пробиравшим до костей. Харгрейв проследовал мимо, не удостоив их даже взглядом, и направился к вычурной двери, установленной в арочном проеме. Он постучал и вошел, услышав приглушенный ответ.

Через некоторое время Амелия подергала мужа за рукав и предложила ему пойти и узнать, в чем дело,

но Джулиус заупрямился. Джордж убивал время, топая ногами по полу и прислушиваясь к гулкому эху, пока мать не велела ему прекратить.

Наконец Харгрейв вынырнул из-за двери и объявил:

— Сэр Август готов принять вас в библиотеке.

Дверь распахнулась, и все трое прошли в комнату, даже не взглянув на Харгрейва, иначе заметили бы на его лице презрительную ухмылку.

Библиотека, в которой они оказались, также не избежала готического влияния. Стены были сплошь заставлены книжными шкафами из красного дерева со стеклянными дверцами, увенчанными невысокими арками. Внизу тянулись полки, на которых лежали альбомы с литографиями и рисунками. Два широких витражных окна выходили на западную сторону. Напротив окна над камином висел портрет кисти Гейнсборо; молодой Геркулес Сент-Мор стоял под раскидистым деревом на фоне виднеющегося вдали аббатства, у его ног лежал черный спаниель.

Посреди комнаты возвышалась громада дубового стола, одна его сторона была завалена газетами, на другой стояла шахматная доска с незаконченной партией. За столом сидел сэр Август. Хотя разница между братьями составляла немногим больше пяти лет, выглядел он значительно старше Джулиуса. Это был худой болезненный человек, чахлая версия брата, с длинным носом и резкими чертами лица. Когда он встал, чтобы поприветствовать вошедших, Джордж заметил, что дядя на полголовы выше отца. Туго повязанный широкий белый галстук не давал подбородку опуститься, что придавало сэру Августу особенно высокомерный вид. Бледная кожа казалась восковой. Он был одет в длинный голубой халат,

который Джордж сперва даже принял за пальто. Но чуть позже мальчик решил, что это все-таки халат, так как он был из шелка.

Сэр Август, опираясь на трость из слоновой кости, медленно выбрался из-за стола, подошел к невестке и подчеркнуто любезно поцеловал ей руку. Потом его взгляд упал на племянника:

— Так, значит, это юный мастер Джордж!

Джордж вдруг почувствовал себя мухой, которую бесстрастно, словно под микроскопом, разглядывали два голубых глаза.

— Следующие полтора года, пока не придет время отправляться в Итон, вам предстоит провести под моей опекой. Советую вам набраться сил и укрепить дух. Я слышал, что у нового директора школы, доктора Кита, любимый метод воспитания — порка. Вас когда-нибудь пороли, мастер Джордж? Вы уже знакомы с розгами?

Джордж возмущенно затряс головой.

— Вижу, ты не сторонник дисциплины, братец Джулиус. Хотя, насколько я помню, розги в школе не так страшны, как бои между учениками. Когда я там учился, одного мальчика даже убили. Я сам едва не стал тому свидетелем, но мне было так скучно, что я ушел задолго до окончания поединка. Тридцать три раунда. Победитель был почти в таком же плачевном состоянии, как и жертва. Он вылетел из школы в следующем же семестре. Я слышал, он поступил на службу в армию и был убит на Пиренейском полуострове.

Во время своей речи Август, не отрываясь, смотрел на Джорджа, наблюдая за его реакцией. Джордж немного забеспокоился, но то, о чем говорил дядя,

было настолько чуждо мальчику, что он не слишком испугался. До Итона еще больше года. За это время он придумает, как отвертеться.

— Я нашел для юного Джорджа прекрасного репетитора, — произнес сэр Август, на этот раз обращаясь к родителям. — Мистер Верекер был помощником приходского священника в Танкертоне. Наш пастор, отец Балстрод, как вы знаете, постоянно жил в метрополии и занимался изучением древностей. Он выплачивал мистеру Верекеру небольшое жалованье, чтобы тот служил в нашей церкви и исполнял его обязанности. Мистер Верекер, как и большинство младших служителей церкви, обременен семьей и — подумать только! — четырьмя детьми. Одного этого факта достаточно, чтобы понять — перед нами человек, полный всяческих достоинств. Быть учителем — его призвание. Насколько я знаю, он приверженец системы обучения Бэйлиол-колледжа.

— Мы так благодарны, что ты взял на себя заботу о Джордже, братец Гус, — сказал Джулиус.

— Надеюсь, братец Джулиус, — ответил сэр Август, поворачиваясь к ним спиной и изучая расположение фигур на шахматной доске. Взяв одну двумя пальцами, он подвигал ее, обдумывая ход, но поставил на место. — Прощу прощения, дамы и господа, но я должен заняться кое-какими делами. Встретимся за обедом, его подают в половине шестого. Харгрейв покажет вам ваши комнаты.

И они вышли.

Следующие несколько часов стали самыми то-
скливыми и ужасными в недолгой жизни Джорджа. Он надеялся, что расставание с ним расстроит мать и заставит быть с ним предельно нежной и внима-

тельной. Джордж не возражал бы даже против ее слез, тогда бы и ему было бы простительно разрешиться. Но к нему никто так и не пришел. Амелия Сент-Мор вела себя приветливо, но отстраненно. Словно уже отдалилась от сына, чтобы момент расставания, когда он наступит, не был для нее мучительным. Джордж старался держаться так же, но предпочел бы, чтобы мать печалилась, как и он сам.

Его комната была огромной и роскошной. Здесь стояла кровать с четырьмя столбиками по углам. Стены, обитые дамасским голубым шелком, местами выцвели и стали серыми, вдоль них стояли старинные шкафы и полки с инкрустацией. На стене висела картина, изображавшая венецианский карнавал и гуляк в причудливых масках. Но Джорджу было все равно. Он видел только большое помещение, в котором ему было одиноко. Единственным слабым утешением стал вид, открывавшийся из окна.

Джордж оглядел открытую террасу с балюстрадой позади дома. Широкие ступени вели на окруженную деревьями лужайку. Справа рос огромный дуб, слева — несколько вязов, а посередине — великолепный ливанский кедр, еще не достигший зрелости. За деревьями виднелся пруд с вдававшимся в темные воды зеленым полуостровом, на котором стоял увенчанный куполом квадратный храм с ионическим портиком.

За обедом присутствующие неловко пытались поддержать беседу. Миссис Сент-Мор развлекала шурина последними светскими сплетнями из Лондона, но ее усилия удостоились лишь холодного взгляда сэра Августа, слегка приподнявшего бровь. Все это повергло ее мужа и сына в смущение. Впервые в жизни Джордж стыдился матери, это чувство было для

него новым и тревожным. Ему было жалко ее, и эта жалость только усиливала стремление мальчика остаться с ней. Ночью, лежа в огромной постели, он оплакивал свою судьбу, но никто его не слышал.

II

Когда на следующее утро родители после завтрака уехали, Джордж уже не плакал. Сэр Август не вышел их проводить, лишь помахал из окна библиотеки огромным шейным платком из белого батиста. Экипаж скрылся из вида, и Джордж впервые в жизни остался в полном одиночестве. И рядом не было никого, кто мог бы подсказать ему, что делать. У него не хватило смелости пойти в библиотеку к дяде, и так уже изрядно его напугавшему. Слуги, все как один мужского пола, были подобны невидимкам. Харгрейв, которого Джордж встретил в холле, просто проигнорировал его. Мальчик привык дразнить и задирать родительских слуг в Лондоне, но те почти все были женского пола, и он для них всегда оставался Юным Мастером Джорджем. В аббатстве Танкертон он перестал понимать, кто же он такой.

Чтобы немного развеяться, он топнул ногой и с удовлетворением прислушался к эху.

Постепенно мальчик понял, что развлекаться ему теперь придется самостоятельно, поэтому он решил осмотреть аббатство, владельцем которого ему предстояло стать в далеком будущем. Однако прогулка выдалась не столь захватывающей, как он надеялся. Дом оказался большим и захламленным, в нем было два этажа и несколько мансард, где жили слуги.

Многие комнаты стояли закрытыми, а те, куда Джорджу удалось заглянуть, либо пустовали, либо были завалены совершенно неинтересными вещами.

Только в одном месте нашлось нечто, достойное внимания. В самом конце западного крыла, в углу дома, в окружении запертых комнат обнаружилось шестиугольное помещение. Из эркера открывался вид на парк. Штор на окнах не было, и стенные панели выгорели на солнце. В комнате не было никаких украшений, за исключением стоявшей в центре большой белой скульптуры, покрытой трещинами и сколами. Джордж сначала решил, что она из мрамора, но потом понял, что это гипс. На постаменте высотой около полуметра виднелась какая-то надпись.

Скульптура представляла собой обнаженного мальчика в натуральную величину, чуть старше Джорджа, стоявшего на коленях с поднятыми и сведенными, будто в мольбе, руками. Его запястья были скованы кандалами. Хотя материал скульптуры был белым, по чертам лица и мелким кудряшкам на голове Джордж понял, что это негритенок.

На постаменте он прочитал слова: «РАЗВЕ Я НЕ ЧЕЛОВЕК И НЕ БРАТ?»

Джордж еще раз обошел статую, как будто, если посмотреть на нее с другой стороны, можно было получить ответы на его вопросы. Он слышал, как родители говорили о торговле людьми и с большим неодобрением упоминали каких-то «аболиционистов»¹. Несколько раз он видел подобные изображения на витринах магазинов. А однажды во время чаепития, на которое его взяла с собой мать, он заметил на

¹ Аболиционизм — движение за отмену рабства и освобождение рабов.

столе сахарницу с такой же надписью: «РАЗВЕ Я НЕ ЧЕЛОВЕК И НЕ БРАТ?», а чуть ниже приписку: «ВО МНЕ НЕТ САХАРА, ДОБЫТОГО РАБСКИМ ТРУДОМ». Когда мать увидела, что Джордж глазеет на сахарницу, она сказала: «Только этого не хватало!», и они сразу ушли домой.

— Тебе разве кто-то разрешил заходить сюда?

Эти слова будто ударили Джорджа в спину. В дверях, опираясь на трость, стоял дядя Август в голубом халате до пят, из-под полы которого виднелись причудливо расшитые турецкие туфли с загнутыми носами. Почему-то именно из-за них его появление показалось мальчику особенно пугающим.

— Мне никто не запрещал этого делать, сэр, — ответил Джордж.

Сэр Август фыркнул, выражая крайнюю степень недовольства, повернулся и ушел.

Несколько минут Джордж стоял в комнате со статуей и дрожал. Он начал догадываться, что боится вовсе не сэра Августа, а того, что больше не может быть ребенком. Вот почему он так горевал, когда уехали родители. Он был очень к ним привязан и благодарен за все, что они для него сделали. Но сейчас ему больше всего не хватало того ощущения невинности, которое они ему дарили.

Джорджу хотелось громко топнуть ногой в знак недовольства, но он просто стоял и ждал, пока страх и гнев сами растворятся в тишине и на смену им придет холодная решимость. Вдруг он понял, что очень проголодался. Никто так и не позвал его ко второму завтраку. Джордж вышел из комнаты и спустился по лестнице.

В холле он встретил Харгрейва, притворившегося, что не заметил мальчика. Но не на того напал.

— Харгрейв! — Дворецкий медленно повернулся и посмотрел на Джорджа, стоящего на лестнице и от этого оказавшегося на голову выше.

— Мастер Джордж?

— Почему никто не сказал мне, когда будет второй завтрак?

— Сэр Август никогда не завтракает дважды.

— Никогда?

— Никогда, мастер Джордж. — И Харгрейв, будто желая избежать дальнейших расспросов, быстро удалился в сторону помещений для слуг.

Джордж спустился вниз и остановился посреди холла. От гулявших там сквозняков он мгновенно продрог. На улице ярко светило солнце; его косые лучи, проникавшие в дом сквозь витражные стекла на площадке парадной лестницы, падали на серые плиты пола и расцвечивали их голубыми и золотыми искорками. Собираясь с духом, Джордж стоял и любовался причудливой игрой света, рисующего на полу герб Сент-Моров: грифона и льва с поднятой лапой на лазурном поле.

Справа находилась дверь в библиотеку, за которой Джордж с уверенностью, свойственной юности, надеялся найти своего дядю. Он постучался, но никто не ответил. Подождав минуту-другую, мальчик все-таки решился войти. В комнате было жарко и светло, она показалась ему какой-то сонной, но отнюдь не пустой. В кресле за столом, прикрыв грубо вылепленное восковое лицо от солнца большим белым шейным платком, сидел сэр Август. Облака пыли медленно кружились в лучах света. Сэр Август спал, и спокойное глубокое дыхание чуть приподнимало платок.

Джордж с любопытством поглядел на дядю. Увиденное порадовало его, как радует любого зрелище

облеченного властью человека, который оказался в незащищенном положении. На столе по-прежнему лежали газеты и стояла шахматная доска. Отец учил Джорджа играть в шахматы, и мальчик делал некоторые успехи.

Приблизившись к столу, Джордж несколько минут изучал расположение фигур. На доске оставалось пять белых и три черных. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять: белые могут поставить мат в два хода. Задача была простенькой, почти детской. Джордж почувствовал непреодолимое желание сделать победный ход белой королевой. Ведь если у него получится, он собьет с дяди спесь, станет ему почти ровней. Некоторое время страх в мальчике боролся с честолюбием. С того места, где он стоял, Джордж не мог дотянуться до шахматной фигуры: нужно было обойти стол и встать рядом со спящим дядей.

Этот путь он проделал бесшумно; теперь его глаза видели только белую королеву. Но едва Джордж взялся за шахматную фигуру, спеша подвинуть ее на три клетки, как что-то тяжелое и холодное схватило мальчика за руку. Сэр Август поднялся, и платок соскользнул вниз. Грубое вытянутое лицо дяди оставалось неподвижным, и только глаза, не отрываясь, смотрели на племянника, а рука не давала ему пошевелиться.

— Кто сказал, что сейчас твой ход? — спросил сэр Август.

Замешкавшись, Джордж ответил:

— Это неважно. Даже если сейчас ходят черные, белые все равно поставят мат в два хода.

— Кто сказал, что ты играешь за белых?

Очень медленно сэр Август отпустил его и поднял указательный палец правой руки, приказывая оставаться на месте.

— Я пришел узнать насчет второго завтрака, сэр, — пробормотал мальчик, прекрасно сознавая всю нелепость своего ответа.

— Я никогда не завтракаю дважды, — произнес сэр Август.

— Харгрейв мне сказал.

— Да? Тогда зачем же ты меня побеспокоил?

— Я не привык обходиться без второго завтрака, сэр.

— Привыкай. Ты и так слишком упитан. Я подозреваю, что твоя мать намеревалась сделать из тебя рохлю.

Джордж вспыхнул — его очень расстраивала его полнота.

— Если уж тебе так хочется набить живот, ступай на кухню и найди миссис Мейс, нашу экономку. Скажи, что я тебя прислал. У нее наверняка найдется холодная говядина и молоко. Или что ты там еще любишь.

— Дядя, а где кухня?

— Сами найдете, сэр, — с издевкой ответил сэр Август. — Ты же привык рыскать там, куда тебя не звали. Значит, и кухню отыщешь без труда. — Мальчик начал пятиться к двери. — Стоять, мастер Джордж! Я еще не закончил. Раз уж ты намерен обжираться за мой счет, придется кое-что для меня сделать. Вечером пойдешь в парк, найдешь висельника и принесешь сюда. Понял?

Джордж кивнул.

— Наверняка не понял, но со временем поймешь. Найди его и принеси сюда за полчаса до обеда, который у нас подают в пять часов. Теперь можешь идти на все четыре стороны!

Слегка стыдясь своего неумного аппетита, Джордж все-таки отправился на поиски кухни и миссис Мейс.

К счастью, найти их было и в самом деле несложно — и обе оказались на удивление теплыми. Миссис Мейс, полная и по-матерински ласковая, сразу засуетилась вокруг Джорджа и подала ему хлеб, холодную говядину и пикули. Приятный момент подпортил Харгрейв, который стоял и молча смотрел, как Джордж ест. Когда дворецкий ушел, мальчик спросил у миссис Мейс, правда ли, что она — единственная женщина в доме, и та сказала, что да, так оно и есть. Потом он спросил, хороший ли человек сэр Август.

— Он хозяин этого дома, мастер Джордж, но я его почти не вижу. Особенно после смерти хозяйки.

— Миссис Мейс, а как умерла леди Мор?

— Леди Цирцея, так ее звали. Она приехала из Вест-Индии, где у вашего дяди были плантации. Но Англия ей не подошла. Со стороны сэра Августа неразумно было привозить ее сюда. Говорили, что она зачахла. Она вообще была слабенькая. Вот и все, что я об этом знаю, мастер Джордж. А теперь доедайте говядину с пикулями и отправляйтесь играть, как послушный мальчик.

Джордж хотел спросить ее про висельника, но, поразмыслив, решил, что это только его дело и посторонних вмешивать не стоит.

Выйдя из дома, он вдруг сообразил, что впервые в жизни гуляет один. В Лондоне его постоянно сопровождали мать, гувернантки или слуги. Здесь же, хотя Джордж и являлся наследником этого дома, слуг у него не было.

Ясное до сей поры небо с пугающей быстротой затягивали тяжелые серые облака. Под ним шелестели деревья и зеленели лужайки; проложенные искусным садовником дорожки извивались, будто приглашая Джорджа отправиться в путешествие, но тот

лишь стоял и растерянно оглядывался по сторонам. Ему были открыты все пути, но он не знал, куда направиться — и рядом не было никого, кто взял бы его за руку. Джордж почувствовал, как внутри снова всколыхнулась обида на родителей, но, вопреки обыкновению, сдержал слезы. Он вдруг понял: ему остается лишь идти вперед или погибнуть. Изгнание из Эдема уже состоялось.

Он принял достаточно разумное решение. То, что он видел из окна своей комнаты, было единственным известным ему местом в парке, и находилось оно позади дома. Парк казался пустынным. Джордж не заметил ни одного живого существа: ни человека, ни оленя, ни даже белки. А щебет птиц, если они тут и были, был заглушен сильным ветром, который раскачивал деревья с шумом, похожим на плеск волн. Облака поднялись выше и теперь быстро неслись по небу; между ними снова стало проглядывать солнце.

Джордж повернул за угол дома и подошел к широкой каменной лестнице, ведущей на лужайку, за которой виднелся пруд. Мальчик разглядывал открывшийся перед ним вид, словно вражескую территорию. Ландшафт парка был тщательно продуман, и от этого он казался еще более опасным, хотя Джордж и не мог бы объяснить, почему. Лишь одно старое дерево выбивалось из задуманного Рептоном строгого порядка — дуб, который почему-то выглядел смутно знакомым. Подойдя к нему, мальчик вспомнил, что именно на это дерево опирался сэр Геркулес на картине Гейнсборо.

Чем больше мальчик смотрел, тем больше ему казалось, что дуб, изображенный на картине, более реален, чем этот, настоящий, который выглядел как

обрюзгшая копия гейнсборова дуба, как его беспутный брат. За деревом мелькнуло что-то черное, похожее на собачий хвост. Джордж обошел дуб, но никого не увидел.

Порыв ветра потревожил гладь пруда, превратив ровную зеркальную поверхность в покореженное оловянное блюдо. Из проплывавшего над головой облака упало несколько капель. Пора было что-то предпринять. Джордж мог вернуться в безопасный и надежный дом, но он знал, что там нет ничего, кроме пустынных комнат и жутковатого дяди.

Ближайшим местом, где можно было спрятаться от непогоды, оказался маленький классический храм у самой воды. Джорджу он даже понравился, потому что напоминал здания, которые мальчик привык видеть в Лондоне. Покрытый патиной медный купол, освещенный скупыми солнечными лучами, выглядел не слишком надежным. К ионическому мраморному портику вела короткая лестница. Джордж бросился вперед, морщась от ветра, дувшего прямо в лицо.

Чтобы добраться до портика, пришлось обогнуть храм. Мальчик попытался заглянуть в окна, но сквозь пыльные, затянутые паутиной стекла ничего не было видно. Туда явно давно никто не заходил. От страха и возбуждения Джорджа била дрожь.

Подойдя к ступенькам, он увидел, что вход в храм преграждают две высокие, почти черные бронзовые двери, кое-где тоже покрытые патиной. Джордж неуверенно посмотрел на огромные ручки. Интересно, хватит ли у него сил?..

Но бронзовые двери открылись сравнительно легко, хотя и отчаянно скрипели при этом. Визг несмазанных петель, похожий на человеческий крик, напугал Джорджа.

В храме царил легкий полумрак: единственными источниками света были давно не мытые окна и фонарь под куполом. Лишенные украшений гладкие белые стены заставляли вошедшего невольно обратить взгляд к задней части помещения, где находился мраморный барельеф с изображением обнаженного мужчины и сидящей полуженщины-получудовища. По-видимому, это был Эдип, разговаривающий со Сфинксом.

Посреди храма Джордж увидел выкрашенные на французский манер деревянный стол и три стула с овальными спинками. На столе стоял фарфоровый чайный сервиз, белый с черным рисунком. Чашки были пусты, но в сахарнице виднелись коричневые крупинки. Рисунки на сервизе изображали сценки из жизни вест-индских плантаций: черные рабы, убирающие сахарный тростник под присмотром человека с кнутом в широкополой шляпе; белый мужчина с женой, отдыхающие на веранде дома с видом на поля сахарного тростника; убогие хижины рабов, а перед ними куры и играющие в грязи дети.

Самые интересные рисунки обнаружили на сахарнице. На одной стороне было изображено восстание рабов. Негры подожгли поле и напали на мужчину с кнутом. Один из восставших стоял над распростертой на земле белой женщиной, ее одежда была разорвана. На другой стороне солдаты британской армии окружили дерево, на ветке которого был повешен раб. Несколько рабов со связанными руками стояли рядом и смотрели на казнь — непонятно, то ли в назидание, то ли ожидая той же участи.

Вдруг за спиной мальчика раздался слабый стон. Джордж повернулся и увидел, что от ветра бронзовая дверь начала закрываться. Он со всех ног кинулся к выходу, испугавшись, что дверь захлопнется, и он не

сможет выйти. Он успел вовремя и стал искать, чем подпереть дверь. На глаза ему попала упавшая ветка старого дуба. Убедившись, что дверь не закроется, мальчик вернулся в храм, взял со стола сахарницу и вышел наружу.

Снова оказавшись под открытым небом, Джордж убрал ветку и с силой захлопнул бронзовую дверь. Удар эхом отозвался внутри храма. Его немного удивило, что на этот раз дверь совсем не скрипела. Ветер подул еще сильнее, разгоняя облака.

Проходя мимо дуба, Джордж услышал слабый треск. Вероятно, виной тому был ветер, разгулявшийся в ветвях, хотя такой же звук мог бы издавать толстый сук, если бы на нем раскачивался на веревке тяжелый предмет. Вглядевшись на всякий случай в крону, мальчик не заметил ничего подозрительного и побежал в дом.

В назначенное время перед обедом Джордж постучался в дверь библиотеки. Последовала пауза, затем раздалось властное:

— Войдите!

Сэр Август, как всегда, сидел за столом, и среди газет по-прежнему стояла шахматная доска; на этот раз фигуры были расставлены для начала партии. Сэр Август внимательно разглядывал их. Увидев племянника, он вздрогнул.

— Черт побери! Что ты здесь забыл?

— Вы сами велели мне прийти за полчаса до обеда.

— Да, действительно. Итак, мастер Джордж, я поручил вам кое-что сделать...

— Да, сэр. Я нашел то, что вы просили.

— Что?

— Я нашел висельника, сэр Август.

— Боже мой, неужели?

Джорджа поразило то, что дядя, по-видимому, сильно удивился. Неужели он был настолько невысокого мнения о способностях племянника? Мальчик показал ему сахарницу; сэр Август повертел ее в руках:

— Где ты это нашел?

Джордж рассказал.

— Разве я разрешал тебе входить в храм Сфинкса?

Джордж покачал головой.

— Очень хорошо. А что-нибудь еще ты там видел?

Джордж снова покачал головой.

— Ради бога, сэр, прекратите мотать головой и отвечайте, как подобает джентльмену: да или нет?

— Что еще я мог там увидеть, сэр Август?

Ответом ему было молчание, и когда Джорджу стало понятно, что дядя не собирается продолжать разговор, он спросил, указав рукой на доску:

— Может быть, партию в шахматы, сэр?

— Нет, черт тебя побери, дерзкий мальчишка! Пошел вон отсюда!

Джордж без единого слова покинул комнату. Когда сердце перестало бешено колотиться и дыхание выровнялось, он вдруг испытал нечто похожее на жалость. Теперь он знал, что не единственный в этом доме испытывает страх.

III

Вечером к обеду приехал мистер Верекер, будущий репетитор Джорджа. Это был молодой человек с бледным, как луна, лицом и тощий, под стать хозяину дома (правда, его худоба была скорее следствием недоедания, чем аскетизма). Джордж, хотя ниче-

го и не знал о плотских удовольствиях, на гостя поглядывал с недоумением: как при такой конституции ему удалось стать отцом четырех детей?

Сэр Август сидел во главе стола, мистер Верекер и Джордж — по обе руки от него. Обед был превосходен. Каждая перемена состояла из нескольких блюд, к которым сэр Август едва притрагивался. Он пил больше, чем ел, непрерывно подливая в свой бокал портвейн из графина, но никому другому вина не предлагал. Джорджу и мистеру Верекеру подали пиво, его же пили и слуги. Пока не закончили с основными блюдами, за столом почти не разговаривали, но наконец сэр Август обратился к гостю:

— Сэр, насколько я знаю, вас зовут Гамлет, отец Гамлет Верекер. Как вышло, что вас назвали в честь принца датского?

— Мой отец, сэр Август, был книготорговцем и большим любителем литературы. Особенно Эйвонского барда¹.

— Шекспира! Называйте его Шекспиром, если вы образованный человек! Нам здесь не нужны слюнявые эпитеты. Так, значит, ваш отец был книготорговцем? Не слишком прибыльное дело, зато, я уверен, честное. Почему же вы не пошли по его стопам? Что побудило вас стать священником?

— Таково было желание моего дорогого отца. Он трудился в поте лица, чтобы я мог учиться в Оксфорде. Кроме того, я верю, что мое призвание в служении Господу.

— Правда? Экий вы самонадеянный молодой человек, сэр! Значит, вы утверждаете, что являетесь хорошим богословом?

¹ У. Шекспир родился в Стратфорде-на-Эйвоне.

— Лыщу себя надеждой, что это...

— Конечно, льстите, Гамлет Датский. Но здесь нет места лести. Итак, вы сведущи в богословии... Очень хорошо. Позвольте задать вам один вопрос. Вы верите в ад?

Мистера Верекера смутил этот вопрос. Под немигающим взглядом сэра Августа он заерзал на стуле.

— В ад, сэр Август?

— Да, в ад, мистер Верекер. Хотелось бы услышать ваше мнение по этому поводу. У вас оно должно быть.

— В Писании сказано...

— Нет-нет, сэр! Не прячьтесь за Писанием, как девушка на первом балу за занавеской. Мы хотим узнать, что вы сами думаете по этому поводу. Итак?

— Я верю, что вечные муки существуют. Это одна из догм англиканской церкви, сэр.

— Вечные муки? И вы считаете, что это справедливо?

— Господь справедлив, сэр Август.

— Я не спрашивал вас, справедлив ли Господь, сэр. Я спрашиваю, заслуживают ли вечных страданий мужчины или женщины, который единожды или многократно совершили злодеяния на этой земле. Итак, мистер Верекер?

— Считается, что каждый наш поступок имеет последствия в вечной жизни...

— Господи, да неужели? И почему же? Разве не правда, что все проходит — и хорошее, и плохое, — а жизнь наша состоит как из мук, так и из утешений?

Мистер Верекер не ответил, а вскоре после того, как со стола убрали, извинился и ушел. Джордж подумал, что наступил подходящий момент, и они с сэ-

ром Августом смогут поговорить, как дядя с племянником, но он ошибался.

Сэр Август с минуту смотрел немигающим взглядом на замершего в ожидании Джорджа, а потом сказал:

— Ступай отсюда, мальчик! Иди и оставь меня наедине с моим портвейном.

Джордж уже привык к царящей в аббатстве тишине и едва слышному щебету птиц, который из-за тяжелых жаккардовых штор в спальне возвещал о наступлении утра. Но этой ночью ему не спалось, и он решил изучить свою комнату. Помимо входной там имелось еще две двери, но обе оказались закрыты. Убедившись в этом, Джордж почему-то обрадовался. Это означало, что ему остается лишь покориться неизбежному.

Забравшись в кровать, он прислушался к тишине. Наверное, он все-таки ненадолго заснул; разбудил его не шум, а свет, проникавший в спальню через неплотно задернутые шторы: в небе висела полная луна.

Джордж подошел к окну, надеясь впервые в жизни увидеть ночное светило не над высокими крышами лондонских домов, а над деревьями, травой и водой. Раздвинув шторы, он выглянул на улицу. Ставший уже привычным парк в лунном сиянии переливался всеми оттенками серого. Трава, серебряное зеркало воды, храм Сфинкса, знакомые деревья и дуб теперь выглядели так, словно кто-то написал их гризайлем¹. Предметы отбрасывали гу-

¹ Гризайль — вид живописи, выполняемой в разных тонах одного цвета.

стые, насыщенные тени, и те казались куда более живыми, чем освещенный лунной пейзаж, из которого словно высосали все краски.

Вдруг Джорджу почудилось, что странные выпуклые тени, обступившие дуб, словно грибы, движутся. И снова у ствола мелькнул собачий хвост, будто животное спряталось за деревом. Сердце Джорджа екнуло от страха, он глубоко задышал. Собака, будь она живая или мертвая, ничего ему не сделает, ведь он смотрит на нее из окна. Он повторил это про себя несколько раз и почувствовал прилив сил, которые оченьгодились ему потом.

Пока он глядел в сторону дерева, среди теней мелькнуло что-то еще более темное, чернее самой черноты. Словно клочок тумана, оно медленно выползло из-под ветвей. Оказавшись перед деревом, бесформенный черный туман вдруг сгустился — и превратился в мужчину (или мальчика — расстояние было слишком велико, чтобы сказать точнее). Лица его Джордж тоже не мог различить, но точно знал: тень смотрит на него. Ему показалось, что на мужчине (или мальчике) нет никакой одежды, а еще он поднял руку, словно хотел что-то показать. И Джордж увидел, что с нее свисала веревка или цепь с петлей. Контуры фигуры стали четче, и Джордж увидел, что ее голова покрыта густыми выющимися волосами.

Человек поднял веревку с петлей над головой. В этот момент Джордж услышал, как в доме кто-то приглушенно вскрикнул; возможно, это был дядя Август. Снова воцарилась тишина. Фигура повернулась и отступила назад, в густую тень дуба.

Еще полчаса Джордж напрасно ждал у окна появления человека или собаки. Ему казалось, что все случившееся было представлением, которое подо-

шло к концу. Он лег в постель и быстро уснул. Когда на следующий день его разбудило птичье пение, он был почти уверен, что человек с петлей привиделся ему в ночном кошмаре. Но в глубине души он знал, что это не так.

Утром пришел мистер Верекер и отпер одну из дверей, которые накануне привлекли внимание Джорджа. За дверью обнаружилась классная комната. Репетитор в замешательстве оглядел пыльные книжные полки, паутину, опутавшую глобус и модель Солнечной системы. Джордж с удовольствием наблюдал за его беспомощностью, решив, что когда-нибудь обязательно ею воспользуется. Желая показать, что он тут главный, Джордж подошел к одному из столов, смахнул пыль и, победно глядя на репетитора, сел за него. Мистер Верекер с облегчением вздохнул и начал собираться с мыслями.

Остаток утра прошел спокойно. Начали с латыни; мистера Верекера искренне радовало, что мальчик все схватывает на лету. Через несколько дней помощник священника, окончательно убедившись, что ему достался способный ученик, начал посвящать его в тонкости греческого. Джордж, предпочитая учебу скуке, инстинктивно понимал, что знание, любое, даже самое бесполезное, приносит власть. А еще ему хотелось проверить, получится ли у него незаметно подчинить себе мистера Верекера, который боялся даже собственной тени.

Каждый день, кроме воскресенья, они занимались до часу, а потом Джордж спускался к миссис Мейс и перекусывал неизменной говядиной с пикулями. Однажды мистер Верекер закончил урок раньше обычного, и Джордж остался в классе, чтобы посмотреть, не найдется ли здесь чего-нибудь интересного.

Книги оказались старыми изданиями сочинений Евтропия¹, Вергилия и пр., не представлявшими никакого интереса, зато в углу на полке он обнаружил шахматы в инкрустированной деревянной коробке и сильно потрепанную книгу с наполовину оторванной обложкой. На переплете названия не было; Джордж заглянул внутрь и прочитал на титульной странице: «Анализ шахматных партий, или Как за короткое время достичь совершенства в этой благородной игре», перевод с французского, классическое произведение Филидора², изданное в 1762 году в Лондоне. Джордж решил, что займется его изучением в свободное от занятий время.

Чуть позже мальчик спустился на кухню, но в холле его остановил Харгрейв. Джорджу очень не нравился дворецкий, хотя за неделю, что мальчик провел в этом доме, они едва перекинулись парой слов. Джордж терпеть не мог надменных людей, а Харгрейв смотрел на него, как на досадное недоразумение, которое хоть и временно, но нарушает размеренную жизнь аббатства. Свое отношение к мальчику дворецкий выражал тем, что просто его не замечал. Этот человек был похож на ходячий айсберг.

— Сэр Август желает видеть вас в библиотеке, мастер Джордж. Немедленно, — последнее слово прозвучало как приказ.

Джордж постарался вернуть слуге такой же холодный взгляд:

— Хорошо, Харгрейв, можешь идти.

¹ Флавий Евтропий — римский историк IV века.

² Франсуа-Андре Даникан Филидор (1726—1795) — французский шахматист и шахматный теоретик.

Джордж прекрасно понимал, что его распоряжение ничего не значит, но ему хотелось напомнить, кто тут хозяин. Харгрейв не подал виду, что оскорблен. Он притворился, что ничего не слышал, посмотрел на витражное окно, потом на пол, избегая смотреть на Джорджа, и медленно удалился прочь.

Дядя, как обычно, сидел за столом. Шахматная доска стояла на месте, некоторые фигуры были передвинуты, но ни одна из сторон еще не понесла потерь.

— А, вот и ты, племянник. Мне мало о тебе докладывают. Знаю только, что ты донимаешь миссис Мейс своим обжорством, набивая пухлые щеки моей говядиной и хлебом, будто погреб у нас бездонный.

— Кто вам это сказал, сэр? Наверняка Харгрейв?

— Черт бы побрал вашу наглость, сэр! Неважно, кто сказал, но это факт. И вам, упитанному маленькому бездельнику, не стыдно отнимать хлеб у моих слуг?

— Я не думал...

— Конечно, не думали! Отныне будете перекусывать хлебом и молоком, а на второй завтрак получать хлеб с сыром. Никакого вреда вам от этого не будет, с голоду не умрете. А за ужином, сидя со мной за одним столом, вы получите лишь то, что я посчитаю нужным. Вам ясно, сэр?

— Совершенно ясно, сэр Август.

— И никаких сладостей и пудингов до тех пор, пока я не решу иначе, хотя... — он на мгновение задумался, — раз уж вы так ловко выполнили прошлое задание, я решил предложить вам еще кое-что. Отыщите киносему, — он написал слово на листке бумаги и протянул Джорджу. — И скажите, что на ней написано.

Джордж уставился на незнакомое слово. Ему не хотелось подставляться, задавая вопросы. И он указал на шахматную доску:

— Помочь вам, сэр Август?

— Нет, чертов наглец! Пошел вон отсюда!

IV

На следующее утро, написав без единой ошибки упражнения по латыни, отчего мистер Верекер заметно повеселел, Джордж спросил его о загадочном слове.

— Видите ли, мастер Джордж, — ответил преподаватель, — Киноссема — это место, где во время Пелопоннесской войны произошло морское сражение. Вы можете прочесть о нем в последней книге Фукидида¹, но мне кажется, вам это еще рано. Попробуйте начать с Ксенофона или Геродота. А почему вы, собственно, спрашиваете?

— Значит, Киноссема — это какое-то место...

— Это мыс у Геллеспонта в Эгейском море.

— А что значит само слово?

— Мастер Джордж, мне кажется, вы и сами можете догадаться. Это языковая контаминация²: первое слово — родительный падеж от «кино», что означает...

— Собака.

— Второе слово — «сема». Помните, я рассказывал вам, что у пифагорейцев была песнь «сома-сема», то есть тело (сома) есть...?

¹ Крупнейший древнегреческий историк.

² Искусственное слово, состоящее из двух слов.

— Могила!

— Именно так — могила души! Ну-с, и что же у нас получается?

— Могила собаки. Спасибо, мистер Верекер!

— А почему вас это интересует, мистер Джордж?

— Ой, мистер Верекер, я давно хотел спросить — вы прекрасный учитель, но почему вы не пошли преподавать в какую-нибудь хорошую школу?

Мистер Верекер был не из тех, кто мог бы распознать лесть и понять, что собеседник меняет тему разговора. Такое коварство было выше его понимания. И он с удовольствием начал изливать мальчику душу.

— Когда я получил ученую степень, меня выбрали членом Совета Бэйлиол-колледжа. Но члены таких советов не могут быть связаны узами брака. Моя жена Кларисса — дочь оксфордского аптекаря. Меня ужасно мучили фурункулы, и помогала только дешевая мазь, которую готовил отец Клариссы. Я часто видел ее в аптеке и очень к ней привязался. Настолько, что... — он на мгновение запнулся, но продолжал: — ...что был обязан жениться на Клариссе и уйти из Совета.

К тому времени я уже принял духовный сан, поэтому оказался на улице простым пастором без всякого влияния. Чтобы спасти свою растущую семью от нищеты, мне пришлось стать помощником священника. Я пытался устроиться в несколько школ, но условия учителям там предлагали почти рабские. К тому же мне ясно дали понять, что люди, обремененные большой семьей, для них нежелательны.

Слушая рассказ преподобного Гамлета Верекера, Джордж уловил отголоски того, что, в его понимании, принадлежало исключительно к взрослому миру. Разговоры о бедности и трудном выборе были ему

любопытны, но не настолько, чтобы серьезно об этом задумываться. Впрочем, определенные выводы он сделал и решил, что никогда не женится.

Вечером мальчик начал поиски собачьей могилы. С трудом разгадав значение слова, Джордж решил, что дальше будет легче. Осталось отыскать в парке памятник собаке, и дело сделано. Памятник он в итоге не нашел, зато обнаружил много интересного: маленький палладианский¹ мост через канал, питающий пруд, который не являлся мостом в прямом смысле этого слова (по нему нельзя было пройти с берега на берег, так как его перегораживала сложенная из грубого камня стена); в самом конце тисовой аллеи — обелиск с иероглифами на цоколе; полукруглый грот со статуей длиннородого старика — по-видимому, речного бога, который склонился над гранитным водоемом в форме раковины. Каменная статуя была серой, но во рту и по всей бороде разросся лишайник, и казалось, будто старика рвет чем-то зеленым. Это был фонтан: изо рта речного бога непрерывно струилась вода.

К парку — шедевр Хамфри Рептона — подступал настоящий лес, который своей дикостью только подчеркивал его красоту, но даже в этом лесу Джордж заметил следы вмешательства знаменитого ландшафтного архитектора.

На небольшой опушке — из аббатства ее не было видно — среди деревьев стоял строгий дорический храм из темного камня. На треугольном фронтоне над портиком был барельеф с ухмыляющейся головой. Над дверями храма виднелись слова:

¹ Построенный в стиле, вдохновленном работами Андреа Палладио, итальянского архитектора XVI века.

MORS IANUA VITAE

— «Смерть — ворота смерти», — пробормотал Джордж про себя. Это неправильно. Наверное, там должно быть написано: «Mors Ianua Vitae» — «Смерть — ворота жизни»? Мальчик заметил, что бронзовые двери похожи на те, что он видел в храме Сфинкса, только меньше.

Размышляя об этом, Джордж вдруг услышал за деревьями шум: кто-то продирался сквозь кустарник. Мальчик спрятался за колонной и стал наблюдать. Из леса вышел мужчина в очень грязном темно-зеленом бархатном пиджаке и обтягивающих штанах. Он двигался крадучись и что-то искал на земле, раздвигая траву тростью. На плече у него висела большая холщовая сумка. Вдруг, издав довольный возглас, мужчина нагнулся и что-то поднял. Это был кролик, который попал в силки, но все еще продолжал сопротивляться. Мужчина аккуратно ударил его по голове набалдашником трости, и кролик обмяк.

— Эй! Что вы делаете? — крикнул Джордж.

Незнакомец обернулся, и Джордж заметил, что тот напуган. Увидев, что перед ним всего лишь мальчишка, мужчина хитро прищурился.

— Добрый день, юный сэр, — сказал он, сдвигая назад поношенную молескиновую шляпу. — Простите мне эту дерзость, но позвольте поинтересоваться, что вы делаете в лесу?

— Ваша наглость непростительна, сэр, — ответил Джордж. — Вы нарушили границы владения! Я все расскажу моему дяде, сэру Августу, и он вас оштрафует, — Джордж следил, какой эффект произведут на незнакомца его слова. — Как вас зовут?

— Зачем же я стану называть свое имя, молодой человек?

— Если вы этого не сделаете, негодный браконьер, я скажу людям в аббатстве, и они выгонят вас отсюда как собаку!

— Должен заметить, что для юного джентльмена у вас довольно богатый словарный запас.

— Не смейте дерзить мне! Ваше имя!

— Джем Мейс. Я был здесь лесником.

— Мейс? Вы муж нашей кухарки, миссис Мейс?

— Слава богу, нет, молодой человек. Она моя сестра и вообще никогда не была замужем. Просто обращение «миссис» добавляет ей солидности.

— Значит, вы хорошо знаете этот парк?

— Как свои пять пальцев, сэр.

— А почему вы больше не работаете у нас лесником?

— На этот вопрос я отвечать не стану.

Джордж замолчал. Он подумал, не пригрозить ли снова мистеру Мейсу, но решил этого не делать. Пожалуй, он проявит милосердие.

— Ну что же, мистер Мейс. Я не стану никому говорить о том, что вы здесь делали. Но за это вы должны мне кое-что рассказать. Где тут могила собаки?

Мейс некоторое время с интересом смотрел на мальчика, почесывая голову.

— Кто вам об этом рассказал, сэр?

— Не ваше дело, Мейс.

— Когда-то здесь действительно жила собака, черный спаниель. Хорошая была псина.

— Как ее звали?

— Точно не помню, но вы узнаете, когда найдете ее так называемую могилу. Это была любимая собака

сэра Августа. А потом он уехал в Вест-Индию и привез оттуда невесту, леди Цирцею. Вот уж странное имечко! И эта собака настолько к ней привязалась, что перестала слушаться и даже просто подходить к сэру Августу. Ходили слухи, что у леди Цирцеи был особый дар обращения с животными, как и у многих представителей ее народа. Собака всюду следовала за ней по пятам и совсем потеряла интерес к охоте с хозяином. Однажды, незадолго до смерти леди Цирцеи, кто-то свернул собаке шею. Ее нашли под дубом, и леди Цирцея сильно горевала. У корней старого дуба была расщелина, там собаку и похоронили. Отверстие закрыли камнем, на котором выбили имя пса. Вы сможете его увидеть, если только дерево с той поры не очень разрослось.

— А как умерла леди Цирцея?

— Вот что, молодой человек, я ответил на ваш вопрос, а теперь мне пора. Если вы никому не расскажете о нашей встрече, мы с вами можем снова увидаться. Я иногда брожу здесь по вечерам.

— А если я расскажу?..

— Тогда, молодой человек, я не отвечаю за последствия, — приподняв шляпу, Мейс удалился.

В следующую минуту Джордж помчался к дубу. Ему было весело и немного страшно; мальчику казалось, будто с глаз его медленно спадает пелена.

Поиски могилы заняли некоторое время. Ствол у самой земли зарос плющом, с которым Джордж расправился при помощи карманного ножа. Пока мальчик трудился, ему несколько раз слышалось чье-то пыхтение и тихий скулеж. Он оглядывался, но ничего так и не увидел. Наверняка он принял за скулеж свое сбившееся от непривычных усилий дыхание. Прохладный ветерок обдувал его щеки и качал

листву. Джордж срезал с подножья дуба почти весь плющ, и наконец обнаружил небольшой треугольный кусок гранита, вросший в толстые извилистые корни. На нем было выгравировано одно-единственное слово, состоящее из трех заглавных букв: «ДИС».

Перед ужином Джордж постучал в дверь библиотеки. Он не в первый раз приходил к дяде, но каждый новый визит давался ему труднее, чем предыдущий. Сэр Август, как всегда, сидел за письменным столом. Иногда казалось, что он как будто в полусне, но сознание никогда не покидало его. Удлиненное, угрюмое лицо всегда выглядело напряженным, даже когда тело было расслабленным. У Джорджа складывалось впечатление, что дядя постоянно и напряженно ждет. Вот только кого? Или чего?

Взгляд мальчика неизменно натывался на шахматную доску. Иногда фигуры были расставлены для начала игры, но чаще стояли так, будто партия в самом разгаре, но Джордж ни разу не видел, чтобы сэр Август играл. В его присутствии сэр Август не передвинул ни одной фигуры.

Джордж услышал резкое «Войдите!» и открыл дверь.

— Ну?

— Я нашел киносему, сэр Август.

Лицо дяди угрожающе нахмурилось:

— Неужели? И как тебе это удалось?

— Я обнаружил ее у подножья дуба.

Сэр Август вздрогнул:

— Господи, и кто же подсказал тебе, что искать нужно именно там?

Джордж заранее подготовил ответ:

— Никто, сэр. Разве что мистер Гейнсборо.

— Что?

С самым невинным видом Джордж указал на висевший над камином портрет сэра Геркулеса с собакой.

— Я подумал, что ваша собака может быть похоронена там же, где художник написал питомца сэра Геркулеса, то есть у дуба, и именно оттуда начал поиски.

— А имя? Я просил тебя узнать имя.

Сэр Август ощупывал взглядом лицо мальчика, пытаясь поймать его на лжи.

— Дис, сэр. Только я не знаю, что это — имя собаки или название самого захоронения. Мистер Верекер рассказывал, что Дис — древнее название царства мертвых, а еще это имя бога смерти...

— Я знаю, черт тебя побери! Ты еще будешь меня учить, дерзкий щенок!

— Значит, я скажу миссис Мейс, что мою диету можно смягчить, сэр Август?

— Ты что-нибудь заметил, пока рыскал вокруг дуба?

— О чем вы, дядя?

— Не случилось ли с тобой чего-то плохого?

— Нет, дядя. Сегодня прекрасный денек. А теперь можно я скажу миссис Мейс, что...

— Можешь хоть к дьяволу отправляться! Оставь меня в покое!

Джордж послушался и покинул поле боя. Сегодня дядя потерпел поражение, а мальчик начал понимать, что у любой победы есть последствия. Теперь тайна, которую он пытался разгадать, стала еще непонятней, а темнота сгустилась.

Ночью что-то разбудило Джорджа. Непонятный шум в доме нарушил привычную тишину. Джордж вышел из спальни и направился к лестнице, ведущей

в главный холл. Посмотрев вниз, он заметил слабый свет, льющийся из приоткрытой двери библиотеки. Источник звука находился там. Стон, прерываемый судорожными вздохами, явно издавал человек, но вместе с тем было в нем что-то нечеловеческое. И еще он имел странное сходство со скрипом, который издавали бронзовые двери в храме Сфинкса.

Потом Джордж заметил огонек и услышал шарканье ног по каменным плитам. Из крыла, где жили слуги, появился Харгрейв с канделябром в руках. Он медленно шел по направлению к библиотеке. Посреди холла дворецкий вдруг остановился, словно его что-то встревожило; он медленно поднял голову и повернулся туда, где стоял Джордж. Мальчик быстро юркнул в тень, а затем вернулся в свою комнату.

Так и не сумев заснуть, он подошел к окну и выглянул на улицу. Ночь была ясной, на небе ярко светила луна. Мальчику показалось, что он разглядел рядом с дубом две фигуры. Одна была похожа на негра с петлей, которого он видел раньше, другая была собачьей. Человеческая фигура стояла абсолютно неподвижно, собака пару раз махнула хвостом. Джордж моргнул и отпрянул от окна; когда он через несколько мгновений вернулся, под деревом уже никого не было.

V

Через несколько дней отец Гамлет Верекер был снова приглашен к столу сэра Августа. Миссис Мейс успела сообщить Джорджу, что сэр Август никогда не

слыл гостеприимным человеком, хотя до женитьбы проявлял чуть большую склонность к общению.

Мистер Верекер явно не отличался словоохотливостью — несколько фраз о погоде, и все, — поэтому было не совсем понятно, зачем сэр Август пригласил священника, разве что снова собирался допрашивать его богословскими спорами. Атака, как и в первый раз, началась после десерта, когда графин с портвейном наполовину опустел. На этот раз сэр Август заговорил об искуплении.

— Ну, отец Гамлет, что вы думаете о прощении грехов? Верите вы в это?

— Мне кажется, вопросы тут излишни, сэр Август.

— Да ладно вам, вопросы — все, что у нас есть на этой земле. Если мы перестанем задавать вопросы, то умрем. Предположим, что все наши грехи будут прощены. Так? Но давеча вы говорили, что верите в вечные муки. И как же одно с другим сочетается, сэр?

— Сэр Август, это так просто, что вам ответит даже ученик воскресной школы. Милость божья безгранична, но пока грешник не раскается, прощения не будет.

— Я понял. Значит, какой бы тяжкий грех я ни совершил, если я раскаюсь, то буду прощен?

— Именно так.

— Другими словами, я могу спокойно убивать, зная, что, если покаюсь, моя душа снова станет чистой, как снег.. Так, мистер Верекер?

За столом воцарилось молчание. Репетитор нервничал больше обычного, а когда заговорил, стал заикаться:

— Н-но это же не будет истинным раскаянием...

— А кто вы такой, чтобы судить? Нет, не отвечайте. Скажите-ка лучше вот что. Согласно вашей вере, Христос умер за грехи всего человечества?

— Это так.

— Тогда раскаяние вообще не нужно. Наши прегрешения искуплены заранее распятием Назаретянина.

— Прощены грехи тех, кто истинно уверовал в него.

— А! Так это действует не для всего человечества? А если бедный грешник родился в Африке и там же умер, так и не услышав слова Спасителя, — он что же, не получит прощения? Тогда, может, будет лучше, если его угонят в рабство и там его окрестит какой-нибудь лицемерный пастор?

— Сэр Август, почему вас волнуют эти вопросы?

— Я испытываю вас, молодой человек. Хочется понять, на каком стержне держится ваша жизнь. Верите ли вы в то, что говорите, или вы — всего лишь глашатай общераспространенного ханжества? Мне нужно понять. Как вам известно, я — владелец Танкертона, и моя священная обязанность следить за чистотой клира.

Мистер Верекер выпрямился и замер. Джордж задался вопросом, понял ли преподобный, что сэр Август лукавит. Сам мальчик, несмотря на свой нежный возраст, уже умел различать, где правда, а где ложь.

— Сэр Август, я могу судить, основываясь только на собственном опыте, — сказал мистер Верекер. — Я знаю, что грешен, и знаю, что мои грехи искуплены кровью Христовой. Это знание, во-первых, идет от моего сердца, во-вторых, подтверждается Священным Писанием, и в-третьих — мудростью святых, которые жили до нас.

Сэр Август помолчал. Потом заговорил, но хотя обращался он к отцу Гамлету, казалось, что он говорит сам с собой:

— Вот вы называете себя грешником, благородный Гамлет. Интересно, а известно ли вам, что означает слово «грешник»? Что есть грех? Вы верите в то, что грех был совершен первым мужчиной и первой женщиной?

— Все мы сыны и дочери Адама.

— И, значит, греховны с самого рождения?

— Да, это так.

— А если бы Адам и Ева не согрешили, мы бы до сих пор бегали голыми, как макаки в джунглях?

— Это пустые измышления, сэр Август.

— Позвольте, сэр! Кто вы такой, чтобы считать мои размышления пустыми? Должен вам заметить, что плод древа познания принес человечеству немало пользы. Ведь без него не было бы ни великих наций, ни славных побед, ни музыки, ни прекрасных храмов, ни престолов. Грех и его осознание объединяет всех нас. Невинность давно потеряна. Разве не сказал философ Дидро, что утрата невинности вознаграждается утратой предрассудков?

— Дидро был атеистом и к тому же французом, сэр Август.

— Он мог быть и тем, и другим, но это не значит, что он неправ. Есть многое на свете, друг Гамлет, что и не снилось нашим мудрецам. Что такое грех, если благодаря ему появилось знание, а потом и спасение? Скажите же мне: если грех прощен, это значит, что он забыт? Или же он остается с нами, чтобы стать нашей силой?

— Он сковывает нас, сэр Август. Мы не можем стать свободными, пока не освободимся от греха.

— И только Христос освободит нас?

— Человек может действовать как посредник в искуплении греха. Отпущение грехов — это церковное таинство.

— Значит, Христос или козел.

— Простите?!

— Разве Аарон, первый израильский первосвященник, не принес в жертву козла во искупление грехов народа Израилева, о чем мы читаем в Книге Левита?

— Такое могло быть только в Ветхом Завете, но не в Новом.

— Значит, в Новом Завете не было козлов? Какая жалость! Тогда это должен быть человек — вот вы, например, отец Гамлет, или, может, этот мальчик?

Сэр Август устремил холодный взгляд на Джорджа. Мальчика пробил озноб. Мистер Верекер встал, и сэр Август расхохотался.

— Да, да, мистер Верекер! Я вас отпускаю! Или мне следует сказать, освобождаю? Возвращайтесь к вашему выводу. К плодам ваших чресел и, без всякого сомнения, ваших грехов. Не противьтесь вашему желанию уйти, сэр!

Мистер Верекер встал и подчеркнуто неторопливо повернулся к Джорджу.

— Завтра с утра, мастер Джордж, мы начнем с Вергилия. С отрывка, который начинается: «*Facilis descensus Averno*»¹.

Он поклонился сэру Августу и ушел.

— Мне начинает нравиться этот парень, — произнес сэр Август. — А вы, мастер Джордж, оставьте меня в покое, ступайте к себе!

¹ Легок путь через Аверн (*лат.*), т.е. легкий спуск в преисподнюю.

Сэр Август очень редко покидал аббатство, и тогда Харгрейв особенно придирчиво наблюдал за перемещениями Джорджа. Причиной тому, предполагал мальчик, была гипсовая статуя раба, которую он нечаянно нашел в первые дни своего пребывания здесь. Однажды сэр Август уехал в Лондон. Джорджу, который все еще тосковал по дому, очень хотелось, чтобы дядя взял его с собой. За ужином накануне отъезда мальчик попробовал заговорить об этом, но дядя не обратил на его просьбу никакого внимания. Утром сэр Август объявил, что с ним поедет Харгрейв, и это в некоторой степени оправдало его в глазах мальчика.

Джордж решил воспользоваться случаем и побольше узнать о своем дяде. Уезжая, сэр Август закрыл библиотеку на ключ, но мальчику было известно, где находится запасной: висит на крючке у Харгрейва в кладовке, которую никогда не запирали. После обеда Джордж зашел туда и взял ключ.

Убедившись, что в холле никого нет, он открыл дверь библиотеки и проскользнул внутрь. Мальчик сразу почувствовал себя неуютно, но это было легко объяснить. Когда бы Джордж сюда ни приходил, в камине — при любой погоде — потрескивало пламя. Иногда сэр Август даже открывал окно при горящем очаге. На этот раз никто не потрудился развести огонь, и в комнате, несмотря на теплую погоду, было холодно и сыро.

Раз уж он оказался в библиотеке, первым делом нужно было решить, что искать. Сначала мальчик оглядел книжные шкафы. Книги за стеклом выглядели как новые, словно к ним никто никогда не прикасался. Сочинения Вольтера, Дидро, Расина

и других французских классиков стояли здесь в позолоченных переплетах из телячьей кожи, рядом теснились тома Шекспира и других поэтов. Джорджу понравилось, как это выглядит, но у него не возникло ни малейшего желания заглянуть внутрь.

На открытых полках под застекленными стеллажами лежали книги, которые больше соответствовали его вкусу — а именно, альбомы с гравюрами. Они оказались очень тяжелыми, но Джордж листал их с неподдельным удовольствием. На гравюрах, многие из которых были раскрашены вручную, были изображены диковинные места, странные звери и птицы, выписанные настолько искусно, что казалось, можно было ощутить аромат дальних стран.

В одном старинном альбоме нашлось кое-что поинтереснее: офорты Жака Калло¹ «Бедствия войны». На них с изумительной точностью были переданы сцены сражений, похищений, пыток, повешенья и сжигания на кострах, то есть всего, что человек делает во имя Войны. Другая книга, изданная более двух веков назад, называлась «Папские злодеяния, или Пытки и убийства, совершенные инквизицией». В ней в мельчайших подробностях рассказывалось об изощренности тех, кто именем Господа причинял людям боль и страдания. Взглянув на потертый корешок, Джордж понял, что этот альбом часто брали в руки.

Обнаруженная на страницах «Папских злодеяний» испанская уличная сценка заворожила мальчика; он несколько минут рассматривал торжественную процессию священнослужителей, которые шли мимо сидящей на мостовой изнуренной женщины с ребен-

¹ Французский гравёр и рисовальщик XVI—XVII веков.

ком, припавшим к ее груди. Она в немой мольбе протягивала к ним руки, но ни один священник не удостоил ее взглядом. Джордж догадался, что процессия направляется на аутодафе: за служителями Церкви брели приговоренные к пыткам и смерти в остроко-
нечных колпаках и серых балахонах.

Устыдившись своего интереса, Джордж наконец отвел взгляд. В следующее мгновение его внимание привлек какой-то шум. Он поднял голову и увидел, что окно распахнулось, и по комнате пронесся сильный порыв ветра. Мальчик подошел к окну, закрыл его и взглянул на шахматную доску, которая, как всегда, стояла на углу письменного стола. Партия была в самом разгаре. У черных и белых оставалось по семь-восемь фигур, но белые уже потеряли королеву. Джордж некоторое время разглядывал доску, и решил, что черные могут поставить мат за шесть ходов. Затем вернулся к полкам и убрал альбомы на место.

Но вдруг он заметил тонкую красную кожаную папку, на корешке которой золотыми буквами было написано: «Сент-Мор». В папке хранилась дюжина акварелей, на титульной странице красовалась виньетка в стиле рококо и надпись:

*Виды аббатства Танкертон и парка.
Акварели Томаса Генри Грейна, написанные
для сэра Августа и леди Сент-Мор,
MDCCCIII*

Мистера Грейна никак нельзя было назвать посредственным художником, в его акварелях присутствовал истинный драматизм. Небо на картинах да-

леко не всегда было ясным, Грейну нравилась игра света и теней, которую могут дать только облака. Пейзажи были узнаваемы, но не совсем реалистичны. В них чувствовалось что-то иллюзорное, будто художник старался изобразить Танкертон неким деревенским раем, но где-то в этом раю притаился змей.

На одном из рисунков Джордж увидел аббатство при полной луне, которая выглядывала из-за серебристых облаков. В окнах первого этажа, как раз там, где находилась библиотека, горел свет. Художник изобразил тощую фигуру в оконном проеме, это мог быть только сэр Август. Здесь были также виды храма Сфинкса, озера, палладианского моста и странного дорического храма на краю леса, где Джордж повстречался с Джемом Мейсом.

На каждом из рисунков присутствовал по меньшей мере один человек или животное. Вот черный спаниель — наверное, Дис — вертится возле дуба; лесник с ружьем, быть может, сам Джем Мейс, обходит свое хозяйство. Негр в набедренной повязке сидит на перилах моста и ловит рыбу. На рисунке с дорическим храмом, вокруг которого лес и кустарник далеко не такой густой, как сейчас, маленький мальчик убегает от надвигающейся грозы. Створка бронзовых дверей в храме приоткрыта.

Последний рисунок был залит солнечным светом. Три фигуры, стоя на холме, смотрели вдаль, где среди поросших лесом просторов виднелось аббатство. Джордж нахмурился: он знал, что в округе нет места, откуда открывался бы такой вид. Все трое были обращены спиной к зрителю, но художнику все равно удалось передать характер каждого из персонажей.

Слева стоял негр, тот же, что и на палладианском мосту, в той же белой набедренной повязке. В руках он держал какую-то цепь или собачий поводок. Справа от него черный спаниель Дис встал в стойку, как будто почуял дичь. Но самым интересным персонажем была изысканно одетая леди, стать и изящество которой подчеркивал разноцветный тюрбан со страусиными перьями. Джордж не смог вспомнить, когда они были в моде. Руки и длинная лебединая шея женщины были золотистыми, как сатиновое дерево. У Джорджа не осталось сомнений, что это одно из последних изображений леди Цирцеи Сент-Мор. Вдали перед домом стоял человек с тростью и смотрел на троицу.

Джордж долго разглядывал рисунок. Он чувствовал, что тут скрывается какая-то история. Он мог бы еще долго им любоваться, но вдруг понял, что замерз. Неужели окно снова открылось?

Когда он поворачивался к окну, раздался какой-то стук. Джордж увидел, что одна из шахматных фигур, белый король, упала и перекатывается из стороны в сторону на своем круглом основании. А рядом с ним, как над поверженным врагом, возвышается черная королева. Фигуры передвинулись, черные поставили мат.

У Джорджа бешено заколотилось сердце, кровь ударила в голову. Холодными, как лед, руками он положил альбом на место и направился к выходу. Убедившись, что в коридоре никого нет, мальчик выскользнул из библиотеки, запер за собой дверь и повесил ключ на место. До самого вечера он сидел в классе и читал книгу Филидора о шахматах.

VI

Сэр Август вернулся домой через два дня. Урок с мистером Верекером уже подходил к концу, когда в класс вошел лакей и позвал преподобного и его ученика в библиотеку. Джордж почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он не считал свое приключение проступком, но понимал, что у сэра Августа может быть на этот счет иное мнение. Хотя откуда ему знать? Наверняка дядя хочет видеть их по совсем другой причине. По-настоящему Джордж испугался, когда увидел, что шахматы снова расставлены, как перед началом партии. Теперь он дрожал и ничего не мог с этим поделать.

Сэр Август сидел спиной к вошедшим. Прежде чем повернуться, он спросил:

— Скажи-ка, племянник, что ты делал в моей библиотеке?

Джордж молчал. Все его силы уходили на то, чтобы сдержать дрожь.

Сэр Август наконец повернулся и внимательно посмотрел на мальчика:

— Отрицать это бессмысленно, сэр. Миссис Мейс видела, как вы брали ключ из кладовки Харгрейва.

— Я не трогал шахматную доску, дядя, — только и смог произнести Джордж.

Бледное лицо сэра Августа покраснело.

— Это ложь, сэр! Наглая ложь! — последние два слова он почти прокричал. Джордж понял, что дядя напуган не меньше, чем он, но это было слабым утешением. Сэр Август подошел к сундуку, достал оттуда хлыст для верховой езды и швырнул его учителю:

— Мистер Верекер, надеюсь, вы знаете, как этим пользоваться. Если откажетесь, то лишитесь доход-

ного места. Отведите мальчишку в классную комнату и как следует накажите этого наглого воришку и лгуна. Отлупите его на совесть. И помните: если вы его пожалеете, я об этом узнаю. Идите!

Джордж надеялся, что мистер Верекер не проявит особого рвения, выполняя поручение, но он ошибался. Мальчик не видел лица своего учителя во время порки, но мог слышать его. Помощник священника задыхался от слез и гнева, он рыдал, выполняя волю хозяина, но избивал мальчика со страшной силой. Когда все закончилось, Джордж выбежал из классной комнаты. Мистер Верекер что-то кричал ему вслед, но он бросился вон из дома. На улице дул сильный ветер, а из тяжелых кучевых облаков лился дождь.

Джордж понял, что ноги сами несут его к маленькому дорическому храму в лесу. Он не знал почему, но по мере того, как храм приближался, в мальчике росла уверенность, что он бежит именно туда. Пока его пороли, стыд и злость заглушали боль, но сейчас он ощущал ее во всей полноте. Джордж чувствовал, как по задней поверхности ног стекают теплые струйки крови.

Когда он, тяжело дыша, наконец остановился перед дорическим портиком, его щеки были залиты слезами, хотя мальчик и не собирался плакать. Снова прочитав надпись «MORS IANVA MORTIS», Джордж вдруг понял, что храм больше похож на мавзолей, на последнее пристанище Сент-Моров, где когда-нибудь упокоится и его брненное тело. Сейчас мысль о смерти Джорджа совсем не пугала. Он дернул за ручку, но дверь оказалась запертой.

Вдруг он услышал за спиной свист. Мальчик свистнул в ответ, и к нему радостно подбежал темно-

коричневый спаниель. Вслед за псом из-за деревьев вышел Джем Мейс, но Джордж не обратил на него внимания, так он был занят собакой, которая яростно слизывала с его щек соленые слезы.

— У тебя появился друг, — сказал Джем.

— Как его зовут?

— Ее зовут Дидона.

— Как царицу Карфагена?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю, сэр. Леди Цирцея подарила мне щенка незадолго до смерти и сама ее так назвала.

— Вы хорошо знали леди Цирцею?

И Джем рассказал Джорджу историю. Рассказчиком он был неважным, все время забежал то вперед, то назад, то в одну, то в другую сторону, как гончая, которая пытается взять след. Но осторожными вопросами Джордж заставил его не слишком отклоняться от темы.

Почти сразу после смерти сэра Геркулеса в 1798 году его наследник, сэр Август, отправился на корабле в Вест-Индию, чтобы посетить свои сахарные плантации. Там ему приглянулась дочь управляющего и рабыни. Ее звали Цирцеей, и она была полукровкой. Высокая, изящная, прекрасная лицом девушка, кожа которой сияла, как темное золото, привлекла внимание сэра Августа не только внешностью, но и великолепной игрой в шахматы. Каждый вечер она приходила к нему в имение, и все знойные ночи напролет они играли в шахматы. Сэр Август потерял голову от любви, решил жениться на Цирцее и привезти ее домой. Она согласилась, но с условием, что возьмет с собой в Англию Брутуса, своего сводного брата. Брутус был рабом, но ему обещали, что он получит свободу, как только они ступят на землю Англии.

Так и случилось. Первые несколько лет сэр Август и леди Цирцея были счастливы. Брутус остался в аббатстве, видимо, в качестве слуги. Ему позволяли гораздо больше, чем другим слугам — и это, разумеется, вызывало у них раздражение.

К леди Цирцее, женщине исключительного обаяния, ума и красоты, в обществе никогда не относились как к равной. Сначала это возмущало сэра Августа, который не мыслил себе иной жены. Он обиделся на общество, подвергавшее их остракизму, и кипевшая в его душе злость в конце концов обернулась против него.

Он стал подозрительным. Ему не нравилось даже то, что его собака привязана к жене больше, чем к нему. Слуги клеветали ему на Брутуса. Оказавшись в полной изоляции, он поверил, что даже жена строит козни против него. Сэр Август заподозрил, что она вступила в преступную связь со своим братом, тем более что она часто гуляла по лесу в сопровождении Брутуса и черного спаниеля Диса. Начали поговаривать, что сэр Август свихнулся от ревности и целыми днями не выходит из библиотеки. Но если это и было сумасшествие, то очень хладнокровное и расчетливое.

Однажды леди Цирцея пропала. Хватились ее лишь через несколько дней: сэр Август был в Лондоне, и все подумали, что она уехала к нему. Вернувшись, сэр Август начал искать жену. Подозрение пало на Брутуса, который вел себя очень странно.

Чуть позже полубезумную, истощенную леди Цирцею нашли в лесу. Из ее невнятного бормотания стало понятно, что некто в маске напал на нее, отвел в дорический храм (который на самом деле оказался мавзолеем) и запер там без еды и воды с кляпом во

рту, приковав к гробу сэра Геркулеса. Причем цепи были похожи на те, которые носил ее брат Брутус, когда был рабом. Он привез их в Англию и хранил после освобождения, как мрачное напоминание о прошлом.

Что только ни делали, чтобы спасти леди Цирцею, но шок, истощение и обезвоживание нанесли непоправимый вред. Через несколько дней она умерла. Сэр Август устроил пышные похороны и установил ее гроб в фамильном склепе рядом с гробом сэра Геркулеса.

Несмотря на отсутствие мотива и заверения в собственной невиновности, подозрения пали на Брутуса. Его поместили в Ипсвичскую тюрьму, но перед самым судом он повесился в камере.

Сразу после этого Джем Мейс был уволен с должности лесника — якобы из-за того, что продал на рынке в Бекклсе несколько зайцев, пойманных без разрешения во владениях своего хозяина. Настоящей причиной, по его словам, было то, что он ходил в любимчиках у леди Цирцеи и говорил с Брутусом сразу после того, как брат хозяйки попал под подозрение.

Джордж внимательно выслушал историю Джема и сделал собственные выводы.

В тот вечер они с сэром Августом ужинали вдвоем. Джорджу хотелось спрятаться у себя в комнате и сидеть там до тех пор, пока не утихнут боль и стыд, но чувство протеста, да и просто голод заставили его занять место за обеденным столом.

Ужин проходил в полном молчании, и у Джорджа не было ни малейшего желания его нарушать. Однако во время десерта, наполовину опустошив графин с портвейном, сэр Август заговорил:

— Несомненно, вы, племянник, считаете, что с вами обошлись несправедливо.

Джордж ничего не ответил; ему казалось, что он ведет себя как истинный джентльмен.

— Только не думайте, что я простил вас. В этом мире прощения не существует. Мы должны как следует усвоить его правила и выбросить из головы всякую ерунду насчет справедливости. Одни рождаются богатыми, другие умными, а третьи — дураками. Не стоит винить в этом людей. Если в мире и царит несправедливость, то она от Бога, а не от человека.

Помолчав еще немного, Джордж ответил:

— Дядя, не сыграете ли вы со мной в шахматы?

Бледное лицо сэра Августа стало пунцовым, на виске забилась жилка. Он потянулся к бокалу.

— Ну и наглец же вы, сэр, — тихо проговорил он дрожащим голосом.

— Ладно, дядя. Тогда дайте мне еще одно задание. Первые две оказались легче легкого.

На этот раз сэр Август даже не взглянул на него. Он уставился на стеклянный графин. На темно-красной поверхности вина сверкнул отблеск свечи.

— Понимаешь ли ты, о чем просишь, мальчик?

— Что я получу, если решу и эту задачу?

— Я сыграю с тобой в шахматы. Этого достаточно?

— Вполне, дядя Август.

— Отлично! Но помни, что я тебя предупреждал.

— Хорошо, дядя.

— Ну что же, тогда... — он надолго замолчал, потом продолжил: — ...принеси мне цепь, на которую заперты ворота смерти. А сейчас скройся с моих глаз. Само твое присутствие оскорбительно.

Вечером, выглянув из окна спальни, Джордж увидел в сгущавшихся сумерках три призрачных фигуры:

негра, собаку и худенькую женщину в тюрбане с перьями. Перья трижды качнулись, но все остальное пребывало в полной неподвижности.

На следующее утро мистер Верекер вел урок, не поднимая глаз на ученика.

Джордж знал: учителя мучает жуткий стыд за вчерашнее. Но мальчик решил ничего не предпринимать. Разве не писал великий Филидор в своем учебнике по шахматам: «В игре важно не только уметь воспользоваться моментом, но, как и в жизни, знать, когда следует отказаться от преимущества».

Спустившись перекусить на кухню к миссис Мейс, Джордж спокойно спросил, почему она рассказала сэру Августу, что видела, как он берет ключ от библиотеки. Миссис Мейс смутилась. По ее словам, все было не так; сэр Август сам догадался и заставил ее признаться. Когда она принялась извиняться, Джордж с улыбкой остановил ее. Небо за окном затягивало тяжелыми дождевыми облаками.

VII

Несмотря на надвигающийся дождь, Джордж не собирался отказываться от запланированной вылазки. Поев, он дождался момента, когда миссис Мейс займется своими делами, взял из кладовки фонарь, трутницу и несколько свечных огарков, а затем шмыгнул на улицу через кухонную дверь.

Дождь еще не начался, но воздух был тяжелым и влажным. Джордж, убедившись, что за ним никто не следит, направился в лес к мавзолею. Еще не научившись опасаться собственной самонадеянности,

он был уверен, что найдет там ответ на очередную дядину загадку.

Дождь начался, когда мальчик уже подошел к портику. С неба упали первые капли, тяжелые, но редкие, потом припустило сильнее, и, наконец, разразился настоящий ливень, в шуме которого потонули все звуки леса. Джордж оглядел бронзовые двери. На них не было ни ручек, ни даже замочной скважины. Он попытался толкнуть одну из створок, но та не поддавалась. Внезапно он разозлился на Грейна: с чего вдруг художник на своей акварели нарисовал открытую дверь?

— Ты не сможешь ее открыть.

Джордж вздрогнул и оглянулся. Рядом с ним у портика стоял Харгрейв, одетый во все черное. Бледное лицо дворецкого и мокрые от дождя светлые волосы были единственными светлыми пятнами. Харгрейв глядел на мальчика блеклыми немигающими глазами и слегка ухмылялся. Джорджу показалось, что он перегибает палку, пытаясь произвести пугающее впечатление.

— Почему, Харгрейв?

— Потому что это фальшивые двери, мастер Джордж. Их поставили для красоты. Вход находится совсем в другом месте.

— Тогда лучше бы вы мне его показали, Харгрейв.

— А с чего бы я стал это делать, юноша?

— Сэр Август захотел, чтобы я увидел наш фамильный склеп, Харгрейв, черт бы побрал вашу дерзость!

Дворецкий улыбнулся, но ничего не сказал. Он взглянул на небо и втянул носом воздух, как вынюхивающий что-то зверь.

— Дождь стихает. Следуйте за мной, мастер Джордж.

Харгрейв повел его за мавзолей, где расчистил от травы и кустарника место, расположенное по центру задней стены. Появилась каменная плита с ржавым металлическим кольцом. Склонившись над плитой, Харгрейв посмотрел на мальчика. Лицо дворецкого ничего не выражало, и это встревожило Джорджа. Харгрейв взялся за кольцо и отодвинул плиту; за ней открылась узкая каменная лестница, ведущая куда-то вниз, в темноту.

— Это склеп Сент-Моров, — сказал Харгрейв, тщательно вытирая руки носовым платком. Джордж прислонился к стене и зажег свечу в фонаре, поглядывая на дворецкого. Тот почему-то не мог скрыть нетерпения. Мальчик старался не показывать, что ему страшно, и продолжал возиться с фонарем.

Когда свеча, наконец, загорелась, он протянул фонарь Харгрейву.

— Держите, вы покажете мне дорогу.

Дворецкому такой поворот явно не понравился.

— Только после вас, мастер Джордж, — сказал он, пытаясь вернуть фонарь Джорджу. Мальчик заложил руки за спину и уставился на Харгрейва. Интересно, сколько тому лет? Пятьдесят? Шестьдесят? В любом случае, у него достаточно сил, чтобы справиться с восьмилетним ребенком.

Внезапно Харгрейв вышел из себя. Отбросив фонарь, он кинулся на Джорджа. Тот бросился бежать, но поскользнулся на мокрой траве и упал. Харгрейв навалился на него сверху, и Джордж чувствовал на шее тяжелое дыхание дворецкого. Харгрейв изрыгал проклятия ему в ухо, как будто хотел подавить волю мальчика. Джордж продолжал сопротивляться, но

Харгрейв уже волочил его по траве к черному провалу в стене склепа. Мальчик закричал во всю силу своих легких, а затем вдруг инстинктивно пронзительно засвистел.

Ответом ему стал лай. Харгрейв от неожиданности на мгновение выпустил Джорджа, и мальчик вскочил на ноги, но Харгрейв снова на него навалился. На этот раз дворецкий обхватил Джорджа тощими длинными руками и поднял в воздух. Тот попытался лягнуть его в голень, но ничего не получилось. Его перевернули и ногами вперед потащили к каменным ступеням, ведущим вниз. Джордж понимал: если его бросят вниз, он погибнет.

— Мой дядя все равно об этом узнает!

— Конечно, мистер Джордж. Ведь именно он и отдал мне приказ.

И вот, когда Джордж уже висел прямо над провалом, в отчаянной попытке спастись он резко откинул голову назад и попал Харгрейву по зубам. Раздался треск, словно кто-то рассыпал по деревянному столу кости: затылок мальчика выбил дворецкому несколько зубов.

Харгрейв на мгновение застыл, а потом завопил от боли и гнева. Мальчик услышал лай, на этот раз совсем близко. Он снова стал выворачиваться, но дворецкий продолжал крепко держать его. Джордж сам не понял, как все произошло, но вдруг он рухнул на землю и оказался на Харгрейве. Хватка дворецкого ослабла, и мальчик откатился в сторону.

Лежа на траве, Джордж увидел Джема Мейса, стоявшего над неподвижным Харгрейвом с охотничьим ружьем в руках. Похоже, бывший лесничий использовал свое оружие как дубинку, ударив дворецкого

сзади по голове. Дидона методично слизывала струйку крови, стекавшую изо рта Харгрейва.

— Спасибо, Джем, — сказал Джордж, поднимаясь на ноги. У него слегка кружилась голова, и от этого дрожал голос. — Ты появился как нельзя кстати.

— Дидона вас услышала, мастер Джордж, — Джем поглядел на Харгрейва и пнул его охотничьим сапогом. — Это он рассказал сэру Августу, что я продавал на рынке зайцев. Что будем с ним делать?

Джордж носком ботинка осторожно приподнял голову Харгрейва. Та бессильно откинулась назад.

— Мне кажется, он уже не с нами. — Джорджу снова показалось, что голос, звучащий из его рта, принадлежит не ему, а кому-то другому, человеку на редкость хладнокровному и отстраненному. — Мы должны похоронить его вон там, рядом с моими предками.

И он указал на уходящую в темноту каменную лестницу.

С огромным трудом мальчик и браконьер стащили тело вниз по ступенькам; Дидона отказалась последовать за ними. В тусклом свете фонаря они увидели нечто невероятное. Под дорическим храмом находилось узкое помещение с высоким потолком, по обе стороны тянулись стеллажи с гробами. Ряды уходили вдаль, туда, куда не проникал свет.

Джем хотел бросить тело на пол и поскорей выбраться наружу, но Джордж остановил его. Здесь командовал он. Мальчик сказал, что Харгрейва нужно положить в один из гробов. Они открыли несколько, казавшихся не слишком ветхими или маленькими для тела дворецкого. Джордж заглядывал внутрь каждого, освещая фонарем истлевшую ткань саванов и пергаментную кожу, обтягивающую безглазые черепа.

В конце концов, мальчик указал на один из самых больших и новых гробов. Подняв фонарь, он заглянул внутрь. В гробу лежали останки того, кто при жизни был рослым и крепким мужчиной. Мальчик узнал синий бархатный пиджак, который видел на портрете в библиотеке. Это был сэр Геркулес.

— Сюда, — коротко приказал Джордж.

Им удалось поднять Харгрейва и положить в гроб поверх тела сэра Геркулеса. Потом они снова опустили крышку. Оставалось еще одно дело.

Этот гроб был самым новым: прибитое медными гвоздиками сукно обивки еще не успело обветшать. Джем смотреть не захотел, и мальчик сам сдвинул крышку, чтобы заглянуть внутрь. Очертания фигуры, покоящейся под саваном, до сих пор сохраняли изящество. Черты лица тоже избежали тлена, только глазницы были пустыми. Завитки черных волос обрамляли обтянутый золотистой кожей череп. Поверх сложенных на груди рук, на одной из которых сверкал сапфировый перстень, лежали кандалы. Джордж взял их и аккуратно опустил крышку на место.

Он подал Джему знак, что дело сделано, и с поднятым фонарем последовал за ним вверх по лестнице.

На полпути к выходу Джорджу показалось, будто кто-то стучит изнутри в крышку гроба. Шедший впереди Джордж ничего не услышал. Мальчик задумался. Вдруг Харгрейву удалось выжить после удара прикладом и теперь он зовет на помощь? Сможет ли Джордж жить с мыслью, что закрыл живого человека в гробу с покойником? Решив, что сможет, он, тем не менее, на последних ступеньках старался топтать как можно громче, чтобы заглушить доносящиеся из склепа звуки.

Оказавшись с Джемом на свежем воздухе, Джордж сообщил:

— Не хочу, чтобы меня здесь похоронили, когда придет мое время.

Они поставили плиту на место и забросали ее травой и листьями.

Джордж вернулся в аббатство, но постарался, чтобы до половины пятого его никто не видел. Когда наступило время ужина, он спокойно вошел в столовую, держа кандалы за спиной. Сэр Август уже сидел во главе стола; при виде Джорджа его обычно бледная кожа посерела.

— Добрый вечер, дядя, — сказал Джордж.

— Где Харгрейв? — спросил сэр Август.

— Понятия не имею, сэр, — ответил Джордж, даже не пытаясь сделать вид, что говорит правду. Сев за стол, он незаметно положил кандалы под стул.

Суп они ели в полной тишине. Когда лакей принес фрикасе из кролика, сэр Август спросил его:

— Где Харгрейв?

— Не могу сказать, сэр Август, — ответил лакей. — Около двух часов пополудни он вышел из аббатства. С тех пор его никто не видел.

— В каком направлении он ушел?

— Не знаю, сэр Август. Пойду спрошу у других слуг.

С кроликом и другими блюдами тоже разделались в полной тишине. Сэр Август допил портвейн из графина и распорядился принести еще.

Когда слуги оставили мальчика и дядю наедине с десертом, Джордж спросил:

— Дядя, вы сыграете со мной в шахматы сегодня вечером?

Сэр Август, осоловевший от второго графина, вздрогнул:

— Что такое?

Джордж повторил свой вопрос.

Губы сэра Августа растянулись в улыбке:

— Мне кажется, я попросил тебя кое-что сделать, прежде чем что-то требовать, да еще так бесцеремонно.

— Я все сделал, дядя, — сказал Джордж, поднял кандалы с пола и положил их на стол.

Сэр Август долго смотрел на них, а потом произнес, словно про себя:

— Ты мальчик или чье-то дьявольское воплощение?

Он медленно поднялся на ноги и, опираясь на палку, подошел к Джорджу. Мальчик видел перед собой человека, который отчаянно пытается сохранить остатки своего могущества и власти.

— Где Харгрейв? — снова спросил он.

— Не знаю, дядя.

— Как ты это нашел? — почти прошептал сэр Август, беря кандалы в руки.

— Я отыскал вход в мавзолей. Все дело в моей наблюдательности. Это все равно что игра.

— Если я узнаю, что ты лжешь, я прикажу Гамлету избить тебя до полусмерти.

Джордж взял грецкий орех и с треском расколол его щипцами.

Сэр Август вышел из комнаты.

Поле боя осталось за Джорджем.

Около полуночи глубокий сон мальчика был прерван каким-то шумом: казалось, что кто-то открывает тяжелую дверь на несмазанных петлях. Джордж

подошел к окну и выглянул на улицу. Дождь закончился, ветер разогнал облака. Парк был освещен звездами и убывающей луной. Джордж увидел на лужайке у поблескивающей глади воды три призрачных фигуры, и почувствовал лишь слабый укол страха, к которому уже почти привык. Центральная фигура поклонилась ему. Джордж кивнул и отошел от окна. Любопытство пересилило страх. Он должен знать, чем все закончится.

Мальчик на цыпочках вышел из комнаты и спустился по парадной лестнице. Проходя через холл, он увидел, что из-под двери библиотеки пробивается свет; значит, сэр Август там. Джордж отодвинул дверной засов и вышел из дома. Некоторое время он оглядывался по сторонам. Вокруг было тихо и безлюдно. Затаившись в тени колонн, которые окружали вход в аббатство, мальчик принялся ждать. Ночь была теплой. Тишину не нарушали ни уханье совы, ни шелест листьев. Мысли Джорджа все время возвращались к тому, что случилось днем.

Наконец он выглянул из своего убежища и увидел...

Тонкая тень в длинном одеянии и большом тюрбане с перьями двигалась к слабо светящемуся окну библиотеки. Она показалась мальчику похожей на огромную куклу, голова которой раскачивалась так, словно в длинной шее не было ни мышц, ни костей. Сначала тень двигалась медленно, потом, обретая все больше уверенности, понеслась напрямик к цели, как паук к жертве.

Позади неподвижно стояли Брутус в набедренной повязке и собака.

У окна тень подняла руки и встала почти вертикально, пошатываясь на тонких плоских ногах. То,

что случилось потом, вывело мальчика из оцепенения — тень откинула голову в тюрбане назад, а затем резко, как молотком, разбила ею стекло. Ухватившись руками за оконную раму, тень приподнялась и втянула длинное тело в образовавшуюся дыру. Выглядело это так, будто аббатство поглотило ее, как ящерица кузнечика.

Джордж услышал крик, высокий, пронзительный, полный животного ужаса и отчаяния. Такой голос мог принадлежать кому угодно, и мужчине, и женщине, и даже ребенку; однако мальчик знал — это кричит сэр Август. Несколько минут Джордж прислушивался, но крики смолкли и воцарилась тишина. Он повернулся и увидел, что Брутус с Дисом по-прежнему стоят на лужайке перед аббатством. Джордж помахал им рукой и вошел в дом. В библиотеке было тихо. По парадной лестнице он поднялся к себе в спальню. Уже в постели Джордж с некоторым стыдом осознал, что не испытывает ни страха, ни сострадания, только какую-то отстраненность от всего, что произошло.

На следующее утро он лежал в кровати, когда внизу забегали и засуетились слуги: они обнаружили в библиотеке тело хозяина. Джордж услышал, как зарыдала миссис Мейс. Он встал, оделся и подошел к лестничной площадке. Внизу вполголоса обсуждали, как рассказать юному хозяину о случившемся. Ему очень понравилось, что его называли «юным хозяином».

Только через несколько дней он узнал от Джема, что произошло. Ночью в окно библиотеки проник неизвестный дикий зверь. Сэр Август был найден в своем кресле с полуобглоданным лицом и развороченной нижней частью тела. Сердце и другие ор-

ганы не нашли. Удивительно, но, несмотря на жестокость нападения, шахматная доска с начатой партией осталась нетронутой.

Утром, когда Джордж спустился в холл, все обращались к нему подчеркнуто вежливо и предупредительно. Тело незаметно увезли к коронеру. Все силы были брошены на то, чтобы Джордж его не увидел. Мальчика оберегали изо всех сил, поэтому весь день он провел в обществе миссис Мейс, которая ужасно ему надоела. Ближе к вечеру, когда его наконец оставили в покое, он проник в библиотеку, по недосмотру оставленную незапертой. Джордж изучил партию на шахматной доске. Черные могли поставить мат в три хода. Он пошел черным офицером, потом белым королем и самым в конце черной королевой.

— Шах и мат, — сказал мальчик вслух, и его слегка напугал звук собственного голоса в этом пустынном помещении. Сквозь дыру в окне ворвался порыв холодного ветра.

В Михайлов день 1811 года Джордж Сент-Мор, поступивший в Итон и унаследовавший титул баронета, поселился в Хекстер-хаусе. Ему выделили отдельную комнату. Несмотря на свою юность, он казался очень сдержанным молодым человеком. Вскоре его соученик по имени Деймер решил испытать характер Джорджа и стойкость. Будучи самым старшим обитателем Хекстер-хауса, Деймер за бравый вид, спортивную доблесть и бесстрашие получил от товарищей прозвище Хекстерский Петух. Однажды вечером он вошел в комнату Джорджа.

Тот с утра получил из Танкертонна посылку с книгами, заказанными в библиотеке, и как раз вытаски-

вал их из коробки и аккуратно расставлял на полках. На столике у окна стояли шахматы. На доске оставались пять белых и три черных фигуры. Белые могли поставить мат в два хода. Детская задачка.

— Здорово, Сент-Мор, — сказал Деймер, — я решил, что до конца семестра ты будешь моим рабом.

— Неужели, Деймер? — ответил Джордж, продолжая расставлять книги.

Деймер подошел ближе и встал рядом:

— Хм, посмотрим, что останется от твоего хладнокровия, когда я с тобой разделаюсь!

Он схватил Джорджа за руку и вывернул за спину. Джордж выронил книгу, которую держал во второй руке, чуть отступил назад и изо всех сил впечатал каблук в ногу Деймера. От неожиданности тот выпустил Джорджа и заорал:

— Тебе это дорого обойдется, наглец!

— Ну, разумеется, — ответил Джордж, спокойно поднимая упавшую книгу, пока Деймер, рухнув на стул, тер отдаленную ногу. — Знаешь что, Деймер? Видишь у окна шахматную доску? На ней расставлены фигуры. Задача совсем простая, белые должны поставить мат в два хода. Реши ее, и я стану твоим рабом как минимум до конца семестра.

Деймер с удивлением уставился на мальчика и заорал:

— Ты еще в игры со мной играть собрался, наглый щенок? Да я могу избить тебя до полусмерти!

— Ты, конечно, можешь сделать мне больно, Деймер, но больно будет и тебе. Я научился не обращать внимания на боль. Поэтому вместо драки предлагаю тебе шахматную задачу, совсем простую. По-моему, это справедливо.

Секунд пятнадцать Деймер не мог оторвать взгляда от Джорджа. Необычное поведение новичка сбивало его с толку.

— Да ты свихнулся, Сент-Мор. У тебя просто не все дома. Тебя нужно было не в Итон посылать, а в Бедлам, — и Деймер вышел, яростно хлопнув дверью.

Еще до того, как он покинул комнату, Сент-Мор снова занялся книгами. Он вытащил из коробки том Дидро, который был ему особенно нужен, и любовно поставил книгу в золоченом кожаном переплете на застекленную книжную полку над письменным столом.

Реджи Оливер — драматург, актер и с 1975 года театральный продюсер. Его биография «Родом из Вудшеда», написанная Стелой Джиббонс, опубликована в Bloomsbury в 1998 году.

Помимо пьес он выпустил пять сборников рассказов в стиле хоррор, сборник «Танцы в темноте», изданный Tartarus Press. В издательстве Centipede в серии «Мастера странных сказок» вышел большой сборник его рассказов «Драмы из глубин».

Новелла «Документы Дракулы 1. Школьная сказка», первая из четырех экранизированных, стала бестселлером на рождественской ярмарке в Ричмонде.

«Я давно очарован художником Ричардом Даддом, — говорит Оливер. — Некоторые мои рассказы вдохновлены его персонажами. Особенно одним из них — он изображен на картине «Детская задачка», которая заворожала меня таящейся в ней угрозой. Много лет я сочинял эту историю, сказку о чувстве вины, играх власти, детстве и потере невинности».

Майкл Маршалл Смит

Что-то темное и печальное

«Бесцельно» — простое короткое слово. Оно означает «без цели», где «цель» — мысленное предвосхищение действия. Без замысла и направления, а следовательно, без места назначения, без будущего, которое можно предвидеть. Люди часто слишком легкомысленно расходуют свою жизнь. Они «бесцельно» бродят по улице, не в силах решить, то ли им попить кофе, то ли заглянуть в книжный магазин, то ли просто сесть на лавочку и поглазеть на прохожих. В этой «бесцельности» нет ничего страшного. Это временное состояние, часто наступающее после того, как получишь совет отдохнуть. Прожить час без мыслей о заботах, без нужды куда-либо спешить и что-то делать? В нашей суматошной жизни, где приходится непрерывно переключаться с одной проблемы на другую, это слово сулит только приятное.

Но если у тебя вообще нет цели? Нет точки опоры? Это совсем другое. Отсутствие цели похоже на смерть. Не иметь цели и значит быть мертвым, даже хуже. Именно люди, не имеющие цели, выбирают плохой путь и идут по нему, потому что больше им идти некуда.

В субботу после полудня Миллер всегда садился за руль. С утра он позволял себе поваляться в кровати лишние полчаса, читая почту и удаляя спам, а потом сидел на террасе с видом на лес, с журналом или айпадом в руках, выпивая бесчисленное количество чашек кофе. Его готовила стоявшая на кухне кофемашина стоимостью восемьсот долларов. Она делала очень хороший кофе. Так и было задумано, иначе с чего бы ей стоить восемьсот долларов?

К полудню из-за сочетания кофеина с другими факторами он обычно не испытывал особого голода, но все равно шел на кухню и открывал холодильник. На его тарелке оказывались остатки готовых блюд, которые он закупал в будние дни в магазинах Сан-Франциско — или же в супермаркетах Санта-Круса и Фелтона в пятницу вечером, когда возвращался домой. По идее, еда должна была доставлять удовольствие и напоминать, что в жизни есть хоть что-то хорошее. По идее. Потом он наполнял соком один из двух стаканов, которыми пользовался. Вторым, с выцветшим логотипом, предназначался для виски, но он был нужен только по вечерам. Миллер твердо придерживался этого правила.

Он выносил тарелку и стакан на террасу, ставил на стол, придвигал к нему то самое плетеное кресло, в котором провел все утро, и ел. К этому времени солнце уже висело высоко в небе, и стол оказывался в тени. Миллер любил сидеть в тени, когда ел. Смена освещения помогала ему представить, будто он занят чем-то другим, отличным от того, чем занимался все утро. Хотя, строго говоря, все было по-прежнему. Он оставался тем же мужчиной, который сидел в тишине на террасе с видом на лес и жевал дорогую еду, по вкусу напоминавшую картон.

Позже он относил тарелку в дом и мыл ее в раковине на кухне. Естественно, у него была посудомоечная машина. Посудомоечные машины помогают экономить время. Но Миллер мыл тарелку и серебряные приборы вручную, наблюдая, как стекает, образуя водоворот, вода, потом вытирал и убирал в кухонный шкаф. Когда-то у него были жена и ребенок; теперь они жили в трех тысячах миль отсюда. Ему не хватало жены и ребенка; с другой стороны, после их отъезда у него появилось много времени. Оно складывалось в бесконечную вереницу минут, которые заползали в возникшие в его жизни пустоты подобно армии маленьких муравьев, ползущих по коже вверх, к лицу, и дальше в рот, в уши и глаза.

Почему бы не помыть за собой тарелку. И нож, и вилку, и стакан. Чтобы остановить, хоть ненадолго, проклятых муравьев.

Он никогда не выходил из дома ради чего-то определенного. Субботние дни проходили бесцельно. От дома, расположенного высоко в горах Санта-Крус, за час или два он мог добраться до множества интересных мест. Сан-Хосе, Саратога, Лос-Гатос. Санта-Крус, наконец. Мог поехать на юг в Монтерей, Кармел или Биг-Сур. Даже в Лос-Анджелес, если бы захотел провести там выходные.

И что?

Вместо этого он просто садился за руль.

Поросшую секвойями гористую местность пересекало не так уж много дорог. 17-я и 9-я автострады, трасса, ведущая к виноградникам Бонни Дум, южное и северное шоссе Н1. Только 17-я была похожа на настоящую автостраду, хотя если сравнивать ее с основными магистралями, то вопрос спорный. А еще

дороги, соединяющие два двухполосных шоссе. И старые шоссе, которыми перестали пользоваться, когда построили новые автомагистрали.

Старые забытые второстепенные дороги.

Обычно там и смотреть-то было не на что. Перелески, иногда ручеек, реже — дом, спрятанный далеко в лесу. Сельские горные пейзажи, с деревьями и ядовитым плющом. Горные хребты, обвязанные лесными дорогами, которые бегут то вверх, то вниз, иногда с едва заметным уклоном, иногда почти отвесно, и петляют между домами, стоящими за линиями электропередачи на участках по двадцать и пятьдесят акров. Здешние места не слишком привлекали туристов, разве что «Мистерия спот»¹, старомодный аттракцион, который гордо называл себя «Аномальной зоной», но существовал скорее благодаря занятой геометрии и извечному стремлению человека быть обманутым.

Все это Миллер видел уже много раз. Местные достопримечательности он исходил когда-то вдоль и поперек с женой и ребенком, а тенистые дороги и тропы — в последние несколько месяцев, в одиночестве. Можно было подумать, что ему не стоит рассчитывать на новые впечатления. И все-таки каждую субботу, когда он садился за руль, ему встречалось что-то, чего он раньше не видел.

Сегодня он выбрал Брансифорт-драйв, древнюю трассу, проложенную среди диких лесов и гор на северо-востоке Скоттс-Вэлли. Двигаясь без всякой цели на север, он вдруг заметил поворот. Миллер гля-

¹ «Мистическое пятно», аномальная зона, в которой, предположительно, не работает гравитация.

нул в зеркало заднего вида, убедился, что следом никто не едет, и остановился.

Это была петлявшая среди деревьев двухполосная дорога без каких-либо указателей.

Отлично, как раз то, что нужно.

Миллер развернулся и поехал по дороге; росшие вдоль нее высокие мощные деревья скрадывали солнечный свет. Плавные подъемы и спуски повторяли природный рельеф: когда на пути попадался особенно толстый ствол или небольшое ущелье, промытое много веков назад бурным горным ручьем, дорога делала резкий зигзаг. Здесь не было ни домов, ни других признаков человеческого жилья. Миллер решил, что это общественная земля, но так и не смог вспомнить, есть ли такая в округе, и не заметил никаких табличек, подтверждающих, что это парк. И вдруг впереди он увидел знак:

СТОП

И все. Сам не понимая почему, он подъехал ближе, остановился и принялся с любопытством разглядывать табличку. Кусок картона с написанными черным маркером буквами был приколот к дереву довольно давно.

Миллер оглянулся на дорогу, по которой приехал, потом посмотрел вперед. Ни одной машины и никаких намеков, почему здесь оставлен этот знак. Метров через сорок дорога снова изгибалась, но с тех пор, как он съехал с Брансифорт-драйв, ему уже встретилось десять или пятнадцать точно таких же поворотов. И никаких предупреждающих знаков там не было. Если кому-то хотелось, чтобы люди сбрасывали скорость, можно было написать «Притормо-

зи». В любом случае, табличка была совсем не похожа на официальный знак.

И вдруг Миллер понял, что впереди не поворот, а еще один съезд.

Он снял ногу с тормоза, и машина, шурша колесами по веткам и гравию, покатилась вниз по склону. Узкая грунтовая дорога, напоминавшая подъездную аллею, оказалась довольно длинной и тоже петляла между деревьев. Очень скоро Миллер заметил еще одну табличку, похоже, сделанную тем же умельцем, что и предыдущая:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ТУРИСТЫ

Он издал нечто похожее на смешок. Если у вас есть на что посмотреть, то, конечно, вы будете рады видеть туристов. А как иначе? Странная надпись.

И странный способ привлечь внимание, если уж на то пошло. Никакой информации, о чем идет речь и почему нужно съехать с второстепенной дороги в лес. Никаких зацепок, кроме этих трех слов.

Однако Миллер был вынужден признать, что они на него подействовали. Он аккуратно нажал на педаль газа и направил машину вперед.

Через четверть мили он заметил впереди забор, а за ним — ветхий фермерский дом и пустующий коровник. Чуть в стороне находилось что-то вроде гаража, рядом с воротами которого наискосок стоял грузовичок со спущенным передним колесом. Казалось, что тот, кто в последний раз на нем ездил, решил, что овчинка выделки не стоит, и бросил машину, даже не удосужившись поставить ее ровно. Засыпанная старыми листьями и ветками кабина

была пыльной и ржавой; в кузове стоял старый деревянный ящик размером метр на метр.

Грунтовая дорога заканчивалась стоянкой, рассчитанной на четыре или даже пять машин. Сейчас там не было ни одной. Миллер не заметил никаких признаков жизни, но что-то — он и сам не понимал, что именно, — подсказывало ему: в этих развалинах до сих пор кто-то живет.

На дереве перед домом виднелась еще одна картонка с надписью:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

Он остановился, заглушил двигатель и вышел из машины. Вокруг стояла тишина, как обычно в горах, если съехать с главной дороги. Иногда можно услышать рев далекого самолета, чириканье птицы или шуршание мелкого зверька или ящерицы в кустах.

Миллер постоял немного, отгоняя появившуюся ниоткуда надоедливую муху, потом нахмурился и зачем-то застегнул молнию на куртке.

— Эй? — на всякий случай крикнул он.

Можно было подумать, что в такой тихий день служащие местного аттракциона (чем бы он ни был) высыплют на улицу при первых звуках подъезжающей машины в надежде заработать пару баксов. Но нет, по-прежнему никаких признаков жизни вокруг. Вполне предсказуемо. Люди, не имеющие цели, всегда находят что-то бесполезное. Тут явно ничего не могло произойти. Всегда находишь то, что ищешь, а он как раз ничего не искал.

Миллер повернулся к машине, понимая, что даже не расстроился. Он ничего не ждал — ничего и не случилось.

Только он собрался открыть дверь, как сзади раздался какой-то скрип.

Обернувшись, Миллер увидел на длинном покоевшемся крыльце мужчину. Тот был одет в холщовые джинсы и рубашку, которая когда-то была белой. Мужчина тоже наверняка когда-то был чистым, но сейчас выглядел так, словно все утро пролежал под машиной. Возможно, так оно и было.

— Чего вам тут надо? — не слишком приветливо спросил он. Мужчине было около шестидесяти. Его черные волосы поседели и висели грязными прядями. Весь его вид говорил о том, что он не жаждет компании.

— Что у вас тут?

Мужчина облокотился на перила, продолжая пристально разглядывать незваного гостя, но ничего не ответил.

— Там написано: «Добро пожаловать, туристы», — продолжил Миллер, когда стало ясно, что предложить местному нечего, — но, кажется, мне здесь не рады.

— Боже! — досадливо поморщился мужчина на крыльце. — Мальчишка должен был снять эти проклятые таблички. Они все еще там?

— Да.

— Даже та, на которой написано «Стоп»?

— Да, — подтвердил Миллер, — иначе бы я там не остановился.

Мужчина выругался и покачал головой:

— Я просил его сделать это еще несколько недель назад. Не знаю, сколько раз просил.

Миллер нахмурился:

— А разве вы сами не замечали таблички, когда ездили по дороге?

— Я давно не был в городе.

— Послушайте, я свернул сюда в расчете увидеть что-нибудь интересное.

— Нет, ничего такого у меня нет.

— То есть так и было задумано, что ли?

Мужчина слегка приподнял подбородок:

— Вы юрист?

— Нет. Я бизнесмен. И у меня есть время. Так есть здесь что-то интересное или нет?

Мужчина выпрямился и сошел вниз по ступенькам.

— Один доллар, — сказал он. — Раз уж вы тут.

— За что? За парковку?

Мужчина уставился на него, как на сумасшедшего:

— Нет. За то, чтобы посмотреть.

— Один доллар? Seriously?

Невероятно, что в наши дни существуют вещи, которые стоят один доллар, тем более если их выдают за что-то интересное.

— Это же недорого, — недоуменно проговорил мужчина.

— Ну да, ну да... — сказал Миллер, достал кошелек и вытащил доллар.

Мужчина издал короткий смешок:

— Ваша правда.

Сунув купюру в карман джинсов, мужчина развернулся и зашагал вперед. Миллер решил, что это приглашение, и последовал за ним. На мгновение ему показалось, что они направляются к крыльцу, но мужчина резко повернул направо, где между домом и старым амбаром вилась тропинка. Дом был большим, с двускатной крышей, и явно знал лучшие

времена. Бог знает, чем занимались его жильцы посреди леса, вдали от дорог, городов и других мест, куда могли бы пожелать выбраться люди с деньгами. Одно было ясно точно: их лучшие времена остались далеко в прошлом. Глядя на дом, можно было предположить, что тот простоит еще не больше пяти лет — если никому не придет в голову его отремонтировать или вообще снести.

Мужчина уводил его сквозь поросль молодых деревьев куда-то за амбар. Пространство перед домом было слегка расчищено, а здесь лес подступал почти вплотную к постройкам. Огромные деревья выглядели так, будто росли тут с незапамятных времен (впрочем, у секвой всегда такой вид). Крутой каменистый склон уходил к ручью, который протекал в тридцати метрах внизу. Над ним виднелся шаткий мост из посеревшего от времени дерева. Мужчина подвел его к ближайшему концу моста и остановился.

— Что?

— Это здесь.

Миллер снова посмотрел на мост:

— Доллар за то, чтобы посмотреть на мост, построенный лет пятьдесят тому назад?

Цена и вправду оказалась не такой уж низкой.

Мужчина протянул ему старый потускневший ключ и рукой показал направление. Среди деревьев на другой стороне ручья виднелась хижина.

— Это внутри.

— Что «это»?

Мужчина пожал плечами:

— Что-то темное и печальное.

Вода, журчавшая под мостом, пахла свежестью и чистотой. Перейдя на другой берег, Миллер при-

смотрелся к хижине повнимательнее. Небольшая, сколоченная из старых досок, она стояла тут уже давно, если судить по лишайнику на стенах и поросшей мхом крыше; вероятно, ее построили гораздо раньше, чем дом. Хижина вполне могла быть жилищем первых колонистов, которые когда-то устремились на запад, движимые надеждой или отчаянием. Очевидно, мост был ее ровесником.

На двери хижины висел небольшой замок.

Миллер оглянулся.

Мужчина все еще стоял у входа на мост и разглядывал лиственный купол над головой. Непонятно, что он там увидел, но было не похоже, что он ждет подходящего момента, чтобы броситься к Миллеру, стукнуть его по голове и украсть кошелек. К тому же он вполне мог сделать это и рядом с домом. Других людей (к примеру, мальчишки, о котором тот упоминал) тоже не было видно. Мужчина просто стоял и терпеливо ждал, чем закончится то, за что он получил свой доллар.

Миллер снова повернулся к двери и сунул ключ в замок; тот с трудом, но открылся. Он потянул дверь на себя: внутри царила кромешная темнота. Замешкавшись, Миллер обернулся и увидел, что мужчина ушел.

Открыв дверь шире, Миллер шагнул вперед.

В хижине было холоднее, чем на улице, да еще и душно. В нос Миллеру ударил какой-то запах. Его нельзя было назвать плохим. Пахло опавшими мокрыми листьями. Так пахнет в чулане, куда вы складываете старые ненужные вещи, или на заброшенном чердаке ночью после дождя.

Свет проникал только сквозь открытую дверь. Окон в хижине не было, а если и были, то их плотно закрыли ставнями. Дверь находилась в торце, так что дальняя часть постройки терялась в темноте, и помещение казалось длиннее, чем было на самом деле. Миллер стоял и не знал, что случится дальше.

Дверь за ним медленно закрылась, оставив щель в несколько сантиметров. Никто не запирает ее на ключ, никто не требовал от него тысячи долларов за освобождение. Миллер ждал.

И тут послышался негромкий звук.

Шорох. Шуршание. Как будто что-то двигалось в дальнем конце хижины. Вслед за звуком пришел новый запах, словно существо, долгое время пролежавшее скрючившись, вдруг распрямилось, отчего в неподвижном воздухе распространился доселе неощутимый запах пота.

Миллер застыл.

Никогда в жизни он не чувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Он слышал об этом, читал об этом, знал, что так бывает, но никогда не испытывал ничего подобного. С его волосами и затылком такого просто не могло случиться. И, тем не менее, случилось. Самое странное, что ему не было страшно, вернее, к страху примешивалось другое чувство.

В хижине что-то было. Что-то, ему неизвестное. Он просто чувствовал: в темноте что-то есть. Неведомое существо размером с человека или, может, чуть меньше.

Миллер сомневался, что оно мужского пола. Почему-то ему казалось, что это женщина. Он не мог объяснить, откуда взялось такое ощущение, ведь он ничего не видел и почти ничего не слышал. Шорохи

в дальнем конце хижины быстро стихли. Но что-то подсказывало Миллеру, что существу, укрывшемуся тенями, словно черными ангельскими крыльями, знакомы безнадежность, сумасшествие и тоска, причем в гораздо большей степени, чем ему самому. Он знал, что затаившееся во тьме существо обнажено и что это женщина.

Он знал, что это так, и вовсе не от страха его дыхание сделалось сбивчивым и частым.

Миллер простоял в хижине еще полчаса, прислушиваясь и вглядываясь в темноту. Во всяком случае, ему показалось, что прошло не больше тридцати минут, когда он вдруг выскочил обратно в лес. Точно он не знал.

Закрыв дверь в хижину, он не стал ее запирать. Человек вернулся и стоял на той стороне моста. Крепко сжав в руке ключ, Миллер пошел к нему навстречу.

— Сколько? — спросил он.

— За что? Вы уже заплатили.

— Нет, — ответил Миллер, — я хочу это купить.

Когда он вернулся домой, было восемь часов вечера. Миллер и сам не понимал, как так вышло, что он провел в хижине больше времени, чем думал. Неважно, это даже к лучшему. Начинало смеркаться; он знал, что через двадцать минут совсем стемнеет. Эти двадцать минут Миллер провел на переднем сиденье своей машины; в голове, как всегда в последнее время, царил удобная пустота.

Когда окончательно стемнело, он вышел из автомобиля и направился к дому. Отключив систему без-

опасности, он отпер входную дверь и оставил ее распахнутой.

Затем он вернулся к машине и положил руку на багажник, от которого веяло холодом. Открыв его, Миллер спокойно направился к лестнице, ведущей на меньшую из двух деревянных террас. Он поднялся и постоял там несколько минут, глядя на темные силуэты деревьев, потом снова спустился к машине.

Теперь в багажнике было пусто, Миллер захлопнул его, медленно вошел в дом и запер дверь на ключ.

Ночь вступила в свои права, темнота сгустилась; они оба находились внутри дома, и это казалось ему правильным.

Миллер плеснул немного виски в большой стакан, вышел через раздвижную дверь на террасу, сел в плетеное кресло, в котором провел это утро, и сделал глоток. Почему-то, как это часто теперь случалось, он стал вспоминать день, когда познакомился с женой. Тогда он жил в Ист-Клиффе, в домике гораздо меньшем, чем этот, в двух минутах ходьбы от пляжа. В тот субботний вечер он маялся от скуки и неприкаянности и зачем-то решил пойти в «Воронье гнездо», единственный ресторан поблизости. В баре наверху он взял себе виски и вышел на балкон, чтобы полюбоваться закатом над бухтой. Через некоторое время среди обгоревших на солнце семейных туристов и местной татуированной молодежи он заметил женщину, в одиночестве сидевшую за столиком. Она потягивала пиво из высокого стакана и, так же, как и он, смотрела на закат. Миллер задался вопросом — не почему она это делает, но почему это

делает он сам, вернее, они оба? С тех пор прошло много времени, но он так и не понял, по какой причине люди сидят в одиночестве и смотрят вдаль. Что они там ищут?

Выпив еще пару стаканов, он подошел к ней и представился. Ее звали Катрин, она работала в университете. Через полтора года они поженились. К тому времени его бизнес пошел настолько хорошо, что на свадьбу он снял «Воронье гнездо». Через год у них родилась дочь, и они назвали ее Матильдой в честь матери Катрин (та была француженкой). Бизнес успешно развивался, и они сменили его дом в Ист-Клиффе на большой дом в горах, который Миллер построил практически собственными руками. Семь лет у них все шло хорошо, а потом почему-то разладилось. Он не думал, что это случилось по его вине, хотя и допускал. Не думал, что по ее, хотя и это было возможно. Просто их брак почему-то стал разваливаться. Они были двумя разными людьми, потом одним целым, потом снова двумя, и каждый пошел своим путем. У них был общий взгляд на все, и вдруг будто один глаз закрылся, и мир стал плоским. Они не изменяли друг другу. Хотя, наверное, так было бы легче. Тогда появилась бы причина, за которую можно было бы спрятаться. Хуже нет, когда сидишь с человеком за одним столом и тебе непонятно, кто он, почему он здесь и чем это кончится.

Через шесть месяцев она решилась. И конечно, забрала Матильду. Вот и все. Именно тогда он в первый раз сидел в одиночестве на террасе, пытаясь понять, почему так произошло. Он снова и снова прокручивал в голове их историю; поначалу это отнима-

ло у него несколько часов, потом — все меньше и меньше времени. Как говорят в этих краях, что есть, то есть.

Или что было, то было.

Ночь перевалила за половину, виски давно кончился, но у Миллера не было желания выпить еще. Он принес стакан в дом, вымыл и поставил рядом с тарелкой, ножом и вилкой, которыми пользовался в обед. Свет он не зажигал: за то время, что он просидел на террасе, глаза успели привыкнуть к темноте.

Он вытер руки об одежду и стал бродить по дому. Сначала бесцельно. Последние несколько месяцев он всегда так делал, слушая эхо своих шагов. Он подошел к кабинету Катрин и остановился. После ее отъезда в комнате остался только пустой письменный стол со стулом да пустые книжные полки. Стул кто-то двигал. Миллер не помнил, когда заходил сюда в последний раз, но все равно знал, что стул передвинули.

Он пошел дальше и неожиданно остановился у комнаты, которая раньше принадлежала Матильде. Дверь была приоткрыта. Внутри царил темнота.

Он почувствовал исходящее оттуда тепло, услышал тихие звуки, повернулся и медленно побрел прочь.

Он принял душ, не зажигая свет, и, обернувшись полотенцем, босиком прошлепал на кухню и взял из сушки стакан для виски. Его сто раз мыли в посудомоечной машине, но на нем все еще можно было различить логотип ресторана: воронье гнездо. Дав-

ным-давно Катрин незаметно сунула его в сумочку, а потом подарила ему на день рождения. Как мог человек, способный на такое, жить сейчас на другом конце штата? Миллер не знал. А еще не знал, почему такими короткими стали телефонные разговоры с дочерью, почему люди сидят и смотрят вдаль и почему по субботам отправляются на машине куда глаза глядят. Наши головы поворачиваются, и мы что-то видим. В наши глаза попадает свет, а рот произносит слова.

А что потом?

Миллер осторожно стукнул по столешнице краем стакана. Как он и рассчитывал, дно осталось целым, а вокруг теперь торчали острые осколки стенок.

Миллер вернулся в комнату, поставил разбитый стакан на прикроватный столик, скинул полотенце и лег прямо на одеяло. Они всегда так делали, когда хотели подать друг другу сигнал, что этой ночью собираются не только спать. А если под одеялом и с книгой в руках — тогда не сегодня, Джозефин¹.

Но обнаженный и сверху...

Это был их язык. Только для них двоих. Плохо, когда его понимаешь ты один. Он закрыл глаза и впервые после того, как уехала семья, заплакал.

Потом он лежал и ждал.

Ночью пришла она.

Через три дня старенький грузовик подъехал к дому и остановился рядом с машиной. Впервые за два года он стронулся с места, и водитель не стал глушить

¹ Намек на легендарную чернокожую танцовщицу и певицу, выступавшую в кабаре «Фоли-Бержер» в Париже.

двигатель, не уверенный, что удастся снова завести. Залатанное переднее колесо пока держалось.

Мужчина подошел к стоявшему в кузове деревянному ящику, открыл его и подпер крышку палкой. Потом направился к входной двери и позвонил. Подождал немного и снова позвонил. Ответа не последовало. Иначе и быть не могло.

Он устало потер лицо руками и сделал шаг назад. Дверь казалась очень крепкой. Пинком такую не откроешь. Оглянувшись, он увидел ступеньки, ведущие на террасу.

Оказавшись позади дома, мужчина поднял плетеное кресло, прикинул вес, а потом швырнул в огромную застекленную дверь, и в ней возникла внушительная дыра. Похвалив себя за находчивость, он спустился с террасы, обошел вокруг дома и встал на дороге так, чтобы из дома его не было видно.

Выкурив сигарету, а потом — для верности — еще одну, он вернулся к грузовику и с облегчением увидел, что крышка ящика, стоявшего в кузове закрыта.

Он забрался в кабину и немного посидел, разглядывая большой дом.

Потом развернулся и медленно поехал домой.

Свернув на знакомую дорогу, он заметил, что знак «Стоп» все еще на месте. Неважно, сколько раз он говорил об этом мальчику, табличка как была здесь, так и осталась.

Доехав до дома, он остановил грузовик, не глядя, открыл ящик и ушел в дом.

Вечером, когда вокруг было уже темно, мужчина сидел на крыльце и слушал, как в кронах деревьев шумит ветер. Он выпил банку теплого пива, потом

еще одну. Посмотрел на свои грязные руки. Почему некоторые люди замечают знак? Что такого в их глазах или взгляде, что заставляет их его увидеть? Он не знал, как человек из большого дома сделал это, но надеялся, что тот не сильно страдал. Не знал, почему сам никогда не пытался совершить что-то подобное. Не понимал, почему только в такие ночи помнил, что его мальчик умер двадцать лет назад.

Наконец мужчина вошел в дом, лег на кровать и стал смотреть в потолок. Так случалось каждую ночь, и каждую ночь смотреть там было не на что. Разве только на что-то темное и печальное, что в конце концов заключит нас в свои объятия и поможет уснуть.

Майкл Маршалл Смит — сценарист и прозаик.

Под этим именем написал семьдесят коротких рассказов и три повести: «Только вперед», «Резервы» и «Один из нас», получил премию Филиппа К. Дика, премию Международной Гильдии ужасов, премию Августа Дерлеха и премию Боба Морейна во Франции. Четырежды был лауреатом Британской премии фэнтези в категории «Малая проза», то есть больше, чем любой другой автор.

Под псевдонимом Майкл Маршалл вышли еще пять международных бестселлеров, в том числе «Соломенные люди», «Те, кто приходят из темноты», «Земля будет вам прахом» и «Измененный». По роману «Те, кто приходят из темноты» в 2014 году был снят сериал на BBC.

Автор живет в Лондоне с женой, сыном и двумя кошками.

«Эта история целиком и полностью навеяна местностью и ее атмосферой, — вспоминает Смит. — Горы Санта-Крус потрясают живописными речками и непролазными секвойными лесами. Попробуйте проехать по тенистым проселочным дорогам, и неожиданно для себя окажетесь в тихом спокойном лесу, который будто говорит, что за вами наблюдают и что не стоит испытывать судьбу.

Этот рассказ, возможно, никогда бы не увидел свет, если бы один мой друг не прислал мне по электронной почте письмо, состоящее всего из четырех слов, которые, по его мнению, станут очень удачным названием для литературного произведения.

Он оказался прав. История возникла в моей голове сразу и целиком, а я очень люблю, когда это происходит именно так».

Элизабет Хэнд

Рядом с Зеннором

Он нашел письма в гараже, в круглой жестяной коробке из-под каких-то сладостей на дне пластмассового ящика, под рождественскими гирляндами и прочим старьем, которое его жена хранила для гаражной распродажи. За тридцать лет брака она так и не собралась ее устроить, а в сентябре прошлого года скорпостижно скончалась от аневризмы мозга, сажая желтые нарциссы в саду.

Теперь все вещи пойдут на благотворительность. Дом в Новом Ханаане осмотрела риелтор; несмотря на кризис, она заверила Джеффри, что продажа не займет много времени и он получит примерно столько, сколько и запросил.

— Дом великолепен! Хотя чему я удивляюсь? — осторожно переступая лубутенами на высоком каблуке по выложенной плиткой дорожке, риелтор бросила быстрый взгляд на Джеффри, который был известным архитектором. — И сад тут невероятный.

— Это все Антея. — Он остановился у каменной стены и посмотрел на свежескошенную лужайку, холмики черной земли и кучки собранных листьев,

оставленные наемными рабочими. Раньше Антея занималась этим сама. Вдали, на фоне февральского неба, освещенного холодным полуденным солнцем, белели стволы берез. — Она говорила: если бы я брала с тебя плату за всю работу, которую делаю, ты бы меня не потянул. И была права.

Джеффри поставил последние подписи под контрактом и вернул его риелтору.

— Вы сейчас живете в Бруклине? — спросила она, снова поворачиваясь к дому.

— Да, в Грин-Парке. Коллега уехал на несколько месяцев в Сингапур и разрешил пожить у него, пока я не решу, что делать дальше.

— Ну что ж, удачи! Скоро я с вами свяжусь, — она открыла дверь своего «Приуса» и замешкалась. — Я знаю, как вам тяжело. Два года назад я потеряла отца. И время не лечит.

Джеффри кивнул:

— Я знаю.

Вот уже пять месяцев его мучили ночные кошмары, и он просыпался, задыхаясь; ему снилось, что Антея лежит рядом, спокойно дышит и улыбается, когда он прикасается к ее лицу; снилось, что убивший жену нейро-электрический шторм бушует в его собственной голове, мир вокруг него тонет во вспышке сверхновой, и он летит в бесконечной черной пустоте, и звезды гаснут одна за другой.

Он знал, что эта тоска — не только его удел; такое встречается сплошь и рядом. Много лет назад они с Антеей пережили это, когда их единственная дочь Джулия умерла от синдрома внезапной детской смерти. Им обоим было уже под сорок, и они никогда больше не пытались ни завести ребенка, ни усыновить. Как будто пожар выжег их души дотла.

Лишь через год Джеффри смог войти в комнату Джулии; несколько месяцев ни он, ни Антея не могли высидеть за столом до конца обеда, не могли спать в одной постели. Быть рядом с кем-то, случайно касаться рукой или ногой и понимать, что в любой момент ты можешь этого лишиться, — мысль об этом навсегда наполнила их жизнь страхом, о котором они не могли говорить вслух, тем более друг с другом.

Сейчас — как и тогда — он загрузил себя работой в городском офисе, исправно принимая приглашения на обеды и ужины в городе и Новом Ханаане. Ночи превратились в пытку: его преследовала мысль о том, что жизнь Антеи потухла, как спичка в чьих-то неловких руках. Он вспоминал Гудини, пытавшегося доказать существование потустороннего мира, в который ему так хотелось поверить. Джеффри ни во что не верил, но если бы нашлись таблетки, под действием которых нейроны в его голове переместились бы и в нем вспыхнула вера, он наверняка бы их принял.

Последние несколько месяцев он собирал вещи, развозил одежду Антеи по благотворительным магазинам и решал, что оставить, что продать, а что раздать племянникам, племянницам, сестре Антеи и ее немногочисленным друзьям. Тоска, поселившаяся в его душе, была похожа на затянувшийся грипп; постоянная боль терзала не только разум, но и кости и сухожилия, билась в висках, вспыхивала черными искрами перед глазами, оставляла едкий химический привкус во рту; доктор прописал ему снотворное.

Он посмотрел, как почти беззвучно скрывается из вида машина риелтора, вернулся в гараж и перенес пластмассовый ящик к себе в машину, чтобы на вы-

ходных забросить соседу. Маленькую жестянку с письмами он положил на соседнее сиденье. И как только он тронулся с места, пошел снег.

Он открыл жестянку вечером, сидя за обеденным столом в бруклинской квартире. Внутри лежало пять писем с одним и тем же штампом: ВЕРНУТЬ ОТПРАВИТЕЛЮ. На дне Джеффри обнаружил облупившийся медальон на дешевой позолоченной цепочке, покрытый красной эмалью и обрамленный фальшивыми жемчужинами. Медальон был пуст. Джеффри поискал, нет ли на нем имени, инициалов — ничего. Отложив его в сторону, он взялся за письма.

Все они были написаны в 1971 году, отосланы в феврале, марте, апреле, июле и в конце августа и адресованы одному человеку на один и тот же адрес, надписанный аккуратным школьным почерком Антеи.

*Мистеру Роберту Беннингтону
Ферма «Головенна»,
Падвайтил
Корнуолл*

Любовные письма? Имя Роберта Беннингтона было ему незнакомо. В феврале того года Антее было всего тринадцать лет, день рождения у нее был в мае. Он перемешал письма на столе, как будто собирался показать карточный фокус. Сердце бешено колотилось, и это было смешно. Они с Антеей рассказывали друг другу все: о сексе с двумя партнерами в университете, об оргиях с кокаином в восьмидесятых, об интрижках и флирте, случавшихся, пока они были в браке.

Сейчас это уже не имеет никакого значения, да и тогда почти не имело. И все-таки, когда он открывал первый конверт, его руки тряслись. Внутри лежал всего один пожелтевший листок. Джефффри осторожно развернул его и разложил на столе.

За сорок лет почерк Антеи почти не изменился. Все тот же округлый курсив, и в конце каждого предложения такая жирная точка, что чернила проступают на обратной стороне тонкой бумаги. Антея была англичанкой, родилась и выросла в Северном Лондоне. Они и познакомились в Лондонском университете, где оба учились, а потом переехали в Новый Ханаан и там поженились. Антея часто говорила, что эта местность напоминает ей английскую глубинку. Самому Джефффри не доводилось выезжать из Лондона, разве что на пару экскурсий в Кент и Брайтон. Интересно, где этот Падвайтил?

21 февраля 1971 года

Дорогой мистер Беннингтон,

Меня зовут Антея Райсон

Разве тринадцатилетняя девочка могла написать «мистер», обращаясь к бойфренду, пусть даже сорок лет назад?

...мне тринадцать лет, и я живу в Лондоне. В прошлом году моя подруга Эвелин дала мне почитать «Времена года». Я перечитала их два раза, а также «Черные облака», «За Брегмором» и «Второе солнце». Теперь это мои любимые книги! Я пыталась найти другие ваши книги, но у нас в библиотеке их нет. Я спрашивала, и мне сказали, чтобы я поискала в книжных магазинах и что они дорогие.

Моя учительница сказала, что вы иногда ездите по школам и встречаетесь с читателями, я очень надеюсь, что вы когда-нибудь приедете в Ислингтонскую дневную школу. Вы собираетесь написать еще одну книгу о Тише и Великой битве? Очень надеюсь, что вы ответите! Мой адрес: Хайбери Филдс, 42, Лондон NW1.

Всегда ваша

Антея Райсон

Джеффри отложил письмо и посмотрел на остальные конверты. «Ну и придурок», — подумал он, догадавшись, что ответить тринадцатилетней девочке писатель не удосужился. Повернувшись к ноутбуку, он вбил имя Роберта Беннингтона в строку поиска.

Роберт Беннингтон (1932—), британский автор популярной серии детских романов в жанре фэнтези, опубликованных в 1960-е годы под названием «Солнечные битвы». Книги Беннингтона были написаны на поднявшейся волне подражаний Толкиену, однако после того, как в конце 1990-х несколько девочек-подростков обвинили автора в педофилии и сексуальных домогательствах, их коммерческому успеху пришел конец. Одна из предполагаемых жертв впоследствии изменила свои показания, и дело было закрыто, несмотря на возмущение адвокатов и женских правозащитных организаций. Но репутация Беннингтона так и не была восстановлена: школьные библиотеки отказались хранить его книги на своих полках. Ни один из его романов так и не был переиздан, хотя пиратские электронные версии еще можно найти, так же, как и старые издания всех четырех томов «Битв»...

У Джеффри по шее побежали мурашки. И дело было вовсе не в судебном разбирательстве, а в книгах. Антея буквально заставила его прочитать одну из них, как только они познакомились.

— Эту я люблю больше всего, — она перекаtilась на край кровати и сняла с полки, забитой тетрадами и любимыми детскими детективами, пожелтевшую книжку в бумажной обложке. — Перечитывала раз двадцать.

— Двадцать? — Джеффри приподнял бровь.

— Ну, ладно, семь. Все равно много. Ты читал?

— Никогда даже не слышал.

— Прочти обязательно! Прямо сейчас, — она пихнула его босой ногой. — Ты не уйдешь, пока не сделаешь этого.

— А кто сказал, что я собираюсь уходить? — он попытался поцеловать ее, но она его оттолкнула.

— Никаких поцелуйчиков, пока не прочитаешь. Я не шушу!

И к трем часам утра, то засыпая, то просыпаясь и снова принимаясь читать, он закончил книгу.

— Из-за нее мне снились плохие сны, — сказал он, когда сероватый предутренний свет проник в узенькое окно квартиры Антеи. — Мне не понравилось.

— Знаю, — рассмеялась Антея. — В этом-то и вся соль. После нее я чувствую себя больной.

Джеффри решительно покачал головой.

— Мне не понравилось, — повторил он.

Антея нахмурилась, пожала плечами, взяла книгу и швырнула на пол.

— У всех свои недостатки, — вздохнула она и легла на Джеффри.

Через год или чуть больше он заболел гриппом и несколько дней провалялся в кровати. Тогда он про-

читал «Времена года», которые Антея откопала в Британской национальной библиотеке. Эта книга его глубоко расстроила. В ней не было чудовищ — драконов, назгулов или ведьм, только две пары мальчиков и девочек, двоюродных братьев и сестер, запертых в портале между одним из мрачных городов послевоенной Англии (Манчестером или Бирмингемом) и волшебной страной. Последняя по сути волшебной не являлась, а была такой же унылой и опасной, как и район с муниципальными домами, в котором жили дети.

Джеффри вспомнил стучащие в окна невидимые руки и нечто, забравшееся к мальчику в кровать и чуть не задушившее его одеялом. Самой ужасной была последняя глава; он читал ее поздно ночью и теперь даже не мог вспомнить, о чем она. Она вызвала в нем такой страх и омерзение, каких он в жизни не испытывал.

Антея оказалась права — книга оказывала странное воздействие на физиологию и больше напоминала малобюджетный черно-белый фильм ужасов, чем детское фэнтези. Сколько детей, став взрослыми, узнало, что их герой был педофилом?

Джеффри с полчаса просматривал статьи о суде над Беннингтоном, но толком ничего не узнал. С тех пор прошло уже десять лет, и по Сети блуждало всего несколько десятков постов по теме. Их можно было разделить на две примерно равные части: первая начиналась словами: «А знаете ли вы, что...?», вторая состояла из проклятий от женщин, пострадавших от насилия, к которому, впрочем, Беннингтон отношения не имел.

Он не мог представить себе, что подобное могло случиться с Антеей. Она ничего об этом не расска-

зывала, более того, весьма скептически относилась к друзьям, имевшим обыкновение обсуждать детские травмы или обращаться за помощью к психологам. Что касается книг, он вообще не помнил, видел ли их на полках, когда упаковывал все в коробки. Может, жена давным-давно отдала их на какую-нибудь благотворительную распродажу в библиотеку или вообще оставила в Лондоне?

Он взял второй конверт, датированный 18 марта 1971 года, открыл его и достал разлинованный листок ученической тетради.

Дорогой Роб,

Все в порядке, мы вернулись на поездке. У Эвелин были крупные неприятности из-за того, что она отсутствовала дома всю ночь. Конечно, мы не могли сказать ее тете почему. Мама запретила Эвелин разговаривать со мной по телефону, но я все равно вижу с ней в школе. До сих пор не могу поверить, что это случилось. Мама Эвелин грозилась позвонить моей маме и маме Мойры, но пока не сделала этого. Огромное спасибо за то, что поговорили с нами. Книжку Эвелин вы подписали, а мою забыли! Ничего, в следующий раз подпишете!!!

*Ваш искренний друг,
Антея*

Джеффри почувствовал холод в груди. Дорогой Роб, до сих пор не могу поверить, что это случилось. Он быстро вскрыл остальные конверты, прочел третье письмо, потом следующее и, наконец, последнее.

12 апреля 1971 года

Дорогой Роб,

Наверное, я неправильно написала адрес, ведь мое последнее письмо вернулось. Но я спросила у Мойры, у нее тот же адрес, и она сказала, что ее письмо обратно не пришло. Эвелин еще вам не писала, но сказала, что обязательно напишет. Как было здорово с вами встретиться! Еще раз спасибо за книги, я уже благодарила вас в последнем письме, но все равно еще раз спасибо. Надеюсь, что на этот раз вы мне ответите. Мы все еще собираемся снова навестить вас на каникулах в июле! Даже не верится, что мы были у вас всего месяца назад.

Ваш друг, Антея Райсон

20 июля 1971 года

Дорогой Роб,

От вас до сих пор нет никаких вестей, наверное, вы сошли с ума или просто обо мне забыли, ха-ха! Занятия уже закончились, и мне хотелось бы узнать: вы по-прежнему хотите, чтобы мы приехали и пожили у вас? Эвелин сказала, что у нас ничего не получится, и ее тетя все расскажет маме, но мы вполне можем добраться до вас автостопом или на трейлере ее брата Мартина. Он с девушкой едет на фестиваль в Уэллс, и мы подумали, что часть пути проедем с ними, он почти согласился. А дальше будем ехать на попутных машинах. У меня есть новость — Мойра сбежала из дома, ее разыскивает полиция. Эвелин сказала, что она поехала к вам без нас. Она очень расстроена, и Питер, парень Мойры, тоже.

Если она с вами, может, я тоже приеду? Я могу приехать одна, без Эвелин, ее мама такая сука.

Пожалуйста-пожалуйста, ответьте мне!

Антея (Райсон)

Дорогой Роб,

Я ненавижу вас. Я написала ПЯТЬ ПИСЕМ, включая это, и знаю, что адрес был ПРАВИЛЬНЫМ! Я думаю, что Мойра поехала к вам без нас. Идите вы к черту! Передайте ей, что ее я тоже ненавижу, Эвелин со мной солидарна. Мы ничего никому не говорили, и если она нас в этом обвиняет, значит, она сама ЛГУНЬЯ.

Пошли вы! Пошли вы! Пошли вы!

На месте подписи страница была вся изодрана и залита синими чернилами. Антея написала что-то столько раз, что ручка прорвала линованную бумагу. В отличие от четырех предыдущих, этот листок был сильно помят, как будто она сначала выбросила его, а потом зачем-то сохранила. Джефффри рассмотрел конверт. На почтовом штемпеле значилось 28 августа. Осенью она снова пошла в школу, и наверняка все закончилось.

Но, видимо, не для Мойры. Он знал Эвелин Тарлоу — самую близкую подругу Антеи по школе в Ислингтоне. Джефффри встречался с ней много раз еще в университете, а в начале 1990-х она останавливалась у них на выходные, когда приезжала на конференцию в Манхэттен. Она была инженером-испытателем Британских ВВС и жила неподалеку от Челтенхема. Они с Антеей долго обсуждали свои дни рождения и планировали провести вместе отпуск

где-нибудь в теплых краях: в Греции, Турции или на Карибах.

Джефффри написал ей, когда Антея умерла, они даже разговаривали по телефону. Эвелин хотела прилететь на похороны, но на носу был срок сдачи важного правительственного заказа, и она так и не смогла вырваться.

— Как бы мне хотелось приехать, — сказала она дрожащим голосом. — Но на меня столько всего свалилось. Надеюсь, ты меня поймешь...

— Все в порядке. Она знала, как сильно ты ее любишь. И всегда радовалась твоим звонкам.

— Я знаю, — всхлипнула Эвелин, — мне просто... просто очень хочется увидеть ее еще раз.

Он сидел и смотрел на эти пять писем. Так долго, что у него закружилась голова и его стало подташнивать. Как будто он открыл дверь в кладовку и вдруг оказался на краю обрыва, и мир внизу кажется крохотным и нереальным. Почему она никогда об этом не рассказывала? Почему все годы прятала эти письма? Или она просто забыла о них? Он понимал, что ведет себя неразумно. Знал, что ищет ответы только из-за навязчивого стремления все упорядочивать, порожденного, по мнению Антеи, его «левым архитектурским полушарием».

— Джефффри никогда не вставит квадратный колышек в круглое отверстие, — сказала она как-то на вечеринке. — Он просто разработает для него новый дизайн отверстия.

Он так и не смог придумать, куда девать письма, адресованные Роберту Беннингтону. Через несколько минут он рассовал их по конвертам и сложил стопкой. Потом вернулся к ноутбуку и написал Эвелин.

Через две недели в понедельник Джефффри приехал в Челтенхем. Эвелин встретила его на станции. Он сказал, что приехал в Лондон по делам и остановился в гостинице в Блумсбери, а все выходные гулял по городу и ходил к дому, где они с Антеей жили перед отъездом в США.

Каким облегчением для него было сесть в поезд и смотреть в окно на незнакомые пейзажи, где пригороды сменялись фермами с бродившими по полям стадами длинношерстных овец.

Муж Эвелин, Крис, работал на какую-то высокотехнологичную корпорацию в Челтенхеме. Они жили в старинном, недавно отреставрированном коттедже в двадцати минутах езды от центра города.

— Антее бы понравился ваш сад, — Джефффри разглядывал пышно цветущие нарциссы, примулы и ковер из крокусов на лужайке перед старым буком. — А у нас еще голая земля. Несколько недель назад снег лежал!

— Наверное, тяжело продавать дом, — Эвелин налила ему вина и села в кресло напротив.

— Тяжелее в нем оставаться, — Джефффри поднял бокал. — За старых друзей и старые времена.

— За Антею, — сказала Эвелин.

Они проговорили до самого вечера, допили одну бутылку и начали вторую задолго до того, как Крис вернулся с работы. Эвелин была плотной цветущей женщиной, с непослушными длинными волосами, собранными, как и раньше, в простой хвост, ставший наполовину седым. Она недавно сдала очередной заказ, и под глазами у нее до сих пор оставались темные круги от недосыпания. Крис приготовил на ужин баранину в мятном соусе с горошком. Их дети

уже учились в университете, поэтому Джеффри, Крис и Эвелин просидели за столом почти до полуночи.

— Оставь тарелки, — сказал Крис, вставая, — завтра утром я помою.

Он наклонился, поцеловал Эвелин в макушку и кивнул Джеффри:

— Хорошо, что ты приехал.

— Давай, — Эвелин схватила бутылку арманьяка и направилась к дивану. — Джеффри, бери стаканы. До полуночи я точно спать не буду. Проект сдан, да и без кота мышам раздолье.

Джеффри пошел за ней и поставил стаканы на столик. Эвелин наполнила их, плюхнулась в кресло и улыбнулась:

— Как же я рада тебя видеть!

— А я тебя.

Он сделал глоток. Несколько минут они сидели в тишине, глядя в окно на сад, где даже в темноте были видны нарциссы и примулы. Джеффри допил, налил себе еще и спросил:

— Ты помнишь человека по имени Роберт Беннингтон?

Эвелин прижала стакан к груди и, прежде чем ответить, долго смотрела на Джеффри.

— Писателя? Да. Я читала его книги в детстве. Мы обе читали — и я, и Антея.

— Но... вы же были с ним знакомы. Встречались, когда вам было тринадцать лет. На каникулах, кажется.

Эвелин отвернулась, Джеффри видел ее профиль на фоне окна.

— Да, — проговорила она наконец и повернулась к нему лицом. — Почему ты спрашиваешь?

— Я нашел несколько писем, которые Антея написала ему в 1971 году, после того, как вы с ней и с девочкой по имени Мойра ездили к нему в Корнуолл. Ты знала, что он педофил? Его арестовали пятнадцать лет назад.

— Да, я читала. Разразился грандиозный скандал, — Эвелин допила коньяк и поставила стакан на стол. — Ну ладно, так, скандальчик. К тому времени многие его уже позабыли. Но когда нам было тринадцать, он действительно считался культовым писателем. Хотя его книги такие мрачные, что детскими их можно назвать с большой натяжкой.

Она задумалась.

— Он не совращал Антею, если ты об этом хотел спросить. Никого из нас он не трогал. Просто пригласил на чай, вернее, мы сами напросились. Он был таким милым, позвал нас в дом, угостил мандаринами и бутербродами с шоколадной пастой.

— Три девочки-хиппи возникли на пороге его дома, с чего бы ему не быть милым, — фыркнул Джеффри. — А что случилось с Мойрой?

— Не знаю, — вздохнула Эвелин. — Никто не знает. В то лето она сбежала из дома. Больше мы о ней никогда не слышали.

— А его спрашивали? Вызывали в полицию?

— Конечно, вызывали! — раздраженно ответила Эвелин. — То есть я точно не знаю, но уверена, что это так. У Мойры были сложности дома. Ее родители — ирландцы, отец сильно пил. В то время мы все поголовно были хиппи, и многие дети сбегали из дома. А что в этих письмах, Джефффри?

Он достал их из кармана и протянул Эвелин:

— Можешь прочесть. Беннингтон никогда их не читал, все вернулись обратно. А где находится Падвайтил?

— Рядом с Зеннором. Там жили мои дядя с тетей. Однажды мы провели там весенние каникулы. — Она перебрала конверты, вытащила один и аккуратно развернула листок с письмом. — 21 февраля. Незадолго до того, как мы узнали, что поедем туда на каникулы. Это была моя идея. Я помню, как она его писала. Откуда-то достала адрес, и тогда мы поняли, что он живет рядом с дядиной фермой.

Она наклонилась к лампе, прочитала первое письмо, отложила в сторону и принялась за остальные. Закончив, она положила последнее письмо на стол, села поглубже в кресло и посмотрела на Джеффри.

— Она никогда не рассказывала тебе, что произошло?

— Ты же сказала, что ничего не было.

— Я не про Роберта. Она каждый год звонила мне на день рождения. 12 марта, — Эвелин отвернулась. — Да, это на следующей неделе. Я никогда не говорила Крису. Здесь нет никакого секрета, мы просто... Ладно, давай я тебе расскажу.

Мы трое вместе ходили в школу. После того, как Антея написала письмо Роберту Беннингтону, мы с ней начали строить планы, как бы к нему поехать. Мойра никогда не читала его книг, она вообще не любила читать. Но мы с Антеей говорили о них без умолку, и Мойре приходилось нас слушать, а еще мы вместе играли в «Солнечные битвы». Она просто делала то, что мы ей говорили, хотя ей почему-то все время хотелось сварить пленников в кипящем масле. Наверное, она видела это в кино.

Хотя мы были уже не в том возрасте, нам все равно хотелось верить в волшебство. Возможно, даже больше, чем в детстве. Философия нью-эйдж,

хиппи, карты Таро, одежда от Биба¹ и песня «Оседлай белого лебедя»² — все это казалось нам настоящим. У дяди с тетей была ферма рядом с Зеннором. Моя мама позвонила тете и спросила, можем ли мы втроем приехать на каникулы, а тетя ответила, что это было бы прекрасно. Мои двоюродные братья к тому времени уже разъехались по университетам. Мы сели в Пензансе на поезд, и тетя встретила нас на станции.

Они устроили в одном из амбаров гончарную мастерскую, там нас и поселили. Электричество туда еще не провели, но нам выдали керосиновый обогреватель и разрешили ложиться, когда захотим. Помоему, все время, проведенное там, мы спали часов по пять, не больше, — рассмеялась она. — Мы куролесили всю ночь, а когда на рассвете дядя Рей заводил свой трактор, перебирались в дом и до полудня спали в кроватях моих братьев. Мы были очень беспокойными гостями.

Первые несколько дней, не переставая, шел дождь. И вот в одно прекрасное утро мы проснулись, а на улице — солнце. Стоял холод, но нам было наплевать, так мы были счастливы, что можно выйти погулять. Сначала мы шли вдоль дороги, но обочину развезло, и нас понесло прямо на вересковую пустошь. Строго говоря, это была не совсем пустошь, она вся была перегорожена низкими каменными изгородями, древними границами полей. Некоторые из них возвели сотни лет назад, и фермеры продолжали

¹ Британская марка одежды, пользовавшаяся огромной популярностью в 60-е и 70-е годы XX века.

² Ride a White Swan — песня британской группы Т. Рех, занимала второе место в британском хит-параде 1970 г.

ими пользоваться. Все это не охранялось. Некоторые участки совсем заросли, хотя изгороди все равно торчали из травы, и по ним можно было лазить. Что мы и делали.

Мы ушли недалеко от дома, мы его даже видели, и были уверены, что эти земли принадлежат моему дяде. Мы добрались до места, где изгороди почему-то оказались выше, чем остальные, высотой с нормальный забор. Там не было ни проломов, ни калиток, ни ворот. Тогда мы нашли клочок земли, не слишком заросший травой и кустарником, забрались наверх и спрыгнули с другой стороны прямо в терновник и бурьян. Мне сразу вспомнилась изгородь вокруг замка из сказки про Спящую Красавицу. На мне тогда были новые ботинки, и шипы так их исцарапали, что ботинки потом пришлось выбросить. Мойра порвала куртку, и мы знали, что дома ее ждет нагоняй. Но все равно нам казалось, что по другую сторону нас ждет что-то чудесное. Помнишь фильм «Таинственный сад»? Мы решили, что за изгородью скрывается нечто похожее. Во всяком случае, я так думала.

— А на самом деле?

Эвелин покачала головой:

— Это был не сад. Просто сильно заросшее поле. Камни и сухая трава. Но по-своему красиво. Ант начала смеяться и кричать: «Хитклифф, Хитклифф!» К тому же там было гораздо теплее — изгородь и деревья, которые на ней выросли, защищали поле от ветра, пусть и стояли еще совсем голые.

Мы провели там целый день, совсем потеряв счет времени. Мне казалось, что прошел всего час, но у Ант были с собой часы, и вдруг она сказала, что уже почти четыре. Меня это потрясло, на самом де-

ле потрясло. Как будто мы уснули и проснулись. Но мы не засыпали.

— Чем вы там занимались?

Эвелин пожала плечами:

— Играли. В одну из тех игр, в которые играли детьми и уже успели забыть. У Мойры был парень, мы с Ант только мечтали об этом, и стоило нам собраться вместе, как все разговоры начинались и заканчивались симпатичными мальчиками. Но в тот день Ант почему-то предложила: «Давайте сыграем в “Солнечные битвы”», и мы согласились. Вот этим мы и занимались. Теперь, конечно, я могу объяснить почему. Я видела собственных детей в таком же возрасте: ты чувствуешь, что жизнь вот-вот изменится, и так хочется подольше остаться ребенком.

Я уже подзабыла, что именно мы делали в тот день, помню только, что чувствовала я себя как-то странно. Словно что-то должно было случиться. Это ощущение знакомо всем подросткам, но в тот день было иначе. Как будто мы накурились или наглотались кислоты, хотя ни одна из нас наркотики даже в глаза не видела. И мы были трезвыми, как стеклышко. На самом деле мы просто бродили по полю, забирались на стены, лазали по деревьям, как будто попали в Джернзат. Так назывался один из миров в «Солнечных битвах», очень похожий на Нарнию, только страшнее. Мы дурачились, пока Ант не сказала, что уже поздно.

По-моему, именно ей пришло в голову, что мы должны совершить нечто вроде ритуала. Это точно была не Мойра, да и я на такое вряд ли способна. Но я знала, что ночью будет полнолуние — слышала, как об этом говорил дядя, — и мы решили, что каждая из нас должна оставить здесь дорогую для себя

вещь, а после того, как взойдет луна, забрать обратно. Вывернув карманы наизнанку, мы стали искать что-то подходящее. Я выбрала расческу, красную такую, пластмассовую. Ант выложила дешевый медальон на цепочке из «Вулворта». А Мойра — карандаш. На нем было написано «Рейвенвуд», поэтому мы и назвали то поле Рейвенвудом.

Вскарабкавшись на стену, мы повернулись к солнцу и затянули нечто похожее на гимн. Слов уже не помню. Потом бросили вещи в поле. Никому из нас не удалось бросить далеко, а Ант вообще уронила медальон почти под ноги, так ей не хотелось его терять. Мне было не жалко расчески, но она оказалась очень легкой и отлетела всего на пару метров от места, где мы стояли. Все мы запомнили, куда упали наши вещи. Я-то уж точно — моя расческа лежала на большом плоском камне.

Потом мы ушли. Смеркалось, стало холодать, и мы жутко проголодались — после завтрака у нас во рту и маковой росинки не было. Вернувшись домой, мы поболтались немного в амбаре, а потом сели ужинать. Мы почти не разговаривали. Мойра спрятала порванную куртку, чтобы никто не увидел. Я убрала подальше поцарапанные терновником ботинки, чтобы они не попались на глаза дяде с тетей. Помню, тетя спросила, что это мы задумали (видимо, наша неразговорчивость показалась ей подозрительной). А дядя со смехом сказал: «Да что можно задумать в Зенноре?» После ужина мы сидели в гостиной и ждали, когда стемнеет. Едва взошла луна, как мы снова вышли на улицу.

Было достаточно светло, и мы смогли найти дорогу даже без фонарика. Мне почему-то казалось, что вещи нужно искать обязательно при лунном све-

те. Было очень холодно, но никто из нас не оделся как следует, поэтому мы побежали. Дорога до огороженного поля не заняла много времени. Мы снова забрались на стену и прыгнули вниз точно в том месте, где бросили наши безделушки.

Только их там не было. Я точно помнила камень, на который упала моя расческа. Камень был на месте, а расческа — нет. Медальон Ант приземлился всего в полуметре от нее, но тоже исчез, как и карандаш Мойры.

— Наверное, их просто сдуло ветром, — предположил Джеффри, — или утащило какое-нибудь животное.

— Скорее всего, — согласилась Эвелин, — хотя мы провели на поле целый день именно потому, что ветра там не было.

— А если птица? Некоторые птицы любят блестящие вещи.

— Зачем птице карандаш или пластмассовая расческа?

Джеффри пожал плечами:

— Наверное, вы просто не увидели, куда именно упали вещи. Одно дело — при дневном свете, но ночью все выглядит по-другому. Особенно при луне.

— Я знала, куда они упали, — Эвелин затрясла головой и снова потянулась к бутылке с арманьяком. — Уж моя-то расческа точно! У меня взгляд инженера, я могу один раз увидеть, и картинка сохранится в голове. Там, где должна была лежать расческа, ее не было. По какой-то причине вещи пропали.

— А вы не думали, что местные дети могли подглядывать, как вы играете, и потом просто забрать ваши безделушки? — предположил Джеффри.

— Нет, — Эвелин сделала глоток из стакана. — Мы начали искать. Луна поднялась уже достаточно высоко и светила очень ярко. В ту ночь вообще было светло. На траве появился иней; лужи, оставшиеся после дождя, замерзли. И во всем этом, сверкая, отражался лунный свет. Было очень красиво, но мы недолго любовались этой красотой: нам стало страшно. Мы даже не разговаривали, просто бродили по полю и искали наши вещи.

И тогда Мойра заметила: «Там кто-то есть» — и показала в сторону дороги, которая вела к дядиной ферме. Строго говоря, это была даже не дорога, а просто две колеи вдоль границы пустыря. Я взглядела и, да, увидела трех человек, вернее, три огонька, три фонарика. Я не видела, кто держит их в руках, но огоньки медленно плыли вдоль колеи. Я подумала, это мой дядя и двое его работников идут сказать нам, что пора возвращаться домой. Они шли не со стороны фермы, но, может, какие-то дела потребовали их присутствия ночью на пустыре. Я подбежала к краю поля и забралась на стену.

Она замолчала и посмотрела в окно на ночной сад, потом продолжила:

— Оттуда все выглядело иначе. Они шли совсем не по дороге, а по соседнему полю, совсем близко от Рейвенвуда. И это были не фонарики. Огоньки плыли высоко в воздухе, вот так...

Она поставила стакан, слегка качаясь, встала и подняла руки вверх, как будто что-то держала над головой.

— Словно кто-то нацепил на себя колпак высотой метра три и прикрепил наверх огонек. Но это было не пламя. Это было похоже на светящийся шар...

Она охватила ладонями невидимый шар размером с футбольный мяч:

— Вот такой. Свет был белым и рассеянным. Огни покачивались в такт шагам.

— Ты видела, кто это был?

— Нет. Мы так и не смогли ничего разглядеть. Мне сложно это объяснить, но мы тогда жутко перепугались.

— И вы решили, что все из-за вашей игры, — Джеффри понимающе кивнул и допил коньяк. — Это был просто газ, Эв, ты сама знаешь. Блуждающие огоньки, или как их еще тут называют?.. В этих краях такое происходит сплошь и рядом. Или туман. Или просто кто-то решил прогуляться при лунном свете.

Эвелин снова села в кресло.

— Нет. Я знаю, как выглядят блуждающие огоньки. И это был не туман. Луна светила так ярко, что на поле можно было разглядеть каждый камушек. Мы все прекрасно видели. Вокруг стояла полная тишина, ни голосов, ни шагов, ничего. Только огни, медленно плывущие в нашу сторону, — сказала она и несколько раз качнула в воздухе рукой, как будто успокаивала плачущего ребенка. — Мне никогда в жизни не было так страшно.

— А почему вы просто не убежали?

— Мы не могли. Знаешь, у детей бывают страхи, о которых они не рассказывают взрослым. Там было что-то подобное. Мы просто знали, что нельзя бегать, пока мы не найдем наши вещи.

Я первой нашла расческу. Она оказалась в шести метрах от того места, где упала. Я схватила ее и стала бегать по полю в поисках медальона Ант и карандаша Мойры. Луна тем временем поднималась все

выше. Ночь выдалась абсолютно ясной, на небе не было ни облачка. Луна завораживала своей красотой, но это пугало меня еще больше. Не могу объяснить почему.

Джеффри криво усмехнулся:

— Да? А как тебе такое объяснение: три девочки с буйным воображением оказались ночью на улице, да еще и при полной луне?

— Помолчи. Через несколько минут Мойра завопила, что нашла карандаш, и рванула к стене. Я крикнула ей, чтобы она помогла нам искать медальон, но она не вернулась, так и ждала нас у ограды. Я побежала к Ант, но она крикнула, чтобы я искала медальон там, где стою. Я послушалась и даже начала продвигаться к дальнему краю поля, туда, где горели огни.

Они были совсем близко, я имею в виду, уже у дальней стены. Плыли высоко в воздухе, гораздо выше человеческого роста. Мойра рыдала. Я оглянулась и вдруг увидела, что Ант резко нагнулась, потом выпрямилась и закричала: «Я нашла его!» В руках у нее сверкнула цепочка.

Мы повернулись и дали деру. Никогда в жизни я так быстро не бегала. Я схватила Ант за руку. Когда мы подбежали к стене, Мойра была уже наверху и спрыгивала вниз. Я упала, и Ант помогла мне подняться. Мы со всех ног ринулись обратно на ферму, ворвались в дом и заперли дверь на ключ.

Выглянув в окно, мы увидели, что огни еще там. Они провисели над полем следующие четыре часа. Мой дядя держал бордер-колли. Мы чуть приоткрыли дверь, чтобы проверить, залает она или нет. Но собака молчала, более того, она наотрез отказалась выходить на улицу.

— Вы рассказали дяде с тетей о том, что случилось?

Эвелин покачала головой:

— Нет. Ночь мы провели в доме, в комнате моего двоюродного брата. Там окно выходило на пустырь, и мы могли наблюдать за огнями. Через два часа они стали двигаться в обратную сторону, тоже медленно, а через час исчезли совсем. На следующее утро мы ходили туда посмотреть, даже взяли с собой собаку.

— И?

— Ничего не нашли. Трава везде была примята, как будто кто-то ходил кругами, но, скорее всего, это мы сами натоптали.

Она замолчала.

— Ну ладно, — сказал Джеффри через некоторое время, — отличная история.

— Это правда. Подожди!

Эвелин встала и вышла из гостиной; Джефф услышал, что она поднимается по лестнице. Он подошел к окну и стал смотреть на темный сад, окутанный тенями и клочьями тумана, который казался голубым от света, падающего из окна.

— Вот, посмотри, я ее сохранила.

Он увидел в руках Эвелин небольшую круглую коробку. Она достала оттуда какой-то маленький предмет, посмотрела на него, потом положила обратно и протянула коробку Джеффри.

— Моя расческа. И еще несколько фотографий.

— Эта коробка. — Он принялся разглядывать покрытую голубой эмалью крышку с надписью золотыми буквами: «СЛАДОСТИ СЕНТ-ОСТЕЛЛА: ПОМАДКА ИЗ НАТУРАЛЬНЫХ КОРНУЭЛЬСКИХ СЛИВОК» и нарисованный под ней маяк. — Она похожа на ту, в которой я нашел письма Антеи.

Эвелин кивнула:

— Все правильно. В тот день, когда мы приехали, тетя Бекка подарила такую каждой из нас. Она думала, помадки хватит на две недели, но, по-моему, мы все съели в первую же ночь.

Он открыл коробку и посмотрел на ярко-красную расческу, лежащую поверх нескольких фотографий, потом достал из кармана медальон Антеи.

— Да, это он, — изумленно проговорила Эвелин. Взяв медальон, она открыла его, потом закрыла и вернула Джеффри. — Насколько я знаю, внутри никогда ничего не было. А вот посмотри, что у меня есть.

Она забрала у него коробку, принялась перебирать снимки и наконец протянула Джеффри шесть фотографий. На обратной стороне каждой было написано: ОКТЯБРЬ 1971 ГОДА.

— У меня был свой фотоаппарат, — Эвелин снова села в кресло. — Пленка закончилась уже когда учебный год начался.

На большинстве снимков были две девочки. Одна из них — Антея с круглыми щеками, детской, почти щенячьей припухлостью лица, длинными каштановыми волосами, невыщипанными бровями, в мешковатых джинсах и белой крестьянской рубаше. Другая девочка была выше ростом, крепкая, спортивного сложения, с длинными светлыми волосами, широким лбом, удлинненными глазами и большим улыбающимся ртом.

— Это Мойра, — сказала Эвелин.

— Красивая.

— Да, очень. Мы-то с Ант еще были гадкими утятами. К счастью, я тогда не расставалась с фотоаппаратом и редко попадала в кадр. Но есть несколько снимков, которые сделала тетя Бекка.

— Ты тут очаровательна, — заметил Джеффри, вытаскивая фотографию с тремя смеющимися девочками, которые кормят друг друга чем-то из рук. У Эвелин были скобки на зубах и короткая стрижка. — Вы все очаровательны, но она...

Он взял фотографию, на которой была одна Мойра. Снимок был чуть смазан, но водопад светлых волос, улыбка и прищуренные глаза все равно вышли хорошо.

— Она очень красива и фотогенична.

Эвелин рассмеялась:

— Да что ты говоришь? Мойра была само совершенство, по ней все мальчишки сохли. Но при этом она была таким же сорванцом, как мы. Больше всего интересовалась мальчиками Ант, а мы с Мойрой почти нет.

— А когда вы встретились с Робертом Беннингтоном?

— На следующий день. Он оказался очень милым, и ничего странного, как в ту ночь, с нами больше не случилось. И ничего плохого, — добавила она, поджав губы. — Моя тетя знала, кто он такой. Она не была с ним знакома, хоть и здоровалась, когда встречала на почте. Книг его она не читала, но знала, что он детский писатель и в каком доме живет. Когда мы собрались к нему, она предупредила, чтобы мы вели себя прилично, не надоедали и не засиживались в гостях.

Мы вели себя прилично и не надоедали. Просидели у него часа два, может, три. Целый час осматривали дом, огромный старинный особняк! Еще Беннингтон показал нам фугу¹. Он так гордился,

¹ Фугу — общее название подземных сооружений неизвестного назначения, распространенных на территории Корнуолла и относящихся к раннему железному веку.

что на его земле есть настоящая пещера, только сделанная человеческими руками. Сказал, что этому сооружению более трех тысяч лет, и отвел нас посмотреть. Потом мы вернулись в дом, и он угостил нас сэндвичами с шоколадной пастой, мандаринами и апельсиновым соком. Мы просто подошли к его двери и постучали, то есть я постучала, Ант сильно нервничала, а Мойра просто стеснялась. У нас с Ант было с собой по экземпляру «Второго солнца». Беннингтон встретил нас очень радушно, пригласил в дом и сказал, что подпишет книги, когда мы соберемся уходить.

— Ну, разумеется, «Заходите, девочки, я покажу вам свой фугу».

— Нет. Беннингтон хотел, чтобы мы увидели фугу, потому что он его вдохновлял. Он сказал, что фугу похож на портал. Он не был грязным старикашкой, Джеффри! Он вообще был не таким уж и старым, лет сорока всего. Носил длинные, до плеч, волосы и красивую одежду: вышитую рубашку, вельветовые брюки. А еще ярко-голубые ботинки с очень длинными носами. Пожалуй, это была единственная странность. Я тогда подумала: и как в них помещаются его пальцы? Что, если они такие же длинные и узкие, как и носы его туфель? — она рассмеялась. — Он и вправду вел себя очень мило, рассказывал о своих книгах, впрочем, секретов не выдавал. Обещал, что мы обо всем прочитаем в следующей серии, которая так никогда и не вышла. Он подписал нам книги, вернее, только мне, о книге Ант он почему-то забыл. Потом мы ушли.

— А вы рассказывали ему об огнях?

— Да. Он сказал, такие вещи и раньше случались. Эта часть Корнуолла самая древняя, здесь полно кру-

гов, выложенных из камня, менгиров, кромлехов¹ и всякого такого.

— Что такое кромлех?

— Что-то вроде дольмена. — Джефффри нахмурился, тогда Эвелин взяла четыре карточки и сложила на столе простенький домик: три поставила вертикально, а последнюю положила сверху. — Выглядит вот так. Доисторическое захоронение, сложенное из больших плоских камней. Как Стоунхендж — только маленький. Фугу немного похожи на них. Больше всего их у Западного Пенвита, рядом с Зеннором. Там жили Алистер Кроули и Дэвид Лоуренс с женой. Задолго до самого Роберта. Он рассказывал, что слышал много историй о странных вещах, которые тут творятся. Что именно, я не запомнила. К тому времени я заскучала, и мы собрались уходить.

Джефффри усмехнулся:

— Наверное, это он с фонариком вас и заманивал!

— Он даже не знал, что мы там были! — возразила Эвелин так эмоционально, что карточный домик рухнул. — Он очень удивился, когда открыл дверь. Я испугалась, что он наорет на нас и выгонит. Или, не знаю, вызовет полицию. И он сказал, что у этого поля даже есть название. Такое смешное слово, корнуэльское. Оно даже что-то значило, но я уже забыла.

Она замолчала и наклонилась к Джефффри:

— А почему тебя это так волнует? Антея что-то говорила?

¹ Менгир — большой неотесанный продолговатый камень, поставленный вертикально; один из видов мегалитических построек. Кромлех — овальная либо прямоугольная группа менгиров.

— Нет. Просто я нашел письма и... — Он положил руки на колени и, отвернувшись, стал смотреть в окно, чтобы Эвелин не увидела слезы на его глазах. — Мне захотелось узнать. А ее я спросить не могу.

Эвелин вздохнула:

— Да в общем-то больше рассказывать особо нечего. Мы вернулись туда еще раз, уже с фонариками, палками для ходьбы и собакой. Пробыли до трех ночи. И только нагоняй получили от дяди с тетей. Они услышали, как лает собака, зашли в амбар и увидели, что нас нет.

Вот и все. У меня до сих пор хранится книга, которую он подписал. Ант наверняка тоже сохранила свою, хотя ее всегда бесило, что он ее не подписал. Она у вас дома?

— Не знаю. Возможно. Я так и не смог ее найти. А с Мойрой вы не общаетесь?

Эвелин покачала головой:

— Я же говорила: она исчезла, убежала из дома тем летом. Ей несладко жилось, отец пил, мать, наверное, тоже. Мы даже в гости к ней не ходили. Да, там еще была старшая сестра, но я ее не знала. Послушай, если ты думаешь, что Беннингтон убил Мойру, это просто смешно. Я уверена, ее имя всплыло, когда закрутилась эта история с педофилией. Полиция провела расследование, и если бы они что-то нашли, мы бы непременно узнали.

— А ты говорила им о Мойре?

— Конечно, нет. Джеффри, мне кажется, тебе следует забыть об этой истории. Она не имеет к тебе никакого отношения, все произошло много лет назад. Ант об этом почти не вспоминала. Когда я прочитала в «Гардиан» о суде над Беннингтоном и рассказала ей,

она даже не особо заинтересовалась. Я не знаю, жив ли он. Если да, то ему уже, наверное, под девяносто.

Она наклонилась к Джеффри и взяла его за руку.

— Я вижу, ты устал. И понимаю, как тебе тяжело. Хочешь, оставайся у нас на несколько дней. Или приезжай после своей встречи в Лондоне.

— Нет. То есть, наверное, не получится. Придется вернуться в Бруклин. Я сильно отстал с несколькими проектами, мне нужно завершить их в течение ближайших недель. Прости, Эв.

Он потер глаза и встал.

— Я не хотел тебя беспокоить. Ты права, я совсем раскис. Все это... — он сложил фотографии стопкой на столе и спросил: — Можно мне взять одну? Неважно какую.

— Конечно, бери.

Он выбрал ту, на которой Мойра с Эвелин хохотали, а Антея смотрела на них со слегка смущенным видом.

— Спасибо. — Он разложил письма Антеи по конвертам, засунул снимок в последний, потом посмотрел на пачку, как будто не понимал, откуда она взялась. — Все это просто... Не знаю, как-то бессмысленно. А я хочу, чтобы смысл был. Чтобы он был хоть в чем-нибудь.

— Антея много для тебя значила, — Эвелин встала и обняла его. — В твоей жизни с ней был смысл. И в твоей жизни сейчас тоже есть смысл.

— Знаю, — он поцеловал ее в макушку. — Я все время себе об этом твержу.

На следующее утро Эвелин подбросила его до станции. Он чувствовал себя виноватым за то, что

соврал о встрече в Лондоне, но знал, что хоть она и сожалеет о его скором отъезде, но в то же время испытывает облегчение.

— Прости за прошлую ночь, — сказал он, когда Эвелин заехала на стоянку. — Я чувствую себя Злой колдуньей, которая явилась на крестины. Зря я пристал к тебе с этой историей.

— Нет, было интересно, — Эвелин прищурила глаза на солнце. — Я уже давно об этом не вспоминала. С прошлого марта, когда мне позвонила Ант.

Джеффри задумался, а потом спросил:

— Как ты думаешь, что произошло на самом деле? Глядя с высоты своего инженерного образования?

Эвелин рассмеялась:

— Посмотри, куда оно меня завело! А если серьезно, то понятия не имею. Боюсь, это одно из тех событий, которые никак нельзя объяснить. Может быть, пересеклись два разных измерения, есть же такие теории... о двойственности мира.

Она покачала головой.

— Я понимаю, что это бред. Но в мире много бессмысленного. Почему, например, Буш так долго сидит в Овальном кабинете?

— Это я как раз могу объяснить, — улыбнулся Джеффри. — Но тебе будет скучно. Еще раз спасибо, Эв.

Они вышли из машины и обнялись.

— Ты должен снова к нам приехать, — Эвелин смахнула слезу. — Как глупо, что мы так долго не виделись.

— Знаю. Я приеду, обещаю. И вы с Крисом тоже приезжайте в Нью-Йорк. Как только я обустроюсь на новом месте.

Он посмотрел, как она отъезжает, помахал ей рукой и пошел к билетным кассам:

— Могу я доехать отсюда до Пензанса?

— Когда?

— Прямо сейчас.

Билетер посмотрел на экран компьютера:

— Поезд через полчаса. Пересадка в Плимуте, и в Пензансе вы будете около четырех.

Он купил билет в вагон первого класса, нашел в зале ожидания пустое кресло, вытащил телефон и стал искать отель рядом с Зеннором. Отелей там оказалось не слишком много — несколько фермерских домов, в которых комнаты сдавали на лето, а зимой гостей не принимали. Гостиница, в которой обосновался довольно популярный в последние годы гастрономический паб, была открыта, но даже сейчас, в первых числах марта, мест в ней не было. Он нашел еще одну, из категории «постель и завтрак», которая называлась «На утесе». Там было всего два номера, и официально она начинала работать только со следующих выходных. Он все-таки туда позвонил.

— Комнату? — устало, но доброжелательно переспросил женский голос. — Мы еще не готовы, у нас ремонт...

— Мне нужна только постель, — перебил Джеффри и набрал воздуха в грудь. — Дело в том, что я недавно потерял жену. Хочу побыть вдали от мира и... — Он запнулся.

В этот момент он был сам себе противен из-за того, что давил на жалость. После долгого молчания из трубки донеслось:

— О, дорогой мой, как жаль. Тогда конечно, если вам неважно, что мы еще не готовы к приему постояльцев. В новой ванной даже цемент не застыл. Высоты не боитесь?

— Высоты?

— Ну да. Головокружениями не страдаете? Некоторые так измучаются, пока к нам доедут. И еще мы принимаем минимум на две ночи.

Джеффри заверил, что никогда не страдал головокружениями, продиктовал номер своей кредитной карты, попрощался и перезвонил в прокат автомобилей в Пензансе.

Он не выспался и мучился от похмелья, поэтому дремал почти всю дорогу до Плимута. Поезд от Плимута до Пензанса был полупустым. Джеффри купил в буфете пива и сэндвич и вернулся на свое место. Еще в Лондоне, в книжном магазине «Уотерстоун», он купил роман, но вместо того, чтобы читать, смотрел на пейзажи, будто сошедшие со страниц сказок, которые он глотал в детстве одну за другой: сложенные из гранитных плит фермерские дома; мохнатые пони, пасущиеся на выгонах, огороженных каменными изгородями; изумрудно-зеленые луга под пасмурным небом; графитовые облака, изредка пронзаемые лучами солнца; радуга, внезапно появившаяся на фоне грозовой тучи и потом будто стертая невидимой рукой... Он разглядел красношеих фазанов и бегущую лису и долго любовался золотисто-желтыми полями, которые сменились серебристой береговой линией в обрамлении красно-коричневых скал.

Дети, играющие посреди пустой дороги. Женщина, наклонившая голову и идущая против ветра с вытянутыми вперед руками. Заброшенные шахты и терриконы; развалины, промелькнувшие за окном перед тем, как поезд нырнул в туннель; черные птицы, кружащие над поросшими вереском серыми скалами.

И снова небольшие дубовые рощи — там, где раньше, много сотен лет назад, были сплошные леса. Вид из окна был прекрасным, но слегка тревожным. Ему казалось, что, глядя в окно вагона, он смотрит старое видовое немое кино, в котором почти нет актеров.

Больше всего Джеффри расстраивали деревья: за то время, пока люди здесь обживались, они умудрились сломать или приспособить под свои нужды все — камни, деревья, кустарники, — оставив вокруг лишь голую землю. Он почувствовал облегчение, когда поезд, наконец, остановился в Пензансе. Справа от станции виднелась набережная. Ледяные волны накатывали на песчаный пляж. Вдали темнели средневековые башни горы Святого Михаила, словно парящие между водой и жемчужным небом.

Он взял сумку и вышел из вокзала. Вокруг было много людей. Одни просто стояли с багажом на тротуаре, другие направлялись к стоянке. Облака поднялись выше, с моря дул холодный пронизывающий ветер, пахло солью и водорослями. Джеффри замерз, надел шерстяное пальто и стал искать машину из прокатной конторы, которая должна была его ждать.

Наконец он заметил маленький белый автомобиль, стоявший у тротуара. Мужчина в черном пиджаке прислонился к его капоту; он разговаривал с подростком в вязаной разноцветной шапке, надетой поверх дредов, и с женщиной с растрепанными темно-русыми волосами. Джеффри подошел к машине и улыбнулся:

— Наверное, меня ждете?

Мужчина сделал затяжку и протянул сигарету женщине. Она была старше, чем вначале показалось Джеффри: за тридцать, с обветренным загорелым ли-

цом и покрасневшими глазами, в обтягивающих джинсах и пушистом небесно-голубом свитере под грязноватой ветровкой с надписью «Арсенал» на спине.

— Может, подкинешь на бедность? — спросила она, когда Джеффри остановился рядом с машиной. От женщины несло потом и марихуаной.

— Шагай отсюда, Эрс, — мужчина нахмурился и, повернувшись к Джеффри, спросил: — Мистер Кири́н?

— Это я, — подтвердил Джеффри.

— У тебя не найдется еще косячка, Эван? — задала женщина.

— Пойдем, Эрс, — бросил через плечо мальчишка в вязаной шапке и направился к станции. — Мира тебе, Эван.

— Извините, — Эван открыл перед Джеффри пассажирскую дверь. — Я знаю мальчишку, его семья живет неподалеку от дома моей сестры.

— Не старовата она для него? — Джеффри посмотрел на прислонившуюся к стене парочку: от спрятанных в ладонях косячков вился дымок.

— Да, Эрс — оторва. Обычно ошивается на станции Сент-Эрс. Только этой зимой перебралась в Пензанс. Летом здесь всегда полно хиппи-наркоманов, некоторые остаются зимовать и ночуют на улице. Не думаю, что вам это интересно, — добавил он и, улыбаясь, уселся за руль. — В отпуск приехали?

Джеффри кивнул:

— Да, на несколько дней.

— Остановитесь в Пензансе?

— В Карду. Рядом с Зеннором.

— До следующих выходных солнце вряд ли выглянет.

Именно этот маленький белый автомобиль Джеффри и взял напрокат.

— Все, что у нас сейчас есть, — сказал Эван в офисе, стуча по клавиатуре, — но это и к лучшему, на такой машине гораздо удобнее ездить по сельским дорогам. Они очень узкие. Уже бывали здесь? Нет? Тогда настоятельно рекомендую оформить расширенную страховку...

Джеффри лет десять не садился за руль в Англии. Едва отъехав от конторы, он уже вспотел от напряжения, его взгляд метался между картой, которую дал Эван, и GPS-навигатором на айфоне. Наконец он проехал через оживленный перекресток с круговым движением и начал взбираться по крутому ветреному склону. Узкая дорожка петляла между высокими изгородями, за которыми простирались фермерские земли. Оказалось, что ярко-желтые поля, которыми Джеффри любовался из поезда, засеяны нарциссами, еще не полностью раскрывшими лепестки. Через несколько минут он выехал к перекрестку.

И почти сразу потерялся. Расстояния между деревнями и поворотами были обманчивыми: километр по карте оказывался парой сотен метров, дорога делала непонятные зигзаги, и порой Джеффри казалось, что он едет обратно в Пензанс. GPS-навигатор сошел с ума, он то направлял его прямоком на скалы, то вдруг прокладывал маршрут через чистое поле, где коровы щипали весеннюю траву. Дороги оказались такими узкими, что две машины на них разъезжались с трудом; для этого через каждые пятьдесят метров встречались площадки на обочине, но сквозь высокие изгороди и лабиринты по-

воротов сложно было вовремя заметить встречный автомобиль.

Его целью была деревушка Карду, расположенная в десяти километрах от Пензанса. Через полчаса он бросил взгляд на одометр, увидел, что проехал все двадцать, и признался себе, что понятия не имеет, где находится. Мобильный телефон оказался «вне зоны доступа». Солнце клонилось к закату и поливало оранжевым светом каменистую землю и поросшие вереском бронзово-красные пустоши, расчерченные неровными каменными изгородами. Наконец Джеффри остановился в одном из узких карманов и несколько минут смотрел на мрачноватый кроваво-красный солнечный диск. Потом открыл дверь и вышел.

Изгороди почти не защищали от пронизывающего ветра, гулявшего по пустошам. Джеффри поднял воротник пальто, повернулся спиной к ветру и заметил небольшую табличку с надписью: «Общественный проход». Метров через десять он увидел небольшой разрыв в изгороди, к которому вели три ступени, выложенные из плоских камней. Преодолев их одним махом, он оказался на заросшем поле, очень похожем на то, о котором рассказывала Эвелин. В древней каменной стене, обозначавшей дальнюю границу поля, виднелся еще один пролом. Прищурившись, Джеффри разглядел возле него какую-то табличку, но прочитать, что на ней написано, не смог и пошел вперед.

Идти оказалось нелегко — земля была очень неровной, с множеством незаметных ям и колдобин. Пару раз он чуть не сломал лодыжку. Воздух наполняли запахи свежей земли и коровьего навоза. Чем

ниже опускалось солнце, тем длиннее становилась тень, которую он отбрасывал впереди. Наконец Джеффри дошел до дальней стены и отыскал глазами табличку.

КРУГ КАСА

Оглянувшись, он увидел белый отблеск у того места, где оставил машину, и пошел вперед. Кто-то проложил здесь тропинку; это была даже не тропинка, а слегка притоптанная полоска травы и торфа. Она привела Джеффри к большому стоячему камню, который доставал ему до пояса. Посмотрев сначала в одну сторону, потом в другую, он увидел еще несколько камней, образующих овал диаметром около десяти метров. Он провел рукой по первому камню. Грубый гранит порос колким лишайником и мхом.

Навозом здесь пахло гораздо меньше, воздух был свежим и сладким. Опустив голову, Джеффри заметил у основания камня серебристый отблеск. Нагнувшись, он погрузил пальцы в крошечный водоем размером с его ботинок. Ледяная вода продолжала рябить даже после того, как он вытащил руку.

Источник, ключевая вода. Он зачерпнул ее ладонью и недоверчиво понюхал, ожидая, что будет нести коровьим навозом.

Вода пахла чистотой и дождем. Он поднес ладонь ко рту, сделал глоток и тут же затряс рукой, рассыпая вокруг блестящие капли.

«Какая глупость! — подумал он, насухо вытирая руку о брюки. — Наверняка теперь подхватчу дизентерию. Или чем там еще можно заразиться от коров?»

Постояв там с минуту, он вернулся к машине. Вдали замелькал свет фар. Джеффри махнул рукой, и рядом остановился небольшой белый грузовик.

— Я, кажется, заблудился, — сказал Джеффри и показал водителю карту, которую дал ему Эван.

— Не совсем, — ответил тот и показал, куда ехать. — Как только увидите парковку, вы почти у цели.

Джеффри поблагодарил его и сел в машину. Через десять минут он подъехал к крутому утесу, перед которым стояло штук шесть машин. Никакого указателя, что это Карду, он не заметил, равно как и признаков того, что в этой деревушке есть что-то, кроме гостиницы, разбитой дороги с глубокими колеями и гранитными домиками разной степени запущенности вдоль нее. Он направил арендованную машину к ветхим серым строениям по тому, что с трудом можно было назвать дорогой, повернул направо и оказался на вымощенном булыжником серпантине, ведущем на вершину утеса.

В десятках метров внизу невидимый океан с ревом бился о камни. Джеффри то и дело поглядывал на поросшие оранжевым лишайником прибрежные скалы, которые были похожи на застывшие языки пламени и становились пепельно-серыми по мере того, как солнце заходило за горизонт.

Впрочем, времени любоваться ими у Джеффри не было: приходилось следить за узкой лентой дороги. Утесник и ежевика царапали дверцы, пару раз он чиркнул днищем о камни, а потом и вовсе въехал в сточную канаву, которая дальше превращалась в бурный поток, образующий водопад на краю утеса.

— Вот дерьмо! — выругался он и переключил коробку на первую передачу. Через пять минут Джефф-

ффри благополучно остановился у коттеджа рядом с другим автомобилем.

— А мы уже думали, что вы не приедете, — произнес кто-то, когда Джеффри поставил дрожащую ногу на булыжную мостовую. Взгляд его невольно обратился к всклокоченным розовым кустам, которые росли между гранитными плитами, напоминавшими надгробия. Вероятно, плиты поставили тут, чтобы машины не сползали к полуразрушенному зданию, сквозь зияющие окна которого можно было разглядеть пока еще тусклые звезды. — Многие сдаются на полпути.

Джеффри огляделся и увидел невысокого мужчину лет шестидесяти, который стоял в дверях коттеджа из серого камня, притулившегося с подветренной стороны утеса.

— О, здравствуйте! Как видите, я все-таки приехал.

Джеффри открыл багажник, взял сумку и пошел к дому.

— Гарри, — представился мужчина, придерживая дверь.

— Джеффри. Я говорил сегодня днем с вашей женой.

Мужчина сдвинул брови.

— С женой? — Он оказался на голову ниже Джеффри. У него было загорелое, обветренное, но чисто выбритое лицо и тщательно расчесанные волосы до плеч. Длинный свитер ручной вязки висел на нем, как на вешалке.

— Ну, с какой-то женщиной...

— А, это моя сестра Томса, — мужчина покачал головой, будто такое недоразумение случилось в первый раз. — Мы как раз готовимся к открытию. Го-

стиница начнет работать только со следующих выходных, но...

Он придерживал дверь, пока Джеффри не вошел в дом.

— Томса рассказала мне о вашей потере. Мои соболезнования.

Переступив порог, Джеффри оказался в маленькой комнате с полами из сланцевой плитки и оштукатуренными стенами. Обстановка была скромной: шкаф с книгами, картами и разномастной посудой, деревянный стол с четырьмя стульями, украшенными кельтской резьбой, и газовая плита. Довершал картину приставной стол, заваленный блокнотами, ручками и нераспечатанными конвертами. В старый камин была вмонтирована современная литая топка на дровах; она наполняла комнату теплом и приятным, хоть и резковатым дымным запахом. Джеффри удивился, когда понял, что топят торфяными брикетами. В другом конце комнаты находилась закрытая дверь, за ней слышался работающий телевизор. Гарри посмотрел на Джеффри, приподняв бровь.

— Здесь очень красиво, — сказал Джеффри.

Гарри кивнул:

— Я провожу вас в вашу комнату.

Джеффри прошел за ним по узкой лестнице под свесом крыши в небольшой холл с двумя дверями.

— Вот тут вы будете жить. Ванная внизу, она в полном вашем распоряжении. Когда подавать завтрак?

— Может, в семь?

— Как насчет семи тридцати?

— Договорились, — Джеффри слегка улыбнулся.

Его поселили в небольшом номере с белыми стенами; у окна, выходящего на море, стояло уютное

кресло, на кровати с белым покрывалом громоздилась гора подушек. Угловой шкаф был украшен тем же резным узором, что и стулья внизу. Никакого телевизора, радио, телефона и даже часов. Джеффри распаковал сумку и проверил мобильный: сети не было.

Закрыв гардероб, он посмотрел на сумку и выругался. Он забыл книгу в поезде. Проведя рукой по волосам, Джеффри сел в кресло и стал смотреть в окно.

На улице уже успело стемнеть, и снаружи почти ничего не было видно. Маленький садик, разбитый на краю утеса и загороженный от ветра каменной изгородью, был освещен лишь тусклым светом из окон первого этажа. За ним были камни и — далеко внизу — море. Волны бились о невидимый берег с ревом турбин реактивного самолета. Джеффри чувствовал, как дом вздрагивает в такт их ударам.

Не только дом, подумалось ему; земля и все, что вокруг, тоже непрерывно сотрясалось. Он подошел к противоположному окну, выходявшему на дорогу, где сквозь ветки дерева, причудливо изогнутого постоянными ветрами и просоленным воздухом, виднелись арендованная им машина и другой автомобиль. Он выключил единственную в этой комнате лампу и подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и снова посмотрел сначала в одно, а потом в другое окно.

Но ничего, кроме ночи, он по-прежнему не видел. Свет из окон внизу выхватывал из темноты кусок лужайки. Свет мерцающих звезд легко касался бесконечных вересковых пустошей, похожих на второе море, простиравшееся от гряды прибрежных скал до самого горизонта. Не было видно никаких признаков

жилья, ни далеких огней, ни уличных фонарей, ни машин, ни кораблей, ни маяков — ничего.

Он сел в кресло и почувствовал, что ему страшно. Еще ни разу в его жизни не было такой темной ночи, даже когда лет десять назад они с Антеей шли по пустыне Мохаве. Там огни горели хотя бы на горизонте, а над головой по небу медленно плыли спутники. В попытке побороть ужас этого одиночества он схватился за телефон, но связи по-прежнему не было.

Отложив мобильник, Джеффри стал разглядывать старинную фотографию в рамке, висевшую на стене. Трехмачтовая шхуна терпит крушение рядом с утесом, на котором, по-видимому, сейчас стоит гостиница. Зачем здесь повесили эту фотографию? Он чувствовал себя как тогда, в колледже, когда с тяжелым похмельем проснулся в убогой, оборудованной под тир квартирке в окружении незнакомых людей. Словно он вдруг стал лунатиком и шел по краю пропасти.

Но если вдуматься, сейчас он действительно находился на краю самой настоящей пропасти. Джеффри встал, включил свет и пошел в холл, а потом в ванную, и там тоже включил освещение.

Ванная оказалась размером с его спальню. На деревянном стуле лежала стопка желтых и зеленых полотенец, а на широком подоконнике в кобальтовой вазе стоял букет огромных, размером с кулак, нарциссов. Он отодвинул полотенца, несколько минут неподвижно сидел на стуле, потом встал, взял вазу и поднес к лицу.

Нарциссы пахли перекопанной весенней землей, щедро нагретой солнцем. Антея очень любила цветы, каждую осень она сажала несколько сотен луковиц

нарциссов и крокусов, главных предвестников весны. Джеффри еще раз сделал глубокий вдох и поставил вазу на место. Оставив свет у раковины, он вернулся в комнату и лег в постель.

Джеффри проснулся, когда еще не было семи. Тусклое солнце пробивалось сквозь задернутые на ночь белые шторы. Некоторое время он лежал в постели, слушая рокот прибора. Потом встал, отодвинул штору и посмотрел в окно.

Над горизонтом тянулась линия облаков, но над маяком небо было бледно-голубым, с золотистыми мазками солнца на востоке, где простирались вересковые пустоши. В нескольких сотнях метров под окном волны обрушивались на прибрежные скалы, образуя водовороты вокруг торчащих из моря камней, а над ними вились мириады белых чаек. Там же виднелась тонкая полоска песка и черный зев пещеры, уходящей в глубь одного из утесов; рядом с ней крутился, подпитываемый волнами, самый большой водоворот.

Воспоминание о ночном страхе поблекло: солнечный свет, птицы, морской простор, голые пустоши вернули Джеффри бодрость. Впервые после смерти Антеи у него появилось предчувствие не ужаса, а того, что даже можно было назвать восторгом, который он испытывал подростком, просыпаясь ранней весной в своей комнате.

Джеффри оделся и побрился; душа в гостинице не было, только огромная ванна, так что водные процедуры он отложил на потом. Услышав в кухне шум, спустился вниз.

— С добрым утром! — У раковины стояла женщина, как две капли воды похожая на Гарри, наверняка

его сестра-близнец. Худенькая и хрупкая, с узким лицом и прямыми темными волосами, убранными при помощи двух гребней, кареглазая, загорелая и обветренная, как ее брат. — Я Томса.

Он пожал ей руку, поискал глазами кофе и снова посмотрел в окно:

— Хорошо тут у вас.

— Да, это верно, — просто ответила Томса. Насыпав ложку кофе в стеклянную кофеварку, она залила его водой из кипящего чайника.

— Вы ведь кофе будете? Но если хотите, могу и чай заварить. Вам яйца подать? У некоторых бывает аллергия на разные продукты. Или вот, например, веганы... Ну и как их кормить? — Она бросила на Джеффри быстрый взгляд и повернулась к мойке, где стояла миска с яйцами. — Сколько вам?

В коттедже было тихо, слышался лишь звук телевизора за закрытой дверью и грохот волн, разбивающихся о скалы. Джеффри сел за стол, накрытый на одного, налил себе кофе и посмотрел вдаль на бесконечную череду пустошей.

— Вам шум океана не мешает? — спросил он.

Томса рассмеялась:

— Нет. Мы живем здесь уже тридцать пять лет, привыкли. Но мы построили дом в Греции, на острове Гидра, недавно оттуда приехали. Там в деревне есть церковь, в полдень всегда звонят колокола. Не знаю почему. Сначала это казалось милым — церковные колокола! А теперь я сыта по горло и мечтаю, чтобы они, наконец, заткнулись.

Она поставила перед ним тарелку с яичницей и толстыми кусками бекона, тосты из ржаного хлеба, пару баночек с джемом, взяла кружку и под села за стол.

— Приехали на выходные?

— М-м, да, — подтвердил Джеффри с полным ртом. — Прошлой осенью у меня умерла жена. И я решил, что нужно куда-то съездить, сменить обстановку.

— Конечно.

— Она бывала здесь — давно, еще девочкой. Не прямо здесь, а на ферме рядом с Зеннором. Хозяйку звали Бекка, а фамилии я не знаю.

— Бекка? М-м... Не слышала. Может, Гарри знает?

— Это было в 1971 году.

— А-а... Тогда нет. Мы перебрались сюда только в 1975-м. А раньше приезжали на лето вместе с друзьями хиппи, — она сделала глоток чая. — В это время здесь не бывает туристов. Обычно мы открываемся на второй неделе марта. Но строгого расписания у нас нет, — она пожала плечами и откинула волосы с лица. — Здесь сейчас тихо. Никаких автобусов, набитых немецкими туристами. Вы художник?

— Художник? — удивился Джеффри. — Нет. Я архитектор. Рисую, конечно, но только для работы. Иногда делаю наброски.

— Сюда приезжает много художников. Если вас интересует современная архитектура, в Сент-Айвзе есть музей Тейт¹. И конечно, тут полно доисторических руин — стоячие камни и зеннорский дольмен. О них есть множество легенд, сказки о пропавших людях... Там очень интересно, если, конечно, вы любите ходить пешком.

— А перекусить там где-нибудь можно?

— В гостинице, только столик нужно заказать заранее. В Зенноре есть паб, и в Сент-Айвзе, конечно,

¹ Музей в Сент-Айвзе входит в группу галерей Тейт, объединяющей художественные музеи в Великобритании.

тоже, только там сложно найти место для машины. И в Пензансе.

Джеффри подмигнул:

— Я не уверен, что прямо сейчас хочу снова сесть за руль.

— Да, дорога у нас не слишком хорошая. Но Зеннор всего в двух милях, туда можно и пешком добраться. К нам часто заходят туристы с побережья. Но Гарри сегодня собирался в город, так что он мог бы вас подбросить до Зеннора.

— Спасибо. Я еще не решил, чем буду заниматься. Но все равно очень вам благодарен.

Он завтракал, болтал с Томсой, кивнул Гарри, когда тот появился на пороге комнаты и, махнув рукой, вышел из дома. Через минуту Джеффри увидел в окно, что тот везет куда-то на тачке садовые инструменты

— Думаю, дождя сегодня не будет, — сказала Томса, выглядывая на улицу. — Это было бы здорово. Надо закончить стену. Хотите, я сварю еще кофе?

— Если не трудно.

Джеффри окунул корочку хлеба в черносмородиновый джем. Ему не терпелось спросить у Томсы и Гарри насчет Роберта Беннингтона, но он опасался, что если будет интересоваться местным скандалом, пусть и случившимся довольно давно, его примут за журналиста или сплетника. Он доел тост, поблагодарил Томсу за кофе и взял с журнального столика буклет.

— Тут можно прочесть, где находятся руины?

— Да. Вам нужна карта Британского картографического управления. Вот она.

Томса раздвинула тарелки и развернула карту. Обведя ногтем маленькую бухту между двумя полосками суши, она сказала:

— Вот здесь.

Указав на одну из полосок суши, она посмотрела в окно на гряду серо-зеленых скал, которая тянулась точно на юг:

— Вон там отрог Гуннара, а рядом отрог Зеннора.

Она повернулась, показала в противоположном направлении на затянутые дымкой скалы и снова посмотрела на карту.

— Тут все отмечено.

Джеффри прищурился, разбирая напечатанную мелким готическим шрифтом надпись. ТУМУЛИ. СТОЯЧИЙ КАМЕНЬ. КРУГОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ. ПИРАМИДЫ ИЗ КАМНЕЙ.

— А фугу здесь есть?

— Фугу? — она слегка нахмурилась. — Да, недалеко отсюда, на пустошах по дороге к Зеннору. Совсем близко.

— Не подскажете, как туда добраться? Хочу его поискать.

Томса подошла к окну.

— Дорога на побережье проходит здесь, видите? Идите по ней до хребта, там будет поворот. Это старая дорога, ею иногда пользуются фермеры. Вокруг нее заброшенные поля. Фугу находится на территории фермы «Головенна», не помню точно, на каком именно поле. Гораздо быстрее будет доехать до Зеннора на машине и уже оттуда пойти на пустоши, но и отсюда вы тоже, наверное, доберетесь. Нужно искать проходы в изгородях или перелезть через них. У вас есть обувь для таких прогулок? — она с сомнением посмотрела на его кроссовки. — Наверное, эти подойдут.

— Попробую дать им шанс. Можно взять карту?

— Да, конечно. Но она не самая подробная, похожему, есть и более детальные.

Джеффри поблагодарил Томсу, допил кофе, поднялся к себе, надел толстый шерстяной свитер на фланелевую рубашку, взял телефон и снова спустился вниз. Сунул карту в карман пальто, попрощался с хозяйкой, которая принялась мыть посуду после завтрака, и вышел на улицу.

Было тепло, несмотря на сильный ветер, разорвавший в клочья линию облаков на горизонте. Гарри стоял на коленях у каменной стены и что-то копал маленькой лопаткой. Джеффри остановился понаблюдать за ним, потом полюбовался нарциссами и стал спускаться по ступенчатому склону, петляя между камнями и яблонями. Цветы еще не распустились, но из крупных зеленых бутонов на тонких стебельках уже проглядывали ярко-желтые, оранжевые и шафрановые лепестки.

— Решили прогуляться? — окликнул его Гарри.

— Да. — Джеффри остановился и погладил один из цветков. — Моя жена очень любила нарциссы. Посадила их, наверное, не меньше тысячи.

Гарри кивнул:

— На днях должны раскрыться. Если будет солнечно.

Джеффри, махнув рукой на прощание, пошел по дороге.

Через несколько минут гостиница скрылась из виду. Булыжники под ногами постепенно сменились потрескавшимся бетоном, а потом глубокой колеей, которая вела к старым гранитным домам. Джеффри держался подъездной дороги и через пару сотен метров наткнулся на уходящую налево тропинку с указателем. Должно быть, ее Томса и имела в виду.

Приложив ладонь козырьком к глазам, он оглянулся назад. Гостиница со сверкающими на солнце

окнами была отсюда едва видна. Джефффри свернул на тропинку и осторожно пошел вперед, избегая скользких камней и ручейков, разбухших от ранних весенних дождей. С одной стороны дороги к морю, скалам и волнам спускался склон; он смог разглядеть даже прибрежную тропинку, выющую в сторону мыса, который упирался в темно-зеленую оконечность Зеннора. Над ним возвышался крутой подъем, заросший папоротником, ярко-зеленой весенней травой и кустиками утесника в облаках желтых цветов, над которыми роились пчелы и маленькие оранжевые бабочки. На самой вершине виднелся зубчатый край каменной стены. Джефффри шел по дорожке, пока та не начала подниматься к скалам, затем остановился и стал искать поворот к старым полям. Наконец он заметил нечто, напоминающее тропу, протоптанную какими-то животными, и побрел по ней. Приминая утесник и скользя кроссовками по каменным осыпям, он добрался до вершины.

Ветер был таким сильным, что Джефффри чуть не упал, пока спускался по заросшему травой склону. Тропинка шла параллельно длинной, сложенной из камней стене, высотой чуть более метра, с витками ржавой колючей проволоки поверху. По ту сторону простирались перегороженные такими же стенами участки земли. Все это напоминало старое одеяло из лоскутков — изумрудно-зеленых, малахитовых, кремово-желтых, охряных и золотых. В закрытых от ветра уголках и даже на стенах, то тут, то там виднелись скрюченные от ветра деревья, тянувшие искривленные ветви к небу. Высоко над головой кружила птица, и ее жалобный крик заглушал даже вой ветра в ушах.

Джеффри достал карту, попытался развернуть ее на ветру, сдался и снова сунул в карман. Затем попробовал отсчитать от места, где стоял, четыре поля, но тоже не смог, так как не понимал, где кончается одно и начинается другое.

Поэтому он просто пошел по тропинке в другую сторону от гостиницы и деревни Карду, надеясь обнаружить пролом или проход в стене. В конце концов он наткнулся на участок изгороди, где колючая проволока была надежно укрыта прошлогодней травой. Он карабкался по камням, тщетно пытаясь цепляться за высохшие стебли, и, внезапно потеряв опору, чуть не упал на выглядевший смертельно опасным узел колючей проволоки. Задышавшись, он забрался наверх, встал, покачнувшись от сильного порыва ветра и сел на корточки, чтобы отдышаться.

Вокруг все заросло плетями дикого винограда, толстыми, как пальцы, и отвратительными, как переплетения взбухших вен и артерий на руке. Казалось, они надежно скрепляли камни, но когда Джеффри попытался опереться на стену, один камень выпал, и Джеффри свалился в заросли терновника, усыпанного шипами длиной с большой палец руки. Проклиная кустарник и собственную неуклюжесть, он выпутался из ветвей, со вздохом оглядел порванные брюки и расцарапанные до крови руки и нетвердой походкой побрел по полю.

Здесь, по крайней мере, не так дуло. Поле имело небольшой уклон в сторону следующей стены. Никаких проломов и проходов в ней не было. Джеффри засунул руки в карманы и пошел вперед, раздвигая ногами высокую, до колен, бледно-зеленую траву, усыпанную мелкими желтыми цветочками. Добравшись до стены, он двинулся вдоль нее. В углу

выпало несколько больших камней; он заставил себя забраться наверх и заглянул на следующее поле. Оно ничем не отличалось от предыдущего, разве что в центре торчал какой-то большой вечнозеленый куст. Кроме него и пучков травы, на поле больше ничего не росло. Джеффри попытался разглядеть следующий участок и тот, что за ним, но не увидел ничего, кроме бескрайних, залитых солнцем ярко-зеленых полей и остроконечных вершин на горизонте.

Джеффри развернулся и пошел обратно, опустив голову, чтобы защититься от ветра. Перебрался на первое поле и пересек его, выискивая место, чтобы вернуться на тропинку. Но по ту сторону стены его поджидал еще один терновый куст. Спрыгивая вниз, он неудачно приземлился и сильно оцарапал шею. В последний раз оглянувшись на изгородь, он направился обратно в гостиницу, на ходу выдергивая шипы из пальто и брюк.

Подходя к гостинице, он уже умирал от голода. А еще он чувствовал себя очень грязным. В шерстяном пальто было слишком жарко, он давно снял его и нес, перекинув через плечо и вытирая пот с лица. Томса была на улице, рылась в багажнике своей машины:

— О, привет! Быстро же вы вернулись!

Он остановился, с наслаждением подставляя ветру разгоряченное лицо:

— Быстро?

— Я думала, вас не будет до обеда. Ну, или уж по крайней мере несколько часов.

— А я думал, что обед уже прошел, — он посмотрел на часы и нахмурился. — Не может быть. Сейчас нет еще и десяти.

Томса кивнула, вынимая из багажника лопаты.

— Я решила, вы что-то забыли, — она посмотрела на его лицо и воскликнула: — Боже, у вас кровь... Вы упали?

Он покачал головой:

— Нет. Вернее, да, — глуповато хихикнул он. — Я пытался найти этот фугу, но недалеко ушел. Вы уверены, что сейчас только десять? Мне показалось, я гулял несколько часов. Думал, сейчас уже по меньшей мере полдень. Когда я вышел?

— В половине девятого, по-моему.

Он хотел что-то возразить, но просто пожал плечами:

— Надо еще раз попробовать. Вы сказали, что есть более подробная карта?

— Да. В Пензансе вы наверняка такую найдете. Если хотите, можете позвонить в местный книжный магазин. Телефонная книга на столе.

Он нашел книгу на кухне и позвонил в магазин. Ему ответили, что у них есть один экземпляр и они придержат карту до приезда Джеффри. Он порывлся на столе в поисках брошюры о Пензансе с картой, пошел наверх, вымылся после прогулки и поспешил обратно на улицу. Томса и Гарри таскали камни к изгороди, чтобы восстановить ее. Джеффри помахал им рукой, сел в машину и вырулил на дорогу в Карду.

Даже при дневном свете ему потребовалось десять минут, чтобы спуститься. Он посмотрел туда, где береговая дорожка перевалила через гряды, и едва разглядел тропу, которая вела к старым полям, а за ней беспорядочную череду остроконечных скал, терявшихся в небесной вышине. Если он действительно дошел до второго поля, маловероятно, чтобы весь путь туда и обратно занял всего полчаса.

Дорога до Пензанса заняла еще меньше времени; Джеффри едва успел подумать, что действует импульсивно, а это на него совсем не похоже. Он, архитектор, обычно все делал по плану. Пустоши и усыпанные предательской галькой скалы, весь этот странный и суровый ландшафт на время избавили его от неотвязных мыслей об Антее. Теперь же, втиснутый в тесную, взятую напрокат машину, он снова вспомнил о других автомобилях и других путешествиях, в которых Антея была рядом с ним. Он гнал эти воспоминания прочь, пытаясь ухватиться за мысль, что здесь ему удалось, наконец, освободиться от нее, но понял, что это не так.

Антея ведь тоже бывала в этих местах. Не его любимая Антея, а живущая одним днем девочка, которую он так никогда и не узнал по-настоящему. В Антее был скрыт огромный, неведомый ему мир. Глупо, конечно, но Джеффри очень хотелось, чтобы она рассказала ему о своем знакомстве с Робертом Беннингтоном и о странной ночи, предшествовавшей визиту к писателю. Теория Эвелин о параллельных мирах казалась глуповатой; он вдруг понял, что симпатизирует Мойре — потому, что она не желала читать про всякие ужасы и просто делала то, что ей говорили подруги. Ни во что подобное он, разумеется, не верил. Это было не так уж важно; главное, верила ли сама Антея, и почему.

Пензанс оказался на удивление оживленным — для утра буднего дня в начале марта — городом. Джеффри дважды объехал продуваемые ветром улицы, прежде чем отыскал место для машины в нескольких кварталах от книжного магазина. Он шел мимо киосков и ресторанов, на вывесках которых

мелькали пираты, рыбы, эльфы и корабли. Проходя мимо тату-салона, он заглянул в переулок и увидел знакомого парнишку в разноцветной шапке. Тот стоял со скейтом в руках вместе с другими подростками, передававшими по кругу косячок. Мальчишка заметил его и улыбнулся, Джеффри помахал рукой и улыбнулся в ответ. Парень что-то крикнул, но ветер унес его слова; затем он опустил скейтборд на землю и сделал стойку на руках. Джеффри, смеясь, пошел дальше.

В магазине кроме него оказался всего один покупатель в деловом костюме; он стоял у прилавка и разговаривал с двумя продавщицами.

— Чем могу вам помочь? — улыбнулась старшая, с коротко стриженными рыжими волосами и в стильных очках. Когда Джеффри подошел ближе, она отложила в сторону айпад.

— Это я звонил насчет карты.

— Да. Вот, пожалуйста.

Она протянула ему карту. Джеффри развернул ее и убедился, что на ней изображена та же часть Западного Пенвита, только гораздо подробнее.

Продавщица подняла голову:

— Берете?

Джеффри свернул карту и положил на прилавок:

— Обязательно, но чуть позже. Хочу еще побродить по магазину.

Она вернулась к разговору с первым покупателем. Джеффри обошел магазин — небольшой, но плотно заставленный книжными стеллажами, столами и стойками с картами и открытками. Здесь был большой раздел, посвященный книгам о Корнуолле: путеводители, воспоминания о писательнице Дафне дю Морье

и скульпторе Барбаре Хепуорт, диски с фильмами «Пираты Пензанса» и «Ребекка», история шахт, глянцевого альбомы с фотографиями серферов в Ньюкее. Он задержался на минуту, чтобы пролистать путеводитель, потом направился в самую глубину магазинчика, где целая стена была отведена под детскую литературу. На нижних полках стояли книжки с картинками, а выше, в алфавитном порядке, — книги для детей постарше. Он стал просматривать полку на букву «Б» и краем глаза заметил, что к нему подошла молодая продавщица с огромной стопкой календарей в руках.

— Ищите что-то конкретное?

Он снова посмотрел на полки:

— У вас есть книги Роберта Беннингтона?

Молодая женщина положила календари на стол, пробежалась взглядом по полке с авторами на «Б», сдвинула брови и окликнула коллегу.

— Роуз, у нас есть Беннингтон? Звучит знакомо, но что-то я ничего не нахожу. Он ведь детский писатель, да? — повернулась она к Джеффри.

— Да. «Солнечные битвы» — по-моему, так называлась одна из его книг.

Первый покупатель попрощался, и Роуз подошла к ним.

— Роберт Беннингтон? — Она остановилась, поправила стопку книг на столике и быстро кивнула: — Ну да! Он писал фэнтези. У нас были его книги, но, к сожалению, он впал в немилость, — она бросила выразительный взгляд на коллегу. — Оказался из тех, кто пристает к детям.

— Да, точно! — скривилась молодая продавщица. — Не думаю, что его еще печатают.

— Я тоже, — сказала Роуз. — Сейчас проверю. Если книги есть в наличии, мы для вас закажем.

— Хорошо, я пробуду здесь еще несколько дней.

Джеффри пошел за ней к прилавку и подождал, пока она искала книгу по Интернету.

— Нет, ничего нет, — Роуз покачала головой. — Грустно все это, правда? Я недавно слышала, что у него был инсульт. Наверное, его уже нет в живых. Не помню, кто мне это говорил. Но если он еще жив, ему лет сто, наверное.

— Он жил где-то неподалеку? — спросил Джеффри.

— По-моему, рядом с Зеннором. Много лет назад он купил старую ферму «Головенна». Когда-то мы продавали много его книг: он был очень популярным. Как «Гарри Поттер». Я, конечно, преувеличиваю, — улыбнулась она, — но его книги точно пользовались успехом. Он приходил сюда пару раз лет двадцать назад. Весьма привлекательный джентльмен. Был похож на актера. Носил длинный шарф, как у Доктора Кто. Уверена, вы сможете найти подержанные книги по Интернету или даже в букинистической лавке за углом.

— Хорошо. Огромное спасибо за хлопоты.

Джеффри расплатился за карту и вышел из магазина. Было около полудня. Он побродил по улицам, высматривая, где бы поесть, выбрал маленький итальянский ресторан и заказал сардины на гриле, спагетти и стаканчик вина. Совсем не корнуэльская кухня, но он пообещал себе, что потом поищет паб в Зенноре.

Карта оказалась настолько большой, что ее было не развернуть на ресторанном столике, поэтому он стал смотреть в окно на туристов и женщин с ма-

ленькими детьми, которые сновали из одного магазина в другой. Мимо прошел мальчишка в радужной шапке со своими приятелями и скейтбордом в руке. «Совсем пропащие, — подумал Джеффри, — местная полиция небось только и делает, что гоняет их с места на место». Покончив с вином, он заказал чашку кофе, выпил ее залпом, расплатился и вышел.

Редкие белые облака весело бежали по небу, подгоняемые устойчивым сильным ветром, который срывал с декоративных вишен нежные белые лепестки и бросал под ноги прохожим. Здесь, в самом центре Пензанса, полуденное солнце основательно припекало. Джеффри, перекинув пальто через плечо, неторопливо шел к машине. Он задержался у витрины с сувенирами и почтовыми открытками, но так и не придумал, кому бы их послать. Эвелин? Она наверняка предпочла бы получить что-нибудь из Зеннора. Еще один повод посетить паб.

Джеффри повернул за угол и в паре шагов от тату-салона вдруг услышал жалобный оклик:

— Вы его видели?

Джеффри остановился. В том же переулке, где стояли мальчишки, на разбитом асфальте сидела жалкая фигура с незажженной сигаретой в скрюченных пальцах. Это была Эрси, тридцатилетняя женщина, которую он видел вчера на станции. Пока Джеффри раздумывал, она подняла голову, откинула с лица прядь засаленных волос и с трудом встала. У него екнуло сердце, когда он увидел, что она почти бежит к нему. Он не успел придумать, куда скрыться, а женщина уже стояла перед ним, дыша в лицо пивным перегаром.

— Огоньку не найдется?

— Простите, нет, — ответил он и сделал попытку уйти.

— Подожди, ты ведь из Лондона, да?

— Нет, я просто турист.

— Я тебя видела.

Он остановился, выбитый из колеи непонятно откуда взявшимся чувством неловкости. Ее глаза покраснели, радужные оболочки странного голубоватого цвета походили на растрескавшееся бутылочное стекло, в одном глазу алело большое кровавое пятно, как бывает при разрыве капилляров. Из-за этого казалось, что она смотрит куда-то вбок, хотя смотрела она прямо на него.

— Вы приехали на лондонском поезде! — она возбужденно затрясла головой. — Мне нужно вернуться.

— Простите, — он мотнул головой и заспешил прочь. Позади слышались шаги и тот же жалобный крик:

— Вы видели его?

Когда за спиной раздались проклятия и в него полетели камни, он побежал.

Наконец, Джефффри оказался рядом с машиной; сердце колотилось как бешеное. Он обернулся через плечо, быстро сел на водительское сиденье, заблокировал двери и вырулил на улицу. В зеркало заднего вида было видно, как женщина с незажженной сигаретой в руке идет в другую сторону.

Вернувшись в гостиницу, Джефффри застал Томсу и Гарри за кухонным столом. Они заканчивали обед, состоявший из сэндвичей и яблок.

— О, привет! — улыбнулась Томса и похлопала по стоящему рядом стулу. — Обедали в «Тиннерсе»?

— Ездил в Пензанс, — Джеффри сел и положил на стол карту. — Сейчас снова уеду, может, поужинаю в пабе.

— Он хочет посмотреть на фугу, — сказала Томса. — Уже ходил, но так и не смог его найти. Ведь он там, у Зеннорского холма?

— Мне рассказывал о нем один друг... Они с моей женой видели его, когда были детьми, — помолчав, проговорил Джеффри.

— Да, — подтвердил Гарри. — Там еще жил детский писатель. Какие-то развалины там точно есть.

Джеффри постарался, чтобы его голос звучал спокойно:

— Писатель?

— По-моему, да, — сказала Томса. — Мы его не знали. Один из наших постояльцев как-то зашел к нему, но не застал. Это было много лет назад. Старая ферма «Головенна».

Джеффри ткнул пальцем в хаотичное переплетение линий на карте, которые напоминали трещины на старой глиняной посуде:

— Что это вообще такое?

Гарри придвинул стул поближе и грязным пальцем обвел контуры Карду:

— Система полей с каменными стенами.

— Шутите? — рассмеялся Джеффри. — Наверное, кто-то умом тронулся, когда рисовал все это.

— Ну, сейчас есть GPS и спутниковые снимки, — сказала Томса. — Жаль, что у меня не было этой карты утром, когда вы решили прогуляться.

Гарри поднял карту, чтобы солнечный свет падал на участок, прилегающий к Карду:

— Это где-то здесь.

Они оба склонились над картой. Джеффри отметил маркером круговые захоронения и каменные пирамиды, стоячие камни и могильные курганы. Все это находилось совсем близко от Карду. Гарри продолжал качать головой.

— По-моему, вот он, — наконец заявил он и посмотрел на сестру. Грязным ногтем он очертил на карте квадрат размером в полтора сантиметра, рядом с которым готическими буквами было напечатано:

**Могильный курган
с погребальной камерой**

— По-видимому, это он и есть, — сказала Томса. — Но он далеко от дороги. Не знаю точно, где стоит дом, но женщина, которая хотела его посмотреть, сказала, что ей пришлось битый час бродить по пустошам.

Джеффри провел пальцем по линии, обозначающей дорогу:

— Я могу доехать сюда. Если найду, где оставить машину, проберусь на пустошь вот здесь. Если только эвакуатор машину не увезет.

— Никто ее не заберет, — заверила Томса. — Эти земли относятся к ферме «Головенна», а там никого нет. Писатель ведь никогда не занимался сельским хозяйством, все превратилось в пустошь. Но даже если с вашей машиной что-нибудь и случится, вы будете всего в миле от Зеннора. По средам там собираются местные музыканты и дают концерт.

Джеффри сложил карту. Томса протянула ему яблоко, а Гарри вышел из кухни.

— Не провалитесь в болото, — предупредила она. — Топи покрыты травой, шагнете не туда, увязнете, и вас затянет. Это как зыбучие пески. Десять лет назад там обнаружили останки девушки. А еще лошадей и овец.

Джефффри нахмурился, и Томса рассмеялась:

— Все будет нормально. Просто держитесь тропинок.

Он поблагодарил ее, поднялся наверх, чтобы сменить пальто на ветровку, и снова сел в машину. Тучи развеялись, на лазорево-синем небе ярко светило солнце. Он чувствовал, как в нем поднимается то же приятное возбуждение, что и утром. Морской бриз качал тонкие стебельки нарциссов, над головой кричали чайки. Он съехал в Карду с открытым окном, и машина наполнилась медовым запахом утесника.

Дорога в Зеннор вилась между изгородами, покрытыми зеленой дымкой молодой листвы, и изумрудными полями, на которых паслись стада черно-белых коров. Одинокий трактор вдали медленно полз вдоль борозды. Джефффри понял, что тот движется, только потому, что за ним следовала стая ворон. Движение птиц, которые то ныряли вниз, то взлетали вверх, напоминало тонкие черные стежки на голубом покрывале неба.

Дважды Джефффри останавливался, чтобы свериться с картой. Телефон здесь не работал, и он даже не мог посмотреть, который час, не то что направление. Часы в машине показывали 14:21. Он не заметил других дорог, только эту, с глубокими колеями, засыпанными где досками, где металлоломом, а где и просто ветками. Он попытался сосчитать стены, чтобы определить, какие поля принадлежат

ферме «Головенна», остановился в третий раз и смирился с тем, что карта ему не поможет. Проехав еще сотню метров, он наткнулся на засыпанную гравием площадку между двумя полуразрушенными каменными стенами с ржавыми воротами. За ними тянулось запущенное поле, разделенное на две части гравийной дорожкой.

Джеффри находился в полутора километрах от Зеннора. Сложив карту, он сунул ее в карман, запихнул туда же яблоко и вышел из машины.

Темная громада вдали, видимо, и была Зеннорским холмом. Ферма «Головенна» находилась где-то между ним и местом, где стоял Джеффри. Он внимательно огляделся по сторонам, пытаясь запомнить все, что видит: извилистую дорогу, едва заметную из-за изгородей и каменных стен, скалистую гряду, уходящую в море и упирающуюся на юго-западе в вершину Гуннара, а на северо-востоке — в Зеннорский холм. На горизонте тоже что-то чернело. Это могли быть и скалы, и развалины, и даже здания. Заперев машину и убедившись, что не забыл телефон, Джеффри перелез через ворота и пошел вперед.

Солнце основательно припекало; он пожалел, что не взял ни шапки, ни солнечных очков. Первое поле он преодолел за несколько минут и испытал облегчение, когда заметил в следующей стене проход с двумя огромными камнями по краям. Дорожка стала уже, но все равно хорошо просматривалась среди торфяных кочек, поросших садовой ромашкой и стрелками молодого папоротника.

Почва под ногами была по-весеннему мягкой. Джеффри вспомнил предостережения Томсы о болоте и поискал вокруг палку. Но никаких деревьев по-

близости не было, только заросли терновника по краям поля.

Он нашел проход и в следующей стене; тот, как и предыдущий, был окружен высокими, в человеческий рост, камнями. На следующем поле он с трудом развернул на ветру карту и попытался разобраться в хаосе линий и понять, где находится. Отчаявшись, он засунул карту обратно в карман, встал спиной к ветру и приложил ладонь козырьком к глазам.

Из-за солнца рассмотреть что-то было трудно, но ему показалось, что впереди, через три или четыре поля, он заметил какую-то выпуклость, черное пятно на желто-зеленом фоне. Это могли быть развалины, ферма или хозяйственные постройки. Топча сухую траву и папоротник, Джефффри перебрался через стену в том месте, где из нее выпало несколько камней, и поспешил к следующей. Здесь он увидел остатки ворот: переплетение ржавых прутьев и металлические столбы, торчащие из гранитных оснований. Джефффри сел на корточки у стены, чтобы перевести дух. Через несколько минут он встал и прошел в ворота, слегка коснувшись камня рукой. Несмотря на жаркое солнце, он почувствовал ладонью что-то очень холодное, больше похожее на металл. Он обернулся посмотреть, не дотронулся ли ненароком до ржавых прутьев, но увидел лишь поросший мхом булыжник.

Поля, по которым он шел, выглядели заброшенными; очевидно, их перестали обрабатывать еще несколько десятилетий назад. Но то, что простиралось впереди, было настоящей торфяной пустошью. Повсюду виднелись заросли утесника — желтые всплохи среди бледно-зеленых ростков папоротника и пучков фиалок. Джефффри продвигался очень осто-

рожно. Свежая поросль плотно укрывала землю, но почва под подушкой прелой прошлогодней травы, остро пахнувшей октябрём, была твердой. Он так старательно выверял каждый шаг, глядя под ноги, что едва не врезался в вертикально стоящий камень.

Сделав резкий вдох, он отступил назад. На долю секунды ему показалось, что это человек, но перед ним был всего лишь камень в два человеческих роста высотой, наклоненный в сторону моря под углом сорок пять градусов. Джеффри обошел его, провел ладонью по нагретой солнцем и заросшей лишайником гранитной поверхности, раскидал ногой сухие стебли папоротника и плети плюща у основания, нагнулся и, пробравшись рукой сквозь траву, коснулся сырой земли.

Потом встал и, отступив назад, принялся разглядывать ничем не примечательный и в то же время пугающий древний памятник. Он не припоминал, чтобы на карте между Карду и Зеннором был обозначен стоячий камень. Сверившись с картой, он убедился, что его там и нет.

Недалеко впереди посреди пустоши находилось кое-что еще — дом. Джеффри подходил к нему очень медленно, чтобы у того, кто там жил, было время выйти навстречу.

Но никто не появился. Через пять минут Джеффри уже стоял на изрезанной колеями площадке перед длинным одноэтажным строением из серого камня, похожим на те, что он встречал по дороге, — с шиферной крышей, небольшими глубокими окнами и засохшим деревом у крыльца, поскрипывающим на ветру. Под нижним карнизом висела покосившаяся от времени табличка с надписью: **ФЕРМА «ГОЛОВЕННА»**.

Джеффри огляделся. Машин поблизости не было, только поваленный набок мусорный бак. Он постучался, подождал, снова постучал в дверь и крикнул: «Здравствуйте!» Никто не ответил. Тогда он нажал на ручку, но дверь оказалась запертой.

Он подошел к окну, чтобы заглянуть внутрь. Там было пусто и темно, ни занавесок, ни мебели, ни других признаков того, что здесь кто-то живет. Дом пустовал уже много лет. Он обошел здание кругом, заглядывая во все окна и пробуя их открыть, но безуспешно. Завершив круг, он подошел к мусорному баку и заглянул в него. Тот тоже оказался пустым.

Тогда Джеффри начал изучать то, что находилось возле дома. Глубокая колея переходила в узкую, вымощенную камнем дорогу, которая вела на запад, в глубь пустоши. Чуть поодаль, там, где сходились две дороги, он заметил еще одно полуразрушенное строение.

К нему Джеффри и направился. Стайка маленьких птиц выпорхнула из зарослей кустарника так близко, что он разглядел их пятнистые грудки, и услышал, как трепещут крылья на ветру. Птички уселись на развалинах и громко защебетали; когда он подошел ближе, они снова улетели.

Это было не здание, а курган пирамидальной формы со скругленными гранями, шести метров в длину, трех в ширину и высотой с Джеффри. Он так зарос папоротником и терновником, что его вполне можно было принять за обычный холм. Продравшись сквозь заросли ежевики и колючего терна, Джеффри приблизился к одной из граней пирамиды, той, которая была срезана.

Скорее всего, из-за эрозии, подумал он, но вдруг догадался, что стоит прямо перед входом. Он снова

оглянулся, подошел ближе и остановился, по колено в сухой траве и колючих ветках терновника.

Перед ним был простой проем, сложенный из двух вертикальных и одного горизонтального камней. Еще три камня ступенями уходили вниз, в поросший папоротником и плющом проход.

Джеффри нагнул голову и заглянул внутрь. Там не было ничего, кроме увитых диким виноградом камней. Он поднял руку и потрогал каменную перекладину, чтобы проверить, надежна ли она.

Камень лежал неподвижно. Достав из кармана телефон, Джеффри увидел, что сигнала по-прежнему нет. Тогда он посмотрел на небо и попытался определить, который час. Он вышел из машины в половине третьего и добирался сюда чуть больше часа. Скорее всего, сейчас около четырех. У него в запасе еще полтора часа, потом стемнеет.

Джеффри достал яблоко, которое дала ему в дороге Томса, съел и бросил огрызок рядом с верхней ступенькой. Застегнув ветровку на молнию, он стал спускаться вниз, но так и не смог определить, насколько глубоко зашел. Он насчитал тридцать ступеней. Спускаясь, он часто оборачивался и смотрел на вход. Когда стало совсем темно, он включил подсветку телефона. Кристаллы на поверхности гранита отражали свет, и казалось, что стены мерцают. Воздух был тяжелым, земляным и влажным, так обычно пахнет в сырых подвалах. Джеффри стоял в полный рост, разведя руки, пальцы касались стен по обе стороны прохода. Когда первые десять ступеней остались позади, вся растительность, кроме мха, исчезла, а еще через несколько ступеней под ногами осталась лишь твердая почва. Стены были каменными, стыки

между камнями заполняла окаменевшая за сотни лет грязь, которую было уже не отличить от гранита.

Джеффри продолжал идти, изредка оглядываясь на светлое пятно входа, которое сначала было похоже на открытый светящийся рот, потом на мерцающий глаз, а потом стало напоминать дырку, проделанную пальцем в черной материи.

Еще через несколько шагов исчезла и она. Джеффри остановился, его дыхание участилось, затем он сделал еще пять шагов. Экран телефона мерцал в руке, словно голубой мотылек. Он снова остановился и посмотрел назад.

За спиной была лишь темнота. Он выключил подсветку экрана, закрыл и снова открыл глаза. Никакой разницы.

Во рту внезапно пересохло. Он снова включил подсветку, сделал еще несколько шагов и остановился. Свет от телефона был почти невидим, бесплотен, как облачко пара от дыхания, он не достигал ни земли под ногами, ни стен. Джеффри поднял руки и вытянул в стороны, ожидая, что нащупает холодную поверхность камня.

Но стены куда-то исчезли. Он отсчитал пять шагов назад и снова вытянул руки. По-прежнему ничего. Опустив руки, он пошел вперед, считая каждый шаг — пять, шесть, семь, десять, тринадцать, — остановился и медленно пошел по кругу, держа телефон в вытянутой руке, пытаясь хоть что-то разглядеть в кромешной темноте. Тусклый голубоватый экран мигнул и погас.

Джеффри громко выругался, борясь с паникой. Он включал и выключал телефон, но все впустую. Тогда он сунул его в карман и попытался успокоиться.

Не может быть, чтобы он заблудился. Курган наверху совсем небольшой; даже если подземная галерея тянется чуть дальше, он сможет пройти ее всю насквозь, потом пойдет в обратную сторону и спокойно вернется к выходу. В одной книге о лабиринте в Хемптон-Корте он прочитал, что нужно всегда держаться рукой за левую стену. Осталось найти стену, и он обязательно выйдет.

Джеффри был почти уверен, что стоит лицом по направлению движения. Он повернулся лицом к предполагаемому выходу и, громко считая шаги, пошел вперед. Досчитав до ста, он остановился.

Он не мог пройти ста шагов по этой галерее. Его каким-то образом развернуло на сто восемьдесят градусов. Джеффри вытер мокрое от пота лицо и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы унять сердцебиение. Вокруг было совершенно темно и тихо. Все советы заблудившимся, которые он когда-либо читал, сводились к одному: стой, где стоишь, и жди помощи. Но это касалось тех, кто потерялся на поверхности, где на вас в конце концов кто-нибудь наткнется. Конечно, рано или поздно Томса и Гарри заметят, что он не вернулся, но вряд ли это случится раньше следующего утра.

Кто знает, сколько времени пройдет, прежде чем его обнаружат? Мысль о том, что следующие двенадцать часов, а то и больше, придется провести без движения, в полной темноте и тишине, не чувствуя ничего, кроме земли под ногами, вызвала у Джеффри такой ужас, что у него закружилась голова.

Но в еще больший ужас он пришел, когда подумал: а коснется ли он земли, если упадет? Он сел на корточки и почувствовал облегчение, нащупав хо-

лодный земляной пол. Затем выпрямился, сделал глубокий вдох и пошел вперед.

Джефффри пытался считать шаги, чтобы следить за временем, но вскоре его охватило странное оцепенение, и он уже не понимал, бодрствует он или спит. Он сильно — так, что даже вскрикнул, — уцепился за руку. Но все равно чувствовал себя так, словно проваливается в сон, который видел когда-то, и даже в страхе, который он испытывал, было что-то знакомое. А потом, будто окунувшись в ледяную воду, он остановился и задрожал, сообразив наконец, откуда ему все это знакомо.

Это было в последней главе книги Роберта Беннингтона «Времена года» — в той, которую он никак не мог вспомнить. Даже сейчас ему казалось, что все это каким-то образом произошло не с героями книги, а с ним самим. История заканчивалась тем, что последний из четырех персонажей застревает в портале между мирами. Оказавшись в крошечной тьме, он вдруг начинает понимать, что каждый его шаг разрушает и весь мир, и его самого. В конце книги раздробленные частички его личности растворяются в бесконечной беззвездной пустоте.

Это воспоминание повергло Джефффри в такой ужас, что его стало трясти. Он засунул руки в карманы и нащупал мобильный, карту, ключи от машины и мелочь. Он быстро пошел вперед, глядя прямо перед собой и отчаянно пытаясь разглядеть хоть искорку света, указывающую на выход.

Через некоторое время сердце чуть не выпрыгнуло у него из груди. Он увидел ее — именно такую, как он себе и представлял, — чуть заметный проблеск, далекую звезду.

Но, пробежав несколько метров, он вдруг понял, что ошибся. Это был не выход. Призрачный свет парил в воздухе, как пятно перед подбитым глазом. Он моргнул и потерял глаза. Свет никуда не исчез.

— Эй? — нерешительно окликнул Джеффри. Ответа не было.

Он пошел вперед, но уже гораздо медленней, время от времени что-то крича в темноту. Свет постепенно становился ярче. Через несколько минут появился еще один огонек, потом и третий. Странно, они совсем не рассеивали мрак и не отбрасывали тени; Джеффри по-прежнему не видел ни стен, ни потолка, ни силуэтов тех, кто нес эти огни. Три светлых пятна парили в воздухе, метрах в трех над полом, и покачивались вверх-вниз, будто висели на длинных жердях.

Джеффри застыл. Огни были совсем близко, метрах в десяти от него.

— Кто это? — прошептал он.

В ответ раздался тихий шелест, будто из отверстия в шарике выходил воздух. Джеффри закричал, повернулся и побежал назад. Звук его шагов эхом отдавался от стен. Погони за собой он не слышал, но когда обернулся, огни все еще были там и медленно приближались. Он побежал дальше, задыхаясь и чувствуя боль в груди, потом поскользнулся и упал. Когда Джеффри поднимался, его рука нащупала небольшой гладкий предмет; не задумываясь, он сунул его в карман и рванул дальше по туннелю.

Только тогда он вдруг заметил вдалеке еще одну искорку, как будто отблеск света, отраженный паучьим глазом. Он продолжал бежать. Оборачиваясь, он снова и снова видел огни у себя за спиной.

Теперь они были чуть дальше. Джеффри не сомневался, что свет впереди — это выход из фугу, он уже мог различить его очертания, блеск слюды и кварца на гранитных стенах. На последнем дыхании он достиг ступеней, рванул вверх к ослепляющему дневному свету и остановился только наверху, кашляя и закрываясь от солнца рукой. Когда глаза привыкли к яркому свету, он пересек первое поле, потом следующее, продираясь сквозь терновник и обдирая ладони в кровь, пока не выбежал к заросшей вереском и папоротником дороге и не увидел белую сверкающую на солнце крышу арендованной машины.

Подбежав к ней, Джеффри сунул ключ в замок и рухнул на водительское сиденье. Заперев двери, он вздрогнул, когда мимо проехал другой автомобиль, и только тогда посмотрел сквозь стекло на улицу.

С одной стороны были ворота, через которые он прошел, за ними поле, за полем — еще одно. С другой стороны возвышалась вершина Гуннара, ее отрог уходил в море. Солнце висело прямо над Зеннорским холмом. Часы в машине показывали 15:23.

Он затряс головой. Не может быть, чтобы прошел всего час. Он полез в карман за телефоном и нащупал какой-то предмет — тот, что подобрал внизу.

Джеффри достал его. Он держал в руках голубой металлический диск, чуть погнутый от того, что на него наступили. Над маяком золотыми буквами было написано:

«СЛАДОСТИ СЕНТ-ОСТЕЛЛА: ПОМАДКА
ИЗ НАТУРАЛЬНЫХ КОРНУЭЛЬСКИХ СЛИВОК»

Он повертел крышку в руках и провел пальцем по выпуклым буквам.

«В тот день, когда мы приехали, тетя Бекка подарила такую каждой из нас. Она думала, что помадки хватит на две недели, но, по-моему, мы все съели в первую же ночь».

Это крышка от такой же коробки, в какой Эвелин хранила свою расческу, а Антея — медальон на цепочке. Он посмотрел на крышку. Ярко-голубая эмаль сияла так, будто ее нанесли только вчера. Жестянка могла принадлежать кому угодно, тем более что это были сладости, которые местная компания производила для туристов.

Он отложил крышку, достал бумажник и вынул фотографию, которую Эвелин ему отдала: Эвелин и Мойра согнулись от хохота; слегка смущенная Антея неуверенно улыбается и смотрит на них, будто подозревая, что подруги над ней потешаются.

Он долго разглядывал фотографию, потом убрал обратно в бумажник, а крышку сунул в карман. Его телефон по-прежнему находился вне зоны действия сети.

Очень медленно Джеффри поехал в Карду. Его подташнивало от перегрева на солнце и от ужаса, который он испытал под землей. Он знал, что не мог заблудиться по-настоящему — курган, как он помнил, был не таким уж большим.

Но его очень расстроила собственная реакция на темноту и то, как его подвели зрение и воображение, нарисовавшее картины из рассказов Эвелин. Он не испытывал никакого желания оставаться в этой гостинице и вообще в Англии еще хотя бы на одну ночь и решил узнать, нет ли сегодня ночного поезда в Лондон.

Преодолев длинный подъем, он почувствовал, что успокоился. Томса и Гарри куда-то уехали на машине. Часть стены была отремонтирована, в саду распустилось еще больше нарциссов. Подходя к двери, он чувствовал их сладкий запах.

На кухонном столе он нашел тарелку со свежеспеченным хлебом и местным сыром, несколько буклетов и записку на желтом листке:

*Джеффри,
мы уехали в Пензанс, в театр. Пожалуйста, выключите свет на первом этаже. Я сегодня нашла эти книги и подумала, что они могут вас заинтересовать.*

Томса

Джеффри просмотрел буклеты: еще одна карта и рекламный проспект о музыкальных вечерах в зеннорском пабе. А еще небольшая книга в зеленой бумажной обложке. Он залез в холодильник и нашел там две бутылки пива. Наверняка в таких гостиницах это не по правилам, но утром он извинится.

Он поднялся к себе в номер, прихватив тарелку и книгу. Скинув кроссовки, застонал от облегчения и усталости, снял порванную ветровку и посмотрел на себя в зеркало. Лицо было исцарапано и испачкано чем-то зеленым.

— Вот черт! — пробормотал он и рухнул на кровать.

Он осушил бутылку пива и съел большую часть хлеба с сыром. Небо за окном постепенно становилось ультрамариновым. Снизу доносился привычный рокот волн. Довольно долго Джеффри сидел в кресле

у окна, глядя, как тени на скалах становятся темнее. Потом встал и вытащил из сумки чистую одежду. Прихватив вторую бутылку пива и книгу, которую оставила ему Томса, Джеффри направился в ванную.

Огромная ванна наполнялась целую вечность, зато горячей воды было сколько угодно. Он включил все лампы и разделся, позволив себе наслаждаться бездумным лежанием в горячей воде и запахом нарциссов, доносящимся из окна.

Завернув, наконец, кран, он дотянулся до бутылки пива, оставленной на полу, откупорил ее, вытер руки и взял книгу, на обложке которой были зеленые холмы, скалистая вершина и море на заднем плане.

Роберт Беннингтон

СТАРЫЕ СКАЗКИ ДЛЯ НАШИХ ДНЕЙ

Джеффри тихонько присвистнул, сделал большой глоток и открыл книгу. Это был не роман, а сборник рассказов, опубликованный в 1970 году. Корнуэльские народные сказки, говорилось в предисловии, «пересказанные для молодежи». Он просмотрел содержание: «Пикси-обманщики», «Синяя Борода и сделка с дьяволом», «Джек — победитель великанов» — и вдруг резко сел, расплескав воду и заморожено глядя на подчеркнутое красными чернилами название: «Черри из Зеннора». Пролистав сборник, он нашел, что искал:

В шестнадцать лет Черри была самой красивой девушкой в Зенноре, хотя и не знала об этом. Однажды, гуляя в пустошах, она повстречала молодого человека, прекрасного, как и она сама.

«Пойдешь со мной? — спросил он и набросил ей на плечи кружевную шаль. — Я вдовец, и у меня маленький сын, которому нужна забота. Я заплачу тебе больше, чем любой человек в замке Кениджек, и подарю платье, которым позавидуют все женщины на ярмарке в Морвахе».

У Черри за всю жизнь в карманах не было ни пенни, и она позволила молодому человеку взять себя за руку и повести через пустошь...

Эта история никак не перекликалась с «Солнечными битвами», в ней не было ни ужасов тьмы, ни пропастей. Сказка, в которой Черри ухаживала за ребенком и через несколько недель влюбилась в загадочного юношу, напонила Джеффри «Рипа Ван Винкля»¹.

Каждый день Черри мазала снадобьем глаза мальчика. Его отец предупредил девушку, что ни одна капля не должна попасть в ее собственные глаза. Разумеется, в один прекрасный день она не удержалась — и увидела роскошно одетых женщин и мужчин, которые ходили по дому, не замечая ее. Был среди них и хозяин Черри, и прекрасная дама, его жена. Обманутая и преданная Черри сбежала, но любовник догнал ее в пустоши и вложил несколько монет в ладонь.

«Теперь ты уйдешь и забудешь, что видела», — сказал он грустно и коснулся уголка ее глаза. Когда Черри вернулась в деревню, ее родители и все, кого она знала, умерли, а дом развалился. Люди до сих пор говорят, что не стоит гулять в пустошах рядом с Зеннором.

¹ Новелла Вашингтона Ирвинга, главный герой которой проспал двадцать лет.

Джеффри закрыл книгу и бросил на пол рядом с ванной. Возвращаясь в комнату, он услышал на кухне голоса, Томса смеялась. Он не стал спускаться вниз, прошел к себе и запер дверь.

Он уехал на следующий день рано утром, позавтракав в обществе Томсы.

— Гарри поехал в Сент-Айвз забирать инструменты из ремонта. — Она подлила Джеффри кофе и придвинула сливки. — Хорошо погуляли вчера? Успели зайти в «Тиннерс»?

Джеффри улыбнулся, но ничего не ответил. На полпути к Карду он вдруг вспомнил, что не сказал Томсе про две бутылки пива.

Он вернул машину в прокатную контору и доехал до станции с тем же водителем, который встречал его два дня назад.

— Хорошо провели время в Зенноре?

— Очень, — ответил Джеффри.

— В это время года здесь спокойно, — Эван остановился у обочины. — Глядите-ка, ваш поезд уже у платформы.

Джеффри вышел, перекинул ремень сумки через плечо и направился к входу на станцию. Вдруг у него екнуло сердце — неподалеку на тротуаре переругивались два человека. Один из них был полицейским.

— Пошли, Эрси, — говорил он, мельком взглянув на Джеффри. — Сама знаешь, тут не место для...

— Иди ты! — заорала она и пнула его ногой. — Это не мое имя!

— А вот и твое!

Полицейский схватил ее за руку и наклонил голову к рации. Джеффри быстрым шагом прошел ми-

мо. Женщина что-то кричала ему вслед, пытаясь вырвать руку, зажатую, как в тисках. Ее налитый кровью глаз блестел в лучах утреннего солнца.

— Лондон! — кричала она, безуспешно пытаясь освободиться. — Лондон! Пожалуйста, возьми меня с собой!

Джеффри обернулся и покачал головой. Увидев это, женщина подняла кулак и швырнула что-то, угодив ему в лицо. Он схватился рукой за щеку, а полицейский потащил женщину подальше от станции.

— Лондон! Лондон!

Под ее удаляющиеся крики Джеффри посмотрел на пятнышко крови на пальцах, потом нагнулся и поднял с земли то, чем она в него кинула. Это был желтый карандаш со следами зубов; графитовый стержень стерся, но сбоку виднелись четкие буквы:

РЕЙВЕНВУД

Элизабет Хэнд — автор множества романов и сборников, лауреат многих премий, а также опытный критик и рецензент.

В 2012 году вышли два ее романа: психологический триллер «Доступная тьма» (продолжение «Потерянного поколения», отмеченного премией Ширли Джексон) и «Светлые дни» — молодежный роман о французском поэте Артюре Рембо.

Элизабет Хэнд живет в Мейне.

«У меня сложные отношения с Западным Пенвитом, — объясняет она, — моей любимой частью Англии, не считая, разумеется, Лондона. В 2002 году мне пришлось отменить путешествие, главной целью которого было посещение Западного Пенвита. Расстроенная, я провела три недели в Мейне, работая над «Клеопатрой Бримстоун».

Следующая поездка совпала с эпидемией ящура, которая лишила меня возможности провести давно запланированные исследования — никаких блужданий по болотам и пустошам. Несколько лет спустя я опять была вынуждена отменить поездку в окрестности Зеннора. Находясь в Лондоне в марте 2011 года, за два дня до долгожданной поездки в Корнуолл, я узнала, что мой ближайший друг перенес разрыв аневризмы в мозге и находится в коме, из которой ему не суждено было выйти. Пугающим совпадением было то, что за несколько дней до этого я начала писать рассказ — тот, что вы сейчас читаете, — в котором жена главного героя умирает от разрыва аневризмы. Я все-таки добралась до Западного Пенвита, хотя поездка и была омрачена. Мой друг умер в тот день, когда я вернулась в США.

Все события, описанные Эвелин, в том числе проведение ритуала на поле и появление трех огней, произошли со мной и моими друзьями в Паунд-Ридже, штат Нью-Йорк, 12 марта 1971 года. У меня не больше объяснений тому, что случилось, чем у Джеффри в рассказе, — даже меньше, потому что, насколько мне известно, около дороги Лонг-Ридж нет никаких курганов. Хотя точно мы этого и не знаем».

Ричард Кристиан Мэтисон

Последние слова

Я смакую последние мгновения перед смертью.

Последние проблески сознания, когда страдалец пытается произнести последние слова; мучительный конец.

Это классика.

Когда человек умирает, глаза его могут быть плотно зажмурены; но гораздо интереснее, если они открыты и устремлены в космические дали, куда он и сам собирается отправиться. Даже в кино прощальный взгляд перед трагическим уходом вызывает гораздо больше чувств, чем обычный трепет век перед неспешным и жалким концом. Когда глаза открыты, в их немигающем взгляде отражается весь свет, и это добавляет напряжения моменту, наполняет его драматизмом и лирическим содержанием.

Все смерти разные. Одни несут с собой ужас, другие овеяны благородством. Но в большинстве случаев это тривиальный переход в вечность, который заканчивается обычным «Прощай». Впрочем, как бы ни выглядел конец, каждый имеет право на достойный уход, лишь детали могут быть разными.

Простая смерть от удара ножом, например, не дает времени на размышления, особенно если лез-

вие прошло сквозь дыхательные пути. Слишком большая кровопотеря. Очень неудобно перемещать потом жертву. При тех же условиях последние слова удаются лучше, когда удалось избежать прямого воздействия клинка на сердечную, речевую и умственную функции. Смертельные ранения, полученные в результате воздействия тупыми предметами, или аккуратное частичное удаление внутренностей тоже способствуют возникновению предсмертных мыслей. Кровопотеря не слишком большая, и фокус удается. Яд, благодаря своему медленному (в большинстве случаев) действию, также способствует этому: эффект проявляется не сразу, что позволяет умирающему предаться воспоминаниям. Иногда получается целое предсмертное действо, когда умирающий испытывает удушье и сотрясается в конвульсиях; это всегда придает вес последним словам. В особо зрелищных случаях изо рта идет пена, и тогда уход становится театральным и даже кинематографичным.

От чего бы ни наступила смерть, от болезни, несчастного случая или убийства, назад пути нет, любые попытки взывать к небесам — пустая трата времени. Никто не сможет разделить с вами отчаяние последних минут. Когда ваш пульс слабеет, гораздо полезнее подумать о последних словах. Вот некоторые примеры, собранные за многие годы моего общения с теми, кто стоял на пороге смерти.

Пример первый:

«О Боже, Пресвятая Дева, не дай этому случиться! Пожалуйста, помоги мне! Я всегда буду Тебя любить!»

Непосредственно и с благодарностью, хотя немного банально. Ну, не каждый был при жизни Шек-

спиром. Хотя, возможно, и он, когда умирал, тоже им не был.

Другой пример:

«Мне больно... Больно... Не могу поверить, что может быть так больно!»

Триумф краткости. Звучит почти как музыка. Если верить записям: два выстрела по коленям, а третий — прямо в сердце. Постскриптум: жертва после этого прожила недолго. Истекла кровью прямо в лесу. Ее так и не нашли.

Их вообще редко находят.

Следующий пример особенно мне запомнился:

«В ином мире я больше никогда не увижу такой жестокости...»

По-своему трогательно, как жалобная ирландская поэзия. Хорошо идет к чаю. Минимальная эмоциональная отдача, это всегда важно.

Судя по записям, я связал его проводом и просверлил голову дрелью.

А вот мое любимое, 2004 год:

«Что я сделал не так?»

Возможен ли более экзистенциальный вопль? Достойно Камю. У меня отмечено, что я залил кислоту ему в глаза и в задний проход. Пока он пытался улететь на небеса, философия из него буквально вытекала.

Давайте остановимся и напомним себе, что большинство из нас совсем не думает о последних словах, которые произнесет перед смертью. Конечно, не многим дано знать, каким образом они умрут. Но, как всегда бывает в кино, момент, когда придется их произнести, обязательно наступит. Вдруг вам повезет, и кто-нибудь будет рядом и услышит, что вы сказали напоследок. Независимо от того, как именно

они покидают этот мир, большинство людей хотят, чтобы их помнили. Поэтому обдумать свои последние слова жизненно необходимо. Когда смерть наступает с неизбежностью полуночи, сложно найти подходящие слова для прощания. Неважно, какие мучения испытывает человек, насколько он испуган, как быстро теряет кровь; последние минуты жизни — не время для импровизаций. Боль преходяща. Люди должны уметь ее терпеть. Я знаю, что говорю.

Следует также избегать неуклюжих и косноязычных высказываний, вроде тех, что слышишь от актеров на вручении премии «Оскар». Они пытаются разобрать написанное на клочках бумаги или салфетках или, что еще хуже, начинают мямлить в надежде, что небеса разверзнутся и им будет даровано красноречие. Небеса не разверзаются. Не разверзались и никогда не разверзнутся. Небеса — это фикция. Каждый человек должен подготовиться к собственному концу. У каждого фильма есть финал. У жизни он тоже должен быть.

Я очень люблю кино.

Последний совет: познайте себя. Я, например, выбираю жизни потому, что мне нравится слышать, как люди мучаются. Я наслаждаюсь мольбами и криками отчаяния. Иногда мне хочется, чтобы они оказались на моем месте.

Самые лучшие слова, которые я когда-либо слышал: «Ты будешь вечно страдать за то, что сделал».

Это была молодая мамочка, очень красивая и естественная. Не буду описывать, что я с ней сделал при помощи плоскогубцев и хлорки. Подробности ни к чему. Скажу лишь одно: некоторые люди просто не хотят умирать. Все выходные она стонала и кричала. Это было божественно.

И все-таки — чтобы поставить точку в моем рассказе — она ошибалась. К удивлению и огорчению многих, я радуюсь жизни и с надеждой встречаю каждый день, что бы вы там себе ни придумывали. Единственной неприятностью, которая со мной случилась, была потеря голоса, когда мне было два года. Вот и все. Мне перерезали горло, потому что я плакал и никак не хотел успокоиться; больше со мной ничего плохого не произошло. Я хотел разговаривать, как другие люди, но вынужден был подняться над своим желанием. Я ни у кого не искал сочувствия, и уж тем более не у собственной матери. Когда она разрешила этому ублюдку разрезать мое мягкое незащитное горлышко, оказалось, что она мертвая внутри. Я не мог никого позвать на помощь, хотя очень старался. Они просто оставили меня дышать.

Моими последними словами, насколько я помню, были: «Папочка, мне больно...»

Жалкое зрелище.

В день, когда я поджег их дом и слушал, как они вопят, моя жизнь началась заново. «Кто-нибудь, спасите нас! Мы горим!» Предсказуемо. Очень эгоистично и незамысловато. Да и черт бы с ними! Это были первые последние слова в моей коллекции.

Время от времени, когда то, что осталось от моей глотки, начинает корчиться в спазмах, мешая дышать и спать, я смотрю видеозаписи с людьми, которых убил. Это как сходить в кинотеатр. Какое напряжение, какие повороты сюжета!

Но последние слова — это всегда апофеоз.

Ричард Кристиан Мэтисон — писатель, автор романов и коротких рассказов, а также сценарист и продюсер. Президент Matheson Entertainment, компании, созданной его отцом, Ричардом Мэтисоном, которая в настоящее время занимается кино- и телепроектами.

Работал над полнометражными и телевизионными фильмами, в том числе в соавторстве с Ричардом Доннером, Айваном Райтманом, Джоэлом Сильвером, Стивеном Спилбергом, Брайаном Сингером и многими другими. Мэтисон написал и продал четырнадцать сценариев, что считается своеобразным рекордом.

По его сценариям были сняты: «Единственный выживший», мини-сериал производства Fox, по бестселлеру Дина Кунца; «Иллюзия», оригинальный фильм ужасов «Демон»; мрачный остросюжетный фильм для Showtime Networks и адаптация «Хроник Амбера» Роджера Желязны, четырехчасовой мини-сериал для канала SYFY Chanel.

Мэтисон также написал сценарий для паранормального мини-сериала на канале TNT «Маджестик», по мотивам книги Уитли Стрибера, после чего приступил к работе над сценарием «Драконов», мини-сериала, продюсером которого является Брайан Сингер. В соавторстве с Роджером Корманом Мэтисон разработал сетевой хоррор-проект «Сплаттер».

Некоторые его рассказы опубликованы в сборниках «Шрамы и другие особые приметы» (введение написал Стивен Кинг) и «Атопия». Его дебютная повесть «Создано...» была номинирована на премию Брэма Стокера, а рассказ «Ритуал иллюзии» — на премию PS Publishing.

О рассказе «Последние слова» Мэтисон говорит: «Идеализм нередко сочетается с черным сердцем. Это странное послание этого рассказа заключается в том, что в конце концов все должны быть услышаны и не забыты».

Стивен Джонс живет в Лондоне. Он лауреат трех Всемирных премий фэнтези, четырех премий Брэма Стокера, присуждаемой Почетной ассоциацией писателей, и обладатель трех наград Международной гильдии ужасов. Он является 21-кратным номинантом Британской премии фэнтези и премии Хьюго. В прошлом режиссер и продюсер на телевидении, агент по рекламе жанровых фильмов и консультант (первые три части «Восставших из ада», «Ночной народ», «Считанные секунды»), он написал и отредактировал более ста книг, в том числе «Коралина: зримый соучастник», «Справочник лучших монстров кино», «Ужасы: 100 лучших книг» и «Ужасы: 100 других лучших книг» (обе в соавторстве с Кимом Ньюманом), серии «Темный ужас», «Темный голос» и «Грандиозная книга лучших новых ужасов». Был почетным гостем Мировой конференции фэнтези — 2002 в Миннесоте и Мировой конференции ужасов — 2004 в Фениксе. Читал лекции в Калифорнийском университете, в Кингстонском университете Лондона и университетском колледже Святой Марии.

Его сайт: www.stephenjoneseditor.com.

Благодарности

Выражаю признательность за помощь и поддержку
Джо Флетчеру, Вэл и Лесу Эдвардс, Марлэн Делагри,
Чаку Веррилли, Мэнди Слейтер и Дороти Ламли.

Содержание

Предисловие

Что случилось с жанром ужасов? <i>Стивен Джонс</i>	7
Маленький зеленый бог страданий. <i>Стивен Кинг</i>	10
Трут, огниво и кремьень. <i>Кэтлин Р. Кирнан</i>	47
Привидения с зубами. <i>Питер Краутер</i>	65
Дочь гробовщика. <i>Энджела Слэттер</i>	129
Припасть к корням. <i>Брайан Ходж</i>	145
Скажи мне, что я снова тебя увижу. <i>Деннис Этчисон</i> ...	183
Музыка Бенгта Карлссона, убийцы. <i>Юн Айвиде Линдквист</i>	196
Недопонимание. <i>Рэмси Кэмпбелл</i>	242
Алиса в занавесье. <i>Роберт Ширмен</i>	264
Человек в придорожной канаве. <i>Лиза Татл</i>	313
Детская задачка. <i>Реджи Оливер</i>	336
Что-то темное и печальное. <i>Майкл Маршалл Смит</i>	402
Рядом с Зеннором. <i>Элизабет Хэнд</i>	422
Последние слова. <i>Ричард Кристиан Мэтисон</i>	503

Литературно-художественное издание

Для широкого круга читателей

Серия «Темная башня»

КНИГА УЖАСОВ

Составитель Стивен Джонс

Антология

Заведующий редакцией *Сергей Тишков*
Ответственный редактор *Мария Рожнова*
Технический редактор *Елена Кудиярова*
Корректор *Лидия Китс*
Верстка *Юлии Анищенко*

Подписано в печать 12.10.2016. Формат 84×108/32

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ 7533.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, к. 5

Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с электронных носителей издательства
ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь пр-т. Ленина, 5

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великодушных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Джон Стивенс, известный составитель хоррор-антологий, предлагает вашему вниманию великолепную коллекцию жутких историй. Необъяснимое, странное, леденящее кровь и пугающее до дрожи — все виды ужаса собраны под одной обложкой.

Четырнадцать новелл о том, чего действительно стоит бояться.

Стивен Кинг, Деннис Этчисон, Йон Айвиде Линдквист и другие классики «ужасной литературы» расскажут страшную сказку.

Итак, настало время возродить жанр хоррора для тех, кто понимает и ценит кошмарные истории. Каковы бы ни были ваши страхи, мы уверены, что вы встретитесь с ними на страницах этой книги.

Добро пожаловать в «Книгу ужасов»! Время ночных кошмаров пришло...

Джон Стивенс, двадцатикратный обладатель Британской премии фэнтези

Читатель, тебе обеспечены потрясающие бессонные ночи!

Crimetime

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-090642-0

9 785170 906420